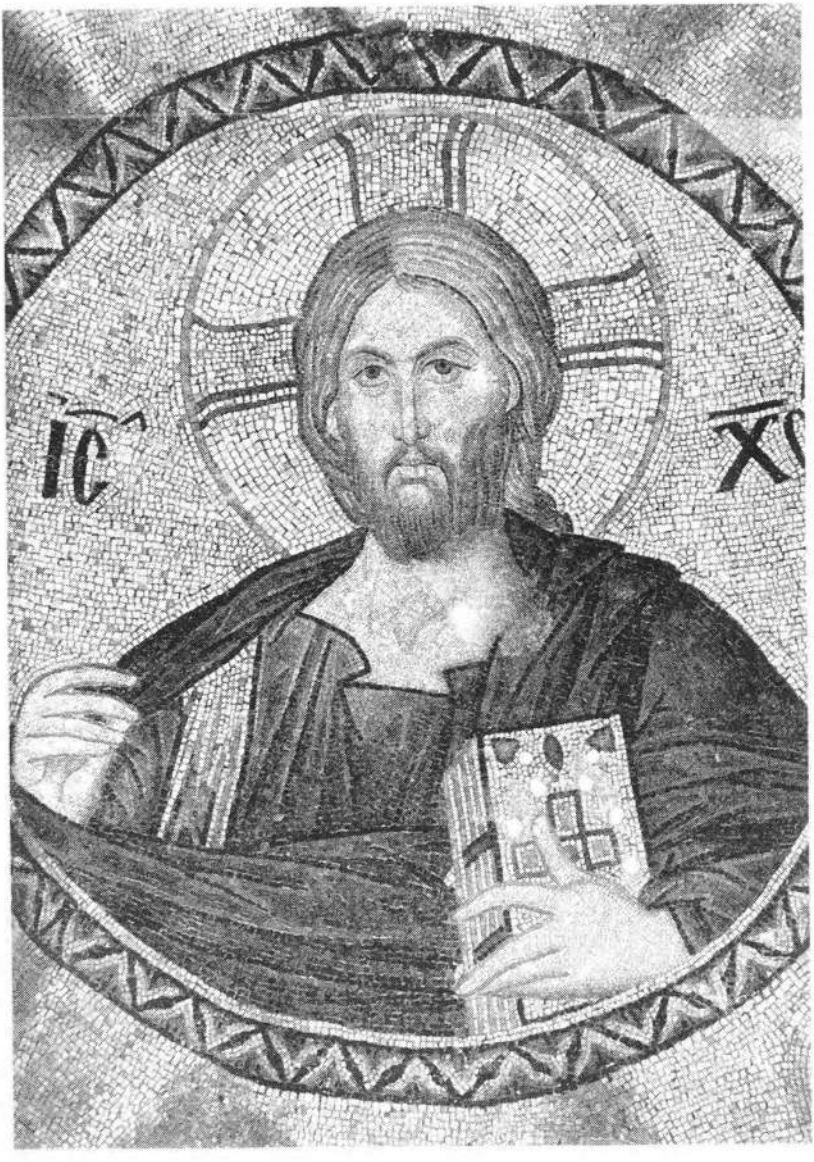
# Святые отцы о молитве и трезвении

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 14-403-0257


IC
X

# Святые отцы

## о

# молитве и трезвении

## или

## внимании в сердце к Богу

составил

Святитель
Феофан Затворник

Москва 2014

УДК 271.2 ББК 86.372 Ф 85 ISBN 978-5-94759-187-3

Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви ИС 14-403-0257

## ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Святитель Феофан составил этот сборник по желанию многих боголюбцев иметь в одной книге наставления разных святых о таком важном предмете, как молитва и трезвение.

«Дело молитвы есть первое дело в христианской жизни. Молитва — дыхание духа. Есть молитва — живет дух, нет молитвы — нет жизни в духе, — писал святитель Феофан своему адресату. — Сама молитва есть возникновение в сердце нашем одного за другим благоговейных чувств к Богу, — чувства самоуничижения, преданности, благодарения, славословия, прошения, сокрушения, покорности воле Божией, усердного припадания и проч.»

«Молитву, или устремление сердца к Богу, нужно возбудить и, возбужденную, укрепить, или — что то же — нужно воспитать в себе молитвенный дух». Для этого прекрасным подспорьем будет публикуемый нами сборник «**Святые отцы о молитве и трезвении или внимании в сердце к Богу**».

Каждому человеку полезно напитаться мудростью святых, укоренившихся в Святом Духе и научающих нас в своих писаниях, как достигать внутренней молитвенной тишины и богопредстояния.

© Оформление, оригинал-макет, «Правило веры», 2014

## ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемый сборник обязан своим происхождением следующему случаю. Некто из боголюбцев, любящих внимать себе и с Богом молитвенно беседовать, рассказывал о себе, что он, бывая вынужден иногда хлопотать много по хозяйству и по должности, всегда ослабевает во внимании и охлаждается в молитве. Как, говорит, ни скорбно это, но сладить с собою не бываю я в силах. Но потом, как только улучу свободное время, запираюсь в своей комнате и, положив конец всем делам и хлопотам, только молюсь, читаю и размышляю о Боге и вещах божественных. Милостив Бог, — прежнее настроение мирное опять возвращается. Читаю я в это время все только о молитве, то в одной, то в другой книге. Сказав это, он выразил желание, что хорошо было бы, когда бы все это собрано было в одну небольшую книжку. Тогда не для чего было бы рыться в разных книгах.

И се — собрано, хоть отчасти, но довольно достаточно для цели. Побуждением служило не одно желание означенного боголюбца, но особенно то, что и другие многие боголюбцы бывают в подобных же обстоятельствах, а книг тех, в которых пишется о молитве, не имеют под руками, чтобы почитать и восстановить в себе молитвенное настроение. Между тем такое чтение есть наилучшее средство к умиротворению ума и отрезвлению сердца. Почитает — и подогреет желание молитвы. Помолится, пока теплится сердце, — и опять за чтение, чтобы, подогревшись им, снова стать на молитву.

Вот по какому поводу и побуждению — этот сборник! Но и без того в нем всякий, желающий установиться в молитве, найдет потребное к тому наставление.

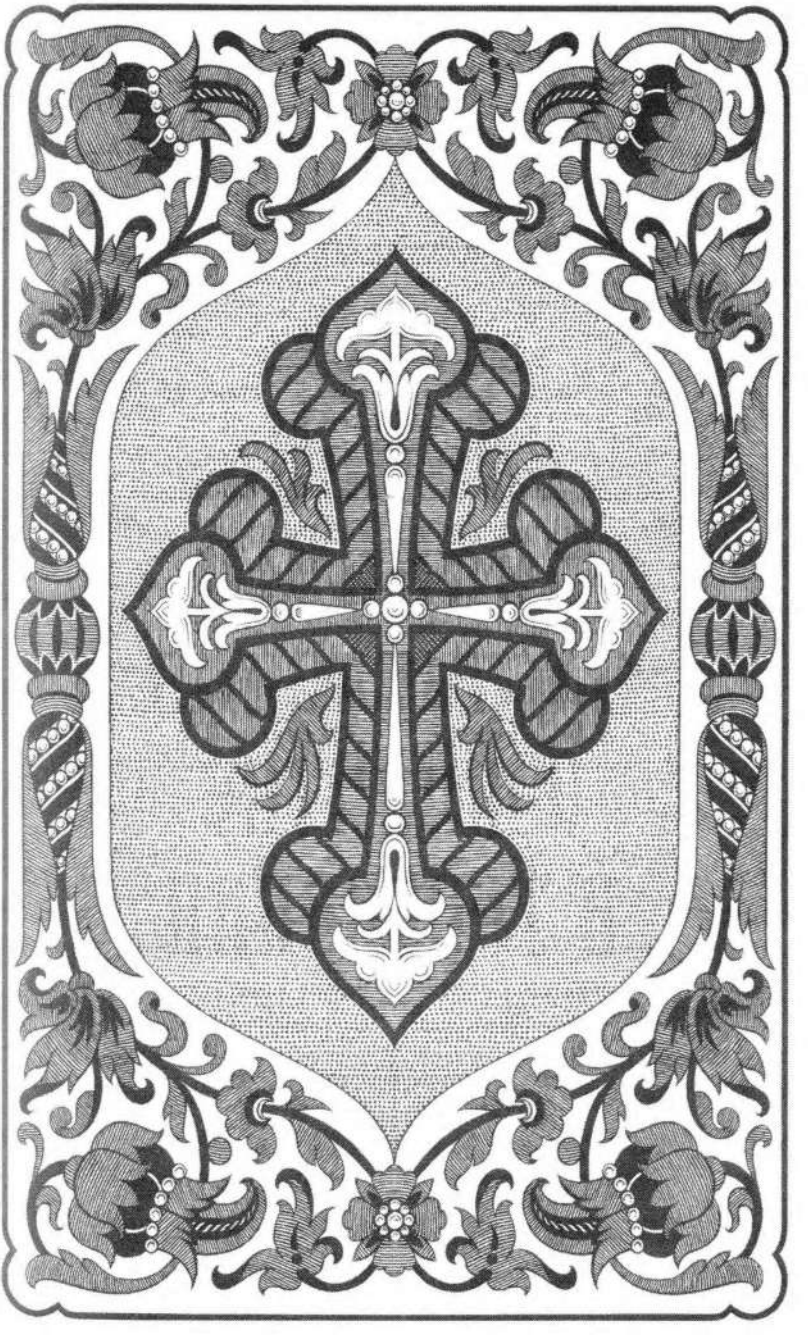
В нем все говорится о духе молитвенном. Что же касается до правил и чина молитвословного, то для этого нет нужды в особых наставлениях. Эти правила и чины указаны в церкви и исполняются всеми, даже и не так усердно внимающими молитве. Ходят в церковь и дома молятся по молитвенникам. И нет никого, мало-мальски себя помнящего, кто бы не исправлял каждодневно молитв как бы то ни было.

При всем том нельзя, однако ж, не дивиться, как так бывает, что целый век молимся, а молиться как должно все же не умеем. Предлагаемый сборник напомнит об этом, изображая достодолжную молитву, а кто возжелает достигнуть совершенства в ней, чтоб она и в его душе была достодолжною, того научит, как в сем успеть.

Иной, может быть, пожалеет, что сборнику не дана какая-нибудь система. Об этом была мысль. Но спрошен был один из великих молитвенников — святитель Божий, теперь уже блаженной памяти, — не лучше ли дать систему сборнику? Ответ получен такой: не идет к сему делу система. Система производится такими силами, которые находятся совсем в другой области, нежели в какой действуется молитва. Потому это будет смешение несродных стихий. Сборник составляется для назидания, а не для умствования. Ищущему же назидания не система нужна, а указание дела. У него свой в сердце созидается молитвенный строй, — и всякое вычитанное указание тотчас в сердце, а не в голове находит свое место. Система будет ему только мешать и даже охлаждать дело молитвы. Этому нельзя противоречить, — и сборник составлен без системы.

Сопровождаем его желанием, да даст Господь всем читающим найти в нем благопотребное для созидания в сердце их духа молитвенного.

*Епископ Феофан*



СВЯТОГО
ВАСИЛИЯ
ВЕЛИКОГО
НАСТАВЛЕНИЯ
О МОЛИТВЕ
И ТРЕЗВЕНИИ

1. Молитва есть прошение благ, воссылаемое благочестивыми к Богу. — Но надобно не в словах одних поставлять молитву, а паче в душевном расположении молитвенном. И молиться надобно всегда, при всяком случае. Сидишь ли за столом — молись; вкушая хлеб — воздай благодарение Давшему; подкрепляя немощь тела вином — помни Подавшего тебе дар сей на веселие сердцу и в облегчение недугов. Миновалась ли потребность в снедях — да не прекращается памятование о Благодетеле. Надеваешь хитон — благодари Давшего; облекаешься в одежду — усугубь любовь к Богу, даровавшему нам покровы, пригодные для зимы и лета, охраняющие жизнь нашу и закрывающие наше безобразие. Прошел ли день — благодари Даровавшего нам солнце для отправления дневных дел и Давшего огонь освещать ночь и служить для прочих житейских потреб. Ночь пусть доставит тебе

другие побуждения к молитве. Когда воззришь на небо и устремишь взор на красоту звезд, молись Владыке видимого и поклонись наилучшему Художнику всяческих, Богу, Который *вся премудростию сотворил* (Пс. 103, 24). Когда увидишь, что вся животная природа объята сном, опять поклонись Тому, Кто посредством сна и против воли нашей разрешает нас от непрерывности трудов, и чрез малое успокоение опять приводит в бодрость силы. Поэтому ночь не вся да будет у тебя уделом сна, — не попускай, чтобы от сонного бесчувствия сделалась бесполезною половина жизни; напротив, ночное время да разделится у тебя на сон и на молитву. Таким образом непрестанно будешь молиться, не в словах заключая молитву, но чрез все течение жизни приближаясь к Богу, чтобы жизнь твоя была непрерывною и непрестанною молитвою [4, 68, 69]*.

**2.** На всякое призывание тебя к молитве отвечай: *готово сердце мое* <Пс. 56, 8>, и до последней молитвы будь на богослужении, почитая великим ущербом оставить молитву. Ибо если, вкушая пищу для подкреп-

* В цитатах из творений св. Василия Великого первая цифра в квадратных скобках указывает том, а вторая — страницу по русскому переводу.

ления своей плоти, остаешься безвыходно за трапезой, пока не удовлетворишь потребности, и без большой необходимости не легко выйдешь из-за стола, — то не тем ли паче должен ты до конца оставаться во время духовного питания и укреплять душу молитвою? Ибо сколько разности у неба с землею и у небесного с земным, столько же разности у души с телом. Душа — подобие неба, потому что в ней обитает Господь; а плоть — из земли, на которой обитают смертные люди и бессловесные животные. Поэтому нужды телесные соразмеряй с часами молитв и приготовься не слушаться помысла, который отвлекает тебя от общего молитвословия. Ибо у диавола в обычае — в часы молитвы, под предлогом благовидной конечно причины, побуждать нас к отлучке, чтобы благовидно отвлечь нас от молитвы. Не говори в извинение: у меня болит голова, болит живот, представляя неизвестных свидетелей небывалой болезни и для упокоения ослабляя в себе усилие ко бдению. Напротив того, совершай еще и тайные молитвы, которые Бог видит *в тайне*, и за которые *воздаст тебе яве* (Мф. 6, 6). [5, 59—60].

3. Вся жизнь да будет временем молитвы. Но поелику напряженности псалмо-

пения и коленопреклонения надобно давать отдых некоторыми перерывами, то всего более должно соображаться с теми часами, которые употребляемы были на молитву святыми в образец нам. Так великий Давид говорит: *полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея* (Пс. 118, 62). А ему, как видим, последуя, Павел и Сила *в полунощи* хвалят Бога в темнице (Деян. 16, 25). Потом тот же Пророк говорит: *вечер и заутра и полудне повем и возвещу* (Пс. 54, 18). Но и в третий час совершается пришествие Духа Святого, как знаешь из Деяний (2, 15). Девятый час напоминает страдание Господне, совершившееся нашей ради жизни. Но поелику Давид говорит: *седмерицею днем хвалих Тя о судьбах правды Твоея* (Пс. 118, 164), а помянутые времена молитвы не наполняют собою седмеричного числа молитв, то полуденную молитву надо разделить на молитву пред принятием пищи и на молитву по принятии оной, чтобы и нам, при каждом круговращении дня, служило образцом сие правило: *седмерицею днем хвалить Бога* [5, 74].

**4.** Для прочего всему свое есть время, по слову Екклесиаста: *время всякой вещи* (3, 1); но для молитв и псалмопения пригодно всякое время. Почему, и между тем,

как движешь руку на дело, *или* языком, когда возможно сие, лучше же сказать, когда полезно к созиданию веры, *или*, если то невозможно, сердцем *во псалмех и пениих и песнех духовных* <Еф. 5, 19> воспевай Бога, и между делом совершай молитву, *как* благодаря Того, Кто дал силу рук на дела и мудрость ума на приобретение знания, Кто дал вещество, из которого сделаны орудия, *так* моля направить дела рук наших к цели благоугождения Богу. Таким образом достигнем собранности, когда, по сказанному, при всяком действии будем у Бога просить успеха в делании, воздавать благодарение Давшему деятельную силу и соблюдать цель благоугождения Ему. Ибо, если не употребим при этом сего способа, то как может быть совмещено сказанное у Апостола: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17); и: *нощь и день делающе* (2 Сол. 3, 8)? [5, 177—178].

**5.** Не должно пренебрегать установленные времена молитв, потому что каждое из них особенным образом напоминает о благах, подаваемых от Бога. Так не должно пренебрегать утра, чтобы первые движения души и ума посвящаемы были Богу, чтоб мы ничем другим не озабочивались, пока не возвеселены мыслию о Боге, по написанному:

*помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4), чтоб и тело не приводили в движение для делания, пока не исполним сказанного: *заутра услыши глас мой; заутра предстану Ти, и узриши мя* (Пс. 5, 4). И в третий час должно вставать на молитву, воспоминая дар Духа, данный в третий час Апостолам, чтобы и нам сделаться достойными принятия святыни, и испросить у Духа руководства и учения на пользу, подражая сказавшему: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего и Духом владычним утверди мя* (Пс. 50, 12—14). Потом опять приниматься за дела. В шестой же час признали мы необходимым в подражание святым молиться, говоря: *вечер и заутра и полудне повем и возвещу, и услышит глас мой* (Пс. 54, 18), а чтоб избавиться и беса полуденного — читая вместе и 90-й псалом. О том же, что девятый час нужен нам на молитву, предано нам самими Апостолами в книге Деяний, где повествуется, что *Петр и Иоанн восхождаста во святилище на молитву в час девятый* (Деян. 3, 1). А по окончании дня нужны как благодарение за

то, что в день сей дано нам или благоуспешно нами исполнено, так исповедание в том, что, чего мы не выполнили, произвольно ли было наше прегрешение, или непроизвольно, или даже тайно, состояло ли оно в словах, или в делах, или заключалось в самом сердце; за все должны мы умилостивить Бога молитвою. Ибо обозрение прошедшего весьма полезно, чтоб снова не впадать нам в подобные грехи, почему и сказано: *яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитеся* (Пс. 4, 5). Но опять и при наступлении ночи нужно просить, чтобы упокоение наше было непреткновенно и свободно от мечтаний, читая и в этот час 90-й псалом. А что и полночь нужна нам на молитву, это передал Павел и Сила, как сказует история Деяний, говоря: *в полунощи же Павел и Сила молящася, пояху Бога* (16, 25); и Псалмопевец, говоря: в *полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея* (Пс. 118, 62). Опять надобно вставать на молитву и предваряя утро, дабы день не застал нас во сне и на ложе, по словам сказавшего: *предваристе очи мои ко утру, поучитися словесем Твоим* (Там же, ст. 144). Тем, которые решились жить тщательно во славу Бога и Христа Его, не надобно

пренебрегать ни одного из сих времен [5, 178—180].

6. Как достигнуть нерассеянности в молитве? — Несомненно убедившись, что Бог пред очами. Если тот, кто видит пред собою начальника или настоятеля и беседует с ним, не отвращает от него взора, то кольми паче молящийся Богу (с показанным убеждением) будет иметь ум, не уклоняющийся от Испытующего сердца и утробы, исполняя написанное: *воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8). [5, 310].

7. Можно ли достигнуть нерассеянности во всем и во всякое время, и как сего достигают? — Что сие возможно, показал тот, кто сказал: *очи мои выну ко Господу* (Пс. 24, 15); и: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). А как сие возможно, о том сказано выше, — именно же: для сего не должно давать душе времени быть праздною от помышления о Боге и о Божиих делах и дарах, также от исповедания и благодарения за все (Там же).

8. Какая это *клеть*, в которую Господь повелевает войти молящемуся (Мф. 6, 6)? — *Клетию* обыкновенно называется

пустая и отдельная храмина, в которую кладем, что хотим сохранить, или в которой можно скрыться. А силу заповеди объясняет самый предмет речи, потому что она обращена к страждущим недугом человекоугодия. Почему если кого беспокоит сей недуг, то прекрасно он делает, устраняясь и уединяясь в молитве, пока не будет в состоянии приобрести навык не обращать внимания на похвалы людские, а взирать только на Бога, по примеру сказавшего: *се, яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему* (Пс. 122, 2). Но если кто, по благодати Божией, чист от недуга сего, то нет ему надобности скрывать прекрасное; чему научая, Сам Господь говорит: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрыя дела ваша и прославят Отца вашего Иже на небесех* (Мф. 5, 16). Тот же смысл заповеди о милосердии и о посте, о которых говорится в том же месте, и вообще о всяком деле благочестия [5, 355].

**9.** Что значит: *пойте разумно* (Пс. 46, 8)? Что в рассуждении снедей ощущение качества каждой снеди, то в рассуждении слов Писания разумение. Ибо сказа-

но: *гортань брашна вкушает*, ум* же *словеса рассуждает* <Иов 34, 3>. Посему если у кого душа так чувствительна к силе каждого слова, как вкус чувствителен к качеству каждой снеди, то он исполнил заповедь, которая говорит: *пойте разумно* [5, 356].

**10.** По какой причине человек теряет всегдашнее памятование о Боге? — Если он не памятует благодеяний Божиих и оказывается несознательным пред благодетелем [5, 364].

**11.** Молитву должно всему предпочитать. Марфа принимает (заботится угостить) Господа, а при ногах Его сидит Мария. В обеих сестрах видно прекрасное усердие; но ты различай дела. Господь одобрил усердие обеих женщин; но Марию предпочел Марфе. Марфа — образ деятельного служения другим; Мария — образ созерцательного предстояния Богу в молитве. Подражай чему хочешь; тем и другим приобретешь плод спасения; впрочем, последнее выше первого. *Мария благую часть избра* (Лк. 10, 42). Если и ты хочешь быть таинником Христовым, сядь при ногах Его и пребывай в молитвенном созерцании Его [5, 379—381].

---

* В славянском: *ухо*; но и святой Златоуст читает: *ум*.

12. Молитва имеет два вида: первый — славословие с смиренномудрием, а второй, низший, — прошение. Посему, молясь, не вдруг приступай к прошению: в противном случае сам о своем произволении даешь всем знать, что молишься Богу, вынужденный потребностию. Поэтому, начиная молитву, оставь себя самого, жену, детей, расстанься с землею, минуй небо, оставь всякую тварь, видимую и невидимую, и начни славословием все Сотворшего; и, когда будешь славословить Его, не блуждай умом туда и сюда, не баснословь по-язычески, но выбирай слова из Святых Писаний и говори: благословляю тебя, Господи, долготерпеливого и незлобивого. Для того, Господи, Ты молчишь и терпишь нас, чтобы мы славословили Тебя, домостроительствующего спасение рода нашего, и подобное. Когда же кончишь славословие, по мере сил твоих заимствованное из Писаний, и возошлешь хвалу Богу, тогда начни со смиренномудрием и говори: недостоин я, Господи, говорить пред Тобою, потому что весьма грешен, более всех грешников грешен я. Так молись со страхом и смиренномудрием. Когда же совершишь обе эти части славословия и смиренномудрия, тогда проси уже, чего должен ты просить, то есть

не богатства, не славы земной, не здравия телесного, потому что Он Сам знает, что полезно каждому; но, как повелено тебе, проси Царствия Божия. Царь наш преименит и негодует, если кто попросит у Него какой малости, если кто из нас просит у Него недостойного. Поэтому молитвою своею не наведи на себя негодования, но проси себе того, что достойно Царя Бога [5, 381—383].

13. Прося того, что достойно Бога, не переставай просить, пока не получишь. На сие наводя мысль, Господь сказал притчу о выпросившем в полночь хлебы у друга своею неотступностию (Лк. 11, 5—8). Господь представляет нам пример сей, чтобы научить нас быть неослабными и неотступными в молитве с верою, не теряя надежды и не отчаиваясь, если не вдруг получим просимое. Хотя пройдет месяц, и год, и трехлетие, и большее число лет, — пока не получишь, не отступай, но проси с верою, непрестанно делая добро [5, 384].

14. Итак, проси неотступно Бога о всем касающемся спасения твоего и преуспеяния в добре, и непременно получишь. Но при сем ведай, что ты и с своей стороны должен делать все посильное; к Богу же вопиять о помощи, чтобы Он был тебе помощни-

ком. Ибо если кто по непостоянству сам предается похотениям (противным заповедям), то Бог не помогает ему и не слушает его молитв, потому что он предварительно сделал себя чуждым Бога чрез грех. Кто хочет иметь помощь от Бога, тот не изменяет обязанности; и кто не изменяет обязанности, тот никогда не бывает оставлен без Божия вспомоществования. Поэтому не должно доводить себя до того, чтоб его осуждала в чем-либо собственная совесть, и в таком состоянии призывать Божию помощь [5, 385].

15. Призывать же ее должно не с нерадением, не умом скитающимся там и здесь. Такой не только не получит просимого, но еще более преогорчит Владыку. Если и тот, кто стоит и ведет речь пред князем, стоит с великим страхом, не дозволяя блуждать как внешнему своему оку, так и внутреннему, душевному, чтобы не подвергнуться опасности, то не тем ли паче со страхом и трепетом надо стоять пред Богом, весь ум устремляя к Нему единому, а не к чему-либо иному? Потому что Он не только подобно людям видит внешнего человека, но прозирает и во внутреннего. Посему, если будешь стоять пред Богом как надобно и с своей стороны все сделаешь, то не переставай про-

сить просимого тобою, и несомненно получишь (Там же).

16. Если будешь осуждаем совестию своею, как презритель заповедей Божиих, и если будешь стоять на молитве рассеянно, когда бы мог стоять и нерассеянно, то не дерзай стоять пред Богом, чтобы молитва твоя не обратилась в грех. Если же ты стараешься, но не успеваешь молиться без развлечения, то принуждай себя сколько станет сил и продолжай стоять пред Богом, к Нему обращая ум и собирая его в себя самого, и Бог простит тебе, потому что не из пренебрежения, но по немощи не имел ты сил стоять пред Богом как должно. Потому, если так будешь себя принуждать ко всякому делу благу, не переставай просить, пока не получишь просимого тобою, но терпеливо толкай в дверь Его, прося просимого. *Всяк бо,* сказано, *просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется* (Лк. 11, 10). Ибо, чего иного желаешь ты сподобиться, как не единого спасения в Боге? [5, 386].

17. Но говоришь: много раз просил я, и не получил просимого. — Без сомнения не получил ты потому, что просил худо — с неверием и рассеянно или просил неполезного тебе. А если и полезного просил, то не

имел постоянства. Ибо написано: *в терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19); и: *претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22). [5, 388].

**18.** Бог знает сердце молящихся. Поэтому говоришь: какую нужду имеет Бог в нашем прошении? Разве не знает Он, в чем имеем нужду? Посему, какая нужда в прошении? — Бог знает, что нам нужно, и все телесное щедро подает в наслаждение наше, еще прежде прошения нашего; будучи благ, *дождит* Он *на праведныя и на неправедныя, и солнце Свое сияет на злыя и благия* (Мф. 5, 45). — Но веры, добродетели, достойной сего имени, Царства Небесного, если не будешь просить с трудом и многим терпением, не получишь, потому что должно прежде пожелать, а пожелав — искать деятельно в вере и терпении, употребив с своей стороны все, так чтобы ни в чем не осуждала собственная совесть, будто бы просишь или нерадиво, или лениво; и тогда уже получишь, если угодно сие Богу. Ибо Он лучше тебя знает, что полезно тебе (Там же).

**19.** И может быть, — для того медлит Он даровать тебе просимое, чтобы заставить тебя неотлучнее пребывать пред Ним и чтобы ты, узнав, что такое дар Божий

(как трудно достается), со страхом хранил его. Ибо все, что приобретает кто со многим трудом, старается он сохранить, чтоб, потеряв то, не потерять и многого труда своего и, отринув благодать Божию, не сделаться недостойным жизни вечной. Посему не малодушествуй, если не скоро получаешь просимое. Ибо если бы благий Господь видел, что ты, скоро получив дар, не утратишь его, то готов был бы даровать оный и прежде твоего прошения. А теперь из попечительности о тебе делает Он это (то есть не дает). Ибо, если принявший талант и сохранивший его в целости осужден за то, что не пустил его в оборот, то не тем ли паче осужден будет утративший его? [5, 389].

20. Посему, зная это, получаем ли скорее или медленнее, — пребудем благодарными Господу: потому что все, что ни делает Владыка, домостроительствует во спасение наше; только ты да не будешь из малодушия прекращать прошения. Ибо Господь для того и сказал притчу о вдовице, которая своею неотступностию преклонила беззаконного судию, чтобы и нас научить своею неотступностию достигать получения по прошениям своим. В этом выказывается и вера наша, и любовь к Богу, когда и не скоро

получая пребываем благодарными Ему. Будем же всегда благодарить Его, чтобы сделаться достойными сподобиться вечных благ Его [Там же].

21. Прежде всего должны мы всеми мерами удерживать помысл, установив над ним трезвенный надзор ума, чтобы не дозволять душе предаваться необузданным стремлениям по влечению тела. Как телесное зрение — в глазе, так око души — в прирожденном ей уме. Когда душа, приводя в движение свою умную силу, какая естественно вложена в нее сотворшею ее Святою Троицею, желает должного и надлежащего, тогда избегает она нападений тела, предусматривая и обуздывая беспорядочные его движения, блюдет в себе приличную ей тишину и, среди безмолвного упразднения от всего, занимается свойственными ей созерцаниями; и сие делает, по возможности возводя внимательный взор к достопоклоняемой Троице и помышляя о неприступности Божией славы, по преизбытку ее сияния, о светлости Богоблаженства, о беспредельной Его премудрости, о мире в Нем, глубоком и ничем не возмутимом, о Его естестве бесстрастном и ни от чего не приходящем в движение. Когда душа, соблюдая мысленную силу свою в трезвении

и свойственных ей деланиях, установится в описанных всеми созерцаниях, тогда она и нрав свой, и стремления свои будет сильно направлять на то, что право и праведно, прекрасно и миротворно. Коль же скоро она перестанет устремлять ум свой горе и углубляться в надлежащие созерцания, тогда телесные страсти, как псы, оттолкнувшие надсмотрщика, тотчас с силою восстают и нападают на душу, — и каждая страсть усиливается истерзать ее. Когда душа сделает свою созерцательную и разумную силу всегда бодрственною, то усыпляет телесные страсти двояким образом, то есть и тем, что бывает занята созерцанием лучшего и сродного, и тем, что, надзирая за безмятежием тела, уцеломудривает и утишает его страсти. Если же, возлюбив леность, оставит созерцательную силу в недеятельности, то телесные страсти легко увлекают душу к своим стремлениям и действиям [5, 390—392].

22. Есть два способа, коими непристойные мысли вытесняют помыслы добрые: бывает сие или потому, что душа по собственному нерадению начинает блуждать мыслями около того, что непристойно, от одних мечтаний переходя к другим, более бессмысленным; или сие бывает по навету диавола,

когда он успевает представить уму предметы неуместные и отвесть его от созерцания и внимательного рассмотрения предметов похвальных. Когда душа сама, расстроив собранность и напряжение мысли, приводит себе на память всякие пустые вещи, и оставляет помысл бессмысленно и неразумно носиться по тем воспомянутым вещам, и, на них насмотревшись, переходит к дальнейшим блужданиям по вещам нередко неуместным и срамным: тогда такую распущенность и такое рассеяние души должно исправлять, усиленным напряжением воли восстановляя внимание ума и заставляя его тут же заняться созерцанием предметов добрых. Когда же диавол покушается наветовать и усильно напрягается в безмолвствующую и мирствующую в себе душу впустить свои, как разжженные стрелы, помыслы, чтоб, внезапно обжегши ее, заставить долее и неотразимее продержать на них помыслы: тогда, — отражая и предотвращая такие нападения напряженным вниманием и трезвением, подобно борцу, который зорким наблюдением и проворством телодвижений успевает избегать удара, — надобно предать молитве и призыванию споборания свыше всё, — и прекращение брани, и отражение стрел. Сему

научает нас Павел, говоря: *над всеми же сими восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити* (Еф. 6, 16). Посему, если и во время самых молитв враг будет влагать лукавые мечтания, душа да не перестает молиться и да не почитает собственными своими произращениями эти лукавые всеяния врага, эти фантазии неистощимого в кознях чудодея; но, рассудив, что появление непотребных мыслей бывает в нас по безотвязности изобретателя лукавства, тем усиленнее да припадает к Богу и да молит Его рассыпать лукавое средостение, воздвигаемое памятию неуместных помыслов, дабы стремлением ума своего беспрепятственно всегда восходить к Богу, не бывая пресекаемым нападениями лукавых воспоминаний. Если и продолжится таковое насилие помыслов, по безотвязности воюющего с нами, то и в таком случае не должно приходить в отчаяние и не оставлять подвига на половине дела, но терпеливо пребывать в молитве дотоле, пока Бог, видя нашу твердость, не озарит нас благодатию Духа, обращающею в бегство наветника, очищающею и наполняющею божественным светом ум наш, и даю-

щею помыслу нашему силу в неволненной тишине служить Богу [5, 424—426].

**23. От природы в нас есть вожделение прекрасного.** — Но что досточуднее Божией красоты? Какое представление приятнее Божия благолепия? Какое желание душевное так живо и неудержимо, как желание, порождаемое Богом в душе, очищенной от всего худого, которая с истинным расположением говорит: *уязвлена есть любовию* (Песн. 2, 5)? Подлинно неизреченны и неописанны молниеносные блистания Божией красоты; ни слово не может выразить их, ни слух вместить. Наименуем ли блеск денницы, или светлость луны, или сияние солнца, — все это недостойно явить и малое подобие славы Божией, и в сравнении с истинным Светом далее отстоит от Него, нежели глубокая ночь и ужаснейшая тьма от полуденной ясности. Если красота сия, незримая телесными очами, а постижимая только душою и мыслию, озаряла кого-нибудь из святых и оставляла в нем неудержимое уязвление любви, то, тяготимые здешнею жизнию, говорили они: *увы мне, яко пришельствие мое продолжися* (Пс. 119, 5). *Когда прииду и явлюся лицу Божию? Возжада душа моя к Богу крепкому* (Пс. 41, 3). Столько были

неудержимы в стремлении к Богу те, которых души коснулось божественное желание. По причине ненасытного желания созерцать Божественную доброту, они молились о том, чтобы зрение красоты Божией простиралось на всю вечность (Пс. 26, 4). [5, 100—101].

24. Мы по природе имеем любовь и расположение к благодетелям и готовы бываем на всякий труд, чтобы воздать за оказанное нам благодеяние. — Но какое слово может изобразить Божии дары? Они таковы по множеству, что превышают всякое число; так велики и важны по качествам, что достаточно и одного, чтобы обязать нас ко всякой благодарности Подателю. Умолчу о тех из них, которые, хотя сами по себе и чрезмерны величием и привлекательностию, однако же, превышаемые светозарностию бóльших, как звезды сиянием солнечных лучей, не так ясно выказывают свою благотворность. Ибо нет времени, оставив превосходнейшее, измерять благость Благодетеля меньшими Его дарами. Поэтому пусть будут преданы молчанию восхождение солнца, круговращение луны, благорастворение воздуха, смены годовых перемен, вода из облаков, вода из земли, самое море и вся земля, рождающееся из земли, живущее в водах, роды

живых тварей в воздухе, тысячи различий между животными, все назначенное на служение нашей жизни. Но одного, хотя бы кто и захотел, нельзя миновать, об одном даже совершенно невозможно молчать тому, кто имеет здравый ум и слово, — именно о том, что Бог, сотворив человека по образу Своему и подобию, удостоив ведения о Себе, украсив пред всеми животными даром слова, дав ему наслаждаться безмерными красотами рая, поставив его князем над всем, что на земле, и после того, как перехищрен быв змием, ниспал он в грех, а чрез грех в смерть и во все, что достойно смерти, — не презрел его, но ***сперва*** дал ему закон, для охранения его и попечения о нем приставил Ангелов, для обличения порока и научения добродетели посылал Пророков, порочные стремления пресекал угрозами, усердие к добрым делам возбуждал обетованиями; а ***потом***, когда мы, и при всех таких пособиях, оказались неисправимыми, благоволил воззвать нас от смерти и оживотворить в Господе нашем Иисусе Христе предивным некиим домостроительством. Ибо Он, *во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим* (Флп. 2, 6—7), — восприял на Себя и наши немо-

щи, понес болезни, был язвен за нас, чтобы мы *язвою Его исцелели* (Ис. 53, 5), *искупил ны есть от клятвы, быв по нас клятва* (Гал. 3, 13), претерпел поноснейшую смерть, чтобы нас возвести к славной жизни, и не удовольствовался тем, но еще даровал нам достоинство причастия Божества, уготовал вечные упокоения, великостию утешений превышающие всякую человеческую мысль. — *Что убо воздадим Господеви о всех, яже воздаде нам?* (Пс. 115, 3). — Когда все сие привожу себе на мысль, тогда (откроюсь в своей немощи) прихожу в какой-то ужас и страшное исступление от боязни, чтобы по невнимательности ума или по причине занятия суетным, отпав от любви к Богу, не сделаться мне некогда укоризною Христу. Ибо тот, кто ныне обольщает нас и мерзкими приманками всемерно старается произвести в нас забвение о Благодетеле к погибели душ наших, тогда сие забвение наше обратит в укоризну Господу, хвалясь нашею непокорностию и нашим отступничеством; потому что он не сотворил нас и не умер за нас, однако же имел нас своими последователями в непокорности и нерадении о заповедях Божиих. Эта укоризна Господу и эта похвальба врага для меня кажутся тяжелее

геенских мучений — врагу Христову послужить поводом ко превозношению пред Тем, Кто за нас умер и воскрес [5, 102—104].

25. Надобно *всяким хранением блюсти свое сердце* (Притч. 4, 23), чтобы никак не терять мысли о Боге, и памятования о чудесах Его не осквернять представлениями суетного, но святую мысль о Боге, постоянным и чистым памятованием напечатленную в душах наших, всюду носить с собою, как неизгладимую печать. Ибо таким образом приобретается нами любовь к Богу, которая и возбуждает к исполнению заповедей Господних, и вместе опять сама ими соблюдается, делаясь непрерывною и непоколебимою. [5, 109].

26. Во всяком предстоящем нам деле волю Повелевшего должно поставлять для себя целию и по оной направлять тщательность свою, как и о Себе говорит Господь: *снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Ин. 6, 38). Ибо, как необходимые в жизни искусства, предположив некие свойственные им цели, к ним направляют частные действия, так, поелику и нашим делам положены один предел и одно правило — исполнять заповеди благоугодно Богу, то не иначе можно

преуспеть с точностию в деле, как совершая оное по воле Давшего заповеди. А при строгой тщательности совершать дело по воле Божией возможно будет чрез памятование вступить в единение с Богом. Христианин всякое действие, маловажное и важное, должен соображать с волею Божиею, и вместе хранить мысль о Том, Кто повелел так поступать. А кто в деле своем нарушает точность заповеди, тот, очевидно, слабо памятует о Боге. Посему, помня слова Сказавшего: *еда небо и землю не Аз наполняю* (Иер. 23, 24), и еще: *Бог приближаяйся Аз есмь, а не Бог издалеча* (23), — надобно всякое дело совершать, как бы оно делалось пред очами Господа, и всякую мысль слагать, как бы Господь назирал ее. В таком случае и всегдашний страх будет, и любовь усовершится [5, 109—111].

**27. Откуда рассеянность и помыслы? И как их приводить в порядок?** — Рассеянность происходит от праздности ума, незанимающегося необходимым. А ум остается в праздности и беспечности от неверия в присутствие Бога, испытующего сердца и утробы. Ибо если кто поверит сему, то, без сомнения, сделает сказанное: *предзрех Господа предо мною, яко одесную мене есть,*

*да не подвижуся* (Пс. 15, 8). А кто достиг сего и подобного сему, тот никогда не осмелится и не будет иметь досуга помыслить что-либо не клонящееся к созиданию веры, хотя бы казалось это и хорошим, а не только что-нибудь запрещенное и неугодное Богу [5, 225].

**28.** Каким образом преуспеть в нерассянности? — Если кто усвоит себе мысли избранного Давида, который говорил — иногда: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8), — иногда же: *очи мои выну ко Господу, яко Той исторгнет от сети нозе мои* (Пс. 24, 15), — а иногда: *се, яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему* (Пс. 122, 2). И чтобы малым примером озаботить нам себя к тщательнейшему приобретению важнейшего, пусть каждый размыслит сам с собою, как он ведет себя в присутствии других, хотя бы и равных себе, как старается достигнуть того, чтобы не осудили чего в уменье его держать себя, в походке, в движении каждого члена и в выговоре. Но как пред людьми стараемся соблюдать видимое для людей, так и гораздо еще более, *кто*

несомненно уверен, что имеет зрителями — Бога, по написанному, *испытующего сердца и утробы* (Пс. 7, 10), — и Единородного Сына Божия, исполняющего обетование: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20), — и Святого Духа, Который управляет нами, разделяет дарования и действует в нас, — и Ангелов-Хранителей каждого из нас, по сказанному Господом: *блюдите, да не презрите единаго от малых сих: глаголю бо вам, яко ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небеснаго* (Мф. 18, 10); *тот* возлагает на себя важнейший и труднейший подвиг, как благочестие свое сделать богоугодным; и таким образом сильнее и совершеннее утверждается в нем нерассеянность, особенно же если постарается исполнить сказанное: *благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих* (Пс. 33, 2), чтобы, при неослабном и непрестанном созерцании славы Божией, ум не находил и времени к рассеянию [5, 372—373].

**29.** Отчего бывает, что в уме как бы оскудевают благие помыслы и попечения, угодные Богу? и как предохранить себя от этого? — Поелику Давид говорит: *воз-*

*дрема душа моя от уныния* (Пс. 118, 28), то видно из сего, что бывает это от душевной дремоты и от бесчувствия. Ибо в душе бодрственной и трезвящейся не оскудевают и попечение, угодное Богу, и помысл благий, а напротив того: видит она, что сама для них недостаточна; потому что если око телесное недостаточно к рассмотрению каких-либо немногих Божиих созданий и не насыщается, посмотрев на что-либо однажды, но и, непрестанно рассматривая одно и то же, не перестает, однако же, смотреть: то тем паче душевное око, если оно бодрственно и трезвенно, недостаточно к созерцанию Божиих чудес и судеб. Ибо сказано: *судьбы Твоя бездна многа* (Пс. 35, 7), — и в другом месте: *удивися разум Твой от мене, утвердися, не возмогу к нему* (Пс. 138, 6), — и многое подобное сему. Если же оскудевает в душе благий помысл, то явно, что оскудевает в ней также просвещение, не по оскудению просвещающего, но от дремоты того, что должно быть просвещено [5, 254].

**30.** Блаженна душа, которая день и ночь не имеет другого попечения, кроме сего одного, как в великий тот день, когда вся тварь предстанет Судии дать отчет в делах своих и ей не затрудняясь ответить за жизнь

свою. Кто имеет у себя пред глазами этот день и час и всегда помышляет об оправдании на непогрешимом судилище, тот или вовсе не согрешит, или согрешит весьма мало, потому что грешим мы по отсутствию в нас страха Божия. А в ком ясно напечатлено ожидание угрожающего, тому живущий в нем страх не даст времени впадать в поступки или помышления необдуманные. Итак, помятуй о Боге, имей в сердце страх Божий и всех призывай в общники и пособники молитвенные, ибо велика помощь от тех, которые могут умилостивить Бога. И ты не переставай делать это. Ибо молитва их будет нам: и пока живем — добрым помощником в жизни сей, и когда будем отходить отселе — послужит достаточным напутствием к будущему веку. Но как попечение о будущем ответе есть дело доброе, так, опять, малодушие и безнадежие принадлежат к предметам душепагубным. Уповай на благость Божию и ожидай от Бога заступления, зная, что если обращаемся к Нему как должно и искренно, то Он не только не отринет нас вовсе, но, пока еще произносим слова молитвы, скажет: *Се Аз!* [6, 357—358].

31. *Поклонитеся Господеви во дворе святем Его* (Пс. 28, 2). Двор Госпо-

да — Святая Церковь. Надобно поклонять-ся Господу не вне святого двора сего, но находясь внутри его, чтоб, оставаясь вне и увлекаясь внешним, не превратить в ничто пребывания своего во дворе Господа. Ибо многие по наружности стоят на молитве, но не суть во дворе, потому что мысль их носится туда и сюда и ум развлечен суетною заботою [1, 232].

**32. В** *храме Его всякий глаголет славу* (Пс. 28, 9). Да слышат сии слова, и да стыдятся те, которые предаются многоглаголанию. Что говорит псалом? Кто в храме Божием, тот не злословит и не слова о суете и срамных вещах износит из уст, но: *в храме Его всякий глаголет славу*. Здесь стоят святые Ангелы и записывают твои слова; здесь Сам Господь, — и назирает расположение входящих. Молитва каждого открыта пред Богом: Ему открыто, кто по расположению, кто разумно просит небесного, кто только для вида, одними краями уст выговаривает слова, и сердце его далеко отстоит от Бога, кто хоть и молится, но просит лишь здоровья телесного, богатства вещественного, славы человеческой. В храме же Божием надлежит преимущественно глаголать славу Божию. Славословить Бога —

занятие Ангелов. Для всего небесного воинства одно дело — воссылать славу Создателю. Всякая тварь, и молчащая и говорящая, и премирная и земная, славит Создавшего. А жалкие люди, оставя домы и стекшись в храмы, не приклоняют слуха к словесам Божиим, не исполняют долга естества (славословить), не скорбят, что состоят под властию греха, не сокрушаются, воспоминая о грехах, не трепещут суда, но с улыбкою, простирая друг к другу руки, дом молитв делают местом длинных бесед, не внимая псалму, который свидетельствует и говорит, что *в храме Божием всякий глаголет славу*. А ты не только не глаголешь славы, но и другому служишь препятствием, обращая его внимание на себя и своим шумом заглушая учение Духа. Смотри, как бы вместо получения награды за славословие, не выйти тебе отсюда осужденным вместе с хулящими имя Божие. У тебя есть псалом, есть пророчество, есть Евангельские заповеди и Апостольские проповеди. Пусть поет язык; пусть ум изыскивает мысль сказанного, чтобы воспеть тебе духом, воспеть же и умом. Бог не требует славы, но хочет, чтобы ты стал достоин прославления. *Еже бо сеет человек, то и пожнет* (Гал. 6, 7). Посей славословие, чтобы

пожать тебе венцы, и почести, и похвалы в Царстве Небесном [1, 244—245].

**33.** *Господи Боже мой, воззвах к Тебе, и исцелил мя еси* (Пс. 29, 3). — Блажен, кто знает внутреннюю язву свою, может прийти к Врачу и сказать: *исцели мя, Господи. Исцели душу мою, яко согреших Тебе!* (Пс. 6, 3; 40, 5). — Но здесь Пророк приносит вместе и благодарение за поданное ему исцеление: *воззвах к Тебе, и исцелил мя еси*. Не было промежутка между воззванием и Твоею благодатию; едва воззвал я, как пришло и исцеление. Молящийся Богу должен говорить не маловажное, чтобы пришло к нам скорое исцеление [1, 251—252].

**34.** *Пойте Господеви, преподобнии Его* (Пс. 29, 5). Не всякий тот поет Господеви, кто произносит устами слова псалма, но лишь те, которые от чистого сердца воссылают псалмопения; все, которые преподобны и хранят правду пред Богом, все такие могут петь Богу, верно соблюдая духовные рифмы (духовное настроение). Сколь многие пришли сюда — такие, которые скрывают в сердце неправду! Такие не могут петь как должно. Они представляют себя поющими, но не поют в действительности, ибо пса-

лом приглашает к песнопению преподобного. *Не может древо зло плоды добры творити* <Мф. 7, 18> и порочное сердце износить из себя слова жизни (духовной). Очистите сердца, чтобы плодоносить духовное, и тогда, став преподобными, возможете петь Господу разумно [1, 253].

**35.** *Отвратил еси лице Твое, и бых смущен* (Пс. 29, 8). Пока лучи Твоего посещения, говорит Пророк, осиявали меня, я проводил жизнь в непоколебимом и безмятежном состоянии. Но когда *отвратил еси лице Твое*, тогда обличилось страстное и смущенное состояние души моей. — Будем же непрестанно молиться, чтобы осиявало нас лице Божие, чтобы нам быть в священнолепном состоянии, тихими и ничем не смущенными, по готовности нашей к добру [1, 258].

**36.** *Кая польза в крови моей, внегда сходити ми во истление?* (Пс. 29, 10). Что мне, говорит, пользы в благосостоянии плоти и во множестве крови, когда она будет предана общему разрушению? *Но умерщвляю тело мое и порабощаю* (1 Кор. 9, 27), чтобы утучнение плоти не послужило поводом ко греху. Не угождай плоти сном, банями, мягкими постелями, непрестанно повторяя слово сие: *кая польза в крови моей,*

*внегда сходити ми во истление?* Для чего заботишься о том, что вскоре сотлеет? Для чего утучняешь себя и отягощаешь плотию? Разве не знаешь, что, чем более дебелою сделаешь ты плоть свою, тем более тягостное узилище приготовишь душе? [1, 259].

37. *Радуйтеся, праведнии, о Господе* (Пс. 32, 1). *Радуйтеся о Господе* — не тому, что благоуспешны дела ваши, не тому, что наслаждаетесь телесным здравием, не тому, что поля ваши изобилуют всякими плодами; но тому, что имеете Господа, Который так прекрасен, так благ, так премудр. Псалом побуждает праведных восчувствовать то свое достоинство, что удостоены быть рабами такого Владыки, и восхищаться своим рабством Ему с неизреченною радостию и с скаканиями, как бы рвалось у них сердце от восторга любви к Благому. Если когда-либо в сердце твоем как бы ниспадший свет произвел внезапную мысль о Боге и озарил твою душу так, что ты возлюбил Бога, а мир и все телесное презрел, то из сего слабого и малого подобия познай полное состояние праведных, которые равномерно и непрерывно возрастают в веселии о Боге. Тебя по временам и редко посещает сия радость, по смотрению Божию, чтобы малое ее вкушение

приводило тебе на память, сколь великого блага у тебя недостает. А в праведнике — постоянно божественное и небесное веселие, потому что в нем несомненно обитает Дух. Господь для праведных есть как бы место, их вмещающее, — такое место, в которое вступающему нельзя не благодушествовать и не веселиться. И праведный делается местом для Господа, приемлющим Его в себя; а грешник дает в себе место диаволу (Еф. 4, 27). Посему, пребывая в самом Господе и, сколько можем, созерцая чудеса Его, из созерцания сего приобретем веселие для сердец своих [1, 261—262].

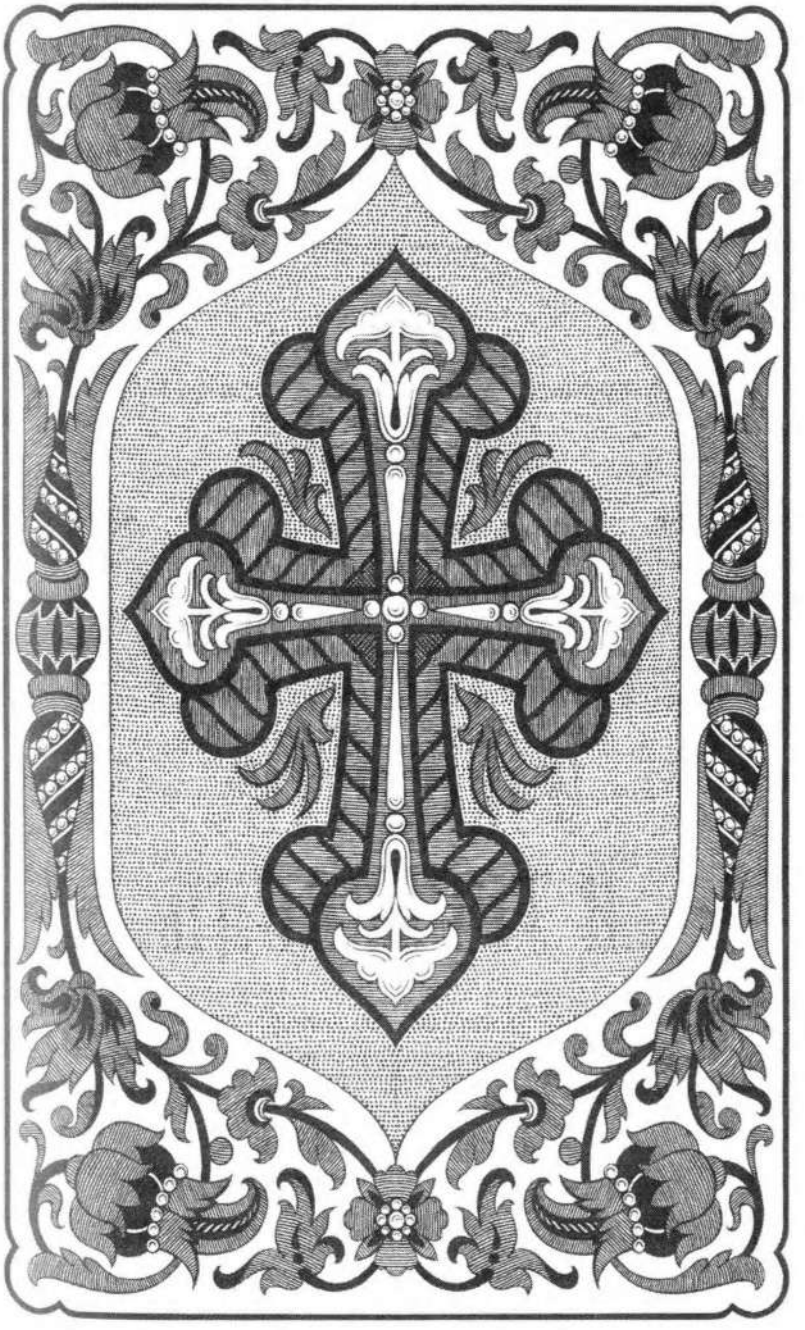
38. Если кто, водимый Святым и человеколюбивым Духом, не мечтая о самом себе, но уничижая себя, чтобы возвысить других, возопиет духом, испрашивая чего-либо великого, и не произнесет ничего недостойного и низкого, выражающего искание земного и мирского, то вопль сего просящего услышан будет Господом [1, 295].

39. Бог *нам прибежище и сила* (Пс. 45, 2). Не убегай чего не должно и не прибегай к кому не должно. Но пусть будет у тебя одно избегаемое — грех, и одно прибежище — Бог. Многие говорят: *Бог нам прибежище*; но очень немногие говорят сие с

таким же расположением, как и Пророк: ибо не все во всем предаются Богу, не все Им одним дышат, не все в Нем едином имеют надежду и уверенность. И самые дела обличают нас, когда во скорбях скорее прибегаем ко всему прочему, только не к Богу. Больно у тебя дитя? Ты ищешь ворожею или вешающего на шеи невинным младенцам пустые надписи. Возмутил тебя сон? Ты бежишь к снотолкователям. Устрашился ты врага? Ищешь заступника в ком-либо из людей. Вообще при всякой нужде обличаешь себя сам, что на словах Бога называешь прибежищем, а на деле домогаешься помощи от бесполезного и суетного. Но праведнику истинная помощь — Бог. Как военачальник, имея храбрых воинов, всегда готов вспомоществовать изнемогшим, так и Бог, — наш помощник и споборник всякого, сражающегося противу козней диавола, — посылает служебных духов к требующим спасения [1, 340—341].

**40.** Пророк сказал: *приклони ухо* (Пс. 114, 2), не для того, чтобы ты составлял какое-нибудь чувственное понятие о Боге, будто бы имеет Он уши и приклоняет их по причине тихого голоса, как делаем мы, приближая слух свой к говорящим слабо, чтобы

лучше услышать произносимое. Он сказал: *приклони*, чтоб показать собственную свою немощь, то есть снизойти по человеколюбию ко мне, лежащему долу, как человеколюбивый врач, приклоняя слух свой к больному, который от великого изнеможения не может говорить внятно, чтобы вблизи яснее узнать нужды страждущего. Божий слух для услышания не имеет нужды в звуках голоса. Бог и по движениям сердца узнает просимое. Или не слышишь, как Моисей, который ничего не говорит, но в бессловных воздыханиях молит Господа, услышан был Господом, Который сказал ему: *что вопиеши ко Мне?* (Исх. 14, 15). [1, 399].



СВЯТОГО
ИОАННА
ЗЛАТОУСТА
НАСТАВЛЕНИЯ
О МОЛИТВЕ
И ТРЕЗВЕНИИ

1. Господь не только заповедует прощать похищающему твое и олихоимствовавшему тебя, но говорит еще: люби его любовию сильнейшею и искреннею. Ибо это, именно это внушить желая, сказал Он: *молитеся за творящих вам обиду* (Лк. 6, 28), — что делается обычно только в отношении к тем, коих сильно любят. Так Христос молиться об обижающих заповедал, а мы ковы сшиваем против них и, получив повеление — благословлять клянущих нас, забрасываем их тысячами проклятий [1, 400]*.

2. Помолиться, говоришь, я и дома могу, а слышать беседы и учение дома не могу (обличаются уходящие из церкви, прослушав беседу Златоуста, по прочтении Евангелия). Обманываешь ты себя, человече. Помолиться и дома, конечно, возможно;

---

* Цитаты даются по изданию Миня; первая цифра — том Творений свт. Иоанна Златоуста, а вторая — страница.

но так помолиться, как в церкви, невозможно, — где такое множество отцов и где такой единодушный к Богу воссылается вопль? Не будешь ты так услышан, когда сам о себе один молишься Господу, как (когда молишься Ему) с братьями своими. Ибо здесь есть нечто большее, как то: единомыслие, согласие, союз любви и молитвы иереев. Иереи для того и поставлены предстоять в собраниях, чтоб слабейшие сами по себе молитвы народа, быв подъяты их сильнейшими молитвами, вместе с ними восходили на небеса. — К тому же, что пользы от проповеди, когда с нею не соединяется молитва? Прежде молитва, а потом слово. Так и Апостолы говорят: *мы же в молитве и служении слова пребудем* (Деян. 6, 4). Так делает и Павел, всегда молитвою начиная свои Послания, чтобы как свет светильнику, так и свет молитвы предшествовал слову. Если приучишь себя молиться со тщанием, то не будешь иметь нужды в учении от равных тебе рабов, потому что тогда Сам Бог, без всякого посредства, будет просвещать ум твой. Если же молитва одного такую имеет силу, то тем паче молитва в союзе со многими. У этой больше силы и больше дерзновения, чем у той, которая дома бывает, наеди-

не. Откуда это видно? Послушай, как говорит о сем святой Павел: *иже от толикия смерти избавил ны есть и избавляет, наньже и уповахом, яко и еще избавит, споспешествующим и вам по нас молитвою, да от многих лиц, еже в нас дарование, многими благодарится о нас* (2 Кор. 1, 10—11). Так и Петр освободился из узилища, потому что *молитва бе прилежна бываемая от Церкве к Богу о нем* (Деян. 12, 5). Если же Петру принесла пользу молитва Церкви, то как же ты, скажи мне, презираешь силу ее и какое можешь иметь в этом извинение? Послушай еще, — вот и Сам Бог говорит, что Он не может не приклоняться, когда множество народа благоумно докучает Ему в молитве. Ибо, оправдывая пред Ионою скорое помилование ниневитян, Он говорит: *ты оскорбился еси о тыкве, о нейже не трудился еси, ни воскормил еси ея, яже родися об нощь и об нощь погибе. Аз же не пощажду ли Ниневии града великаго, в немже живут множайшии неже дванадесять тем человек?* (Иона 4, 10—11). Не просто Он выставляет на вид множество народа, но с тем, чтоб дать тебе уразуметь, что согласная многих молитва великую имеет у Него силу [1, 725—726].

3. Предмет всегдашних моих увещаний — да прилежим усердной молитве трезвенною мыслию и бодренною душою (это в храме, на литургии). Диавол, видя, как пламенна и возбужденна душа твоя в молитве, поймет, что путь к помыслам твоим для него непроходен. Увидев, что ты зеваешь и себе не внимаешь, он тотчас вскочит в тебя, как в пустое, оставленное жильцом жилище. Если же увидит, что ты собран в себе, бодрствен и к самым небесам будто привешен, то даже и взглянуть на тебя не посмеет. Пожалей же себя и загради вход в душу твою лукавому демону. Ничто так не преграждает пути к его на нас находу, как прилежная и теплая молитва [1, 734].

4. Что, думаешь ты, повелевается, когда диакон возглашает: *прости* (ὀρθοί, выпрямившись), *станем добре*? Не другое что, как чтоб мы восставили долу стелющиеся помыслы наши и, отрясши духовное разленение, порожденное в нас хлопотами по житейским делам, прямо пред лицем Бога поставили душу свою. А что это истинно так есть, что слово это относится не к телу, а к душе, ее повелевая восставить прямо, послушаем Павла, который в этом именно смысле употребил сие речение. Ибо, простирая сло-

во к людям, которые готовы были пасть духом под бременем бед, он говорит: *ослабленныя руки и ослабленная колена исправите* (Евр. 12, 12). Ужели скажешь, что он говорит здесь о руках и ногах тела? Никак; ибо он обращает речь не к тем, кои ведут состязания в беге и борьбе, но он убеждает этими словами восставить силу внутренних помыслов, разбитых искушениями [Там же].

5. Помысли, близ кого стоишь ты? С кем приступаешь призывать Бога? — С Херувимами. Внимай же сим, в одном с тобою стоящем хоре, — и этого будет тебе достаточно к поддержанию трезвения, когда будешь помнить, что ты, обложенный телом и с плотию соплетенный, удостоен воспевать общего всех Владыку вместе с бесплотными. Итак, принимая участие в сих священных и таинственных песнях, никто не стой здесь с распущенным вниманием и расслабшим усердием, никто в это время не держи житейских помыслов, но, изгнав все земное из ума и всецело перенесшись на небо, так возноси всесвятую песнь Богу славы и величия, как бы ты стоял близ самого Престола славы, об руку с Серафимами. Для сего-то и повелевается нам стоять добре в это время.

Ибо стоять добре не что другое означает, как стоять так, как подобает стоять человеку пред лицем Бога, — со страхом и трепетом, с трезвенною и бодренною душою [Там же].

6. Что и это речение (*станем*; пред сим толковал об ὀρθοί — выпрямившись) относится к душе, опять показал тот же святой Павел, говоря: *тако стойте о Господе, возлюбленнии* (Флп. 4, 1). Ибо, как стрелец, желая пускать стрелы прямо в цель, прежде всего заботится установить себя самого и, уже установившись верно против цели, начинает стрелять, так и ты, желая устрелить диавола в злую его голову, прежде позаботься установить помыслы, чтоб, утвердившись в правом и беспрепятственном стоянии, верно бросать в него стрелы [Там же].

7. Молитва есть великое оружие, сокровище неоскудевающее, богатство никогда неиждиваемое, пристанище неволненное, невозмутимое отишье, — и бесчисленных благ корень и источник и матерь есть молитва; она могущественнее самой царской власти. Молитву же я разумею, не кое-какую, не нерадивую и рассеянную, но пламенную и притрудную, исходящую из души болезнующей и ума глубокособранного. Такая только молитва небовосходна [1, 743—744].

8. Как вода, когда течет по ровному месту и разливается широко, не поднимается вверх; когда же руки искусников утесняют ее всесторонними ограждениями, тогда она от собственного напора быстрее стрелы устремляется вверх: так и сердце человеческое, наслаждаясь всяким покоем, рассеивается и разливается; когда же обстоятельства утеснят его, тогда, гнетомое, оно воссылает горе чистые и усердные молитвы. И чтоб убедиться тебе, что эти именно, от скорби воссылаемые молитвы наиболее бывают сильными на небе, послушай, что говорит Пророк: *ко Господу, внегда скорбети ми, воззвах, и услыша мя* (Пс. 119, 1). Воспламеним же сердце свое и сокрушим душу памятованием грехов, сокрушим ее не затем, чтоб только утеснить, но чтоб подготовить и услышание молитвы ее, сделав ее трезвенною, бодренною и самых небес касающеюся [1, 744].

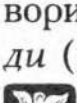
9. *Боже, милостив буди мне грешному*, взывал мытарь, и вышел из храма оправданным паче фарисея (Лк. 18, 13). И вышло, что слова явились выше дел, и речения превзошли деяния. Тот выставлял свою праведность, пост, десятины; а этот одни сказал слова (без дел) — и стяжал прощение всех

грехов. Почему так? Потому, что Бог не одни слова слушал, но паче внимал чувству, с каким они произнесены, — и, нашедши его сокрушенным и смиренным, помиловал и восчеловеколюбствовал. Это, говорю я, не да согрешаем, но да смиренномудрствуем. Ибо если мытарь, человек последней худости, не воссмиренномудрствовав (ибо, что за смиренномудрие у того, у кого все худо?), а только возблагоумствовав, и грехи свои высказав, и исповедав себя тем, чем был, такое привлек к себе Божие благоволение; то сколь большую привлекут себе Божию помощь те, которые, наделав много добрых дел, нимало высоко о себе не думают! Посему-то я всегда и прошу, и молю, и заклинаю всякого из вас, как можно чаще исповедовать грехи свои пред Богом. Я не вывожу тебя пред публику, как на зрелище, и не принуждаю открывать грехи свои пред людьми. Пред Богом открой совесть свою. Ему покажи раны свои и у Него проси уврачевания, Ему покажи, не поношающему, но уврачевание подающему (Иак. 1, 5). Он уже все видит, хоть ты и молчишь. Выскажись же, — и получишь пользу. Выскажись, чтобы, сложив все бремя грехов здесь, туда перейти чистым без всяких ран греховных, — и изба-

вишься от нестерпимого опубликования их (на Страшном суде). Три отрока душу свою предали за исповедание единого истинного Владыки всяческих и Бога, и в пещь огненную ввержены; однако же, после стольких и толиких доблестей, говорят: *несть нам отверзти уст, студ и поношение быхом рабом Твоим и чтущим Тя* (Дан. 3, 33). — Так зачем же вы отверзаете уста свои? Чтоб это одно, говорят, сказать, что *несть нам отверзти уст*, и этим одним умилостивить Господа [1, 745—746].

**10.** Сила молитвы угашала силу огненную, укрощала ярость львов, прекращала брани, отверзала врата небесные, расторгала узы смерти, прогоняла болезни, отражала нападения, спасала грады от землетрясения, отвращала и свыше несущиеся удары, и человеками готовимые наветы, и всякого вообще рода бедствия. Молитву же опять разумею не ту, которая только в устах вращается, но ту, которая исходит из глубины сердца. Ибо, как дерева, глубоко в землю пустившие корни, не сваливаются и не исторгаются, какие бы сильные ветры ни нападали на них, потому что корни крепко держат их в земле, так и молитвы, из глубины сердца воссылаемые, будучи там укоренены,

безопасно простираются горе, никаким приражением помыслов не быв уклоняемы от сего направления. Почему и Пророк говорит: *из глубины воззвах к Тебе, Господи* (Пс. 129, 1).



**11.** Хотя уже немало раз приходилось нам говорить о молитве, но надо поговорить о ней и ныне. Ибо, как бывает с одеждами нашими, что если материя, из которой они сшиты, однажды только покрашена, то краска эта скоро и легко сходит, а если красильщик несколько раз покроет ее краскою, то цвет ее навсегда остается неизменным; то же самое бывает и с душами нашими: что если слышим какое наставление, то, принимая его, как какое глубоко входящее окрашение, не легко забываем его. Итак, не мимоходом слушайте слова о молитве. Ибо нет ничего сильнее молитвы, нет ничего ей равного. Не столько блистателен царь, облеченный в пурпур, сколько молящийся, украшенный беседою с Богом. Ибо как, если б кто-нибудь пред лицом всего воинства, воевод и разных начальственных лиц, приступив к царю, стал беседовать с ним наедине, то взоры всех обратил бы на себя, и в то же время явился в очах их особенно достойным отличия и почета; так бывает и с молящими-

ся. Представь себе, каково это человеку, яко человеку, в присутствии Ангелов, предстоянии Архангелов, Серафимов и Херувимов и всех других бесплотных Сил, с великим дерзновением приступить и беседовать с Царем оных Сил? Какою не облекает это его честию? Но не честь только, а и польза очень великая бывает для нас от молитвы, даже прежде чем получим просимое. Ибо вместе с тем, как возденет кто руки к небу и призовет Бога, тотчас отстает он от всех человеческих дел, и переносится мыслию в будущую жизнь, и затем уже созерцает только небесное, ничему относящемуся к настоящей жизни не внимая во время молитвы, если молится усердно. Вследствие сего, гнев ли был у него пред сим в движении, — он легко улегается; похоть ли жгла, — она погасает; зависть ли точила, — она прогоняется с великим удобством. В душе при сем то же совершается, что бывает в природе при восходе солнца, как говорит Пророк. Помнишь, что говорит он? *Положил еси тму, и бысть нощь, в нейже пройдут вси звери дубравнии; скимни рыкающии восхитити и взыскати от Бога пищу себе. Возсия солнце, и собрашася, и в ложах своих лягут* (Пс. 103, 20—22). Итак, как при появлении сол-

нечного света убегают все звери и скрываются в ложах своих, так и когда молитва, как луч некий, появится от уст наших и нашего языка, тогда ум просвещается, все же неразумные и зверовидные страсти отступают, разбегаются и прячутся в свои им норы,— только бы молились мы как следует, с душою бодренною и трезвенною мыслию. Тогда будь диавол близ, он отгоняется, будь демон, — убегает [1, 766—767].

12. Господь многое совершал, чтобы показать нам пример. С тем же намерением Он и молитвы многие совершал. Когда ученики приступили к Нему и просили Его научить их молиться (Лк. 11, 1), что надлежало Ему сделать, скажи мне? — Не научить их молиться? Но Он затем и пришел, чтобы возвесть их во всякое любомудрие. Но если надлежало научить молитве, то надлежало и Самому молиться. Скажешь, что это можно было сделать и словом одним? Но учение словами не так сильно действует на обучаемых, как учение делами. Почему Он и учит их молитве не словами только, но и Сам делает то же, молится по целым ночам в уединенных местах, научая нас и внушая, когда намереваемся беседовать с Богом, бегать шума и молвы житейских и удаляться в пусто

место, приспособляя притом к молитве не место только, но и время. Пустынь — не гора только, но и какое-либо жилище, недоступное для шума. Также когда благословлял Он хлебы, то, воззрев на небо, помолился (Мр. 6, 41), чтобы научить нас не прежде вкушать от трапезы, как по возблагодарении создавшего плоды Бога [1, 187].

13. Правость и чистоту жизни ничто так не может установить и утвердить, как частое бывание здесь, в храме, и усердное слушание слова Божия. Ибо что пища для тела, то для души научение Божественными словесами. *Не о хлебе едином жив бывает человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Втор. 8, 3). Почему и не причащение сей трапезы производит своего рода голод. И Бог угрожает им и наводит его, как наказание и кару. *Послю*, говорит Господь, *глад на землю, не глад хлеба, ни жажду воды, но глад слышания слова Господня* (Амос. 8, 11). Как же после сего не неуместно будет для отстранения глада телесного все делать и предпринимать, а душевный глад самим себе добровольно причинять, тогда как он гораздо бедственнее первого, — настолько, насколько в важнейшем терпится и ущерб от него. Прошу же

вас и молю, не будем устроять против себя такого злого навета, но всякому другому делу и занятию будем предпочитать пребывание здесь (в храме). Ибо, скажи мне, что можешь ты приобресть такого, что могло бы равняться вреду и для тебя, и для дома твоего от оставления церковного собрания? Хотя бы ты нашел сокровищницу, всю битком наполненную золотом, и ради того не пришел сюда, — все больший потерпишь ты вред, настолько больший, насколько духовное ценнее чувственного. Того хоть бы и много было, и оно отвсюду больше и больше стекалось, — не велико дело: потому что оно не будет сшествовать нам в тамошнюю (загробную) жизнь, не преселится с нами на небо и не предстанет пред страшным Престолом, а почасту даже и прежде кончины оставляет нас и расслывается, если же и остается в наших руках до конца жизни, всячески самою кончиною отъемлется у нас. А духовное сокровище есть неотъемлемое стяжание, — всегда сопутствует нам, последует за нами при переселении отселе, и пред Престолом Судии подает нам великое дерзновение [1, 800—801].

14. Двоякий получаем мы плод от бывания на церковных собраниях. Не то только бывает плодом сего, что мы души

свои напаяем божественными словесами, но еще и то, что мы чрез то врагов своих покрываем крайним стыдом, а братьям нашим доставляем утешение и оживление. — Ибо, когда, подошедши к сим священным дверям, увидит кто, что собравшихся немного, тотчас охлаждается и в том усердии ко храму, какое имел, поддается припадкам разленения и, расслабши совсем, удаляется прочь от церкви; а когда увидит, что отвсюду со всем усердием спешат в церковь и стекаются на служение Богу, тогда, хотя бы он был самый нерадивый и беспечный, это видение усердных возжигает и в нем равное усердие. Ибо если камень о камень тромый скоро извлекает искру, если и тогда, как камень холоден, а огонь горяч, соударение их побеждает естество, — то если с камнем это бывает, не тем ли паче будет с душами, когда они одна о другую станут тереться и взаимно согреваться огнем духа? [1, 801].

**15.** Муж глава жене (Еф. 5, 23), а жена помощница мужу. Итак, глава да не решается без тела своего ятися пути*, ведущего к сему священному месту, и тело да не является здесь без главы, но да входят сюда и глава и тело, имея с собою и чад своих.

* Вступить на путь. — *Ред.*

Ибо, если приятно видеть дерево с отростками от корня его, тем паче приятно видеть человека, имеющего при себе дитя, как отрасль от корня своего. И не только приятно это, но и благотворно и похвально. Благотворно для собравшихся, в том смысле, как сказал я выше; похвально для родителей и служителей слова, ибо и земледельцу мы дивимся не тогда, когда он обрабатывает землю, не раз уже обработанную, но тогда, когда он, взяв землю непаханую и незасеванную, всякое об ней прилагает попечение, чтоб сделать ее плодоносною. Так и святой Павел действовал, в честь себе ставя — проповедовать Евангелие не там, где именовася уже Христос, а там, где не именовася. Ему и мы будем подражать, и в возращение Церкви, и для нашей собственной пользы [1, 802].

16. Не столько царская корона украшает главу, сколько крест, всего мира честнейший. От чего прежде все с ужасом отвращались, то ныне стало для всех вожделенно, — и ты повсюду встретишь его: у начальников и у подначальных, у жен и мужей, у дев и замужних, у рабов и у свободных. Все часто напечатлевают его на важнейшей части своего тела, и на челе своем изображенным, как на колонне, носят его

повседневно. Он — на священной трапезе, он — в хиротониях иереев, он опять с телом Христовым на Тайной вечере сияет. Его всюду господствующим может видеть всяк — в домах, на рынках, в пустынях, на дорогах, на горах и холмах, на море, кораблях и островах, на одрах, одеждах и оружиях, на сосудах серебряных и золотых, на камнях драгоценных и украшениях стен, на телах обладаемых демонами, во время войны и мира, и днем и ночью. Так вожделен для всех стал сей дивный дар, сия неизреченная благодать! Никто не стыдится его, никто не закрывает лица своего, помышляя, что он есть знак поносной смерти; но все украшаемся им паче, нежели коронами, диадемами и бесчисленными маргаритами* [1, 826].

17. Хочешь ли видеть наилучшее украшение постели? Я сейчас покажу тебе украшение постели не какого-либо простого селянина и не человека военного, но постели царской. Я совершенно уверен, что, будь ты из всех самолюбивых самолюбивейший, не пожелаешь, однако ж, постели краше постели царя, и царя не какого-нибудь, но царя первого, всех царей царейшего и доныне славимого во всей вселенной. Указываю тебе на

* *Маргарит* (церк.-слав.) — жемчуг. — *Ред.*

постель блаженного Давида. Знаешь, какова она была? Она была преукрашена не золотом и серебром, но слезами и исповеданием. Об этом сам он сказывает, говоря: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7). Слезы будто маргариты отвсюду были на ней насажены. И посмотри ты мне, какая у него боголюбивая душа? Так как днем развлекали его многие заботы и попечения о делах народных и воинских, то он на исповедание, молитвы и слезы употреблял время отдыха, в которое другие все наслаждаются покоем. И это делал он не так, чтоб одну ночь побдел, а другую отдыхал или по две и по три ночи бодрствовал, а в промежутках предавался покою, но делал так всякую ночь. *Измыю*, говорит, *на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу*, — выражая тем и обилие слез, и постоянство в них. Когда все отдыхали и предавались покою, один он беседовал тогда к Богу и очей не смыкал, с сокрушением и плачем исповедуя грехи свои. Такую же и ты приготовь себе постель. Постель, золотом обложенная, с одной стороны, зависть человеческую возбуждает, с другой — гнев Божий воспламеняет. Слезы же,

подобные слезам Давида, даже геенский огнь угашают [1, 973].

18. Для чего Бог вложил в душу нашу такого денно-нощно бодренного и бдительного судию? — Совесть, говорю. Между людьми нет такого неусыпного судии, как наша совесть. Внешних судей и деньги портят, и лесть расслабляет, и страх заставляет кривить весы, и многое другое уклоняет от праведного решения дел. Совестное же судилище ничем таким не повреждается; но хоть деньги давай, хоть лесть расточай, хоть стращай, хоть другое что делай, — она все праведное произносит осуждение погрешивших помыслов: и сам согрешивший, сам он осуждает себя, хотя бы никто другой не обличал его в грехе. И это не однажды и дважды, но многократно и всю жизнь не перестает она делать. Пусть и значительное пройдет время, она никогда не забудет сделанного. И во время совершения греха, и прежде совершения его, и после совершения строгим налегает на нас судом, особенно после прегрешения. В то время, как совершаем грех, опьяняемые сластию греховною, не так чувствуем мы (упреки совести); но когда грех сделан и дело грешное приведено к концу, тогда сласть греховная исчезает и находит горькое жало

покаяния. Противное сему бывает у рождающих. У тех прежде рождения бывают боли нестерпимые, муки раздирающие, после же рождения — радость и покой, ибо вместе с исходом плода чревного отходят и все боли; а здесь не так, но когда приемлем греховные помыслы и зачинаем преступные желания, радуемся и веселимся, а когда родим злое дитя — грех, тогда, увидев срамоту рожденного, начинаем мучиться и раздираться болями, горшими, чем у рождающих. Посему не будем, прошу вас, принимать особенно в начале растлительного похотения; если же примем, истребим сие семя внутри (прежде чем созреет и родится из него плод). Но если и это допустим по нерадению, поспешим убить делом совершенный грех — исповедию, слезами и осуждением самих себя. Ибо ничто так не разрушительно для греха, как самоосуждение с покаянием и слезами. Осудил ты себя в грехе? — Сбросил с себя бремя его. И кто это говорит: Сам Бог — Судия. *Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* <Ис. 43, 26>. Чего же ради, скажи мне, ты стыдишься и краснеешь исповедать грехи свои? Человеку разве сказываешь ты их, чтоб он поносил тебя? Или сорабу твоему исповедаешь, чтоб всем о том

рассказал? Нет: но Господу милосердому, человеколюбивому Врачу показываешь раны свои [1, 1011].

19. Грешник ты? Не отчаивайся, но вниди (в церковь) и покайся. Согрешил ты? Скажи Богу: согрешил я. Какое затруднение сказать: согрешил я? Разве, если не скажешься грешником, не будешь ты иметь диавола обличителем своим (на суде)? Предупреди же и восхити это его достоинство, ибо осуждать — его достоинство. И почему тебе не предупредить его, не сказать греха и не изгладить его, когда знаешь, что в нем (диаволе) имеешь ты такого обличителя, который молчать не станет? Согрешил? Вниди в церковь и скажи Богу: согрешил. Ничего другого я не требую от тебя, кроме этого одного. Ибо Писание говорит: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися*. Скажи грех, чтоб разрешиться от греха. Труда в этом нет, много набирать для этого слов не нужно, и траты никакой на это не требуется, и ничего подобного. Слово изреки, отнесись благоумно к греху своему, сказав: согрешил я. Скажешь: откуда видно, что если я скажу сам грех свой, то получу разрешение в грехе? Имеешь в Писании пример и того, как один сказал свой грех и

получил прощение, и того, как другой не сказал своего греха, и был осужден. Это Каин и Давид [2, 285].

20. Молись каждочасно; но не скучай, молясь, и не ленись испрашивать милости у человеколюбивого Бога, — и Он не оставит тебя за неотступность твою, но простит тебе грехи твои и даст тебе то, о чем просишь. Если, моляся, услышан будешь, пребывай в молитве, благодаря (за милость); а если не будешь услышан, пребывай в молитве, чтобы услышану быть. Не говори: много молился я, а услышан не был, потому что и это часто бывает для твоей же пользы. Знает Бог, что ты ленив и себе поблажлив и, если получишь просимое, уйдешь и не станешь больше молиться; почему отлагает услышать тебя, чтоб, по причине нужды, заставить тебя чаще беседовать с Ним и проводить время в молитве. Пребывай же в молитве и не допускай в себе разленения в ней. Молитва много может, возлюбленный; почему приступай к ней не как к делу маловажному [2, 297].

21. Согрешил? Войди в церковь и изгладь грех свой (покаянием). Сколько раз не упадешь на торжище, всякий раз встаешь: так и сколько раз ни согрешишь,

спеши покаяться, не допускай отчаяния. Еще согрешишь, еще покайся; не опускайся и не отпадай от надежды получения предлежащих нам благ. Хоть ты уже старик и согрешил, — иди в церковь и покайся. Здесь врачебница, а не судилище; здесь не муки за грехи налагают, а дают отпущение грехов. Богу единому скажи грех свой: *Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих* (Пс. 50, 6), и оставится тебе грех твой [2, 297—298].

22. Имеешь и другой путь покаяния, не трудный, но очень удобный. Какой же это? Плачь о грехе своем, научаясь сему из Евангелия. Петр, верховный Апостол, друг Христов, не от человека приявший откровение, но от Отца, как свидетельствует о нем Владыка Христос, говоря: *блажен еси, Симоне, вар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец Небесный* (Мф. 16, 17), — сей Петр грех совершил не малый какой, но крайне великий — отвергся Самого Господа, — говорю сие не в осуждение его, но тебе в руководство к покаянию, — Самого Господа, Владыки вселенной, Спасителя всех отвергся. И когда это? В ночь, когда предан был Христос. Стоял, говорит Евангелие, Петр при огне и грелся. Подходит служанка

и говорит ему: *и ты был с Иисусом* (Мф. 26, 69). Он же что? — *Не вем Человека сего* (Мк. 14, 68). Потом во второй и в третий раз тоже. И исполнилось пророчение Господа. Тогда воззрел на Петра Христос и взорами испустил глас (обличения ему). Не устами сказал Он ему слово, чтоб не обличить его пред иудеями и не посрамить Своего ученика, но взором испустил глас (обличения), как бы так: Петре! исполнилось, что Я говорил тебе. Тогда восчувствовал Петр свое падение и начал плакать, и плакал не просто, но горько, слезами из очей второе устрояя себе крещение. Таким горьким плачем изгладил он грех свой. Если же такой грех изглажден плачем, то ужели ты, если восплачешь, не изгладишь греха своего? Не мал был грех — отвергнуться своего Владыки и Господа, но крайне велик и тяжел; и, однако ж, слезы изгладили сей грех. — Плачь же и ты о грехе своем, и плачь не просто и не для вида только, но горько, как Петр. Из самой глубины изведи источники слез, чтоб, умилосердясь над тобою, Господь простил тебе грех твой. Человеколюбив бо есть, как Сам сказал: *не хощу смерти грешника, но еже обратитися нечестивому от пути своего и живу быти ему* (Иез. 33, 11).

Малого хочет Он от тебя труда, а Сам тебе дает великое. Повода ждет от тебя, чтобы дать тебе сокровище спасения. Принеси слезы, и Он дарует тебе прощение; принеси покаяние, и Он подаст тебе оставление грехов [2, 298].

**23.** Как преклонить на милость Господа? — Вот как! Водрузим молитву в сердце своем и к ней приложим смирение и кротость. Ибо Господь говорит: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). И Давид воспел: *жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Ничего так не любит Господь, как душу кроткую и смиренную. Смотри, брате, и ты не прибегай к людям, когда что нечаянно отяготит тебя, но, минуя всех, востеки мыслию своею ко Врачу душ. Ибо сердце уврачевать может Один Он, *Создавый на едине сердца* наша и *разумеваяй на вся дела* наши (Пс. 32, 15). Он может войти в совесть нашу, коснуться ума, утешить душу. Если Он не утешит сердец наших, человеческие утешения излишни и несмысленны: как, напротив, когда Он утешает, то, хотя бы люди неисчетные делали нам притеснения, ни на волос не воз-

могут они повредить нам. Когда Он укрепит сердце, никто не может встревожить его. Зная сие, возлюбленные, будем всегда прибегать к Богу, и хотящему и могущему развеять налегшие на нас тучи прискорбностей [2, 304].

24. Когда к людям предлежит обращаться с какою просьбою, надо всячески приспособляться и ко времени, и к месту, и к лицу, и речь обдуманно вести; когда же к Богу приступаем, ничего такого не требуется. Взывай только от сердца, а не устами одними шевели, — и все тут. *Егда молишися, вниди*, говорит, *в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, иже в тайне; и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве* (Мф. 6, 6). Видишь преизбыточество чести тебе? Когда Меня просишь, пусть, говорит, никто не видит; а когда Я почту тебя (услышанием и даром), то всю вселенную сделаю свидетельницею благодеяния. Послушаемся слова Господня и не будем молиться напоказ; не станем также указывать Господу и способа, как нам помочь. Сказал ты Ему свою нужду, сказал, о чем болишь душою? Не говори далее и того, как тебе помочь. Он Сам лучше тебя знает, что полезно тебе. Иные много

говорят в молитвах своих: Господи, дай мне здоровья, умножь достояние мое, отмсти врагу моему. Это преисполнено всякого неразумия. Надлежит нам, оставя все сие, умолять Бога словами мытаря: *Боже, милостив буди мне грешному* (Лк. 18, 13). А Он уж знает, как помочь нам. Так возлюбомудрствуем в молитве, молясь с болезнованием сердечным и смирением, бия себя в перси, как и тот (мытарь), — и получим просимое. Если же, имея на сердце негодование и гнев, будем молиться, то мерзкими и ненавистными Богу явимся. Сокрушим же сердце свое, смирим души свои, — и молиться будем как о себе, так и об оскорбивших нас. Бог тем паче внимает и тех паче прошение исполняет, которые молятся о врагах, которые незлопамятны, которые не восстают против врагов своих. И, чем больше они так поступают, тем больше Бог отмщает врагам их, — разве только они раскаются [2, 304—305].

25. Ниневитяне в три дня какое множество грехов отмолили и какой страшный Божий приговор отклонили? Как ленивая (не энергичная) душа, хоть много времени проведет в покаянии, ничего особенного не сделает и примирения с Богом не достигнет, так, напротив, душа возбужденная, пламенею-

щая ревностию и всесокрушенное являющая покаяние, может изгладить многих лет грехи в короткое время. Не трижды ли отрекся Петр? И в третий раз не с клятвою ли? И не убоявшись ли против слов ничтожной служанки? Что же? Много лет требовалось ему на покаяние? — Нисколько. Но в ту же нощь и поскользнулся, и встал, и рану приял, и уврачевание получил, и в болезнь впал, и к здравию востек. Как и каким образом? Плача и раздираясь сердцем; не просто плача, но с большим сокрушением и глубоким болезнованием сердца. Почему и евангелист не сказал: *плакася*, и только, но: *плакася горько* <Мф. 26, 75>. Сколь силен был плач и обильны слезы, этого никакое слово представить не может, но ясно показывает исход дела. Ибо после столь бедственного падения, — ибо ничего нет бедственнее отречения от Господа, — после такого падения Господь опять возвел его в прежнее достоинство. Так не падай и ты под тяжестию грехов. Пагубнейшее в грехе есть — пребывать в грехе, и бедственнейшее в падении есть — лежать в падении [2, 308—309].

26. Велика сила печали по Богу, и великую приносит она пользу. Желая сие показать, вот что говорит пророк Исаия, или

паче Сам Бог чрез Исаию: *за грех мало что опечалих его*; но, увидев, что он *опечалися и пойде дряхл, исцелих его* (Ис. 57, 17—18). Не какое следовало, говорит, положил я наказание за грех. Ибо в воздаяниях за добродетели Бог превышает должную меру; а за грехи большею частию только обличает, наказание же, если иногда и посылает, то всегда гораздо легчайшее сравнительно с прегрешениями. Но и это отменяет, коль скоро кто раскается в грехах своих. На это и указывают приведенные слова. Видишь, какая скорая и какая великая из покаяния истекает польза? Не много, говорит, наказав его за грехи, когда увидел, что он опечалился и *пойде дряхл*, и это малое наказание простил ему. Так скор и готов Бог на примирение с нами и ждет к тому только повода, хоть малейшего. Будем же всегда подавать Ему случай — показать любовь Свою к нам, всячески стараясь блюсти себя от грехов, а когда падем — поспешая восстать с горьким плачем о грехах, чтоб улучить и радость о Господе. Если опечалившийся и пошедший дряхл примирил себе Бога, то чего не сделает приложивший к тому слезы и прилежно умоляющий Его? [2, 651].

27. У берега Чермного моря Бог говорит Моисею: *что вопиеши ко Мне?* <Исх. 14, 15>, тогда как Моисей ничего не говорил. Этим Бог вот что открыл: Я Бог, слышащий не только то, что из уст исходит, но ведающий и то, что есть в сердце; молитва — не то, что вопиют уста, но что движется в сердце. *Что вопиеши ко Мне?* Уста его ничего не говорили, но сердце вопияло. Молитва скороуслышная есть та, которая из благого сердца исходит, а не одним сильным гласом произносится [2, 743].

28. Двух ради причин подобает ублажать святых рабов Божиих и дивиться им: и потому, что они надежду спасения своего полагали в теплых молитвах; и потому, что, сохранив посредством писания песни и молитвословия, какие со страхом и радостию возносили они к Богу, и нам передали сие сокровище свое, чтоб и весь последующий за ними род привлечь к подражанию своей молитвенной ревности (ибо образ жизни учителей должен переходить на учеников, и слушателям Пророков надлежит являться подражателями их праведности), — чтоб и мы все время жизни, подобно им, проводили в молитвах, богослужении и богомыслии, то жизнию, то здравием и богатством, то вер-

хом благ почитая, чтоб непрестанно молиться Богу от чистой и непорочной души [2, 775].

29. Как солнце — свет для тела, так молитва — для души. Если для слепого большое есть лишение не видеть солнца, то сколь большое лишение для христианина — не молиться часто, чтоб молитвою вводить в душу свою свет Христов? [Там же].

30. Кто не подивится и кто не изумится человеколюбию, какое являет к нам Бог, даруя людям такую честь, что удостоивает их беседы с Собою в молитве? Ибо воистину с Богом беседуем мы во время молитвы, и чрез то соприкасаемся с Ангелами и далеко отступаем от прочих живых, но неразумных тварей. Молитва — дело Ангелов; она превышает даже и их достоинство, так как беседовать с Богом выше ангельского достоинства (самого по себе). [Там же].

31. Ангелы, с великим страхом и радостию принося молитвы свои, научают нас, что и нам, приступая к Богу в молитвах, надлежит творить сие со страхом и радостию: со страхом, боясь, как бы не оказаться нам недостойными молитвы; радости же исполненными при сем надлежит нам быть по причине величия чести, что наш смертный род удостоен такого и толикого благоволения

Божия, что ему дано часто беседовать с Богом, в силу чего мы перестаем быть смертными и привременными, — по естеству мы смертны, чрез беседу же к Богу переходим к жизни бессмертной. Ибо тому, кто с Богом беседует, нельзя не стать выше смерти и тления. Как тому, кто объемлется лучами света солнечного, нельзя не быть далеку от тьмы даже малейшей, так нельзя сподобляющемуся беседы с Богом не стать выше смерти. Таковое величие чести преставляет нас в область бессмертия (дает дохнуть воздухом бессмертия). Если тем, которые с царем ведут беседу и от него чести сподобляются, нельзя быть в чем-либо скудными; тем паче нельзя тем, которые к Богу приступают в молитве и с Ним беседуют, иметь смертные души: ибо смерть души есть нечестие и беззаконная жизнь; следовательно, наоборот, жизнь души есть служение Богу и житие с тем сообразное: жизнь же преподобную и с служением Богу сообразную уготовляет и дивно сокровиществует в душах наших молитва [2, 775].

32. Девство ли кто возлюбил или ревностно чтит брачное целомудрие, гнев ли кто укрощать и кротость сожительницею своею иметь положил, от зависти ли чистым

себя блюсти, или другое что подобающее делать кто возревновал, — легко и удобно совершит благочестное течение свое, если приимет в руководительницы молитву и ею наперед будет углаждать таковой путь жизни. Ибо, кто просит у Бога целомудрия, праведности, кротости и милостивости, тому невозможно не получить просимого. *Просите*, говорит Господь, *и дастся вам; ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется. Или кто есть от вас человек, егоже аще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему? Или аще рыбы просит, еда змию подаст ему? Аще убо вы, лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него* (Мф. 7, 7—11); или, как в другом месте говорится: *даст Духа Святаго просящим у Него* (Лк. 11, 13). Такими словами и такими обетованиями Господь всех убеждает нас прилежать молитве; нам же надлежит, повинувшись Его Божественному внушению, проводить жизнь свою в песнопениях и молитвах, ревнуя наиточнейшим образом благоугождать Богу.

Только так живя, будем мы жить настоящею человеческою жизнию [2, 776].

33. Кто не молится и не имеет желания наслаждаться частым беседованием с Богом, тот мертв, бездушен и непричастен ума. То самое, что он не любит молитвы и не почитает смертию для души, если она не поклоняется Богу, есть верный знак отсутствия в нем ума. Как тело наше, когда лишается присутствия в нем души, мертвым становится и зловонным, так и душа, не имеющая возбуждения, подвигающего к молитве, находится в горьком состоянии, мертва есть и смердяща. Что горшим смерти злом надо почитать то, если лишаемы бываем молитвы, сие добре показал нам Даниил, великий пророк, решившийся лучше умереть, нежели три только дня пробыть без молитвы. Ибо царь персидский не совсем нечествовать ему повелевал, а желал, чтоб он на три дня только пресек свои молитвы [2, 776].

34. Без Божия мановения и призрения на нас ничего доброго не войдет в души наши. Божие же мановение на наши нисходит труды и их добре облегчает, если видит, что мы любим молитву, часто к Богу обращаемся с прошениями и чаем оттоле низойти к нам всякому благу. Почему когда вижу я

кого не любящего молитвы и не имеющего теплого и сильного к ней расположения, то из этого явным для меня бывает, что человек тот ничего благородного и высокого в душе своей не имеет. А когда вижу кого ненасытно емлющимся за богослужение и лишение частой молитвы почитающим одним из величайших потерь и ущербов, то удостоверяюсь, что он есть верный подвижник всякой добродетели, есть храм Божий. Ибо, если *одеяние мужа и смех зубов и стопы* (поступь) *человека возвещают яже о нем* (Сир. 19, 27), по слову Премудрого; тем паче молитва и служение Богу есть знак всякой праведности, будучи убранством некиим духовным и божественным, которое великое благообразие и красоту сообщает помышлениям нашим, жизнь каждого благоустрояет, не допускает держать на уме что-либо неуместное и дурное, внушает благоговеинствовать к Богу и чтить честь, коею Он благоволил почтить нас, научает отвращаться от всякого суеверного волхвования, изгоняет срамные и пустые помыслы и душу всякого настраивает презирать плотские сласти. Сия единая гордость приличествует чтущим Христа не рабствовать ничему срамному, но блюс-

ти душу свою в свободе от всего и в непорочной жизни [2, 776—777].

35. Что без молитвы никак невозможно иметь сожительницею себе добродетель и с нею тещи путем жизни, думаю, для всякого само собою ясно. Ибо как бы кто стал подвизаться в добродетели, не приступая и не припадая часто к Тому, Кто есть податель и дарователь добродетели? Кто бы даже желание быть целомудренным и праведным в себе постоянно питать был силен, не держа с удовольствием беседы с Тем, Кто требует от нас и это, и еще большее того? Но я берусь доказать коротким словом, что молитвы (возродясь в нас или быв начаты нами), хотя бы застали нас преисполненными всяких грехов, скоро очищают от них. И в таком случае, что будет более молитвы велико и божественно, если она окажется целительным врачевством для тех, которые болят душою? Се* — ниневитяне первые являются молитвою очистившимися от многих своих пред Богом грехов. Как только взяла их молитва (на свое попечение), тотчас сделала и праведными, — и город, привыкший жить в непотребстве, лукавстве и всяком беззаконии, быстро исправила, пересилив устарелые

* *Се* (церк.-слав.) — вот. — *Ред.*

худые навыки и небесные водворив законы, приведши с собою и целомудрие, и человеколюбие, и кротость, и попечение о бедных. Без этих добродетелей она и не водворяется в душе; но обыкновенно в какую душу вселяется она, ту делает полною всякой праведности: настраивает ее на всякую добродетель, а всякое худо изгоняет из нее. Если б в то время кто-либо из знавших хорошо Ниневию прежде вошел в нее, то не узнал бы этого города: так скоро перешел он от жизни непотребной к благочестию [2, 777].

36. Может быть, кто-нибудь из ленивых и нехотящих усердно и тщательно молиться вздумает оправдывать себя словами Самого Господа: *не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего, иже на небесех* (Мф. 7, 21). — На это скажу, что если б я почитал одну молитву достаточною ко спасению, то справедливо бы иной мог воспользоваться этими словами против меня. Но как я говорю, что молитва есть глава всех добродетелей, корень и основание спасительной жизни, то никто пусть не прикрывает своей к молитве лености такими словами. Ни целомудрие одно не может спасти без других добродетелей, ни попечение о бедных, ни

благость, ни другое какое из похвальных дел; но надобно, чтоб все добродетели стеклись в нашу душу, а молитва чтоб как основание и корень лежала под ними. Как корабль и дом нижние части делают крепкими и сплоченными, так и жизнь нашу молитвы скрепляют; без них же ничего в нас не бывает доброго и спасительного. Почему святой Павел настоятельно повелевает нам прилежать молитве, говоря: *в молитве пребывайте, бодрствующе в ней со благодарением* (Кол. 4, 2); в другом месте говорит он: *непрестанно молитеся. О всем благодарите: сия бо есть воля Божия* (1 Сол. 5, 17—18); и в другом еще месте: *всякою молитвою и молением молитеся на всяко время духом, и в сие истое бдяще во всяком терпении* (Еф. 6, 18). Так многими и божественными словами увещевает нас в молитве сей вождь апостольский. Почему нам, ученикам его, надлежит с молитвою тещи путем жизни нашей и ею чаще орошать и напаять душу свою, ибо все мы не менее имеем в ней нужду, чем дерева в воде. Ни они не могут приносить плодов, если не будут впивать корнями своими воды, ни мы — источать многоценные плоды благочестия, если не будем напаяемы молитвами [2, 778—779].

37. Восстав с одра, надлежит нам всегда упреждать восход солнца служением Богу, и к трапезе приступая — надо молиться, равно как и отходя ко сну. Но и каждочасно надо приносить некую молитву Богу, ровным течением проводя время дня. Зимою большую часть ночи надо проводить в молитве и с великим страхом, преклоняя колена, усердно внимать молитве, блаженными себя имея, что служим единому истинному Богу. Скажи мне, как воззришь ты на солнце, не поклонившись прежде Пославшему сей сладчайший для очей твоих свет? Как вкусишь от трапезы, не поклонившись Дарителю и Подателю сих благ? С какою надеждою погрузишься ты во мрак ночи? Какие чаешь встретить сны, не оградив себя молитвами, но предавшись сну не огражденным? Презрен будешь ты (за безмолвие) и удобоемлем для злейших демонов, которые всегда вертятся вокруг нас, выжидая время, когда кто остается обнаженным от покрова молитвенного, чтобы захватить нас и восхитить внезапно. Итак, когда увидят, что мы ограждены молитвою, тотчас отскакивают, как воры и злодеи, когда в головах воина увидят висящим меч. Но если случится кому быть нагу от покрова молитвенного, такого восхи-

тив демоны увлекают ко грехам и злодеяниям. Боясь сего, будем всегда ограждать себя молитвами и песнопениями [2, 779].

38. В пророческих видениях Ангелы представляются с великим страхом приносящими свои хвалебные песни Владыке всяческих: они от великого благоговеинства покрывают лица свои и ноги и, когда нужно летать, совершают сие с великим трепетом. В этом примере и урок, как и нам надлежит совершать молитвы свои [2, 779].

39. Во время молитвы подобает нам забывать свое человеческое естество и, объемлясь теплым к Богу устремлением, в союзе с благоговейным страхом, ничего не видеть из сущего долу, но думать, что стоим среди Ангелов и одинаковую с ними совершаем службу Богу всевышнему [Там же].

40. Все другие принадлежности у нас и Ангелов, — как то: природа, образ бытия, мудрость, ведение и все, чего бы ты ни коснулся,— различны; а молитва есть общее дело — Ангелов вместе и человеков, — и в этом отношении ничего нет посреди их и нас (один хор). Но кто всеусердно прилежит молитве и сердца к Богу устремлению, тот скоро уподобится им и в ведении, и в мудрости, и в благородстве, и в образе жизни [Там же].

41. Если имеющий случай разговаривать с мудрыми мужами от частой беседы с ними усвояет себе их мудрость и делается похожим в ней на них, то что сказать о тех, которые с Богом часто беседуют в усердных молитвах своих? Какою мудростию, какою добродетелию, каким ведением, благодобротием, целомудрием и благонравием не преисполнит их молитва и непрестанное с Богом обращение! Так что не погрешит, кто скажет, что молитва есть источник всякой добродетели и праведности и что в душу, пустую молитвою и молением, не может внити ничто содействующее благочестию [2, 780].

42. Как город, неогражденный стенами, легко подпадает под власть врагов, по отсутствию всякой к занятию его препоны, так и душу, неогражденную молитвами, диавол легко берет в свою власть и наполняет ее всякими грехами. Около же тех, которые прилежат молитве, он не имеет никакого успеха. Видя душу, огражденную молитвами, он не дерзает близко подходить к ней, боясь силы, какую молитвы сообщают душе, питая ее более, чем хлеб питает тело. К тому же молящиеся усердно не допускают в себя ничего недостойного молитвы, но, благоговеинствуя пред Богом, с которым только что

беседовали, тотчас отражают всякие козни лукавого, приводя себе на мысль, как неуместно и худо тому, кто только что просил в молитве у Бога целомудрия и преподобия, тотчас переходить на сторону врага, позволяя душе вожделевать срамных сластей и тем давать диаволу вход в сердце, которое только что присещал Бог [Там же].

43. Человеку без содействия Духа Святого невозможно как следует вести божественную беседу; почему прежде всего надо молиться, да благодать Его будет присущею нам и наитствует наш молитвенный труд, когда входим в церковь или дома в клеть свою, чтоб преклонить колена и вознести к Богу наши молитвы и моления. Когда же удостоверишься, что, совершая молитвы, ты и с Богом беседуешь и содействие Духа Святого приемлешь, то уже никак не допустишь диаволу иметь доступ к душе своей, освященной Духом [2, 781].

44. Кто скажет, что молитвы суть нервы души, тот скажет сущую правду. Ибо как, при целости нервов, тело держится в строе и живет, стоит и ходит, с пресечением же их совершенно расстраивается, так и души при действии молитв благоустроенны бывают, тверды и легко текут путем благочестия;

если же ты лишишь себя молитвы, то сделаешь то же в душе, что делает в теле пресечение нервов, — она замрет, или, по другому сравнению, это будет то же, что рыбу вынуть из воды, ибо как для рыбы жизнь — вода, так для души твоей — молитва [2, 781].

45. Желая привлечь людей к молитве и представить душам нашим, сколь великое благо есть молитва, Христос Господь вводит некоего судию злого и жестокого, всякий стыд пред людьми потерявшего и страх Божий из души изгнавшего. Достаточно бы было предположить лицо правдивое и милостивое и, сопоставив его правдивость с человеколюбием Божиим, показать чрез то силу молитвы. Ибо, если человек добрый и кроткий милостиво принимает обращающихся к нему с прошением, не тем ли паче Бог, великость человеколюбия Коего не только наш превышает ум, но недомыслима и для самых Ангелов. Итак, довольно было, говорю, предположить лицо судьи праведного; но Господь вводит судью жестокого, нечестивого, бесчеловечного, сказывая при сем, что и он, во всех случаях являющий неукротимую лютость, не выдерживал сего характера пред усердным и неотступным прошением, но явился тут благим и кротким. Чего же ради

так сделал Господь? — Чтоб дать тебе разуметь, что прошение и моление и злое естество легко превращает в доброе и милостивое, и чтоб, таким образом, ни для кого уже не оставалась неведомою сила молитвы. Для этого Он, поставив вдову пред злейшим всех судиею и показав его, не по естественному его характеру, человеколюбивым, от него, злого, переносит слово к Отцу Своему, благому, кроткому, человеколюбивому, превосходящему беззакония, прощающему грехи многие, хулимого и сносящего хулу, видящего чествование демонов и оскорбление Себе и Сыну Своему и неотмщающего. Если теперь Он, хулимый, так кротко переносит оскорбляющих Его, то, когда мы с подобающим страхом припадем к Нему, не помилует ли Он нас и скоро и всещедро? *Слышите*, говорит Господь, *что судия неправды глаголет? Аще и Бога не боюся и человек не срамляюся: но зане творит ми труды вдовица сия, отмщу ея* (Лк. 18, 6, 4—5). Если вдова, припадая, жестокого сделала столь кротким, то чего не можем мы ожидать от человеколюбивого Бога, припадая к Нему? [2, 782].

**46.** *Пад убо раб той, кланяшеся ему, глаголя: господи, потерпи на мне, и*

*вся ти воздам. Милосердовав же господь раба того, прости его и долг отпусти ему* (Мф. 18, 26—27). Послушаем, ленивые на молитву, какую силу имеет умаливание. Раб этот ни пощения особенного не показал и ничего другого подобного, но потому только, что умолял господина своего, преклонил его на милость. Не будем же унывать и отчаиваться в молениях. Кто был ничтожнее этого раба, только долги копившего и ничего доброго, ни большого ни малого, в себе не имевшего? Однако ж он не сказал сам в себе: бездерзновенен есмь, стыд покрывает лицо мое, — как могу приступить? Как могу отверзть уста на умоление? — что говорят многие грешники, больные диавольским благоговением. Бездерзновенен ты? Для того и приступи, чтобы стяжать дерзновение. Разве человек есть Тот, Кого ищешь ты умилостивить, чтобы стыдиться Его и краснеть? Бог Он есть, больше тебя самого желающий очистить тебя от долгов твоих пред Ним. Не столь ты желаешь поставить себя в положение, обезопашенное со всех сторон, сколько Он желает твоего спасения. И это показал Он самым делом. — Не имеешь дерзновения? Но потому самому тебе и следует дерзать, что ты таким себя сознаешь. Ибо вели-

чайшее дерзновение есть почитать себя бездерзновенным, как величайшее стыдение есть оправдывать себя пред Господом. Таковой не чист, хотя бы являлся святейшим всех людей; как, напротив, праведен, кто почитает себя последнейшим всех. Свидетели этого фарисей и мытарь. Не будем же отчаиваться и падать духом по причине грехов, но приступим к Богу, припадем, станем умолять, как сделал этот раб, бывший доселе в истинно добром настроении. Ибо не падать духом, не отчаиваться, исповедать грехи, просить облегчения и потерпения — все это хорошо, и есть признак сердца сокрушенного и души смиренной. Но что после того он сделал, то совсем не схоже с тем, что сделал в начале. Что ни собрал он умолением, все то потерял своим к сорабу немилосердием. — Но перейдем к образу помилования и посмотрим, как господин простил ему и как дошел до сего. Тот просил потерпения, а этот отпустил ему весь долг, так что тот получил больше, чем просил. Почему Павел и говорит: *Могущему паче вся творити по преизбыточеству* (преизбыточественнее), *ихже* (нежели) *просим или разумеем... слава* (Еф. 3, 20, 21). Ты и вообразить не можешь того, что и сколько Он приготовил дать тебе. Не сты-

дись же и не красней. Стыдись, правда, грехов, но не отчаивайся и не отступай от молитвы, но приступи и будучи грешным, чтоб умилостивить Господа и дать Ему случай явить на тебе Свое человеколюбие отпущением тебе грехов твоих. Если же убоишься приступить, то положишь препону Его благости и попрепятствуешь излиться на тебе Его щедрости [3, 26—27].

47. (Я не говорю: будь целый день в церкви.) Но подари мне два часа дня, а прочие удержи за собою. Но и эти два часа не мне ты подаришь, а себе, — чтоб утешиться молитвою отцов, чтоб преисполниться благословениями их, чтоб выйти отсюда обезопашенным всесторонне, чтоб, облекшись здесь во всеоружие духовное, стать недосягаемым и неодолимым для диавола. Что приятнее, скажи мне, пребывания здесь? Хоть бы и целый день тут провести надлежало, что почтеннее сего? Где безопаснее, как здесь, где столько братий, где Дух Святой, где Иисус посреде и Отец Его? Какое другое подобное сему найдешь ты собрание? Какое совещалище? Какой синод? Такие здесь блага на трапезе (Господней) — в слышании (слова Божия и поучений), в благословениях, в молитвах, во взаимнообщении,

а ты в другие обращаешь очи свои места собраний? Какое можешь ты иметь в этом извинение? — Это говорю я не для вас (присущих здесь), потому что вы не имеете нужды в таких врачевствах, делом показывая свое здравие, послушание и теплую любовь к пребыванию в церкви. Но я говорю это вам, чтоб чрез вас услышали то не присущие здесь. Не говорите, впрочем, им, что я только осуждаю не пришедших сюда, но передайте им все мое слово с начала. Скажите им, сколь лучше всех других здешнее собрание, скажите, какую великую награду получают собирающиеся здесь. Ибо если скажете только, что я осудил их, то рассердите только их, — рану причините, а врачевства не наложите на нее. Если же дадите им понять, что я не как враг осудил их, а как друг болезновал о них, и убедите, что *достовернее суть язвы друга, нежели вольная лобзания врага* (Притч. 17, 6), то они с большим удовольствием примут обличение: ибо в таком случае они будут обращать внимание не на слова, а на намерение говорящего. Так врачуйте братий ваших. Мы ответны за спасение вас, здесь присущих, а вы — за спасение отсутствующих. Нам нельзя вести с ними беседу лицом к лицу: будем вести ее чрез

вас, чрез ваше их научение. Мостом некиим да будет для нас к ним ваша любовь. Сделайте, чтоб слова наши чрез ваш язык перешли в их слух [3, 70].

48. Глядя на вашу малочисленность и на то, что собрания наши все более и более умаляются, и скорблю и радуюсь. Радуюсь за вас, присущих; скорблю о тех, отсутствующих. Вы достойны похвалы, что и малочисленность пришедших не умалила вашего усердия и не сделала беспечнейшими; а те наипаче виновны, что даже и вашим усердием не сделались тщаливейшими. Почему вас я ублажаю и называю ревнителями, что умаление приходящих сюда нимало не повредило вам, а тех несчастными почитаю и плачу о них, что никакой пользы не принесло им ваше усердие. Не послушали они Пророка, который говорит: *изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениях грешничих* (Пс. 83, 11). Не сказал: *изволих* жить в доме Бога моего, ни: пребывать в нем, ни даже: войти внутрь; но: *изволих приметатися* (близ быть и около). Любезно мне хоть в числе последних быть вчинену; доволен буду, говорит, если хоть в преддверие войти удостоен буду; великим почту даром, если хоть к ряду последнейших

кто причислит меня в доме Бога моего. Общего всех Владыку любовь делает своим собственным, ибо такова любовь. Любящий не любимого только любит видеть, и не дом его только, но и сени, и не сени только дома, но и крыльцо и двор. Он хоть одежду, хоть обувь увидит своего любимого, думает, что пред ним сам любимый. Таковы были Пророки. Поелику не видели они Бога бестелесного, видели дом Его, и чрез дом воображали Его присутствие. *Изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениях грешничих.* Всякое место по сравнению с домом Божиим есть селение грешниче, назови ты судилище, назови сове́телище или частный дом. Бывают и там молитвы и моления, но бывают и споры, и брани, и пререкания, и соглашения по делам житейским. Сей же дом (церковь) чист от всего этого. Почему те суть селения грешничи, а этот есть дом Божий. Как пристань, огражденная от ветров и волн, великую доставляет безопасность входящим в нее кораблям, так и Божий дом, исхищая входящих в него от мятежа житейских дел, как от бури, дает им стоять в великой тихости и безмятежности, и слушать слово Божие. Место сие есть настроение к добродетели, училище любомуд-

рия, не во время только собрания, когда слушаются Писания, предлагаются духовные поучения и предстоят почтеннейшие отцы; но и во всякое другое время, войди только в преддверие (портик, паперть), — и тотчас отложишь житейские заботы. Войди внутрь — и тотчас веяние некое духовное обымет душу твою. Тишина, в нем царствующая, производит трепет отрезвляющий и располагает любомудрствовать, возбуждает ум, отбивает память о всем здешнем и переносит тебя с земли на небо. Если же без собрания (богослужения) такая польза от присутствия здесь, то, когда слышится глас Пророков, когда благовествуют Апостолы, когда Христос бывает посреде, когда Отец приемлет бывающее здесь (жертвоприношение), когда Дух Святой исполняет духовным веселием, какими благами насытясь отыдут отсюда присущие здесь! Отсутствующие же какой потерпят ущерб! [3, 144—145].

**49.** Желал бы я знать, где проводят время презревшие наше собрание, что удержало их и отвело от сей священной трапезы (то есть слушания слова), о чем у них разговоры. Но я уже и знаю наверное, что они или болтают о неуместных и достойных смеха вещах, или опутаны житейскими забота-

ми. Ни то ни другое недостойно извинения и крайнее заслуживает обличение. О первом и говорить нечего: так оно самообличительно. Но что и те, которые домашние выставляют нам дела и говорят о неотложных там надобностях, не могут ожидать снисхождения, когда, однажды в неделю будучи сюда призываемы, и тут духовное не хотят предпочитать земному; это явно из Евангелия. И в притче званные на брак такие же представляли отговорки: один купил волов, другой приобрел поле, третий жену поял* (Лк. 14, 18—20); однако ж не избежали царского гнева. Причины те, точно, уважительны, но, когда Бог зовет, цены не имеют. Всякая нужда должна отступать пред богопочтением. Почти Бога, потом обращай попечение и на другое. Какой раб, скажи мне, прежде исполнения должного служения господину, станет что-либо убирать в своем жилье? Как же не нелепо господам — людям, где господство есть одно пустое имя, оказывать такой страх и послушание, а Того, Кто есть воистину Владыка, не наш только, но и вышних Сил, не удостоивать и такого служения и почитания, какое является к сорабам? Ког-

* *Поять* (церк.-слав.) — взять, брать; жениться. — *Ред.*

да бы возможно было вам проникнуть в совесть таковых, вы увидели бы добре, как они изранены, сколько у них терний!! Как земля, которой не касается рука земледельца, запустевает и зарастает всякою сорною травою, так и душа, не возделываемая духовным учением, зарастает терниями и волчцами. Ибо если мы, каждый день слушающие Пророков и Апостолов, едва удерживаем гнев, едва обуздываем ярость, едва исторгаем занозу зависти, едва, и частые напевания (заговорные) из божественных Писаний напевая нашим страстям, успеваем уложить этих бесстыдных зверей, — то они, никогда не принимающие таких врачевств, никогда не слушающие уроков божественного любомудрия, какую могут иметь надежду спасения, скажи мне? Желал бы я показать очам вашим души их, — и вы увидели бы их покрытыми всякою сквернотою, неряхами, растрепами, приуниженными и на глаза показаться не смеющими. Как тело, когда его не моют, покрывается грязью и нечистотою, так и душа, не обдаваемая духовным учением, бывает обложена многим множеством грехов. И всё здесь, в храме бывающее, есть баня духовная, теплотою Духа всякую нечистоту испаряющая. Огнь Духа не только всякую

нечистоту испаряет, но и цвет (ею наводимый). Ибо Господь говорит: *аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю* (Ис. 1, 18). Хотя бы, говорит, нечистота греховная так глубоко въелась в естество души, что стало бы в ней неподвижною, подобно природному цвету вещей, — и тогда я могу изменить ее в противоположное качество. Довольно сделать одно мановение, и всякий грех исчезнет [3, 145—146].

**50.** (Чем не отговариваются ленивые ходить в церковь!) Иные выставляют жаркое время. Удушливая, говорят, ныне атмосфера, жара нестерпимая, не можем выносить тесноты и давки среди народа, когда по́том так и обдает, жар, духота. Стыдно мне за них, поверьте. Ибо это — женские отговорки. Но и им нельзя этим достаточно извиниться, хотя их тела нежнее и природа слабее. Стыдно бы обличать такие изворо-ты, но нужда належит. Ибо, если они, выставляя такие предлоги, не краснеют, тем более нам не следует стыдиться вести речь против этого. Что же скажем выставляющим это? Хочу напомнить им трех отроков в пламени пещном. Огонь отвсюду обдавал их, опалял очи, вливался в уста, захватывал дыхание, а они не переставали от лица всей

твари петь Богу священную оную хвалебную песнь, но, стоя среди пламени, будто гуляя по лугу, всеусердно воссылали свое общему всех Владыке благохваление. После сих трех отроков приведу им на память ров со львами и Даниила среди их; и не только это, но попрошу их вспомнить и о другом рве и Пророке — о рве тинном, в котором по самую выю погружен был Иеремия. Поднявшись из этих рвов, хочу я этих отговаривающихся давкою и жарою ввесть в узилище и показать им Павла и Силу, привязанных к бревну, покрытых рубцами и язвинами, всем телом раскрасневшихся по причине множества ран, и несмотря на то в полунощи поющих песнь Богу и совершающих священное оное всенощное бдение. Как же теперь не будет ни с чем не сообразно, что, тогда как те святые, находясь в пещи, в огне, во рве, среди зверей, в тине, в узилище, в ранах, при бесчисленных болях и страданиях, ничего такого не выставляют в извинение, но с пламенным усердием проводят время в молитвах и в пении священных песней, — мы, ни мало ни много не терпя ничего подобного сказанному, из-за небольшого жара и пота даем себе дерзость нерадеть о своем спасении и, оставя священное собрание, блуждать вне, вмеши-

ваясь в растлевающие сборища, ничего здравого не имеющие? [2, 174—175].

51. Скажи ему (не ходящему в церковь): не стыдно ли тебе и не должно ли тебе краснеть пред иудеями, которые с такою точностию соблюдают свою субботу и еще с навечерия ее оставляют всякую работу? Они, как только заметят в пятницу, что солнце подходит к закату, тотчас пресекают все сделки и торговлю прекращают. И если кто, купив у них что-либо пред вечером, вечером принесет им цену купленного, они не согласятся принять ее и взять в руки сребро. Что я говорю о цене купленного? Хоть бы сокровище приходилось получить, они скорее согласятся потерять такое приобретение, чем нарушить закон. Итак, иудеи с такою строгостию соблюдают свой закон, и притом безвременно и так, что это соблюдение никакой уже не доставляет им пользы, но более вредит; а ты, ставший выше тени закона, сподобившийся узреть самое Солнце правды, принадлежащий уже к Царствию Небесному, не хочешь показать такую же ревность к спасительному, какую они показывают к безвременному не на добро себе, но, бывая призываем сюда на малую часть дня, даже и этого не имеешь терпения употребить на слу-

шание Божественных словес? Какое можешь ты улучить прощение, скажи мне? Какое можешь представить себе оправдание, благословное и уважительное? Нет, нельзя, никак нельзя улучить какое-либо прощение тому, кто столько нерадив и беспечен, хотя бы он неисчетные выставлял житейские нужды. К тому же не знаешь разве, что если ты, пришедши сюда, поклонишься Богу и пробудешь здесь всю службу, то дела, которые у тебя на руках, потекут благоуспешнее? Житейские у тебя есть заботы. Но для того и спеши сюда, чтобы, Божие стяжав благоволение ради молитвенного здесь пребывания, выйти отсюда с благонадежием на успех, чтобы Бога возыметь споспешником себе в борьбе с затруднениями, чтоб, в силу вспомоществования Вышнею Десницею, сделаться необоримым для демонов. Если сподобишься здесь отеческих (иереев) молитв, если причастишься силы общей (братий) молитвы, если послушаешь словес Божественных, если привлечешь Божию помощь, если такими огражденный оружиями выйдешь отсюда, — то сам диавол даже воззреть на тебя не возможет, а не только люди злые, у которых только и заботы, как бы кого искусить и оклеветать. Если же прямо

из дома пойдешь на торжище, то, будучи лишен всех таких оружий, явишься открытым для всех против тебя покушений [3, 176—177].

52. (Второй брак позволителен.) Запрещается только блуд и прелюбодеяние. Их будем бегать, как имеющие жен, так и не имеющие. Не будем постыждать жизнь свою, не будем жить жизнию, достойною посмеяния, не будем вводить в душу свою злой совести. Как тебе будет прийти в церковь после обращения с блудницами? Как прострешь ты к небу руки, которыми обнимал блудницу? Как подвигнешь на призывание имени Божия язык и уста, коими целовал блудницу? Какими очами смотреть будешь на честнейших из друзей твоих? Ибо хоть бы никто не знал о грехе твоем, ты сам прежде всех других вынужден будешь стыдить себя и заставлять краснеть, и паче всех телом своим гнушаться. Если б не было так, то чего ради ты бежишь в баню после такого греха? Не потому ли, что почитаешь себя нечистейшим паче всякой нечистоты? Какого другого искать тебе доказательства, сколь нечисто сделанное тобою? Или какого ожидать тебе решения от Бога, когда сам ты, падший в грех, такое имеешь мнение о слу-

чившемся? Что таковые нечистыми себя почитают, хвалю и одобряю; но что не в надлежащее место идут они для очищения, за это осуждаю и порицаю. Если б тут телесная только была скверна, то право чаял бы ты отмыться от этих нечистот водами бани; но, душу осквернив и сделав нечистою, такое ищи и очищение, которое ее скверну сильно отмыть. Какая же баня для омытия такого греха? — Горячие источники слез, стенания, из глубины сердца исторгающиеся, сокрушение непрестанное, молитвы прилежные, милостыни, и милостыни щедрые, раскаяние в сделанном, обет не покушаться более на такие дела. Так отмывается грех, так очищается душевная скверна; так что, если этого не сделаем, то, хотя бы мы обошли все источники вод, и малой части этого греха не отребим*. Конечно, лучше совсем не покушаться на этот срамный грех. Но если уже кто поскользнулся на него как-нибудь, пусть спешит наложить на рану принятую показанные врачевства, полагая прежде всего обет не падать более в то же осквернение. Если, согрешив, раскаемся, а потом опять на то же покусимся, то никакой не будет пользы от пройденного очищения. Омывшийся и опять

* Не очистим. — *Ред.*

падающий в кал тинный — что разоряющий то, что построил, и строящий опять, чтоб опять разорить воссозданное, — никакой не получает пользы, всуе трудится и тяготит себя [3, 224].

53. Чего не можем мы исправить собственными своими усилиями, то довершить можем молитвами, — молитвами, разумею, непрестанными. Ибо молиться надобно непрестанно, и всем: и тому, кто в скорби, и тому, кто в радости, и тому, кто в бедах, и тому, кто в благополучии. Кто в радости и благополучии, тому надо молиться, чтоб такое состояние пребыло неподвижным и неизменным, и никогда не пресекалось; а кто в скорби и бедах, — чтоб увидеть наконец благоприятное себе изменение своего положения и вкусить сладостного покоя от бед. Покойно тебе живется? Моли Бога, да пребудет нерушимым покой сей. Видишь, что поднимается гроза? Моли прилежно Бога пронести благополучно бурю и восстановить нарушенный покой. Услышан? Благодари за то, что услышан. Не услышан? Продолжай молиться, чтоб услышану быть. Бог нередко отсрочивает дарование по молитве не потому, чтоб гневался и отвращался, но для того, чтоб отдалением дарования долее удержать

тебя при Себе, как делают и отцы чадолюбивые. Недостоин ты? Неотступностию моления сделаешь себя достойным. Приступила к Господу хананеянка и сильно взывала: *помилуй мя, Господи, дщи моя зле беснуется* (Мф. 15, 22). Кто она была? Чужая варварка, псу уподобленная. Но неотступностию моления сделалась достойною услышания, — и не только услышана, но и похвалена: *о жено, велия вера твоя* (ст. 28). В начале прошения Господь ничего ей не ответил; но, когда она однажды, дважды и трижды приступала с молением, тогда лишь явил ей милость Свою: *буди тебе, якоже хощеши*, концом сим уверяя нас, что и в начале Он отлагал дарование, не имея намерения совсем отказать просящей, но желая показать терпение жены и нам дать урок *в молитве терпеть* (Кол. 4, 2). Нет ничего сильнее теплой и усердной молитвы [3, 319—320].

**54.** Когда молимся, тогда наипаче нападает на нас злобный к нам диавол. Видит он величайшую нам пользу от молитвы, почему всячески ухитряется сделать, чтоб мы воротились отсюда, из церкви, домой с пустыми руками. Знает он, добре знает, что если пришедшие в храм приступят к Богу с трезвенною молитвою, выскажут грехи свои

и теплою сокрушатся о том душою, то отойдут отсюда, получив полное прощение: человеколюбив бо есть Бог. Почему предупреждает отвести их чем-либо от молитвы, чтоб они ничего и не получили. И это делает он, не насилуя, но мечтаниями приятными развлекая ум и чрез то наводя леность к молитве. Сами виноваты мы, что самоохотно отдаемся в его сети, сами себя потому лишаем благ молитвы, — и никакого не имеем в этом извинения. Усердная молитва есть свет ума и сердца, свет неугасаемый, непрестанный. Почему враг бесчисленные помыслы, как облака пыли, ввевает в умы наши и даже такое, о чем мы никогда не думали, собирая, вливает в души наши во время молитвы. Как иногда порыв ветра, нападши на возжигаемый свет светильника, погашает его, так и диавол, увидев возжигаемый в душе пламень молитвы, спешит навеять оттуда и отсюда бесчисленные заботливые помыслы и не прежде отстает от этого, как когда успеет погасить занявшийся свет. В таком случае будем поступать так, как поступают те, которые возжигают светильники. Те что делают? Заметив, что подступает сильное дуновение ветра, они загораживают пальцем отверстие светильника и таким образом не дают

ветру доступа внутрь, потому что, ворвавшись внутрь, он тотчас погасит огонь. То же и в нас. Пока совне приражаются помыслы, мы можем еще противостоять им; когда же отворим двери сердца и примем внутрь врага, то не сможем уже нисколько противостоять им. Враг, погасив в нас всякую добрую память и помышление святое, делает из нас коптящий светильник: тогда в молитве лишь уста произносят слова пустые. Почему, как те, возжигатели светильников, палец налагают на отверстие светильника, так и мы заградим дверь сердца трезвенным помыслом и тем пресечем злому духу вход туда, чтоб, вошедши, он не погасил там света молитвы [3, 358].

**55.** Молился Исаак об отъятии бесчадия Ревекки, жены своей, и услышал его Бог (Быт. 25, 21). Не подумай, что он, как только призвал Бога, так и услышан был. Нет, много времени прошло у него в молитве о том к Богу. Двадцать лет молился он об этом Богу. Сорок лет было ему, когда взял за себя Ревекку (ст. 20); а когда родились у него дети, было ему шестьдесят лет (ст. 26). Двадцать лет бесчадствовала Ревекка, и во все это время Исаак молился Богу. — Итак, не стыдно ли нам, не следует ли нам закры-

вать лица свои, видя, как праведник двадцать лет терпит в молитве и не отступает, а мы после первой или второй молитвы часто соскучиваемся и дерзаем держать неудовольствие на неуслышание? И притом он великое имел к Богу дерзновение и, однако ж, не роптал на отложение дарования, а терпеливо ожидал его; мы же, бесчисленным множеством заваленные грехов, с лукавою живя совестию, не показав Господу никакого благоугождения, если, прежде чем изречем свое прошение, не бываем услышаны, теряем терпение, падаем духом и бросаем молитву. Оттого и отходим отсюда всегда с пустыми руками. Кто из нас двадцать лет молился Богу об одном чем-либо или хоть двадцать каких-либо месяцев? [3, 361—362].

56. Недовольно для спасения нашего молиться, если притом не будем молиться по тем законам, которые положил для сего Христос. Какие же Он положил законы? Молиться за врагов, хотя бы они много нас опечалили. И если не будем этого исполнять, то погибли мы, как видно из того, что было с фарисеем. Ибо если этот, не против врагов молясь, а только потщеславившись, такое понес наказание, то какое наказание ожидает тех, которые многие и долгие творят молит-

вы против врагов! Что делаешь ты, человек? Стоишь, испрашивая прощения грехов, и гневом наполняешь душу свою? Когда надлежит нам быть кротчайшими всех, потому что беседуем к Господу всемилостивому, молимся Ему о грехах своих, просим себе милости, человеколюбия и прощения; тогда ли прилично свирепствовать, предаваться зверству и горечью исполнять уста свои? И как, скажи мне, можем мы с тобою улучить спасение, вид держа просителей, а слова произнося гордостные и преогорчевая тем своего Владыку? Вошел ты, чтоб уврачевать собственные свои раны: это время умилостивления, время умоления и стенаний, а не гнева, слез, а не раздражения, сокрушения, а не негодования. Зачем возмущаешь порядок вещей? Зачем сам против себя воюешь? Зачем разоряешь собственное построение? Молящемуся, прежде всего другого, надлежит быть мирну душою, иметь ум смиренно настроенный и сердце сокрушенное; а против врагов вопиющий никак не может ничего такого исполнить, потому что он полон гнева и неспособен иметь кроткие чувства [3, 366].

57. Когда увидишь, что породились какие-либо затруднения или в супружестве, или в положении прочих житейских

вещей, призывай Бога на помощь. Это есть самый лучший способ разрешения встречающихся затруднений. Оружие молитвы есть самое сильное. Это я часто говорил, и ныне говорю, и не перестану говорить. Хоть ты грешник, — смотри на мытаря, который не получил отказа, но столько грехов своих очистил. Хочешь ли знать, какова сила молитвы? Не сильно у Бога столько дружество, сколько молитва. И это не мое слово: не посмел бы я от своего ума произнесть такое положение. Послушай из Писаний, как дружба не сделала того, что сделала молитва. *Кто от вас*, говорит Господь, *имать друга, и идет к нему в полунощи, и речет ему: друже, даждь ми взаим три хлебы, понеже друг прииде с пути ко мне, и не имам чесо предложити ему. И той извнутрь отвещав речет: не твори ми труды: уже двери затворени суть, и дети моя со мною на ложи суть: и не могу востав дати тебе. Глаголю вам: аще и не даст ему востав, зане друг ему есть, но за безочьство его, востав даст ему, елика требует* (Лк. 11, 5—8). Видишь как, чего не сильна была сделать дружба, то сделала неотступность (моления)? Поелику проситель был друг, то, чтоб

ты не подумал, что по этой причине имела успех просьба, Господь сказал: *аще и не даст ему, зане друг ему есть, но за безочьство его даст ему*. Если и не сделает, говорит, этого дружба, но неотступность сделает то, для чего не сильна была дружба. — Но где же было так на деле? На мытаре. Мытарь не был друг Богу, но сделался другом. Так и ты, хотя бы враг был, неотступностию сделаешься другом. Посмотри и на сирофиникиссу, и послушай, что говорит ей Господь: *несть добро отъяти хлеба чадом и повръщи псом* (Мф. 15, 26). Как же Он сделал это, если оно не хорошо? Неотступностию жена достигла сего блага, да уразумеешь, что, чего мы недостойны, того достойными делаемся посредством неотступного моления [3, 370].

58. Не говори: грешен я, не имею дерзновения, не смею молиться. Тот и имеет дерзновение, кто думает, что не имеет дерзновения; как наоборот: кто думает, что имеет дерзновение, отнимает силу у дерзновения, как фарисей. Кто почитает себя отверженным и бездерзновенным, тот паче будет услышан, как мытарь. Смотри, сколько на это имеешь примеров, — сирофиникиссу, мытаря, разбойника на кресте, друга в притче,

три хлеба просившего и получившего их не по дружбе, а по неотступности прошения. Всякий из этих, если б сказал: грешен я, постыжден, и потому не могу приступить с прошением, ничего бы и не получил. Но как каждый из них не на множество взирал грехов своих, но на богатство человеколюбия Божия, то воздерзновенствовал и восприял смелость, и, будучи грешником, стал просить того, что выше его достоинства, и получил, чего желал. Воспоминая все сие, будем молиться непрестанно, с трезвением, дерзновением, с благими надеждами, со многим усердием. Будем молиться и за врагов и за друзей, и, конечно, получим все благопотребное. Человеколюбив бо есть Даятель, — и не столько мы желаем получать, сколько Он желает давать [3, 370—371].

59. Хотя и вне церкви находишься, взывай и говори: *помилуй мя!* — не губами только шевеля, но из сердца вопия. Ибо Бог слышит и молча вопиющих к Нему. Не место требуется, но благонастроенное сердце. Иеремия во рве тинном был и Бога имел с собою; Даниил в яме со львами сидел, и Божиим покрываем был благоволением; три отрока, в пещь огненную ввержены, хвалебными песнями Бога преклонили на ми-

лость; разбойник распят был, но крест не помешал ему рай отверзть; Иов сидел на гноищи, и Бога милостивым к себе соделал; Иона во чреве китове был, и Бог услышал его. Хоть в бане будешь — молись, хоть в пути, хоть на одре, и где бы ты ни был — молись. Ты сам — храм Божий, не ищи другого места для молитвы; нужно только молитвенное настроение ума и сердца. Море было впереди, позади египтяне, посреди Моисей. Для молитвы крайнее стеснение, и, однако же, молитва была пространнейшая. Позади гнались египтяне, впереди стояло море, посреде — молитва. Моисей ничего не говорил, но Бог сказал ему: *что вопиеши ко Мне?* (Исх. 14, 15). Уста не говорили, но сердце вопияло. — И ты, возлюбленный, всегда и везде так прибегай к Богу! Бог — не человек, чтоб идти к Нему в известное место. Он всегда и везде близ есть. Если желаешь о чем-либо просить человека, спрашиваешь, что он делает, занят чем или отдыхает. Идя к Богу, ничего такого разведывать не нужно. Где ни приступишь к Нему и не призовешь Его, слышит. Скажи: *помилуй мя*, — и Бог уже близ есть. *Еще глаголющу ти*, говорит Он Сам, *реку: се Аз* (Ис. 58, 9). О глас, преисполненный человеколю-

бия! Не ожидает и окончания молитвы; не успеешь кончить молитвы, как уже получишь дарование [3, 458—459].

60. Когда скажу кому: молись, проси Бога, умоляй Его, отвечает иной: просил единожды, дважды, три, десять, двадцать раз, — и все не получаю просимого. — Не отступай, брате, пока не получишь. Концом моления да будет получение просимого. Тогда перестань, когда получишь; или лучше и тогда не переставай, но все продолжай молиться. Пока не получишь, молись, чтоб получить; а когда получишь, молись, благодаря, что получил [3, 458].

61. Многие входят в церковь, прочитывают тысячи стихов и выходят, но не помнят, что читали. Уста двигались, а слух не слыхал. Сам ты не слышишь своей молитвы, а хочешь, чтобы Бог слышал твою молитву? Я преклонил, говоришь, колена; но ум твой блуждал вне. Тело твое было внутрь церкви, а мысль — вне ее. Уста говорили молитву, а ум считал барыши, обдумывал сделки и обмен товаров, обозревал поля и прочие имения и вел беседы с друзьями. Злой диавол, зная, сколь полезна для нас молитва, наипаче нападает помыслами во время ее. Часто праздно лежим мы на одре и никаких не имеем

помыслов. Но пришли помолиться, — и помыслы бесчисленны. Это враг хлопочет, чтоб мы отошли от молитвы ни с чем [Там же].

62. Видишь, возлюбленне, что все, в божественном Писании написанное, не для другого чего предано памяти, как для пользы нашей и спасения рода человеческого. Поучаяся в нем, всякий из нас находит и налагает на раны свои соответствующие врачевства. Для того всякому открыт доступ до него, и всякому желающему удобно найти требуемое для томящей его болезни врачевство, воспользоваться им и получить наискорейше оздравление; только пусть не отвергает предлагаемого врачевства, а с охотною покорностию примет его. Ибо нет ни одной из схватывающих человеческое естество болезней, — ни душевной, ни телесной, — для которой не нашлось бы здесь врачевства. И вот смотри! Входит кто сюда, печалию томимый и житейскими обстоятельствами теснимый, и оттого одолеваемый малодушием; но, вошедши сюда и тотчас услышав слова Пророка: *вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему, спасение лица моего и Бог мой* (Пс. 41, 6), — достаточное приемлет утешение и отходит, от-

рясши всякое малодушие. Иной, крайнею бедностию томимый, скорбит и мучится, особенно видя, как к другим течет богатство, и они надымаются и с такою выступают пышностию. Но слышит он слова Пророка: *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает* (Пс. 54, 23). И еще: *не убойся, егда разбогатеет человек, или егда умножится слава дому его: яко внегда умрети ему, не возмет вся* (Пс. 48, 17—18), — и воодушевляется терпеть благодушно долю свою. Иной опять скорбит, подвергшись наветам и клевете, и жизнь вменяет не в жизнь, нигде не находя человеческой помощи. Но и этот от того же Пророка получает урок, — в подобных обстоятельствах не к человеческой прибегать обороне, но поступать, как он говорит о себе: *оболгах мя, аз же молях-ся* (Пс. 108, 4). Видишь, где ищет он содействия и помощи? Другие, говорит, сплетают козни, клеветы и наветы; я же прибегаю к стене необоримой, к якорю надежному, к пристани неволненной, — к молитве, которою все трудности делаются для меня легкими и удобоодолимыми. Иной еще, будучи отвергнут и презрен прежде ему помогавшими и оставлен друзьями, смущается и мятется помыслами. Но и он, если захочет прийти

сюда, услышит потребные ему слова блаженного сего Пророка: *друзи мои и искреннии мои прямо мне приближишася и сташа. И ближнии мои отдалече мене сташа, и нуждахуся ищущии душу мою, и ищущии злая мне глаголаху суетная, и льстивным* (ковам) *весь день поучахуся* (Пс. 37, 12—13). Видишь, как те до самой смерти сплетали наветы и непрестанную вели войну? Ибо *весь день* означает — всю жизнь. Что же делал он, когда те так наветовали на него и такие строили ему ковы? *Аз же*, говорит, *яко глух не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих: и бых яко человек не слышай* и не отверзай уст своих (ст. 14—15). Видишь преизбыточество любомудрия, как он, противоположных держась путей, одерживал верх? Те ковы сплетали, а он и уши затыкал, чтоб даже не слышать о том. Те все время изощряли язык и поучали суетностям и козням, а он молчанием обезоруживал их манию (злые замыслы). Почему же он так поступал, и, когда строили против него ковы, он держал себя, будто глухой и немой, не имеющий ни слуха, ни языка? Послушай, что сам он говорит о причине такого любомудрия: *яко на Тя, Господи, уповах* (ст. 16). Поелику, говорит, я на

Тебя возложил все упование мое, то никакой уже у меня заботы нет о том, что те делают. Ибо единое Твое мановение довольно к тому, чтобы рассеять и сделать бесплодными все их наветы и ковы и ничему из заготовленного ими не дать перейти в дело. Видите, как во всякой нужде, беде и скорби можно здесь получить пригодное врачевание и отойти отсюда, отрясши всякую житейскую печаль. Посему я и умоляю вас: почаще сюда приходить и тщательно внимать тому, что читается здесь из божественных Писаний, и не только здесь внимать Писаниям, но и дома брать в руки священные книги и усердно усвоять себе прочитываемое. Ибо великая отсюда произойдет польза [4, 261—262].

**63.** С постом надобно соединять молитву. А что воистину так должно, слушай, что говорит Христос: *сей род ничимже изыдет, токмо молитвою и постом* (Мф. 17, 21). И об Апостолах пишется, что, по утверждении в вере душ учеников в Дервии, Листре и Ликаонии, они, *помолившася с постом, предаша их Господеви* (Деян. 14, 23). Опять и Апостол говорит: *не лишайте себе друг друга, точию по согласию до времене, да пребываете в посте и молитве* (1 Кор. 7, 5). Видишь, как пост имеет

нужду в содействии с этой стороны? — И молятся тогда более трезвенно, так как ум тогда бывает быстродвижнее, не будучи тяготим злою ношею страстей [4, 279].

64. Молитва есть великое оружие, великое ограждение, великое сокровище, великое пристанище, безопасное убежище; только если трезвенно приступаем к Владыке и, отвсюду собрав ум свой, в таком настроении вход пред Него совершаем, никак не допуская врагу нашего спасения прокрасться к нам. Ибо он, зная, что в это время мы, исповедав грехи свои и показав Врачу раны свои, можем получить совершенное уврачевание, сильнее на нас нападает и всякие употребляет хитрости, чтоб отбить нас от молитвы и ввергнуть в нерадение и рассеянность. Почему будем трезвиться, умоляю вас, и, зная козни врага, в это наипаче время стараться отражать его, как бы видя его присущим и пред очами нашими стоящим, и, отревая всякий помысл, возмущающий ум наш, всецело простираться горе, делая моление наше настоящею молитвою, чтоб не только язык произносил слова молитвы, но и ум сшествовал глаголемому. Если же язык будет произносить слова, а ум вне будет влаяться, то домашние пересматривая вещи, то

торжищные воображая дела, то никакой не будет нам пользы, а паче осуждение. Святой Павел внушает нам молиться *на всяко время духом* (Еф. 6, 18), не языком только, но и в самой душе, — духом. Духовны да будут наши моления, да трезвенствует при сем помысл, и ум да простирается вместе с словами [4, 280].

**65.** Великое благо — молитва. Если, разговаривая с добродетельным человеком, получаем немалую пользу, то с Богом беседовать сподобившийся каких не получит благ? Ибо молитва есть беседа с Богом. Что это так, послушай, что говорит Пророк: *да усладится Ему беседа моя* (Пс. 103, 34), то есть глаголание мое с Богом да явится приятным Ему [Там же].

**66.** Разве не может Бог даровать нам потребное, прежде прошения нашего? — Но Он ожидает моления нашего, чтобы от него взять повод праведно сподобить нас Своего особого промышления [Там же].

**67.** Хотя получим просимое, хотя не получим, — пребудем в молитве. И благодарны будем не только тогда, когда получим, но и когда не получим. Ибо не получить, когда того хощет Бог, не меньшее есть благо, как и получить. Ибо мы не знаем, что нам

полезно, так как сие знает Бог. Почему и получение и неполучение почитая равным благом, за то и другое должны мы благодарить Бога. Не дивись, что мы не знаем, что нам полезно. И Павел, сей дивных таин созерцатель, не знал, что ему полезнее, — и в неведении молился о неполезном. Было нечто тяготящее его, и он молился избавить его от того. И не однажды молился, но говорит: *о сем трикраты Господа молих* (2 Кор. 12, 8). Но не получил просимого. Что же? Тяжело это ему было? скорбно? неприятно? Никак нет. Господь сказал ему: *довлеет ти благодать Моя, сила бо Моя в немощи совершается*. И святой Павел вот чем ответил на это: *сладце убо похвалюся паче в немощех моих* (ст. 9). Не только, говорит, не ищу избавиться от тяготящего меня, но мне сладко даже хвалиться тем. Видишь, сколь благодарна эта душа? Видишь, какова любовь ее к Богу? — Послушай, что еще в другом месте говорит тот же Апостол: *о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы* (Рим. 8, 26). Невозможно, говорит, нам, людям, знать все до точности. Почему надобно предоставить Творцу нашего естества определение полезного для нас, и то с радостию и полным удовольствием принимать,

что Он одобрит, не на видимость случающегося смотря, а на то, что оно благоугодно Господу [4, 280—281].

68. Нашим да будет всегдашним делом прилежать молитвам и не унывать при медленности услышания, но являть терпеливое благодушие. Будем приучать себя к тому, чтоб прилепиться к молитве, — и молиться и днем и ночью, особенно ночью, когда никто не докучает делами, когда улегаются помыслы, когда вокруг все безмолвствует и ум полную имеет свободу возноситься ко Врачу душ. Если блаженный Давид, царь вместе и Пророк, столькими озабочиваемый и утомляемый делами, полночь посвящал молитве, как сам говорит: *полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея* (Пс. 118, 62), — то мы, частную и немногодельную проводя жизнь, что можем сказать в свое оправдание, не поступая так, как он? Будем же и мы подражать ему, люди простые — царю, проводящие жизнь немногоделовую и покойную — тому, кто в диадеме и порфире превосходил жизнь монахов. Ибо слушай, что еще говорит он в другом месте: *быша слезы моя мне хлеб день и нощь* (Пс. 41, 4). Видишь душу, в непрестанном сокрушении пребывающую? Пищею, говорит,

моею, хлебом моим, моею трапезою было не другое что, как слезы мои, днем и ночью проливаемые. И еще: *утрудихся воздыханием моим, измыю на всяку нощь ложе мое* (Пс. 6, 7). Что прекраснее этих очей, как маргаритами преукрашенных таким обильным дождем слез? Видел ты царя, днем и ночью предающегося слезам и молитве; посмотри теперь учителя вселенной, заключенного в темницу вместе с Силою и всю ночь проводящего в молитве, несмотря ни на узы, ни на страдания от побоев, которые не только не помешали молитве, но сделали ее еще более горячею и пламенеющею любовию ко Господу. *В полунощи*, говорят Деяния, *Павел и Сила молящася пояху Бога* (16, 25). Давид, на царстве в диадеме, в слезах и молитве всю проводил жизнь. Апостол, до третьего неба восхищенный, неизреченных таин откровения сподобившийся, находясь в узах, в полночь молитвы и песни возносил к Господу. И царь, в полночь вставая, исповедался Господеви; и Апостолы в полночь совершали песнопения и прилежные молитвы. Им будем подражать и мы, непрерывностию молитв ограждая жизнь свою от всего неприятного и бедственного. Всякое место и всякое время пригодно для такого деяния. Если ты

имеешь ум очищенным от нечистых страстей, то будь ты на торжище, будь дома, будь в дороге, будь в судилище, будь на море, будь в мастерской и где ты ни будь, — везде, призвав Бога, можешь улучить просимое [4, 281—282].

69. Анна, мать Самуила, окрыленная любовию к Богу, возвела ум свой на небеса и, как бы Самого Бога зря, молилась Ему со всею теплотою. Что же говорила она? Сначала ничего, но пред начатием молитвы положила глубокие воздыхания и раздирающие стенания и испустила потоки горячих слез. Как сухая и жесткая земля, ниспадшим на нее дождем оросившись и умягчившись, делается способною к порождению плодов, так было и с сею женою. Умягченная плачем душа породила сильную молитву: *умиленна душею, помолися Господу: Адонаи Господи Елои Саваоф** (1 Цар. 1, 10, 11). Не одним призвала она Его словом, но многими, к Нему прикладными, являя свою к Нему любовь и горячее расположение. Самую же молитву внушила болезненная скорбь сердца. Она скоро была услышана, потому что прошение ее было написано крайне ра-

* *Адонаи* — Могущественный; *Елои* — Творец; *Саваоф* — Господь воинств. — *Ред.*

зумно. Таковы обычно бывают молитвы, исходящие из души, раздираемой скорбию. Вместо хартий был у нее ум, вместо пера язык, вместо чернил слезы. Почему доныне читается ее прошение: ибо письмена, написанные такими чернилами, остаются неизгладимыми [4, 640].

**70.** Ничего нет равного молитве, ничего нет сильнее веры. То и другое показала нам Анна. Ибо, приступив к Богу с сими дарами, она получила все, чего желала: и естество свое бесплодное исправила, и стыд бесчадия отъяла, и поношения ревнивой (пары своей) пресекла, и к великому востекла дерзновению, когда с камня неплодоносившего сжала клас обильный. Вы слышали и знаете, как она молилась и просила, как умолила и получила, как родила, воспитала и Богу посвятила своего Самуила, так что не погрешит, кто эту жену назовет матерью и вместе отцом детища. Ее молитвы, слезы и вера были началом рождения, хотя не бессеменного. Ей будем подражать мужи, ей подражайте жены. Эта жена есть учитель того и другого рода. Какие из вас бесплодны, — не отчаивайтесь; какие стали матерями, — воспитывайте детей, как она. Все поревнуем любомудрию жены сей прежде рож-

дения вере в рождении и попечительности по рождении [4, 643].

**71.** *Умножи молящися пред Господем* (1 Цар. 1, 12). Две добродетели указывают в Анне слова сии: терпеливое пребывание в молитве и бодренность ума; первое словом: *умножи*, а второе — словом: *пред Господем*. Все мы молимся, но не все пред Господом. Ибо, если, когда тело простерто на земле и в устах журчит молитва, ум носится то по дому, то по торжищу, — как может потом сказать таковой, что он молился пред Господом? Пред Господом молится тот, кто отвсюду собирает душу свою, и, разобщившись с землею, весь преселяется на небеса, и всякий человеческий помысл извергает из души; как и эта жена сделала тогда, ибо она, всю себя собравши и ум простерши к Богу, так призывала Бога из наболевшей души. Но как же говорится: *умножи*, когда молитва ее была не многословна? *Умножи* значит: часто произносила то же, одни и те же повторяя слова долгое время, не утомлялась и не отступала. Так и Христос Господь повелел в Евангелии молиться. Ибо, сказавши ученикам, чтоб не молились по-языčески, многословя в молитве, Он указал меру молитвословия (Мф. 6, 7) и тем показал, что то,

чтобы быть услышану, не от множества молитвенных слов зависит, а от трезвенности и бодренности ума молящегося. Но как же, скажет кто, притчею Он учил, что должно всегда молиться и не унывать, если не должно молиться многословно? Как и святой Павел заповедует в молитве пребывать (Рим. 12, 12) и непрестанно молиться (1 Сол. 5, 17)? Ибо не многословить в молитве, а между тем непрестанно молиться, — одно другому противно. Нет, это нисколько одно другому не противно, а напротив, одно с другим совершенно согласно. И Христос Господь, и святой Павел велят частые, но краткие творить молитвы, с малыми промежутками [4, 645—646].

**72.** О святой Анне пишется, что во время молитвы уста ее двигались, а слов не было слышно. Это и есть настоящая молитва, когда вопли возносятся извнутрь, когда молитва выражается не тоном голоса, но устремлением ума. Так молился и Моисей, которому, когда он ничего не произносил устами, Бог сказал: *что вопиеши ко Мне?* (Исх. 14, 15). Люди слышат только этот звуковой голос, а Бог прежде его слышит то, что вопиется внутри. Почему возможно и без вопияния быть услышану, и, ходя по

торжищу, молиться умом со всем усердием, и, сидя с друзьями или другое что делая, воплем крепким призывать Бога, — внутренним, разумею, — не делая сего явным никому из присущих. Это делала тогда и святая Анна. *Глас ея не слышашеся* (1 Цар. 1, 13). Но Господь услышал ее. Таков был ее внутренний вопль [4, 646].

73. И *воставши Анна по ядении их в Силоме, ста пред Господем* (1 Цар. 1, 9). Видишь? — Какое время другие делают временем отдыха сладкого, то она сделала временем молитвы, и после трапезы поспешила к месту молитвы, и излила потоки слез, представляя Богу ум целомудрствующий и трезвенствующий. Она и после трапезы так прилежно и усердно молилась, что получила дар сверхъестественный. Так жена сия подает нам пример — молиться и после трапезы. И сколько было бы пользы, если б мы взялись подражать сему! Ибо помышляющий о молитве после трапезы не станет много пить и не допустит себя до опьянения, не станет и есть много и не допустит себя до пресыщения. Ожидание, что надо будет молиться после трапезы, будет у него уздою для помыслов, чтоб в меру касаться всего предлежащего; а это и для души и для тела

будет великим благом. Трапеза, молитвою начинающаяся и молитвою преемлемая, никогда не оскудеет, но обильнее источника всякое нам доставит благо. Где молитва и благодарение, там присещает благодать Святого Духа; оттуда бегут демоны и вся противная сила отступает. Думающий после трапезы обратиться к молитве не дерзнет во время трапезы сказать что-либо неуместное и, если скажет, тотчас опомнится и раскается. Посему должно, и приступая к трапезе, и окончив ее, молиться Богу и благодарить Его [4, 650].

**74.** Возьмем и мы в учительницы себе святую Анну, будем всегда и во всем прибегать к Богу и у Него просить себе всего потребного. Ибо ничего нет равного молитве: она невозможное делает возможным, трудное удобным, стропотное гладким. Ее и блаженный Давид всегда держал, почему и говорит: *седмерицею днем хвалих Тя о судьбах правды Твоея* (Пс. 118, 164). Если царь, муж, в бесчисленные погруженный заботы и всюду развлекаемый, столько раз в день призывает Бога, то какое можем иметь оправдание или извинение мы, такую праздную проводящие жизнь, что не молимся так часто, имея притом получить от сего такие

великие плоды? Ибо человеку, с надлежащим усердием молящемуся и Бога часто призывающему, невозможно, никак невозможно согрешить когда-либо. И вот почему это так. Кто, согрев сердце свое и душу возбудив, весь переселяется на небо и так призывает Владыку своего, исповедуя грехи свои и прося прощения в них, тот при таких расположениях естественно всякое отлагает житейское попечение, окрыляется и становится выше человеческих страстей. Потому после молитвы, врага ли увидит он, — уже не будет смотреть на него, как на врага, женщину ли красивую, — не увлекается ее видом, потому что огнь, молитвою возжегшийся внутрь, еще пребывает в нем и отражает всякий неуместный помысл. Но как нам, человекам сущим, обычно охлаждаться, то когда, по прошествии двух или трех часов после молитвы, заметишь, что породившаяся в тебе теплота начинает мало-помалу рассеиваться и слабеть, — прибегай скорее опять к молитве и согрей охлаждающееся твое сердце. Если будешь так делать в продолжение всего дня, согреваясь частыми молитвами чрез удобные промежутки, то не дашь диаволу повода или доступа к своим помыслам. Если будешь так поступать, то какие бы

ветры ни подули против тебя, — искушения, скорби, неприятные помышления и что бы то ни было тяжелое, — не возмогут они повалить и разрушить дома твоего, частыми молитвами тако крепко связуемого. Скажешь: но как же можно человеку житейскому или приставленному к разбирательству дел судных, по три часа в день стоять на молитве и еще в церковь ходить? — Возможно и очень удобно. В церковь ходить не всякому удобно, а молиться всякому и везде можно. Ибо в молитве требуется не столько глас молитвенный, сколько мысль, к Богу обращенная, не столько рук воздеяние, сколько души горе́ устремление, не столько положение молящегося, сколько настроение сердца молитвенное. Так и делай. Восстенай горце, помяни грехи свои, воззри на небо и скажи в сердце своем: ***помилуй мя, Боже!*** И ты совершил молитву [4, 666—667].

**75.** Не будем прикрываться предлогами, говоря, что нет вблизи молитвенного дома. Нас самих благодать Святого Духа благоволит содевать храмами Божиими, если будем трезвенствовать, так что нам повсюду есть полное удобство молиться. Наше служение Богу не таково, какое прежде было у иудеев, имевшее много чувственного и нуж-

давшееся в видимых вещах и действиях. Там молящемуся о чем-либо надлежало прийти в храм и принести вещество для жертвы, для совершения коей опять потребны нож, огонь, дрова и другое что-нибудь. Здесь же ничего такого; но где бы ты ни был, с собою имеешь и жертвенник, и нож, и святилище, — сам будучи и иереем, и жертвенником, и святилищем. Где бы ты ни был, можешь воздвигнуть алтарь, показав только трезвенствующее расположение; место не мешает, не мешает и время; и хоть колен не преклонишь, хоть в грудь не будешь ударять, ни рук к небу простирать, а только покажешь теплоту чувства к Богу, — ты совершил как следует дело молитвы. Можно и женщине, сидящей за прялкою или ткацким станком, воззреть на небо умом и тепло призвать Бога. Можно и мужчине, на торжище вступившему или одиноко шествующему, прилежные творить молитвы. И тому, кто сидит в лавке и шьет что кожаное, можно душою своею возноситься к Богу. И слуге, когда покупает что, или взбегает наверх и сбегает вниз по делу услужения господину дома, или стоит пред очагом в кухне, можно усердные творить молитвы в сердце, если некогда сходить в церковь. Бог не стыдится места; одного ищет —

теплого сердца и души целомудренной. — Итак, убеждаю вас, и в церковь чаще ходите, и дома на спокое молитесь; когда способно, колена преклоняйте и руки воздевайте; а когда случится быть посреди многих других, то из-за этого не оставляйте молитвы, но тем способом, какой я сейчас указал любви вашей, призывайте Бога, в уверенности, что тем не менее получите просимое [4, 667—668].

**76.** Не обилие слов умоляет Бога, но чистая душа, ревнующая о доброделании. К тем людям, которые, живя порочно, надеются обилием слов умолить Бога, смотри, что Он говорит: *аще умножите моление, не услышу вас: егда прострете руки, отвращу очи Мои от вас* (Ис. 1, 15). Святой пророк Давид говорит: *внегда призвати ми, услыша мя Бог правды моея* (Пс. 4, 2), то есть Бог, видящий правду мою. Никто пусть не думает, будто он превозносится, говоря это. Он говорит это не с тем, чтобы превознести себя самого, но чтобы предложить некое наставление и увещание, весьма полезное для всех. Дабы кто-нибудь не сказал: он был услышан, потому что он Давид, а я не буду услышан, потому что я мал и незначителен, — он внушает, что и его Бог слышит не без причины и тебя не

слышит не напрасно и не случайно, но всегда смотрит на дела. Если ты имеешь дела, которые могут ходатайствовать за тебя, то, конечно, будешь услышан; и, напротив, если ты не имеешь их, то хотя бы ты был Давидом, не возможешь умолить Бога. Кто к Богу, любящему правду, приступает с правдою, тот не отойдет от Него ни с чем: напротив, кто приступает к Нему без нее или осквернившись противоположными ей пороками, тот хотя бы просил тысячи раз, не будет иметь успеха, потому что не имеет с собою того, что может умолить Бога [5, 40].

77. Если обращающийся с каким-либо дивным мужем получает великую пользу от самого сего обращения, то тем более — непрестанно беседующий с Богом. Но мы не знаем надлежаще, сколько пользы бывает от молитвы, потому что невнимательно молимся и молитвы совершаем, не как заповедал Бог. Когда мы намереваемся говорить с кем-либо из людей, которые выше нас, то наперед приводим в порядок и внешний вид свой, и положение тела, и одежду, и все, и потом уже вступаем в беседу; а когда приступаем к Богу, то зеваем, передвигаемся с места на место, оглядываемся, скучаем и хоть иногда преклоняем колена, но мыслями блуждаем по

торжищу. Когда бы мы с надлежащим благоговением приступали к молитве, помня, что с Богом имеем в ней беседовать, то узнали бы, еще прежде получения просимого, сколь великую пользу получаем от самой молитвы, яко молитвы. Человек научившийся беседовать с Богом в молитве, как должно беседовать беседующему с Богом, будет наконец как Ангел: душа его отрешается при сем от уз тела, так помысл его бывает высоковосходен, так переносится на небеса, так не внимает ничему житейскому, так становится пред самым престолом царским, хотя бы был беден, хотя бы слуга, хотя бы простец и неученый [5, 41].

78. Бог не требует от молящегося красоты речи и искусного сложения слов, но душевной теплоты и усердия. Если он в таком расположении изречет пред Ним благоугодное Ему, то отойдет от Него, все получив. Видишь, какое удобство? У людей бывает так, что, приступая к кому-либо с прошением, нужно подобрать и особые слова. А здесь ничего такого не нужно; но имей ты трезвенный ум и ничто не помешает тебе быть близ Бога. *Бог приближаяйся Аз есмь, глаголет Господь, а не Бог издалеча* (Иер. 23, 23); так что если мы далеки от

Него, то причиною этому мы сами, а Он всегда близ есть. — Но что я говорю, что здесь не нужно заботиться об искусстве в слове? Часто не нужно бывает и голоса. Ибо, если и в сердце своем только изречешь Ему нужду свою и призовешь Его как должно, то и в таком случае Он услышит тебя. Так услышал Он Моисея, так услышал Анну [5, 42].

**79.** Вот угодный Богу образ молитвы! Приступив к Богу с трезвенным умом, с душою сокрушенною и потоками слез, не проси ничего житейского, будущего ищи, о духовном умоляй, не молись против врагов и ни на кого не держи злопамятства, изгони из души все страсти, сокрушайся о грехах, держи в порядке свое внутреннее, изъявляй готовность на всякую уступчивость и на то, чтоб язык свой обращать лишь на добрые о других речи, не вплетайся ни в какое дело, ни согласием, ни содействием, не имей ничего общего с общим врагом вселенной, то есть с диаволом. Ибо таким образом ты будешь праведным; а будучи праведным, услышан будешь, имея правду своею заступницею [5, 43].

**80.** *Ущедри мя и услыши молитву мою* (Пс. 4, 2). Что ты говоришь? Выше поминал о правде, а здесь обращаешься к

щедротам и милости? И какая тут может быть последовательность? — Великая и весьма сообразная с предыдущим. Ибо хотя бы мы сделали бесчисленное множество дел добрых, но услышаны бываем по щедротам и человеколюбию; хотя бы мы взошли на самый верх добродетели, но спасаемся все же по милости. Отсюда научаемся, что с правдою потребно иметь сердце сокрушенное. Если кто и грешником будет, но станет молиться со смирением, — что уже есть часть добродетели, — то многое может получить; напротив, если кто и праведником будет, но приступит в молитве к Богу с гордостию, то лишится всех благ. Тому и другому научили нас своим примером мытарь и фарисей. Поучись у мытаря, не стыдясь взять себе в учителя того, кто так прекрасно совершил дело молитвы, что всего достиг одними словами. Так как душа его хорошо была уготована, то и одно слово сильно было отверзть ему небо. Как же она была уготована? Он самого себя окаявал, ударял в грудь и не дерзал даже очей возвести на небо. Если и ты таким же образом будешь молиться, то сделаешь молитву свою легчайшею пуха [5, 44].

81. Молитвы бывают услышаны не просто, какие ни есть, но молитвы, совершаемые по закону Божию. Какие же это? Те, в которых испрашивают того, что прилично Богу даровать, а не просто того, что противно Его законам. Кто же, скажешь, столько дерзок, чтоб просить Бога сделать то, что противно законам Его? Тот, кто молится на врагов своих, ибо это несогласно с законом, от Него положенным. Он говорит: *отпускайте* должникам своим (Мф. 6, 14). А ты Того Самого, Кто повелевает тебе прощать врагам, призываешь на врагов. Может ли быть что-либо хуже такого безумия? Молящемуся должно иметь и вид, и мысли, и чувство просителя. Зачем же ты принимаешь другое лицо, лицо обвинителя? Как можешь ты получить прощение собственных грехов, когда молишь Бога быть наказателем грехов, содеянных другими? Итак, да будет молитва твоя кротка, тиха, с лицом радушным и доброжелательным. Только такая молитва достойна слуха Царя Небесного, достойна небес, только такая есть язык ангельский. Когда она приступает просить за оскорбивших и обидевших, тогда и Ангелы, предстоя, слушают ее в великом молчании, а когда умолкнет, не перестают рукоплескать

ей, хвалить ее и дивиться ей. Когда приступаем к Богу в молитве, не будем думать, что это — обыкновенное зрелище. Нет, это такое зрелище, коего зрители — целая вселенная, паче же сонмы горних Сил небесных, и среди их Царь Небесный, готовый услышать молитву нашу. Будем же совершать ее так, чтоб она оказалась достойною сего зрелища. Пусть ни один гитарист, ни один лирист не будет столько тщателен в приготовлении к выступлению на сцену из боязни не допустить бы какого-либо неприятного звука, сколько мы, намереваясь вступить на зрелище Ангелов. Пликтором (чем ударяют по струнам) да будет у нас язык, который бы не произносил ничего неприятного, но одно стройное и благозвучное, с надлежащим настроением души. Приступая к Богу, прося Его и умоляя, будем и ко врагам своим умилостивлять Его: тогда, и о нас самих молясь, будем услышаны [5, 45—46].

**82.** *Сынове человечестии, доколе тяжкосердии?* (Пс. 4, 3). Сынами человеческими Пророк называет людей, преданных одним заботам житейским и наклонных ко злу. Посему, что будет значить — *тяжкосердии?* Плотские, привязанные к земле, склонные ко злу, преданные порокам, раз-

вращенные сладострастием. А что может сделать душу легкою? Дивная жизнь, — такая, чтобы не увлекаться ничем здешним и даже к ногам своим не прицеплять ничего, тянущего вниз. Из вещественных предметов одни обыкновенно стремятся вниз, как, например, камень, дерево и все подобное; а другие — вверх, как, например, огонь, воздух, пух, легкий по своей природе. Если к вещи легкой привяжешь какую-нибудь вещь, тяготящую вниз, то нисколько не поможет ей ее природная легкость. Так бывает и с сердцем. По природе своей оно создано легким и стремящимся вверх, а мы, вопреки его природе, делаем его тяжелым, привязывая его к земле. Не будем же делать его тяжелым, дабы оно не потонуло, подобно кораблю, имеющему слишком много груза [5, 47].

83. Почему многие бывают не услышаны? Иногда потому, что просят бесполезного, — в таком случае быть не услышанным лучше, нежели быть услышанным; а иногда потому, что просим нерадиво, — в таком случае Бог медленностию подаяния научает нас усердию к молитве. Бог умеет давать и знает, когда дать и что дать. И Павел просил и не получил — потому что просил бесполезного (2 Кор. 12, 8); и Моисей

просил, но Бог не услышал и его (Исх. 32, 32). Итак, не будем отступать, когда бываем не услышаны, не будем унывать и ослабевать, но продолжать просить с усердием, потому что Бог делает все на пользу [5, 48—49].

84. Яже *глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитеся* (Пс. 4, 5). Что означают сии слова? — Во время, следующее за ужином, говорит, когда ты отходишь ко сну, когда готовишься лечь в постель, когда в отсутствие всех наступает великое спокойствие, когда никто не беспокоит и бывает глубокая тишина, — ты начинай суд совести, требуй от нее отчета и какие имел в течение дня порочные помыслы, составляя обманы, или строя ковы ближнему, или допуская развратные пожелания; все это во время такого спокойствия выставь на вид, поставь совесть судиею этих порочных помыслов, отребляй их, суди, наказывай грешащую душу. Это пусть будет каждый день, и не прежде засыпай ты, человек, пока не размыслишь о грехах, совершенных тобою в продолжение дня; тогда, без сомнения, на следующий день ты будешь не так скоро покушаться на подобное [5, 51].

85. Подобает *предварити солнце на благодарение Тебе* (Прем. 16, 28). У царя

ты не допустил бы, чтобы кто-нибудь низший тебя прежде тебя поклонился ему; а здесь, когда уже всё поклоняется Богу, ты еще спишь, уступаешь первенство твари, не предупреждаешь всех творений, созданных для тебя, и не воздаешь Ему благодарности, но, вставая и умывая лицо и руки, душу свою оставляешь нечистою. Или ты не знаешь, что как тело очищается водою, так душа — молитвою? Итак, омой прежде тела душу свою. К ней пристало много пятен зла. Смоем их молитвою. Если мы таким образом оградим себя с первых часов по пробуждении, то положим доброе основание дневной деятельности [5, 65].

86. Пещь не разгорится, если не подложишь огня, — не разгорится и похоть, если не дашь ей пищи: не станешь засматриваться на благообразные лица, не станешь ходить на зрелища, не будешь утучнять плоти пресыщением, не станешь потоплять ума в вине. — И этого достаточно, скажешь? Нет, этого одного недостаточно, а нужно присовокупить и нечто другое: непрестанные молитвы, общение со святыми, сообразный пост, постоянное воздержание, нудную* непраздность, — и прежде всего страх Божий,

* Принудительную. — *Ред.*

памятование о будущем суде, о нестерпимых муках и обетованных благах. Соблюдая все сие, ты можешь обуздать свирепеющую похоть [5, 75].

87. Всегда нужно помнить, что должно не просто только молиться, но молиться так, чтобы быть услышану. Ибо одна молитва недостаточна для получения желаемого, если мы не будем воссылать ее так, как угодно Богу. И фарисей молился, но не получил пользы, и иудеи молились, но Бог отвратился от молений их, потому что молились не так, как должно молиться. Что же нужно? Нужны слезы, рыдания, воздыхание, удаление от людей порочных, страх и опасение суда Божия. Скажу вообще: будем услышаны, если окажемся достойными получить просимое; если молимся согласно с законами Божиими о молитве; если молимся непрестанно; если не просим ничего, Бога недостойного; если просим полезного; если исполняем должное и с своей стороны. Таким образом многие были услышаны: Корнилий был услышан за жизнь; сирофиникиса — за неотступность в молитве; Соломон — за достойный предмет прошения; мытарь — за смирение, другие — за другое. Не услышаны бываем, когда просим бесполез-

ного, также, когда, молясь, не оставляем грехов своих, и еще, когда просим отмщения врагам [5, 84—85].

88. Имеют ли силу молитвы святых или они излишни и напрасны? — Нет, не напрасны, но имеют великую силу, когда и ты спомоществуешь им. Так святой Петр воскресил Тавифу не одною своею молитвою, но и в силу ее милостыни. Сим же образом молитва святых спомоществовала и всем, кому спомоществовала. Но так бывает только здесь, на земле, а там не так — там от одних дел спасение твое [5, 229].

89. *Из глубины воззвах к Тебе, Господи* (Пс. 129, 1). Что значит из глубины? Не просто устами, не просто языком, ибо слова могут изливаться и без мысли, — но из глубины сердца, с великим усердием и ревностию, из самых оснований души. Такие молитвы имеют великую силу и крепость, не рассеиваются и не колеблются, хотя бы диавол нападал с великою дерзостию. Как дерево крепкое, весьма глубоко впустившее корни в землю и охватившее недра ее, противостоит всякому порыву ветра, а дерево, держащееся на поверхности, поваливается при малом дуновении ветра, вырывается с корнем и падает наземь: так точно и молитвы,

исходящие из недр души и имеющие корень в глубине ее, пребывают крепкими и неослабными и не колеблются, хотя бы приступали бесчисленные помыслы и все полчище диавола; а молитвы, исходящие из уст только и с языка, но не происходящие из глубины души, не могут даже взойти к Богу, по безучастию в них сердца. Кто так молится, у того уста издают звук, а сердце пусто и ум празден [5, 373].

**90.** Молящийся от души, еще прежде нежели получит просимое, получает уже великие блага от самого действия молитвы. Такая молитва укрощает все страсти, смиряет гнев, изгоняет зависть, подавляет похоть, ослабляет любовь к вещам житейским, доставляет душе великое спокойствие, восходит на самое небо. Как дождь, падая на твердую землю, размягчает ее или как огонь смягчает железо, так подобная молитва, еще сильнее огня и лучше дождя, смягчает и орошает ожестевшую от страстей душу. Душа сама по себе нежна и восприимчива; но как вода Дуная часто окаменевает от холода, так и душа наша от греха и беспечности отвердевает и делается камнем. Посему нам потребно много жара, чтоб размягчить затверделость ее. Это преимущественно совершает

молитва. Итак, когда приступаешь к молитве, то заботься не о том только, чтобы получить просимое, но чтоб и душу свою сделать лучшею посредством самой молитвы [5, 374].

91. В *нощех воздежите руки ваша во святая* (Пс. 133, 2). Для чего сказал он: *в нощех*? Желая научить нас, чтобы мы не всю ночь тратили на сон, и показать, что тогда молитвы бывают чище, когда легче ум и меньше забот. Если же ночью должно ходить во святилище, то помысли: какое может получить прощение тот, кто и дома не совершает молитв в это время? Пророк поднимает тебя с постели и ведет к храму, заповедуя проводить ночь в молитве; а ты, и дома оставаясь, не делаешь этого [5, 386].

92. Что значит: *и пред Ангелы воспою Тебе* (Пс. 137, 1)? — Постараюсь петь вместе с Ангелами, буду соревновать им, ликовать вместе с горними Силами: хоть я и отличен от них по природе, однако постараюсь усердием сравняться с ними [5, 407].

93. Мы тогда особенно бываем услышаны, когда молитва наша благоугодна Богу. Следовательно, от нас зависит, чтоб мы были услышаны. Когда мы просим того, что Бог достойно может дать, когда просим с усердием, когда сами делаем себя достой-

ными получения, тогда Он слышит моление и подает просимое.

**94.** *Поклонюся ко храму святому Твоему* (Пс. 137, 2). Не малая добродетель, когда кто может входить в храм и, входя, поклоняться с чистою совестию. Не в том дело, чтоб только войти в храм и преклонить колена, но в том, чтобы войти с душою усердною и с умом внимательным, чтобы пребывать в нем не телом только, но и душою [5, 408].

**95.** *Господи, воззвах к Тебе, услыши мя* (Пс. 140, 1). Не то выражает Пророк, что для того, чтоб быть услышану, надо быть с громким и сильным голосом, но он разумеет здесь внутреннее воззвание, которое произносит сердце воспламененное и дух сокрушенный, которое произнося и Моисей был услышан. Как человек, громким взывающий голосом, напрягает всю свою силу, так и взывающий сердцем напрягает весь свой ум. Такого воззвания требует Бог — воззвания, которое происходит от сердца и не дозволяет поющему развлекаться и смотреть по сторонам. Есть много людей, которые стоят на молитве и не взывают к Богу; уста их взывают к Богу и произносят имя Божие, а ум не сопровождает вниманием ни единого

слова. Такой человек не взывает, не молится Богу, хотя и кажется молящимся Ему [5, 428].

**96.** *Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, непщевати вины о грехех* (Пс. 140, 4). Грешить — зло; но еще тягчайшее зло — отпираться по совершении греха. Это в особенности и есть оружие диавола. Так было и с первозданными людьми. Тогда как Адаму следовало признаться в грехе, он слагает вину на жену, а она потом на диавола. Тогда как следовало бы говорить: *согрешихом, беззаконновахом*, иные не только не признаются, но еще составляют оправдание. Ибо диавол, зная, что исповедание греха есть избавление от греха, склоняет душу к бесстыдному упорству. Но ты, возлюбленный, когда согрешишь, говори: я согрешил. Таким образом и Бога умилостивишь, и себя сделаешь медленнейшим на грехи [5, 437].

**97.** *Помянух дни древния, поучихся во всех делех Твоих... Воздех к Тебе руце мои* (Пс. 142, 5, 6). Не сказал: простер, но: *воздех*, желая выразить сильное расположение сердца, стремившегося как бы вырваться из тела и удалиться к Богу. Воодушевившись, говорит, воспоминанием великих

событий, размыслив о человеколюбии, о вразумлении посредством несчастий и спокойствия, доставляемом по избавлении от них, я прибегнул к Тебе. — И *душа моя яко земля безводная Тебе!* (ст. 6). Как земля иссохшая жаждет дождя, так и я желаю быть постоянно с Тобою [5, 453].

**98.** Молитвы святых одни не помогут, если сами не делаем себя достойными услышания и не молимся. Сие давая разуметь, и Пророк сказал: *брат не избавит* (Пс. 48, 8), — будь он Моисей, будь Самуил, будь Иеремия. Ибо послушай, что Сам Бог говорит к святому Иеремии: *не молися о людях сих* (Иер. 11, 14), ибо не услышу тебя. И не дивись, что тебя не хочу слушать. Если б даже и Моисей присоединился к тебе и Самуил, и тогда не послушаю молитвы вашей о людях сих (Иер. 15, 1). Так Моисей и за сестру молился, но не был услышан. — Не будем же на других смотреть, сами опустивши руки. Молитвы святых очень великую имеют силу, но когда и сами мы каемся и исправную являем жизнь. Если же сами нерадим, то чрез других ничего не получим и не будем спасены. Бог более готов даровать нам потребное ради нашей молитвы, чем ради молитвы других. Это я говорю

не потому, чтоб не следовало нам молиться святым, а для того, чтоб мы не предавались нерадению, и, предавшись сну и беспечности, не возлагали всего на других [7, 59—60].

99. Таково свойство духовного огня, что он не допускает иметь пристрастие к чему-либо здешнему, но преисполняет нас любовию к другому миру. Возлюбившему же его, хотя бы надлежало ради его потерять все имение, хотя бы расстаться со всеми утехами и славою, хотя бы даже душу свою отдать, он сделает все сие с охотою и без замедления. Ибо теплота того огня, вошедши в душу, свергает тяготу лености и делает всякого легчайшим пера. Таковой, все наконец презревши, пребывает в непрестанном сокрушении и умилении, источая всегда обильные источники слез и в этом находя сладостное утешение. Ничто так не прилепляет к Богу и не соединяет с Ним, как слезы. Таковой, и посреди града живя, пребывает будто в пустыне, в горах и пещерах, не внимая ничему настоящему и сытости не находя в плаче и слезах, за себя ли их изливает или за других [7, 68].

100. *Егда молишися, вниди в клеть твою* (Мф. 6, 6). Но прежде еще затворения двери клети твоей, Господь хощет,

чтоб ты заключил двери ума твоего и сердца. Когда приступаешь к молитве, тогда, все оставя, к Тому единому взирай, Кто власть имеет даровать тебе просимое тобою. Если же, Его оставя, будешь всюду блуждать и кружиться умом, то отойдешь с пустыми руками. Если так у тебя будет, то хоть в клеть войдешь и дверь заключишь — никакой от этого не будет тебе пользы. Не будем ограничивать молитву свою положением тела, но паче будем воссылать ее из горящего сердца, со всякою тихостию, сокрушением умиленным и слезами. — Но ты болишь душою и не можешь не взывать? — Но скорбящему-то наипаче и свойственно так молиться, как я сказал. И Моисей скорбел душою, но молился сим образом, — и был слышан; почему и сказал ему Господь: *что вопиеши ко Мне?* И Анна, опять, при неслышности голоса, испросила, чего хотела, потому что сердце ее вопияло. Стенай и ты, как они, — не воспрещаю. Раздери, как повелел Пророк, сердце твое, а не одежду (Иоил 2, 13). Из глубины души призывай Бога, подражая святому Давиду, который говорит: *из глубины воззвах к Тебе, Господи* (Пс. 129, 1). Из глубины сердца возводи глас, держа молитву свою сокровенною. Ты стоишь в хоре

Ангелов, общник еси Архангелов, и поешь с Серафимами. Но все сии сонмы великое соблюдают благочиние — Богу, Царю всяческих, с трепетом воссылая свои сокровенные гимны. К ним сопричисли себя, моляся, и их таинственному соревнуй благообразию. Не человекам молишься, но Богу, всюду сущему, прежде взывания твоего слышащему и тайны сердца твоего ведущему. Поелику Сам Он невидим, то хочет, чтоб такова же была и молитва твоя [7, 276—277].

**101.** Будем благодарить Бога всегда. Ибо крайне неуместно, каждодневно на деле наслаждаясь Его благодеяниями, даже словом не исповедовать Его благодати и притом тогда, как такое исповедание новое опять приносит нам благо. Бог ни в чем нашем не имеет нужды, а мы имеем нужду во всем Его. Благодарение Ему ничего не придает, а нас делает более своими Ему. Если, содержа в памяти благодеяния людей, сильнее согреваемся любовию к ним, тем паче, непрестанно помня неисчетные благодеяния к нам Владыки нашего и Господа, теплейшими к Нему и ревностнейшими к заповедям Его содела-емся. Почему и Павел говорил: *благодарни бывайте* (Кол. 3, 15). Блюдение дара благодеяния есть наилучшая память о благодеянии

и истинно всегдашнее благодарение, делом являемое. И Святые Тайны Христовы, страшные и преисполненные спасительных сил, совершаемые в каждое церковное собрание, называются Евхаристиею потому, что суть воспоминание о многих и великих благодеяниях и сами являют главизну и верх Божественного о нас попечения. Если родиться от Девы есть велие чудо, то заклатися в жертву за нас — где, на какой степени высоты поставим? Как назовем распятие за нас и крови Своей пролитие, и Себя Самого дарование нам в пищу и насыщение духовное? Будем же непрестанно благодарить Его. Да предшествует всегда и словам и делам нашим благодарение. Благодарение же будем творить не за себя только, но и за других. Чрез это зависть в себе истребим и любовь соделаем теснейшею и искреннейшею. Ибо тебе неуместно уже будет завидовать тому, за кого благодарение приносишь Господу. Почему и иерей, пред предлежащею оною страшною жертвою, благодарить Бога призывает нас и о прежде бывших, и о ныне живущих отцах и братиях наших. Сие нас и от земли отрешает, и на небо преселяет, и из человеков делает Ангелами. Ибо и Ангелы, хор составя, благодарят Бога за блага Его,

на нас излиянные, поя: *слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение* (Лк. 2, 14). Что им до нас, когда они не на земле и не человеки суть? Но они пример нам показывают и научают нас любить сорабов Богу и их благо почитать своим. Почему и Павел во всех Посланиях своих благодарит Бога за благодеяния ко всей вселенной. Будем и мы всегда благодарить Бога и за свои блага, и за блага к другим, и за великие и за малые. Пусть и невелико то, что даровано, но оно велико потому, что даровано Богом. Ничто, от Него бывающее, не мало; но и таких благодеяний от Него, которые по свойству своему велики, и не потому только, что от Него суть, — множество, песок превосходящее числом. Минуя все другое, что может сравниться с домостроительством спасения нашего? Кто был драгоценнее Ему всех, — Сын Единородный, — Того дал Он за нас, врагов бывших, и не дал только, но, давши, и в трапезу Его нам предложил, все Сам за нас делая: и то, чтоб даровать, и то, чтоб благодарными нас соделывать за дарование. Промышляя о сем, где найдем достойные слова для выражения полного благодарения? Чувство многообъятнее слова и ума, но и ему не досягнуть до

высоты, глубины и широты сего неизреченного блага [7, 331—332].

**102.** Кто слушает или читает слово Божие и любит беседы о духовных предметах, тот доставляет душе великие и спасительные блага. Заботою о сем можем мы угодить Богу, и уста наши, когда упражняем их духовными беседами, не осквернятся укоризнами, осуждением, срамословием и ругательствами. Мы сделаемся страшны для демонов, когда вооружим язык свой такими беседами. Мы в большей мере привлечем на себя благодать Божию; и взор наш соделается проницательнее; зрение, уста, слух и все члены научатся служить Богу истинно, говорить и делать одно угодное Ему, Ему воссылать непрестанные песни хвалы и благодарения. Как тело, наслаждаясь чистым воздухом, бывает здоровее, так и душа, питаясь сими занятиями, делается мудрее [7, 29].

**103.** Многие говорят: когда бываем здесь, в храме, и слышанное принимаем к сердцу, тогда приходим в себя; а как скоро удалимся отсюда, становимся опять другими, и огнь ревности в нас гаснет. Чем же предотвратить сие? Устранением того, от чего это происходит. А от чего оно происходит? Оттого, что, по выходе отсюда, занимаемся чем

не должно и проводим время с худыми людьми. По выходе из церкви не следует нам приниматься за дела, непристойные церкви, но, пришедши домой, надобно взять книгу Писания и вместе с женою и детьми привести на память, что было говорено, потом уже приступать к делам житейским. Если, вышедши из бани, не хотим идти на торжище, дабы там не лишиться пользы от бани, то не гораздо ли более должен ты остерегаться сего, вышедши из церкви? Но мы поступаем напротив, и оттого теряем всё. Еще не утвердилось в нас то, что было полезного в сказанном, как сильное кружение внешних предметов, устремляясь в нас, все низвращает и извергает вон, и оставляет в душе одну пустоту [7, 55].

**104.** Не только самим должно все тщание иметь об исполнении заповедей, но призывать на то помощь и свыше, которая непременно придет и облегчит наши подвиги и все сделает для нас легким. Почему Господь и просить повелел, и исполнение прошения обещал. Впрочем, повелел не просто просить, но с великим тщанием и усилием. Ибо это значит: *ищите*, так как, кто ищет, тот, выбросив из головы все другие мысли, к тому только напрягает свое внимание, чего

ищет, и ни о чем стороннем не помышляет. Сие-то означает Спаситель словом: *ищите*. А сказав: *толцыте*, показывает, что должно приступать с крепкою решимостию — просить с терпением и неотступностию, чтоб, если и не скоро отверзет Он двери милосердия, не отчаиваться, не опускать рук, но ждать с упованием. Итак, проси с терпением, — и непременно получишь [7, 312].

**105.** Никто не стыдись достопоклоняемого знамения нашего спасения, — сей главизны духовных благ, — о нем же живем, о нем же и есмы. Но как венец будем носить Крест Христов, ибо им совершается все в деле нашего спасения. Родиться ли свыше потребно — присущ Крест; напитаться ли таинственною оною пищею (телом и кровию), или хиротонисаться, или другое что совершить, — везде предстоит нам сие знамение победы. Посему мы со всяким тщанием начертываем его и на домах, и на стенах, и на дверях, и на челе, и на сердце. Ибо Крест есть знамение нашего спасения, общего избавления и милосердия нашего Владыки. Потому, когда знаменаешься Крестом, то представляй все значение его, погашай гнев и все прочие страсти. Когда знаменаешься Крестом, исполняй чело (ум) свое

полным упованием и душу делай свободною. Ибо не просто перстами должно его изображать, но наипаче произволением с полною верою. Если так изобразишь его на челе своем, то ни один из нечистых духов не возможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, видя то оружие, от которого получил смертельную рану. Не стыдись же толикого блага, да не постыдит и тебя Христос, когда придет во славе Своей и когда сие знамение явится пред Ним светлейшим самых лучей солнечных. Сие знамение, и при праотцах наших и ныне, отверзало заключенные двери, отнимало силу у вредоносных веществ, делало недействительным яд и врачевало смертоносные угрызения зверей. Напечатлевай же его в уме своем и сердцем обнимай сие спасение душ наших. Сей Крест спас вселенную, изгнал заблуждение, восстановил истину, землю обратил в небо, людей соделал Ангелами. Силою его демоны уже не страшны и смерть не смерть. Крестом все враждебное нам низложено и попрано [7, 537—538].

106. Как возможно, скажешь, чтоб мы, находясь здесь, предстояли Престолу Божию горе? Так же как и Павел, будучи на земле, был там, где Серафимы и Херувимы.

Если захотим, и нам это будет возможно. Ибо если бы Господь отдален был местом, то имел бы ты причину сомневаться; если же Он вездеприсущ, то близок и ко всякому, кто устремляет к Нему ум свой. Посему и Пророк сказал: *не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4); и Сам Бог говорит: *Бог приближаяйся Аз есмь, а не Бог издалеча* (Иер. 23, 23). И о Нем сказано: *еще глаголющу ти, речет: се, приидох* (Ис. 58, 9). Какой отец когда-либо бывал так внимателен к детям? Ты еще не кончишь, говорит, своих прошений, а Бог уже услышал и приближается к тебе. Будем же всегда призывать Его, как Он того хощет [7, 538—539].

**107.** Некоторые разговаривают в церкви, когда совершается молитва. О дерзость! Как же можем чаять спасения? Как умилостивим Бога? — Как на лире, составленной разнообразно и вместе стройно, от благоустройства каждой из составных частей происходит благозвучие, так точно и здесь из всех должно бы составляться одно стройное согласие. Ибо мы составляем одну Церковь, стройно сочетанные члены одной главы; все мы — одно тело; если один какой-нибудь член будет оставлен в пренебреже-

нии, то все тело пренебрегается и растлевается. Так бесчинством одного нарушается благочиние всех. Разве ты не знаешь, что стоишь вместе с Ангелами? С ними поешь, с ними воссылаешь хвалы, — и, стоя здесь, смеешься? Предстоит Царь, смотрит воинство (небесное), а ты пред глазами их смеешься? Когда же воздержатся от смеха смеющиеся в столь грозный час? Когда удержатся от пустословия разговаривающие во время благословения? Неужели они не стыдятся присутствующих? Неужели не боятся Бога? Для нас не довольно душевной невнимательности, не довольно того, что, молясь, блуждаем мыслями повсюду, — мы привносим еще смех и хохот. Разве здесь зрелище?! [9, 190].

108. Когда святой Петр заключен был в темницу и приговорен к смерти, в ночь пред тем собрались все верующие воедино и молились о нем (Деян. 12, 5). Где теперь жены, спящие всю ночь? Где мужи, не хотящие даже поворотиться на ложе? Видишь, как бодрственна душа их? С женами, и детьми, и служанками они воспевали, от скорби сделавшись чище неба. Нет ничего светлее тогдашней Церкви. Будем же подражать ей, будем соревновать. Не для того дана ночь,

чтобы мы всю ее спали и бездействовали. Свидетели тому ремесленники, погонщики мулов, торговцы, Церковь Божия, восстающая среди ночи. Встань и ты, посмотри на ход звезд, на глубокую тишину, на великое безмолвие, — и удивляйся делам Господа твоего. Тогда душа бывает чище, легче и бодрее, бывает особенно способна воспарять и возноситься горе; самый мрак и совершенное безмолвие много располагают к умилению. Преклони же колена, воздохни и моли Господа твоего быть милостивым к тебе. Он особенно преклоняется на милость ночными молитвами, когда ты время отдохновения делаешь временем плача. Вспомни о царе, который говорит о себе: *утрудихся воздыханием моим, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7). И в другом еще месте: *полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея* (Пс. 118, 62). Делай то же и ты — муж, и ты — жена. Пусть дом ваш сделается церковию. Не считай препятствием к этому того, что ты муж только один и что она жена только одна. *Идеже бо еста два собрани во имя Мое, ту есмь посреде их*, говорит Господь (Мф. 18, 20). А где Христос, там и Ангелы, и Архангелы, и

прочие Силы. Посему вы не одни, когда с вами Господь всех. Если у тебя есть дети, то подними и детей, и пусть во время ночи весь дом сделается церковию. Нет ничего прекраснее жилища, в котором совершаются такие молитвы [9, 202—203].

**109.** Но, когда я говорю: посвящайте часть ночи на молитву, иной скажет, может быть: я очень утомился в продолжение дня и не могу. Это отговорка и предлог, ибо, сколько бы ты ни трудился, не потрудишься более ковача меди, который, работая таким тяжелым молотом и по всему телу пропитываясь дымом, проводит, однако ж, в этом большую часть ночи. И вы, жены, ходящие в собрание, знаете, как там легко проводят всю почти ночь без сна. Так и у тебя пусть будет духовная ковальня, чтобы устроять не котлы и сковороды, но душу твою, которая гораздо лучше всякого изделия из меди и золота. Ее, устаревшую от грехов, ввергни в горнило покаяния; ударяй ее, как молотом, исповеданием грехов; воспламени *огнь Духа*. Такое художество — гораздо лучше. Ты устрояешь не золотые сосуды, но душу, драгоценнейшую всего золота. Ты не вещественный приготовляешь сосуд, но освобождаешь душу от всякого житейского

попечения. Пусть предстоит пред тобою светильник, не этот сгорающий, но тот, который имел у себя Пророк, как сам говорит: *светильник ногама моима закон Твой* (Пс. 118, 105). Воспламени душу молитвою. Если увидишь, что она уже довольно разгорелась, вынь ее и обделывай как хочешь. Поверь мне, не столько огонь истребляет ржавчину металла, сколько ночная молитва — ржавчину грехов наших [9, 203—204].

**110.** Для чего Сам Христос провел на горе целую ночь (Лк. 6, 12)? Не для того ли, чтобы подать нам Собою пример? Будем же подражать Ему хотя отчасти, чтобы не напрасно украшаться именем Его. Когда, скажи мне, растения восстановляют свои силы? Во время ночи. Тогда особенно и душа еще более их имеет нужду принять в себя росу. Что днем попаляется солнцем, то освежается ночью. Ночные слезы лучше всякой росы нисходят и на пожелания, и на всякое пламенное разжжение и не попускают потерпеть ничего вредного. Если она <душа> не будет питаема и освежаема этою росою, то со временем вся сгорит [9, 204].

**111.** Иной говорит: мы содержим церковь, службы у нас идут обычным порядком, мы собираемся и молимся. Чего

еще?! — Все это хорошо; но не одним этим надо хвалиться, а тем, если от этого среди вас возвышается благочестие, если всякий раз отходим из церкви домой с пользою, собрав более или менее плодов. Сделался ли кто лучше, бывая так многократно в церкви? Вот о чем надо заботиться. Когда бываете вы в церковных собраниях, к вам беседуют Пророки, евангелисты, Апостолы, и все они предлагают вам спасительные догматы и убеждают к исправлению нравов. Что же? Насколько уроки сии вошли в вашу жизнь? Воин, приходя на место учения, становится искуснее в воинском деле; борец, приходя на зрелище борющихся, делается опытнее в борьбе; изучающий врачебное искусство, приходя к учителю, становится более сведущим, больше узнает, большему научается; а вы какую приобретаете пользу от пребывания в церкви? Или вы считаете верхом благочестия одно хождение в церковь?! Нет, этого мало. Церковь есть как бы красильня: если вы всегда отходите, не получив никакой окраски (не приняв добрых намерений), то какая польза от того, что вы часто здесь бываете? Радуюсь тому, что вы часто бываете в церкви; но прошу и умоляю, старайтесь не о том только, чтобы приходить в церковь, но

чтобы и отходить домой, получив какое-либо врачевство против своих страстей [9, 217—218].

**112.** В древности все сходились и пели вместе, это мы делаем и ныне; но тогда *во всех бе сердце и душа едина* (Деян. 4, 32), а ныне даже в одной душе не видно такого согласия, но везде — великая брань. И ныне предстоятель церкви желает мира всем, но тогда как имя мира повторяется часто, самого дела (мира) нигде нет. Тогда и дома были церквами, а ныне и церковь стала домом или даже хуже всякого дома. В доме можно видеть всякое благочиние: госпожа дома сидит на седалище со всяким благоприличием, служанки прядут в молчании, и каждый из домашних имеет в руках вверенное ему. А здесь — великий шум, великий беспорядок; собрание наше ничем не отличается от гостиницы; здесь такой же смех, такой же шум, как в банях, как на торжищах, где все кричат и производят шум. И это бывает только здесь; а в других местах не позволяется в церкви даже слова сказать близстоящему, хотя бы кто встретил давно невиданного друга, — и весьма справедливо. Церковь — не лавка, не торжище, но место Ангелов, место Архангелов, Царство Божие, самое небо.

Если бы кто-нибудь отверз небо и ввел тебя в него, то ты не осмелился бы разговаривать, хотя бы увидел отца, хотя бы брата; так точно и здесь не должно ни о чем говорить: ибо здесь — небо. Если не веришь, то посмотри на эту трапезу, вспомни, для Кого и для чего она поставлена; помысли, Кто приходит сюда, — и страшись даже прежде того времени. Кто увидит только седалище царя, — тотчас отрезвляется в душе своей, ожидая выхода царя; так точно и ты, еще прежде страшного времени (совершения таинства), страшись и бодрствуй, и еще прежде, нежели увидишь поднятые завесы и предшествующий сонм Ангелов, возносись к самому небу [10, 313].

113. Что говорят многие? — Не слышу, что читается, не понимаю, что говорится. Но это потому и есть, что ты разговариваешь, потому что шумишь, потому что не приходишь с душою, исполненною благоговения. Не понимаю, говоришь, что читается. Но потому самому и следует быть внимательным, чтобы понять. Ты не понимаешь того, что говорится? Молись же, чтобы понять. Или, лучше сказать, невозможно, чтобы ты не понимал всего, потому что многое и само собою понятно и ясно. Но хотя бы и

всего не понимал, и в таком случае следует тебе молчать, чтобы не изгнать слушающих внимательно и чтобы Бог, видя твое молчание и благоговение, сделал неясное для тебя ясным. Но ты не можешь молчать? Выйди же вон, дабы не причинять вреда другим. В церкви всегда должен быть слышим один голос, так как она есть одно тело [10, 314].

**114.** Будем тщательно собираться в церковь на молитву и молиться друг за друга. Делая сие, мы и заповедь исполним (Иак. 5, 16), и в любви преуспеем, и научимся усерднее благодарить Бога. Ибо кто за благодеяния, другим оказанные, благодарит Бога, тот тем паче за свои будет благодарить Его. Так поступал Давид, ибо говорит: *возвеличите Господа со мною, и вознесем имя Его вкупе* (Пс. 33, 4). То же и мы должны делать — проповедовать пред всеми благодеяния Божии, дабы всех возбудить к прославлению Бога. Наперед будем молить святых, чтобы они благодарили за нас Бога, но и сами друг за друга будем благодарить Его. Правда, это особенный долг священников; почему, приступая к Богу, мы прежде приносим благодарение за вселенную и за общие блага. Но и каждый должен принимать участие в этом благодарении за всех.

Ибо хотя и всех вообще касаются благодеяния Божии, впрочем, в числе всех и ты получил спасение. Так, хотя Господь и не для тебя одного, а для всех возжег солнце, однако и ты пользуешься им столько же, сколько и все. Почему и ты обязан такою же благодарностию, какую должны воздавать Ему все вместе [10, 398].

**115.** Всегда должно иметь пред очами суд Божий, и все — самые неистовые — страсти умолкнут. Таким же образом и во время молитвы можем удерживать трезвенное внимание, ежели будем помнить, с Кем беседуем. Смотри же, не позволяй ни одному помыслу занимать в сие время твою душу. Молитва есть жертва Богу. Припомни, что и Авраам при своем жертвоприношении не позволил быть ни жене, ни рабу, ни другому кому. Так и ты не оставляй при себе никакой страсти; но один, — отрешенный от всего, — взойди на молитвенную гору. Если же какие из недостойных помыслов и будут усиливаться взойти с тобою на сию гору, запрети им сие, как господин их, и скажи: *сядите зде, аз же и детищ, поклонившеся возвратимся* (Быт. 22, 5). Все, что есть бессловесного и неразумного, — и осла, и рабов, — оставь при подошве горы; взойди, взяв с

собою только разумное, как Авраам Исаака. Так, как он, устрой и жертвенник, отрешившись от всего человеческого и став выше своего естества: ибо и он, если б не стал выше своего естества, не решился бы заклать сына. Итак, ничто да не возмущает тебя в сие время, но будь выше самих небес. Горько плачь и стенай, принеси вместо жертвы исповедание грехов и сердечное сокрушение. Жертвы сии не превращаются в пепел, не исчезают с дымом, не нужны для них ни дрова, ни огонь, нужно только умиленное сердце. Это — дрова, это — огонь, который объемлет дрова пламенем, а не сжигает их. Ибо, кто с пламенным усердием молится, тот горит и не сгорает, но подобно золоту, искушаемому огнем, делается только чище и светлее [10, 432].

**116.** От благодати Духа, говорит Апостол, *поюще в сердцах ваших Господеви* (Кол. 3, 16). Не устами только заповедует петь, но и сердцем, ибо это собственно и значит петь Богу, а то — воздуху, так как голос разливается в воздухе. Так петь можно на всяком месте. Будь ты хоть на торжище, можешь обратиться внутрь себя и там петь Богу, не будучи никем слышим. Так молился Моисей и был услышан. *Что вопиеши ко*

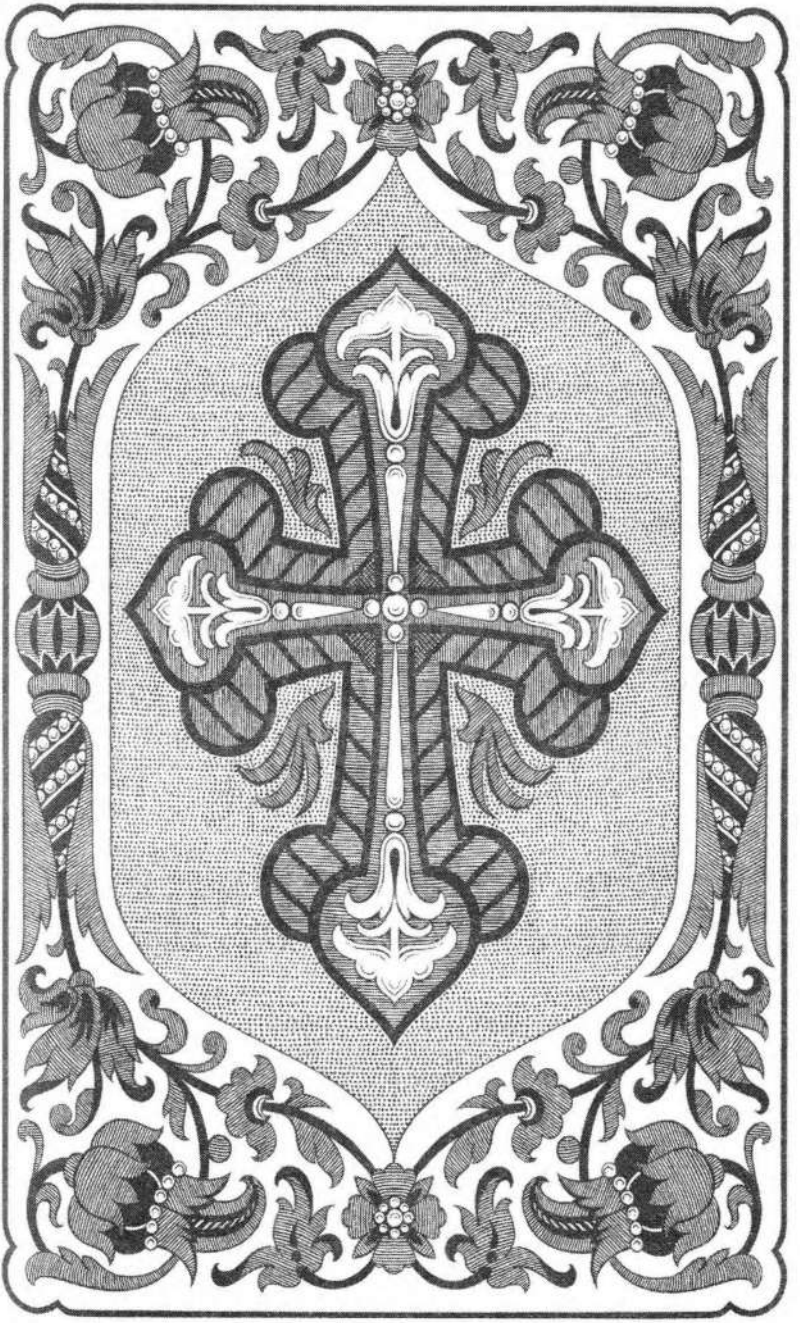
*Мне?* — говорит ему Бог. А он ничего не говорил словом, но взывал мысленно с сокрушенным сердцем. Ничто не мешает и во время пути молиться сердцем и быть горе. *И все, еже аще творите словом или делом, вся во имя Господа Иисуса Христа, благодаряще Бога и Отца* (Кол. 3, 17). Если мы будем так поступать, то там, где призывается Христос, не будет места ничему мерзкому, ничему нечистому. Ешь ли, пьешь ли, отправляешься ли в путь,— все делай во имя Божие, то есть призывая Бога в помощь. Берись за дело, прежде помолившись Богу. Хочешь ли что сказать? Наперед сделай это. Все совершай во имя Господне, и все у тебя будет благополучно [11, 364].

117. *Аще поминах Тя на постели моей, на утренних поучахся в Тя* (Пс. 62, 7). Хотя и всегда нужно памятовать о Боге, но особенно тогда, когда ум находится в покое, то есть ночью. Днем, если и стараешься помнить о Боге, приходящие заботы изглаждают это памятование, а ночью можно памятовать постоянно, — тогда душа бывает в мире и спокойствии. Следует и днем памятовать о Боге, но тут вы развлекаетесь житейскими делами. Посему воспоминайте о Боге по крайней мере на ложе,

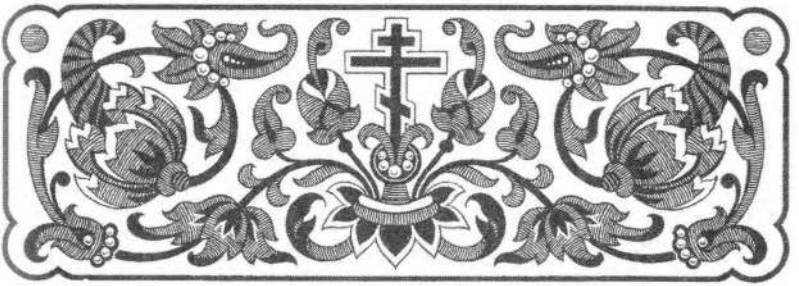
размышляйте о Нем в утреннее время. Если мы будем заниматься этим поутру, то безопасно можем выходить на дела свои. Нам нужно оружие, а молитва есть великое оружие. Пусть же будет у нас каждая ночь всенощным бдением; будем стараться, чтобы нам, вышедши днем, не подвергнуться осмеянию. Пред нами сидит одесную Отца Сам Подвигоположник, внимательно слушающий, не скажем ли чего-нибудь непристойного или ненужного, ибо Он есть Судия не только дел, но и слов наших [12, 115—116].

**118.** Христос совершал молитвы, не имея нужды в молитве, но желая научить тебя — быть постоянно внимательным к молитве, совершать ее непрестанно, трезвенно и с великою бодренностию. Под бодренностию я разумею не только то, чтобы пробуждаться ночью, но чтобы и днем трезвенствовать в молитвах. Бодрствен в молитве человек, когда душа бывает устремлена к Богу, когда помышляет о Том, с Кем беседует и к Кому слово ее, когда содержит в уме, что и Ангелы предстоят Ему со страхом и трепетом, и тем оживляет свое благоговеинство. Будем прилежны к молитве. Она есть великое оружие, если совершается усердно, без тщеславия, от искреннего сердца,

паче же со смирением. Если будем молиться со смирением, если будем ударять себя в грудь, подобно мытарю, если будем подобно ему с сокрушением взывать: *Боже, милостив буди мне грешному* (Лк. 18, 14), то получим всё. Много нам нужно каяться, возлюбленные, много молиться, много терпеть, многое оказывать усердие, дабы получить обетованные нам блага [12, 189].



СВЯТОГО
ЕФРЕМА
СИРИАНИНА
НАСТАВЛЕНИЯ
О МОЛИТВЕ
И ТРЕЗВЕНИИ



1. Воздадим славу Тому, Кто дает страх Свой в сердца наши: ибо Он есть *учай человека разуму* (Пс. 93, 10). *Начало премудрости страх Господень* (Притч. 1, 7). [1, 133]*.

2. Начало доброго жития — слезы во время молитвы; а начало правильного образа мыслей — слушание слова Божия [1, 136].

3. Хорошо прийти к службе Божией прежде всех, но не хорошо без нужды оставить службу прежде отпуска [1, 139].

4. Вошедши в дом Божий, не будем парить умом; напротив того, внутренний человек наш да займется созерцанием и молитвою. А молясь, будем говорить: *Отче наш, Иже еси на небесех*, чтоб никакие другие помыслы не смущали ума нашего [1, 140].

* В квадратных скобках первая цифра — том Твореий св. Ефрема Сирина, вторая — страница. Где нет указаний, — цитата находится там же, что и вышеприведенный текст.

5. Стоя на молитве, знай, Кому предстоишь. К Нему да будут обращены и вся твоя душа, и все твое сердце. Разумей, что говорю.

6. Приобрети страх Божий, чтоб и бесы боялись тебя; одно наружное суетно [1, 144].

7. Будем молиться, чтоб сподобиться нам дарования, а сподобившись, не будем высоко думать о себе [1, 145].

8. Со всех сторон обнеси дом (души твоей) стеною (трезвенного внимания) и не оставляй скважины в ограде, чтобы враг, вошедши чрез нее, не разграбил дома твоего (это — заботливый помысл) и ты не стал виною своей погибели [1, 146].

9. Не всегда дует одинаковый ветер (искушений), но в ветрах бывают перемены; посему надобно приучать себя к делу (брани разной), ибо не знаем, что *родит находяй день* (Притч. 27, 1). [1, 153].

10. Малое нерадение рождает грех, и малая трезвенность отвращает великий вред [1, 154].

11. Взыщи Господа, возлюбленный, всеми силами твоими, чтобы спаслась душа твоя и порок не водворился в сердце твоем [1, 159].

12. Не люби плотского покоя, чтоб не найти себе в нем духовного вреда [1, 161].

13. Не вдавайся в непомерную работу, потому что хорошо и полезно делать все в меру и в порядке.

14. Терпеливо и не скорбя совершать дело Божие по установленному порядку — дают страх Божий, памятование о смерти и о мучениях [1, 162].

15. Лучше заниматься делом, молитвою и размышлением при чтении божественных Писаний, чем прекращать сие не вовремя и предаваться празднословию, отчего рождается клевета.

16. Кто собирает в свою сокровищницу молитвы и милостыни, тот богатеет в Бога. Другие копят себе деньги; а ты копи себе молитвы и милостыни. Другие увеселяются свирелями и музыкою, а ты увеселяйся псалмопением и прославлением Бога. Иные находят веселие в удовольствиях; а ты находи веселие в Боге, Который тебе и всем возлюбившим Его уготовил венец славы [1, 163—164].

17. Нерадивый думает на молитве о том, чтобы услышать: *аминь*; а кто молится трезвенным умом, тот не тяготится длительностию службы [1, 165].

18. Да не падет на нас сказанное Пророком: *приближаются усты своими, сердце же их далече* (Ис. 29, 13).

19. Как бы молот и наковальню помести в уме своем, и пытай помыслы сердца своего, и, которые не окажутся годными, бросай прочь [1, 169].

20. Лукавому помыслу так же худо давать возрастать в душе, как и худой траве на гряде с овощами [1, 170].

21. Остров, лежащий среди моря, может ли остановить волны, чтобы они не ударяли в него? — Но остров противостоит волнам. Так и мы не можем остановить помыслов, но можем противиться помыслам.

22. Отчего иногда душа побеждается помыслами? Оттого, что не противится им, но дозволяет им входить внутрь, и они, находя там себе пищу, понемногу расстраивают душу.

23. Прежде нежели укоренится в тебе страсть, вырви ее из себя и, прежде нежели даст отростки, исторгни корень ее из самых глубин. Ибо, если попустишь ей укорениться в тебе, она возобладает над тобою [1, 171].

24. Кто молится трезвенно, тот попаляет демонов; а кто молится рассеянно, над тем насмехаются они.

25. Во время молитвы не заводи посторонней беседы, и не омрачится ум твой для молитвы [1, 172].

26. Великий дар — слезы в молитве, а увлекаться бесовскими помыслами то же, что смерть.

27. Сердце, падшее с высоты небесных мыслей, бесы делают привязанным к вещам земным; а когда пренебрежет оно тленным, тогда приимет нетленное.

28. Горе́ вознесем ум; еще немного времени, и прейдем отсюда, а *яже уготовал еси, кому будут?* (Лк. 12, 20). [1, 173].

29. Пусть руки твои делают *благое*, чтоб мог ты и имеющему нужду подать (Еф. 4, 28). И пусть сердце всегда будет обращено к Господу, и тогда будешь делать *брашно пребывающее*, а *не гиблющее* (Ин. 6, 27). [1, 183].

30. Молись Богу, проливая слезы пред Его благодатию; тогда молитва твоя будет *яко кадило* (Пс. 140, 2) пред Ним [1, 190].

31. Пока не пренебрежет кто страхом Божиим, дотоле он не согрешит. Хочешь ли не грешить? Храни страх Божий [1, 192].

32. Всегда пред очами имей Господа, потому что Он спасает уповающих на Него.

33. Пой, возлюбленный, духом пой и умом: *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом* моим (Пс. 118, 103). [1, 203].

34. Страх Божий в сердце твоем да будет тем же, чем оружие в руках воина: им отражай в смиренномудрии искушения, какие наводит на тебя диавол; да истончатся, как прах, враги твои от лица твоего. Будь смел, потому что не потерпишь поражения, имея такое оружие [1, 206].

35. Страх Божий да будет всегда пред очами твоими, и грех не возобладает тобою. Не говори: «сегодня согрешу, а завтра покаюсь». Ибо о завтрашнем дне ничего нет у тебя верного. Будем сегодня каяться, а о завтрашнем дне попечется Господь [1, 216].

36. Иной сидит праздно, а как скоро слышит призывающего на молитву, берется за дело; но ты, возлюбленный, не будь нерадив к службе Божией, чтоб просветилось око ума твоего.

37. Всем сердцем своим веруй в Господа, и во всякое время обретешь благодать Его. Если в Нем пребываешь, то не погубишь мзды своей.

38. Водолейные трубы употребляются в дело во время пожара, а слезы — во

время искушений. Вода угашает пламень, а слезы во время молитвы угашают злые вожделения.

**39.** Уповающий на Господа подобен человеку, который, когда несся с высоты, встретил вервь, висящую высоко над землею, и, ухватившись за нее, повис на ней, и, вися, непрестанно вопиет ко Господу о помощи, зная, что если ослабеет и выпустит вервь из обеих рук, то упадет и разобьется до смерти [1, 218].

**40.** Всякий день будем просить у Господа слез сокрушения, чтобы, когда станем плакать о грехах своих, процвела душа наша, избавившись от греховной засухи [1, 438].

**41.** При всегдашнем памятовании о Господе удаляются от души гнусные страсти, как злодеи при приближении военачальника; чрез это же устрояется Святому Духу чистое жилище. Но где нет памятования о Боге, там господствует мрак и зловоние, там совершается всякое негодное дело [1, 440].

**42.** Возлюбим благоговение: пусть ругаются над нами, пусть наносят нам удары; мы не оставим его. Ибо это сокровище, исполненное благ. Оно преклоняет Бога воззреть на того, кто приобрел оное, по напи-

санному: *на кого воззрю? Токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2). И блажен, кто все презрит ради благоговения [1, 457].

43. Будем трезвиться, молясь, чтоб не впасть в искушение. Будем поучаться словесам Духа Святого, чтобы вникнуть нам в Писание и, не держа в руках книги, иметь в уме глаголы Божии [1, 477].

44. Не останавливайся на нечистых помыслах, чтоб не довели они тебя до срамного исполнения их на самом деле; но гнушайся ими и отгоняй их от себя, чтобы ум твой был в покое. Молись Господу, чтобы просветил очи сердца твоего: ибо *невозможная у человека возможна у Бога* (Лк. 18, 27). Став на молитву, не рассеивайся, чтоб не оказаться небрежным [1, 483].

45. Трезвись ежечасно, потому что в час, в который не чаешь, пошлет Господь за тобою, чтоб взять тебя в житницу жизни, в сонм праведных, и чтоб наконец упокоился ты там, где нет ни брани, ни врага [1, 539].

46. Блажен, кто имеет попечение о следующих трех вещах: упражнении в молитве, рукоделии и размышлении. Ибо написано: *упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11); и еще: *нищь есмь аз,*

*и в трудех от юности моея* (Пс. 87, 16); и еще: *и в законе Его поучится день и нощь* (Пс. 1, 2). [1, 564].

**47.** Одному брату пред бдением помысл внушал, говоря: сегодня дай себе отдых и не вставай на бдение. Но он отвечал помыслу: рассуди, что завтра не встанешь, поэтому лучше надо встать сегодня [1, 576].

**48.** Прекрасна молитва с воздыханиями и слезами, особенно если слезы проливаем безмолвно. Кто молится с ведением и верою, тот зрит пред собою Господа, так как *о Нем живем и движемся и есмы* (Деян. 17, 28). [2, 102].

**49.** Если окаменело сердце твое, плачь пред Господом, чтобы источил Он на тебя озарение ведения.

**50.** Всем сердцем своим уповай на Господа, и удобно избежишь злодейских козней. Ибо Господь не оставит без призрения работающих Ему [2, 109].

**51.** С помощию Божественного огня должны мы противиться огню (страстных возбуждений) [2, 111].

**52.** Молись чаще с смиренным сердцем, как три отрока в пещи огненной, и не делай из себя вертепа разбойников, предаваясь делам недозволенным, чтоб не посты-

диться в день суда, когда откроются тайны человеческие [2, 113].

**53.** Воздыхает сердце мое, и глаза мои вожделевают слез; но грех мой содержит в плену мой ум, чтобы не пришел я в сокрушение и не стал с горькими слезами умолять Господа не ввергать меня во тьму кромешную [2, 115].

**54.** Иона во чреве китове вопиял в молитве: *да изыдет из истления живот мой к Тебе, Господи Боже мой* (2, 7). Молитва сия проторгла бездну, рассекла воздух, достигла до неба и вошла во уши Господу; лучше же сказать, Сам Господь, наполняющий вселенную, не далек был от искреннего Своего служителя [2, 116].

**55.** Всем сердцем внимай псалмопению и чтению божественных Писаний, — и тук* их впивай душою своею, как младенец, питающийся сосцами [2, 127].

**56.** Не расслабевай от приходящих тебе помыслов. Но когда придет тебе на мысль лукавый помысл, воззови ко Господу со слезами, говоря: Господи, будь милостив ко мне, грешному, и прости меня, Человеколюбец! Отгони от нас лукавого, Господи! Бог — Сердцеведец, и знает помышления,

* Молоко, жир; здесь: ценность. — *Ред.*

происходящие от злонравия; но знает также и помышления, бывающие у нас по злобе бесов. Но знай и то, что в какой мере будешь подвизаться и терпеть, работая Господу, в такой будут очищаться и ум твой, и помышления твои [1, 140].

57. Как осмеливаются иные оставлять службу Божию и уходить до отпуска без всякой нужды? — Ужели, когда ты позван на вечерю к богатому человеку, осмелишься встать из среды возлежащих с тобою и пойти домой? Не будешь ли терпеливо ждать, пока встанут все вместе? [2, 162].

58. Будем непрестанно принуждать себя к делу Божию, — чтобы Господь, пришед, нашел нас бодрствующими и сподобил блаженства Своего, ибо Сам Он сказал: *блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих* (Лк. 12, 37). Будем же друг друга умолять и возбуждать к славословию Господа нашего Иисуса Христа [2, 166].

59. Припади к Царю славы, исповедуя грехи свои; у Него множество щедрот. Кто хочет дойти до земного царя, тех останавливают стражи у врат, гонят прочь воины и служители; они приносят дары князьям, чтобы успеть в своем намерении. А ты, приступая к Царю всяческих, не бойся ничего

такого. Ему не нужны дары, некому взять их и остановить тебя, потому что непамятозлобив Он есть, человеколюбив *и раскаяваяйся о злобах* человеческих (Иоил 2, 13). Приступая же к Нему, приступай не с лицемерием, не с двоедушием, но с чистою совестию. Прежде нежели скажешь что-нибудь, Он предвидит, о чем будешь говорить; и прежде нежели отверзешь уста свои, наперед знает, что у тебя на сердце. Не колеблись и не скрывай своего недуга. Врач не жесток, но сострадателен, врачует словом. Он — неиссякающий источник, источающий людям исцеление. Если хочешь спастись, не отвергнет тебя Сказавший: *аще убо вы, лукави сущи, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него* (Мф. 7, 11). [2, 276—278].

**60.** Молись, исповедуйся: молитве же и исповеданию да содействуют и дела; *да исправится молитва* твоя, *яко кадило* пред Богом (Пс. 140, 2); и услышишь от Господа: *велия вера твоя, буди тебе якоже хощеши* (Мф. 15, 28). [2, 279].

**61.** Псалом да будет непрестанно в устах твоих; уста да поют, а ум да молится. Призываемое имя Божие прогоняет бе-

сов, освящает Псалмопевца. Псалом — тишина души, он вознаграждает миром. Псалом — привлечение Ангельской помощи, оружие против страха нощного, успокоение от дневных трудов. Псалом и из каменного сердца вызывает слезы. Псалом — дело Ангелов, небесное жительство, духовное кадило. Псалом — радость боголюбцев: он напоминает Суд, возбуждает душу к Богу, сликовствует с Ангелами. Где псалом с сокрушением, там и Бог с Ангелами [3, 13, 14].

**62.** Прекрасно *всегда молитися и не стужати си*, как говорит Господь (Лк. 18, 1). И Апостол еще говорит: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17), — то есть и ночью, и днем, и всякий час. Не только входя в церковь, но и в другие часы не оставляй о сем попечения; напротив того, работаешь ли, спишь ли, или находишься в дороге, или ешь, или пьешь, или лежишь, — не прерывай молитвы; ибо не знаешь, когда придет Требующий души твоей. Не жди воскресного дня или праздника, не разбирай различия мест, но, как сказал пророк Давид, молись *на всяком месте владычества Его* (Пс. 102, 22). Посему в церкви ли ты, или у себя дома, или в поле, пасешь ли овец, занимаешься ли постройкой, — не оставляй молитвы; и, когда

можно, преклони колена, а когда невозможно, молись умом, — и вечером, и утром, и в полдень [3, 17—18].

63. Вместо щита, ограждай себя честным крестом, запечатлевая им свои члены и сердце. И не рукою только полагай на себе крестное знамение, но и в мыслях запечатлевай оным всякое свое занятие: и вход свой, и исхождение свое во всякое время, и седение свое, и восстание, и одр свой, и какое ни проходишь служение, прежде всего запечатлей (крестным знамением) во имя Отца и Сына и Святого Духа [3, 476].

64. Вместо лука, простирай руки свои на молитву, как написано: *и положил еси лук медян мышца моя* (Пс. 17, 35). Ибо, действительно, лук медян* на врагов — руки, простертые в молитве, приносимой в ведении; это стрела, метко пущенная натянувшим лук. Если позволишь скитаться помыслу, то уподобишься человеку, который держит в руках лук, но не умеет наметить стрелу в противника, а пускает ее наугад. Испугает ли когда врага твоего этот удар, если держишь в руках лук, и не в него, а наугад пускаешь стрелу? Напротив, когда молится кто с ведением, не позволяет ски-

* Медный. — *Ред.*

таться помыслам и разумеет, кто он, и Кому предстоит, и с Кем беседует, — тогда молитва его приближается к Богу, тогда и враг сильно страждет, как пораженный стрелою в сердце [3, 477].

65. Если и отказано будет тебе в получении прошения (не тотчас оно услышано будет), не переставай взывать к Богу, не приходи в уныние, что не услышан. Вспомни хананеянку и поревнуй ее терпению. Вспомни, как ей отказываемо было в получении просимого ею, а она все просила. Что же? отринул ли ее Господь вконец? Нет; но на малое время Он отказывал ей, а потом дал ей, чего просила, в наше научение, чтобы и мы, получив отказ, умели стоять в своем прошении [3, 479].

66. Если просишь чего-либо у Бога своего, то проси не так, чтобы непременно получить от Него, но предоставляя сие вместе Ему и Его воле. Например: часто угнетают тебя скверные помыслы, и ты печалишься о том, и хочешь умолить Бога, чтобы освободиться тебе от брани. Но нередко на пользу тебе служит это, брат мой. Ибо сказываю, что часто сие бывает с тобою, чтобы ты не превозносился, но был смиренномудр. Посмотри на сего столпа Апостолов, как

ему, к его пользе, дан был *пакостник плоти, аггел сатанин, да пакости* ему *дает* (2 Кор. 12, 7). Для чего же? — Да не превозносится. Если такому мужу дан был этот урок, чтобы не превозносился, то кольми паче нам, немощным и мнящим *себе быти что* (Гал. 6, 3), нужно терпеть мучение (тиранию греха), чтобы не превозноситься. Также, если постигла тебя какая скорбь или теснота, не проси, чтобы непременно тебе избавиться от них, потому что и сие нередко бывает полезно. И еще: если просишь о получении чего-либо, не проси, чтоб непременно получить это. Ибо сказываю, что ты, как человек, часто почитаешь для себя полезным, что нередко бывает для тебя бесполезно. Но если оставишь волю свою и решишься ходить по воле Божией, то будешь безопасен. Многие, достигнув вожделеваемого ими, впоследствии приходили в раскаяние, а нередко впадали и в великие беды. Послушай, что говорит Апостол: *не вемы, якоже подобает молитися* (Рим. 8, 26). Итак, что полезно и назидательно для каждого из нас, знает Сам Бог; потому и предоставь это Ему. Говорю же сие не с тем, чтобы воспрепятствовать тебе обращаться с прошениями своими к Богу; напротив того,

умоляю тебя просить Его о всем, и малом и великом. И вот что говорю тебе: когда молишься и открываешь пред Ним, что у тебя на сердце, говори Ему так: *обаче Твоя воля, а не моя* (Лк. 22, 42). *Открый ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит* (Пс. 36, 5). Посему, если просишь чего у Бога, твердо стой в своем прошении (со всем усердием и неотступно молись); но, открывая пред Ним нужды свои, говори: ежели есть, Владыко, воля Твоя, чтобы состоялось сие, то соверши и сделай успешным; а ежели нет на сие воли Твоей, не попусти совершиться сему, Боже мой! Подкрепи только и сохрани душу мою, да буду в состоянии перенести сие [3, 480—483].

**67.** Много потребно борьбы и тайного, невидимого, труда; должно всегда производить испытание помыслов и изнемогшие чувства души нашей непрестанно упражнять в различении доброго и худого, и ослабевшие душевные члены возгревать стремлением ума к Богу и тщанием, к Нему всегда прилепляясь умом своим, чтобы при помощи Божией благодати, по Апостольскому изречению, быть в единый дух с Господом (1 Кор. 6, 17). И сию тайную борьбу, помышление о Боге и

труд надобно иметь всем нам, — и днем, и ночью, и при всяком исполнении заповеди, молимся ли, или служим, или едим, или пьем, или другое что делаем [3, 539].

68. Патриарх Авраам священнику Божию Мельхиседеку принес в дар лучшее из добычи, и за сие получил от него благословения. Что сим гадательно дает разуметь Дух, возводя к высшему созерцанию? Не то ли, что всегда должны мы приносить Богу высшее и первое, тук всего состава нашего, то есть самый ум, самое расположение, самый правый помысл наш, самую силу любви в душе нашей, начаток целого нашего человека, священную жертву сердца, лучшие и первые из правых помыслов, непрестанно упражняясь в памятовании о Боге, в размышлении и любви? Ибо, таким образом, можем ежедневно иметь приращение в любви божественной, вспомоществуемые Божественною силою Самого Бога. И тогда бремя заповедей покажется для нас легким, и мы исполним их чисто и безукоризненно, при содействии нам Самого Господа нашего [3, 541].

69. Главное в добром рвении и верх добрых дел есть постоянное пребывание в молитве, которою чрез испрашивание у Бога

можем ежедневно приобретать и прочие добродетели; потому что у единого Бога благость. В молитве божественным посещением, в достойных Его, производится некое таинственное общение духовной деятельности и уединение расположения и самого ума в неизреченной любви к Господу; и в небесные восторги любви, в пламенную приверженность, ежедневно вовлекается духовною любовию к Богу тот, кто принуждает Тебя постоянно пребывать в молитвах, как сказано: *дал еси веселие в сердце моем* (Пс. 4, 8). И Господь говорит: *Царствие Небесное внутрь вас есть* (Лк. 17, 21). А сие пребывание Царствия внутри нас что иное означает, как не небесное веселие, действенно производимое в душе достойной? Ибо если в Царстве Небесном наслаждение, и радость, и духовное веселие в вечном свете будут иметь святые, то здесь еще святые и верные души удостоиваются получить залог и начаток сего чрез действенное общение Духа [3, 542—543].

**70.** Желающий постоянно пребывать в молитве должен принять обширнейший подвиг, великий труд и непрестанное старание, потому что постоянному пребыванию в молитве есть много греховных препятствий:

сон, уныние, отяжеление тела, кружение помыслов, беспорядочность ума, нерадивость, нетерпение, расслабление и другие тонкие внушения злобы; за сим следуют скорби, восстания самых лукавых духов, которые ведут брань с душою, в действительности непрестанно взыскующею Бога, противоборствуют ей до крови и возбраняют приблизиться к Богу. Посему ему должно мужаться со всею трезвенностию и тщательностию, и со всяким усилием душевным и телесным, в терпении всякого рода. Как действительно несущий на себе крест, непрестанно да пребывает он в борении, и в великом труде, и в плаче, и в скорби ради Царствия, не расслабевая, не предаваясь кружениям греховных помыслов, или сну, или унынию, или расслаблению, или смущению ума, не предаваясь мыслию чему-либо неподобному и не удовлетворяясь телесным только коленопреклонением, между тем как ум находится в смущении и кружении [3, 546—547].

71. Кто всецело посвящает себя всегда Богу и без всякого нерадения употребляет возможные по его силам тщательность и труд, с несомненною верою всегда от Бога надеясь избавления с помощию благодати Христовой, тот удостаивается, по благодати

Божией, взойти на самый верх непоколебимой добродетели и любви. Совершенный христианин всякую добродетель, и все превосходящие природу нашу совершенные плоды Духа, как то: истинную и неизменную любовь и мир, долготерпение и благость, кротость и терпение, веру и смиренномудрие, и прочие дела истинной добродетели, производит с услаждением и духовным удовольствием, как естественные и обыкновенные, уже без утомления и легко, не борясь более с греховными страстями, как совершенно искупленный Господом, как сподобившийся сделаться чистым жилищем Его и возбуждаемый к добродетелям божественною силою, в радовании и веселии от Святого и достопоклоняемого Духа приобретший совершенный преобладающий в сердце мир Христов. Такой человек, по причине действенного вселения в нем Святого Духа, не только подобное делание добродетелей совершает уже с великим наслаждением, без утомления, но легко и удобно восприемлет на себя труднейшее, как то: страдания Христовы. Укрепляемый Духом, с великим вожделением дает он обет пострадать за Христа, — и готов бывает быть в наготе, голоде, терпеть всякое злострадание ради Господа, подвергаться не-

нависти, бесчестию, злоречию, стать как бы отребием мира сего, и, наконец, быть распинаемым и принимать на себя юродство. Ибо самое полное вселение в него Духа Святого и нетленное, действенное утешение будущею, бессмертною, надеждою воскресения приуготовляет его к тому, что страдания Христовы приемлет с великим услаждением. Таков истинно прилепившийся к Господу и сделавшийся *един дух* с Ним (1 Кор. 6, 17). [3, 550—552].

**72.** Начало премудрости — страх Господень. Тот и мудр, кто боится Господа. А кто боится Господа, тот соблюдает все заповеди Его, вполне творит волю Его и исполняет всякое слово Его. Итак, приобрети страх Божий, — и Он увенчает тебя венцом жизни [4, 117].

**73.** Кто боится Бога, тот выше всякого страха; он устранил от себя и далеко оставил за собою все ужасы века сего. *Предзрех Господа предо мною выну*, да не убоюся и *да не подвижуся*, говорит исполненный страха Божия Давид (Пс. 15, 8). Ни пред ужасами мира сего, ни пред страхованиями лукавого не приходит в страх и трепет тот, кто боится Бога. Даже сатана боится того, кто боится Бога, и полчища его содро-

гаются пред тем, кто исполняет заповеди Божии [4, 120].

74. Кто грешит, от того далек Бог; и потому лукавый исполняет его страха, — и всегда живет он в мучительной боязни [4, 123].

75. Градом убежища для нас ныне покаяние. И не далеко, но близко оно; каждый стоит при дверех его. Долго надо было еврею бежать (до града убежища), — и едва только мог он спасаться, а иногда и не спасался. Этот же град нашего убежища сам спешит навстречу грешникам. Благословен Благий, Который тебя, покаяние, даровал нам градом нашего убежища.

76. Евреи оставляли грады убежища, когда (миновала беда); а мы навсегда должны оставаться в нашем граде убежища [4, 154].

77. Тебя умоляю, Господи, в Твою дверь ударяю, Благий! Отверзи мне по неложному обетованию Твоему: *толцыте, и отверзется вам* (Мф. 7, 7). Се, умоляю, как научен Тобою: даруй мне, Господи, как обетовал. Не золота прошу. Изглаждение грехов лучше золота, прощение — драгоценнее сокровищ [4, 156—157].

78. Будем умолять Господа, пока не возвратим себе рукописаний своих; возвы-

сим глас сетования, прольем реки слез, да расторгнутся сердца наши от воздыханий, пока не получим отпущения грехов [4, 165].

79. *Обратитеся ко Мне, и обращуся к вам*, говорит Господь чрез Пророка (Зах. 1, 3). Итак, обрати сердце свое к молитве, чтобы обратилась к тебе благодать Его. Иди путем покаяния, чтобы сретило тебя человеколюбие Его [4, 168].

80. Не с двоедушным сердцем приближайся к Испытующему все помышления наши, и не двояким путем иди к Ведущему сокровенное [4, 169].

81. Молитва нигде не погрязает, и погрязших подъемлет она на высоту; молитве ничто не полагает преград, потому что у нее духовные крылья. Молитвою побеждают праведники, молитвою возвращаются к жизни грешники [4, 183—184].

82. Духовный рай есть церковь, в ней — древо жизни, святой жертвенник примирения, источающий жизнь верным, возлюбившим жизнь. Итак, обогащайтесь, наслаждайтесь дарами, какие уготовал для вас Отец [4, 356].

83. Приидите, — и ночью будем воспевать хвалу Богу, и подражать сонмам Ангелов, которые непрерывно восхваляют

Его. И Спаситель наш, когда подвигнется и приидет сопровождаемый Ангелами, видя бодрствование и бдение наше, наименует нас благими рабами, и посадит за трапезу Свою [4, 364].

84. *Бдите и молитеся*, сказал Господь наш ученикам Своим (Мф. 26, 41); ибо не знаете, в какой час приидет смерть, и возьмет вас из временной жизни сей, чтобы пошли вы туда и дали там ответ. Пока здесь еще вы, братия, приноси́те покаяние и проси́те себе оставления грехов [4, 397].

85. Тело, которое утруждало себя в молитвах, в день воскресения воспарит по воздуху, без посрамления будет взирать на Господа своего, с Ним войдет в чертог света, и будет там любезно Ангелам и человекам, которые здесь также утруждали себя бдениями и молитвами [4, 404].

86. Всегда нам надобно с готовностию пребывать в молитве, потому что молитва — весьма великое дело; она доходит даже до Бога. Когда молитва с любовию возносится к Богу, чтоб собеседовать с Ним, тогда отверсты для нее горния врата и никто не попрепятствует ей войти в них. Не задержат ее Ангелы, не остановят Огнезрачные, как скоро пожелает она войти и получить от

Бога исполнение просимого. Поэтому всякий возлюби молитву, и бодрственно упражняйся в ней и день и ночь. Будем неослабно молиться [4, 440].

87. Непрестанно пребывай в молитве, и не ослабевай в молитвах. Проси Хранителей, чтобы они были стражами отверстых дверей в членах твоих. Тщательно охраняй седмь отверстых дверей, потому что ими вторгаются разбойники, чтобы расхитить убранство души твоей и повредить черты образа, столь любезного Богу [4, 442].

88. Царствие *Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21). Войди в самого себя, ищи усердней, и без труда найдешь. Удались с распутия забав, с пагубного пути похотей, из дебри корыстолюбия и вредных сообществ. Войди в себя, живи в себе самом, в прекрасной клети духа твоего, — и там ищи Царства, как научил Спаситель наш. Если оно еще не в тебе, то взывай: *Отче наш, да приидет Царствие Твое!* — и оно приидет, когда призовешь. Царство — в тебе. Войди же в себя, пребывай в сердце своем, ибо там — Бог. Он не оставляет тебя, но ты оставляешь Его [4, 444].

89. Пока сердце пребывает в добре, дотоле и Бог в нем пребывает, дотоле оно

служит источником жизни, потому что тогда из него исходит доброе. Но как скоро уклоняется оно от Бога и делает беззакония, то становится источником смерти, потому что тогда из него исходит злое. Сердце — Божия обитель, потому имеет нужду в охранении, чтобы не вошло в него злое и Бог не удалялся из него [4, 445].

90. Дивно сие и досточудно, непостижимо для горних и неизреченно для дольних. Недоступный для всякого ума входит в сердце и обитает в нем; Сокровенный от Огнезрачных обретается в сердце. Земля не выносит стопы Его, а чистое сердце носит Его в себе. Небо — мало для пяди Его, а сердце — обитель Его. Вся тварь не вмещает Его в пределах своих; но если взыщет сердца, то и малое сердце вмещает Его. Малое место избирает Бог в человеке для жилища Своего; и делается человек храмом Божиим, в котором обитает и пребывает Бог. Душа — храм Его, а сердце — святой жертвенник, на котором приносятся жертвы хвалы и славословия; иереем же бывает ум, который стоит и священнодействует там [4, 446].

91. В сердце у тебя хранится сокровище. — Приищи же себе стража, который бы непрестанно находился при дверях

твоих, чтобы не ограбили тебя разбойники, не расхитили злые люди. Поелику ты не заботишься о душе своей, не ищешь для нее хранителей, то вторгаются в нее нечистые духи и грабители, и разоряют ее вконец. Имение, которое — не твоя собственность, охраняешь ты со тщанием; а душу, свою собственность, не оберегаешь. У виноградников, у масличных садов, у засеянных полей ставишь ты стражей, а Божие достояние оставляешь без стражей, которые бы охраняли его. Временное имение всякий бережет с предусмотрительностию, а душу, самое дорогое Божие достояние, расхищают и грабят демоны, и никто о том не поболезнует и не поскорбит. Лукавый входит в нас, — и приводит в расстройство и сердце и ум; оттого каждый, против воли своей, идет в дебрь (мир), и блуждает там [4, 447—448].

92. Приобучи уста свои прославлять Бога. Воздай Богу благодарением, бдением, постом и молитвою, и язык твой да возглашает сладкоречивые хвалебные песни [4, 455].

93. Сказано: *да возмется нечестивый, да не видит славы Господни* (Ис. 26, 10). Все между тем взывает о Боге, ежедневно возвещает славу Его; и бессло-

весные твари не престают славословить Его. *Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь* (Пс. 18, 1). Земля глашает Ему хвалу; море проповедует чудное Его могущество. Ничего не найдешь, что не славословило бы Господа Бога своего. И ничтожный комар возвещает славу своего Господа. Куда же пойдет нечестивый, чтобы не видеть ему славы Господней? — Думаю, что он низойдет из мира сего во тьму кромешную, полную страха и ужаса, где нет славословия и где не раздается хвалебный глас [5, 42—43].

**94.** Душа много любезнее Богу всех созданных Им тварей. А грех делает ее мертвою, — и ты не разумеешь того, грешник. Скорби о себе ради Бога, потому что Он сожалеет о тебе. Грехом умерщвлена душа твоя; возврати ее к жизни слезами. Возрадуй Бога, да возвеселится Он о том, что душа твоя возвращена тобою к жизни [5, 46].

**95.** Не скорбит столько отец, погребающий любимого сына, сколько жалеет Бог о душе, умерщвленной грехом. Оплакивай же душу свою и докажи тем любовь свою к Богу, Который Сам скорбит и жалеет о душе, умерщвленной грехом. Бог жалеет

о смерти души, которая есть образ Его; и небесные Силы сетуют о ней [5, 48].

96. Кто бодрствует, как просвещенный (благодатию), и молится во тьме, тот и среди видимой тьмы облечен невидимым светом. Но грешник и при дневном свете — чадо тьмы. По наружности весь он во свете, внутренно же покрыт тьмою. Посему не будем обольщать себя тем одним, что бодрствуем. Кто бодрствует не как должно, того бодрствование — не бодрствование. Кто бодрствует не с охотою, того бодрствование — сон. Кто же бодрствует в нечистоте, тому бодрствование даже вредно [5, 143—144].

97. Все прошения наши восходят к единому Богу; единый слух невидимого Величия внимает прошениям нашим и различает их. Если просим полезного — приемлет прошение; если вредного — отвергает. Уста могут просить всего; но Бог исполняет только то, что полезно [5, 238].

98. Все прошения, приносимые Богу верою, приемлются Им из рук ее. Обеты и дары, приносимые руками ее, вожделенны Богу. Божественное Величие желает получать плоды из рук веры, потому что она сердце просящего очищает от безобразия сомнений ума.

**99.** Если Бог медлит исполнением прошений, не должно скорбеть. Податель премудр. Он смотрит и на прошение, и на время, и, если видит, что прошение в настоящее время бесполезно, будет же полезно впоследствии, блюдет исполнение его до времени. Хотя и прискорбно просящему, что не исполнилось прошение его в то же время, но Податель в свое время утешит его пользою.

**100.** Хвала Тому, Кто слышит все! Его правда — горнило для всех прошений. Одобряет она прошение истинное, потому что в нем сокрыта жизнь для просящих; осуждает прошение лживое, потому что в нем таится смерть для просящих [5, 239].

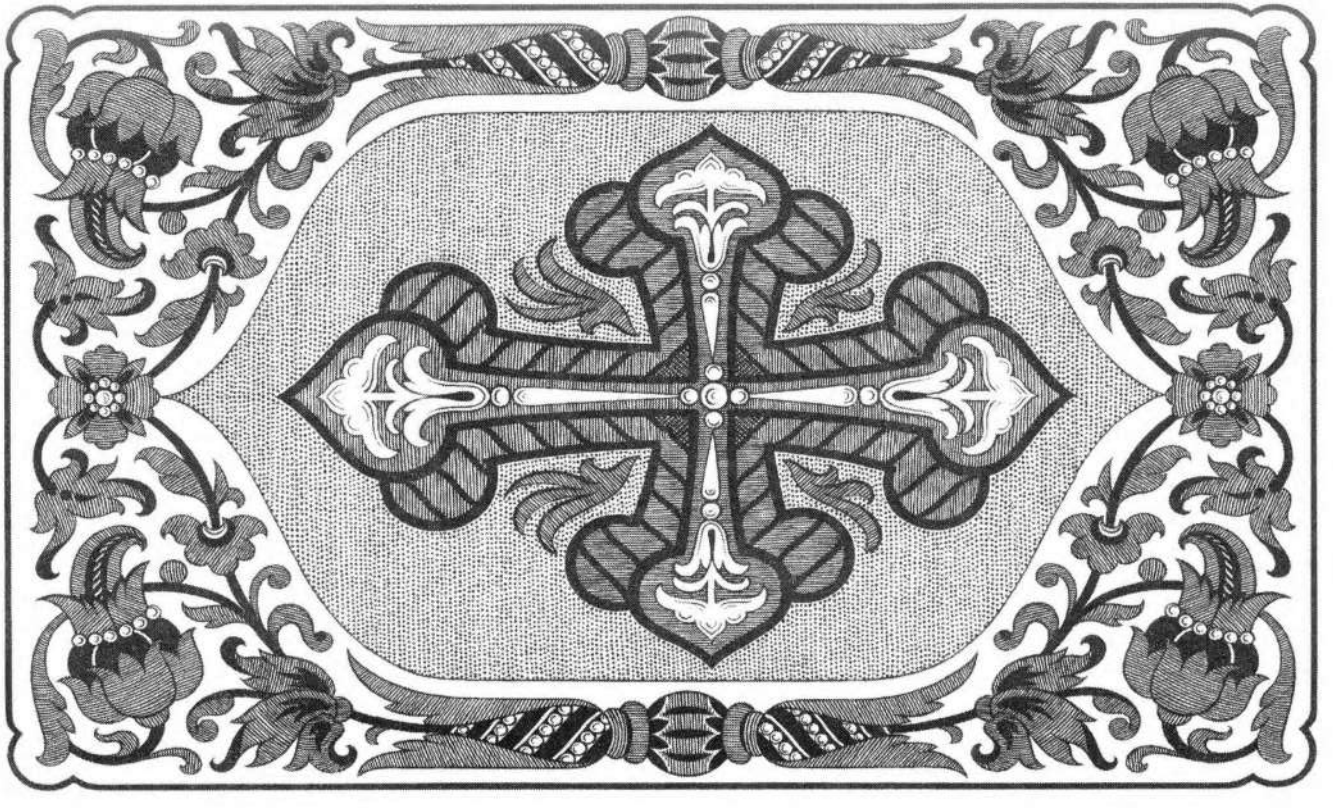
**101.** Посему предоставим прошения наши воле Истинного и Милосердого. Он правдою Своею искушает и отвергает прошения для нас вредные, по милосердию Своему исполняет прошения полезные. Возблагодарим Благого за то, что дает Он, и поклонимся Правосудному за то, в чем отказывает [5, 240].

**102.** Будем трудиться в молитве, это — виноградная лоза; вино ее есть утешение. Созиждем души наши в храм, достойный Бога [5, 298].

103. Если в доме твоем останавливается великий земли, то и двери твои облекаются честию. Не тем ли паче украсится великолепием дверь твоя, если вселится в тебе Бог?

104. Будь и храмом, и священником Богу; служи Богу в храме твоем, как Он для тебя стал и иереем, и жертвою, и закланием. Посему и ты будь для Него и храмом, и священником, и жертвою. Поелику дух твой есть храм, то не допускай в него никакой нечистоты.

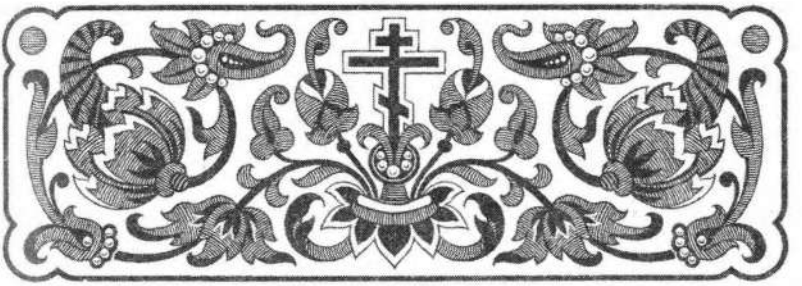
105. Не допускай в дом Божий ничего такого, что ненавистно Богу; а напротив, укрась дом Божий всем, что подобает Богу.



# СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА

# СЛОВО О МОЛИТВЕ

С ПОЯСНЕНИЯМИ ОНОГО



1. Молитва, по качеству своему, есть общение (συνουσία — сосущие, слитие в одно бытие) и единение человека и Бога; по действию же — она есть стояние мира, Бога примирение, слез матерь и опять дщерь, умилостивление о грехах, мост чрез искушения, средостение от скорбей, пресечение браней, дело Ангелов, пища всех бесплотных, будущее радование, конца и предела не имеющее делание, источник добродетелей, ходатаица и виновница дарований, невидимое преспеяние,

---

Пояснения Лествицы есть: Илии, епископа Критского; Афанасия иеромонаха, тоже критянина; в новом издании св. отцов Миня после каждого слова приложены заметки многих на разные мысли, содержащиеся в Слове; в Лествице, изданной Оптиной пустынью, в конце приложено много пояснительных заметок, заслуживающих полного внимания. Включая «Слово о молитве» св. Лествичника в небольшой настоящий сборник, прилагаем под каждым пунктом и пояснения его; причем заимствования из еп. Илии будем означать — **Ил.**, из Афанасия — **Аф.**, из Миня — **Мн.** В Оптинском издании на это Слово нет ни одного пояснения.

пища души, просвещение ума, отчаянию секира, доказательство надежды, разрешение уз печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, уменьшение (постепенное, до ноля) гнева, зеркало преспеяния, проявление мер (на какой кто стоит мере), показание состояния (или устроения духовного), возвестительница будущего (может быть и воздаяния), знамение прославления. Для истинно молящегося молитва есть истязалище, судилище и Престол Господень, прежде престола будущего.

**Аф.** Молитва, совершаемая как должно, с теплым к Богу желанием и сладостию, имеет то доброе в себе *качество*, что возвышает ум человека к Богу, изводит его в сретение Создателя своего, сочетавает с Ним и соединяет до нераздельности. *Действия* же ее неисчислимы. Она делает, что мир стоит и не разрушается по причине множества грехов, каждодневно совершаемых. Она привлекает милующую нас любовь Божию. Она — матерь слез и дщерь их, потому что делает то, что человек начинает проливать слезы пред Господом, а слезы опять понуждают его еще более молиться. Она испрашивает прощение грехов. Она есть мост, по которому человек переходит от искушений и бед к свободе от

них и прохладе. Есть средостение, которое отграждает нас от скорбей и не дает им проникнуть внутрь нас и тиранить нас там, от бесов ли они будут или от людей и страстей. Она разбивает и рассеивает врагов наших, борющих нас. Есть дело небесное, насыщение всех Ангелов и святых, всегдашнее радование праведных праздничное. Есть добродетель, которая не случается, чтоб когда-либо была праздною, пресекалась и упразднялась. Есть ключ, из которого бьет всякое добро. Есть купец, покупающий всякие дарования благодатные. Она сокровенно ведет сердце к преспеянию. Есть трапеза благородной души, из-за которой она не встает, но непрестанно от нее питается и сытости не знает. Есть неугасимое светение уму и пламенник небесный. Есть секира, которая отсекает и отгоняет отчаяние. Есть доказательство, что душа имеет надежду на Бога: ибо потому она и молится, что надеется на Него. Есть противоядие печали. Богатство монахов, которые совершают ее с сердечным умилением. Есть великое сокровище безмолвников, которые прилежат ей. Есть уменьшение и уничтожение гнева, и испарение его. Есть зеркало, которое тем, как кто молится, показывает, насколько он преуспел

в добре. Есть показательница доброй души, светильник, обнаруживающий внутреннее доброе состояние. Есть окно, сквозь которое входит Ангельский свет в душу молящегося и истолковывает ему таинства и сокровенности Божии. Есть указатель непрестающей чести любимых рабов Божиих и ожидающих их благ. Молитва иногда такое воздействие оказывает на душу, что заставляет ее радоваться от всего сердца, как бы уже получив прославление. Иногда же так настраивает ее, что ей кажется будто она стоит на суде пред Престолом Христовым и истязуется во всех прегрешениях своих, как бы настал уже час великого и страшного суда Божия; чего ради поражается страхом, кается, умоляет, проливает слезы, дает обеты исправиться, чтоб не быть осужденною на действительном суде, очистившись от грехов покаянием и самоозлоблением и наперед утолив праведный гнев Божий и милость его привлекши.

2. Восстав, послушаем сей священной царицы добродетелей, велиим гласом вопиющей к нам и глаголющей: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе: и обрящете покой душам вашим* и исцеление ранам вашим. *Иго бо Мое благо*

и целительно от великих грехопадений (Мф. 11, 28—29).

**Аф.** Восстанем же, умоляю вас, от лености и поспешим со усердием послушаться святейшей молитвы, сей царицы добродетелей, которая велиим гласом вопиет к нам и глаголет: приидите ко мне все, преутружденные плотскими, мирскими и демонскими бранями, и я всеконечно избавлю вас от них и успокою. Не тужите, — и да не покажется вам тяжким слово мое. Самоохотно только возьмите иго мое на себя, и без саможаления поднимите необходимый труд ради меня, и непременно обретете покой столь великий, больше которого и представить себе не можете. Не только удобно и без боли, но с сладостию скоро исцелятся все ваши раны; и станете еще более чем прежде крепки, бодры, красивы и мужественны. Ибо иго и бремя мое благи и спасительны и могут врачевать всякого рода прегрешения.

**3.** Намереваясь идти предстать царю и Богу и беседовать с ним, да не емлемся пути* сего, не быв как должно приготовленными, чтобы Он, увидев издалеча, что мы не имеем оружий и установленного для предстания царю одеяния, не повелел рабам и слу-

* Да не отправимся в путь. — *Ред.*

жителям, связав нас, далече некуда изринуть от лица Своего, а прошения наши разодрать и бросить нам в лицо.

**Аф.** Собираясь идти предстать Царю нашему и Богу, чтоб умолять Его оставить нам долги наши, да не движемся в путь сей, не упорядочив себя, как должно; но и душу свою, и сердце свое, и ум свой преисполним страхом Божиим и благоговеинством, теплым желанием Бога и упованием, наипаче же смирением. Иначе, узрев нас издалеча, прежде чем достигнем до Него, и видя, что мы не имеем таких внутренних в сердце оружий и такого светлого одеяния души, Он оскорбится нашим безрассудством и бесстыдством и пошлет слуг Своих, чтобы, связавши нас как можно скорее, далеко отринули от лица Его, а хартии молитвы нашей чтоб разодрали и бросили нам в лицо.

**4.** Да будет хитон души твоей, когда идешь предстать пред лице Господа, весь проткан нитями непамятозлобия. Если же не будет так, то ты никакой не получишь пользы от молитвы.

**Аф.** Когда идешь предстать пред Бога в молитве, пусть душа твоя оденется в ризу из тонкого и царского полотна, то есть которое было соткано из небесных помышлений, про-

ткано нитями стыдения, благоговеинства и доброты и прошито золотом прощения обид и любви ко врагам. Иначе не получишь пользы от молитвы своей.

**5.** Да будет весь состав моления твоего не пестротен: ибо мытарь и блудный сын одним словом преложили Бога на милость.

**Аф.** Слово молитвы твоей да будет без излишнесловия и краснословия; только от ума светлого и собранного и от сердца чистого. Ибо и мытарь, и блудный, и разбойник на кресте — за одно слово многостенательное получили прощение и примирились с Богом.

**6.** Предстояние Богу (как предстояние) одинаково у всех предстоящих; но (по предметам и целям) в нем бывает большое разнообразие и различие. Одни как с другом и Владыкою собеседуют (с Богом), ради заступления уже других, а не самих себя, принося Ему песнь и прилежное моление. Иные испрашивают (у Него духовного) богатства, славы и большего дерзновения. Другие молят о совершенном избавлении от соперника своего. Некоторые докучают о каком-либо достоинстве; иные о совершенном отпущении долга (так, чтобы уже и заботы о том у них

не оставалось); иные — об освобождении из темницы; иные — о разрешении грехов.

**Аф.** Предстояние Богу в молитве, которую все воссылают к Нему, представляется одинаковым по виду, но имеет большое разнообразие по действиям и прошениям. Ибо один идет к Нему с одним благоговением и по одному поводу, другой — с другим и по другому. Иные приступают к Богу и с дерзновением изливают пред Ним молитву свою, как добрые друзья и любимые лица, поклоняются Ему и умоляют Его о других, а не о себе. Другие себе испрашивают, да сподобит их большой чести духовной, и богатства, и любви. Иные вопиют, да освободит их совершенно от соперника их. Иные ищут, да даст им какой-либо чин. Иные умоляют дать им рукописание, что все долги их уплачены, чтоб им больше о том уже не беспокоиться. Иные плачут об освобождении из темницы и избавлении от казни. Иные проливают слезы, да дарует им отпущение прегрешений.

**7.** Прежде всего на хартии моления нашего поместим искреннее благодарение; во-вторых — исповедание (грехов) с душевным в чувстве сокрушением; после сего поведаем Всецарю и прошение наше. Такой чин молитвы есть самый хороший, как

показано одному из братии Ангелом Господним.

Аф. Но мы прежде всего, в самом начале молитвы нашей, напишем чистое и вседушевное благодарение Богу за великие Его к нам благодеяния и каждодневные утешения, какие получаем от Его Царских щедрот. Во втором пункте молитвы нашей поместим с сокрушением и болезнованием сердечным исповедание грехов, в которые день и ночь впадаем неудержимо. И в третьем уже пункте молитвы нашей откроем Небесному Царю прошения наши, умоляя Его со всяким смирением, да попечалится о нас, помилует нас и утешит, по единой милости Своей и по великому благоутробию Своему, да сподобит нас Царствия Своего. Такой чин молитвы есть самый хороший, как один досточтимый монах слышал от Ангела. Так и будем действовать в молитве; во-первых, возблагодарим Бога за милости Его; во-вторых, исповедуем Ему грехи свои; в-третьих, помолимся Ему, да милостив будет к нам.

8. Если бывал ты подсудимым у видимого судии, то не имеешь нужды в другом примере, как предстоять тебе в молитве своей. Если же никогда и сам не стоял (на таком суде), и не смотрел, как других истя-

зуют на нем, то поучись, по крайней мере, сему из умаливания врачей больными, когда тем предлежит отсекать (члены их) или делать им прижигания.

**Аф.** Если случалось тебе когда за какой-либо проступок, связанному или не связанному, стоять пред судьею, готовым казнить тебя за то, то не имеешь нужды в другом примере того великого страха, какой должен ты иметь к Богу, стоя пред лицем Его как осужденник за бесчисленное множество грехов. Если же не стоял ты на суде, как подсудимый преступник, и не видел, как других истязуют и наказывают, — по крайней мере поучись молиться со страхом и слезами из того, что делают больные, когда врачи собираются отрезывать члены у них, или делать прижигания, или вырывать зубы: они, как только услышат об этом, приходят в трепет, прежде чем распростру́т их, и начинают умолять врачей, чтоб они, если уж неизбежно то или другое, по крайней мере не отяжеляли руки своей, но, сколько можно, полегче действовали орудиями своими.

9. Не мудри словами в молитве своей, ибо часто простые и не украшенные лепетания детей умаливали Отца их, *Иже есть на небесех.*

**Аф.** Не мудри словами в молитве своей, стараясь беседовать в ней изысканными и красивыми речениями. Слова не многие, но чистосердечные, благоговейные и умиленные скорее умилостивляют Бога, Отца нашего Небесного, как видно из многих мест Священного Писания, — и радуют Его, как радуют отца простые лепетания маленьких деток его.

**Мн.** Дети эти суть те, кои *злобою младенствуют* (1 Кор. 14, 20). Великая цена их определяется словом Господа: *аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царствие Небесное* (Мф. 18, 3).

**10.** Не старайся многословить, чтобы, при приискивании слов, не рассеивался ум твой. Одно слово мытарево умилостивило Бога, и одно полное веры изречение спасло разбойника. Многословие в молитве обыкновенно ввергает ум в мечтание и рассеивает, а единословие собирает его.

**Аф.** Не желай многословить в молитве своей, чтоб ум твой не рассеивался и не растерялся, гонясь за словами, которые тебе следует говорить, но, если ты не многознающ, говори много раз то слово и ту молитву, которые дают тебе сокрушение, благоговение и слезы. Таким образом пребудет нерас-

сеянным ум твой и сохранится теплое усердие в сердце твоем. Мытарь за одно слово прощен, и разбойник спасен.

**Мн.** В молитве не должно многословить или много говорить зараз; но должно единословить, то есть одно и то же говорить многократно.

**11.** Будучи услажден или умилен каким-либо словом молитвы, постой на нем, ибо в таком случае бывает при нас Хранитель наш, моляся вместе с нами.

**Аф.** Постой на тех словах, которые дают тебе умиленное сокрушение и божественную сладость; потому что тогда Ангел твой Хранитель вместе с тобою молится Богу.

**12.** Не дерзай о себе, хотя бы стяжал чистоту; но приступи паче с великим смиренномудрием, и более воздерзновенствуешь (с большим помолишься дерзновением).

**Аф.** Не дерзай о себе, хотя бы знал, что ты чист и свободен от всякого греха, чтобы не прогневить Владыки своего; но молись с глубоким смирением, и тогда придет тебе от Бога большее вожделение, жаждание и благодать, да помолишься пламеннее и умиленнее.

**13.** Хотя бы взошел ты на всю лествицу добродетелей, все молись об оставлении

грехов, слыша Павла, вопиющего о грешниках (слыша, что и Павел ставит себя в ряд грешников, когда вопиет): *от нихже первый есмь аз* (1 Тим. 1, 15).

**Аф.** Хотя бы и в самом деле ты взошел на всю лествицу добродетелей, при всем том долженствуешь молить Бога о грехах своих, слыша, как великий Павел, после таких трудов и при такой святости, написав к Тимофею, что Господь Иисус Христос пришел в мир грешников спасти, прибавил: *от нихже первый есмь аз.*

**14.** Пищу обыкновенно приправляют елей и соль; а молитву окрыляют целомудрие и слезы.

**Аф.** Соль и масло приправляют и делают приятными кушанья; а чистота и слезы придают крылья молитве, и она спешнее воспаряет горе́ к Богу.

**15.** Если облечешься в кротость и безгневие, то не потребуется для тебя много труда, чтобы иметь свободным ум от пленения.

**Ил.** Если, говорит, облечешься в великое смирение и безгневие, то никак не будешь иметь нужды в большом труде на то, чтоб, когда молишься, собирать ум свой от суетных и греховных воспоминаний. Напротив,

кто не имеет в себе крайнего смирения и безгневия, тот, стоя на молитве, никак не может собранным иметь ум свой, но, как пленник, отводится мыслию то к тому, то к другому, не помня и не разумея, что говорят уста.

**Аф.** Если облечешься во всестороннюю кротость и доброту, то не много уже потребуется для тебя труда освободить ум свой от того, чтоб он не отбегал инуды*, и не рассеиваться во время молитвы.

**16.** Пока не стяжем действенной молитвы, дотоле походим мы на тех, которые впервые обучают детей ходить.

**Аф.** Пока не навыкнем мы молиться собранным умом и чистым сердцем, дотоле похожи мы на малых детей, которых обучают ходить. Их берут за руки и поддерживают, чтоб не падали; если упадут они, их поднимают, — опять упадут, опять поднимают; так, пока выучат их ходить без падения. Будем и мы поступать с собою так же, как поступают с детьми мало-помалу приучающие их ходить, чтоб научить душу свою и ум свой стоять в молитве самим по себе, без поддерживаний, без падений и без подниманий.

---

* В иное место. — *Ред.*

**Мн.** Как обучающие ходить детей, когда они, немного прошедши, падают, опять поднимают их и научают, как ходить должно не падая: так будем и мы ум свой, когда он во время молитвы ниспадет от устремления к Богу, опять восстановлять и выпрямлять, пока не стяжет он непадательности.

**17.** Напрягайся вносить, лучше же сказать, заключать мысль свою в слова молитвы. Если она, по младенчеству утомившись, падет, опять вводи ее туда, потому что уму свойственно непостояние (на одном). Постановить его на одном возможно только Тому, силою Коего все стоит. Если будешь неослабно подвизаться в сем делании (то есть удерживать ум), то присетит* и тебя Господь, и, полагая предел морю ума твоего, скажет ему в молитве твоей: *до сего дойдеши и не прейдеши* (Иов. 38, 11). Невозможно связать духа; но где Творец духа, там все покорствует Ему.

**Аф.** Всеми силами нудь себя вводить в молитву ум свой целым и чистым и затворять и заключать всю мысль свою и весь свой помысл в то понятие, которое подает слово совершаемой тобою молитвы, не позволяя им уклоняться — ни в ту, ни в другую сторону.

* Посетит. — *Ред.*

Если, изнемогши, ниспадает ум твой с этой высоты, по естественной ли немощи или по худой привычке своей, подними и неси его опять на свое место. Не тяготись собирать его в себя, если хочешь исправить и уврачевать, потому что уму свойственно отбегать от места своего и от стояния в добром помышлении и молитве. Но Богу свойственно делать, чтобы всякая тварь стояла на месте своем. Почему, если ты потрудишься и поборешься с умом своим, приучая его стоять неподвижно во время молитвы, то присетит наконец душу твою Бог, заключивший море в место его, и, собрав в едино море помыслов ума твоего, скажет ему во время молитвы: доселе дойдеши, — до Меня, и не прейдеши инуды, — не преселишься от Меня. Невозможно удержать связанным ум, чтоб он не отходил от молитвы и не блуждал туда-сюда. Но создавший его Бог может, когда вселится в кого, удержать его и установить, потому что Ему покорствует всякое творение и стоит в пределах, какие указала ему воля Его.

18. Если ты когда-нибудь видел Солнце (Правды — Христа Бога), то можешь и беседовать с Ним достодолжно. Ибо,

чего не видел ты, с тем как можешь безошибочно сообращаться?

**Аф.** Если видел ты когда истинное Солнце — Христа Господа, то можешь беседовать с Ним со всем страхом и благоговеинством, можешь любить Его и прославлять достойно и боголепно. Если же не видел, то как можешь все это делать?

**Мн.** Бог есть Солнце Правды, как написано, сияющее всеми вообще лучами благостыни; душа же обыкновенно бывает или воском, когда любит Бога, или грязью, когда любит вещество. Итак, как грязь по естеству сохнет на солнце, а воск естественно растаивает, так и душа — веществолюбивая и миролюбивая, получая от Бога вразумления и сопротивляясь им, жестеет, как грязь на солнце, и сама себя ввергает в пагубу, подобно Фараону; а душа боголюбивая под действием Божиим растаивает, как воск, и, принимая в себя отпечатания божественных вещей и образуясь по ним, соделывается в духе жилищем Божиим.

**19.** Н*ачало* молитвы, — отгнание прилогов при самом их начатии одним словом или одним напряжением ума; *средина* — пребывание ума в том одном, что произносится

или что помышляется (в молитве); а *совершенство* ее — восхищение к Господу.

**Аф.** Начало и твердое основание доброй молитвы есть, чтобы молящийся одним решительным словом, с самого начала, отгонял приражения помыслов худых, которые подступают к уму его. Средина ее есть, чтобы ум был весь заключен в слова и мысли молитвы и чтоб отнюдь не думал ни о чем другом, даже самомалейшем. Совершенство же ее есть, чтобы ум восхищался и восходил совершенно весь к Богу. Почему, совершая молитву, недостаточно прогонять только худые помыслы, как только придут, но надобно заключать ум свой в слова молитвы, и возводить его весь к Богу. И такая-то молитва бывает совершенною и благодатною молитвою.

**20.** Инаково радование то, которое прилучается во время молитвы у живущих в братстве, и инаково то, которое присещает молящихся в безмолвии. То может быть несколько несвободно от парения, а это все исполнено смиренномудрия.

**Аф.** Иное радование случается во время молитвы, которая совершается в собрании братий, и иное — во время той, которая совершается в безмолвии и наедине. Во время

молитвы в собрании ум может потщеславиться или смятен быть каким-либо помышлением и мечтанием, почему не бывает столько чист и целостен, как во время молитвы уединенной, и не получает такой радости и такого утешения, какие подаются молитвою в безмолвии, где она, будучи совершаема с великим смирением и чистотою, сподобляется дивного мздовоздаяния.

21. Если будешь всегда обучать ум свой не отдаляться, то он близ тебя будет и во время предложения трапезы. А если невозбранно всюду скитается он у тебя, то никогда не станет пребывать с тобою.

Аф. Если научишь ум свой и он привыкнет собранным быть в тебе самом и не отдаляться от Бога и молитвы, то ты можешь удерживать его с собою даже во время принятия пищи. А если ты оставляешь его всюду блуждать, как ему хочется, то ты никогда не возможешь власть возыметь над ним и по своей воле заставлять его быть с тобою и пред Богом даже и во время молитвы.

21б. Великий великой и совершенной молитвы делатель говорит: *хощу пять словес умом моим глаголати* (1 Кор. 14, 19) и прочее; но для младенчественнейших такого рода дело чуждо. Почему, как несовер-

шенные, мы при качестве имеем нужду и в большом количестве, так как последнее бывает споспешницею первого. Ибо Писание говорит: *даяй* (есть Господь) *молитву* чистую неленостно *молящемуся*, — пусть и не чисто, но преутружденно (1 Цар. 2, 9).

**Ил.** Святой апостол Павел, как совершенный искусник в молитве, говорит, что лучше пять слов сказать умом в молитве, нежели десять тысяч одним языком. Но не обученным в молитве такое дело не по силам; почему мы как не обучившиеся еще качеству молитвы имеем нужду в количестве ее — то есть во множестве молитвословий. Ибо это множество молитвословий бывает ходатайцею чистой молитвы, потому что молящийся, хоть и не чисто, но притрудно и неленостно, получает наконец от Бога и чистую молитву.

**Аф.** Великое дело и благо есть чистая и совершенная молитва, совершаемая всем умом, как сказал великий Апостол, добрый делатель совершенной и святой молитвы, о себе самом: *хощу*, говорит, *пять словес умом моим глаголати*, но так, чтоб они были услышаны, поняты и пользу принесли, нежели сказать десять тысяч непонятных слов. Так и в молитве: лучше меньше говорить, но внятно, чем много и невнятно. Внятно же для

Бога то, что исходит из сердца и к Нему возносится нерассеянным умом. Но такой молитвы не могут совершать не только ленивые и неблагоговейные, но и усердные, пока еще не навыкли ей и в новоначалии состоят. Пока немощны или неискусны в молитве, надобно нам принуждать себя молиться, хоть и несовершенно, но усердно и не жалея труда и самоутруждения. Такою только принудительною молитвою можем мы достигнуть и той, которая совершается самоохотно, непарительно, чистым умом и теплым сердцем. Кто усердствует к молитве и, трудя себя, долго стоит на ней, тот по времени получает от Бога благодать чистой молитвы, в которой сосредоточивается весь ум и все сердце; ум не парит, а сердце горит. И Писание говорит, что Бог *дает молитву моляще-муся*, — то есть не навыкшему еще настоящей молитве, но усердно трудящемуся в ней, ищущему ее Бог дает настоящую молитву, в коей молятся с чистым сердцем и умом светлым.

**Мн.** Для новоначальных или несовершенных телесный труд весьма полезен для преспеяния в жизни духовной и должен стоять у них на первом месте, как главное дело. А для совершенных, как могущих действовать прямо

умом и сердцем, он уже не главное дело, а приделок. Для младенствующих духом нужны и многие поклоны, и долговременное воздеяние рук, и всенощные бдения, и другие телесные действия, чтобы ум при содействии их навык молитве. А совершенные даже и тогда, как телом ничего не делают, молятся, ибо стяжали непрестанную молитву, неослабно умом в сердце действуемую.

22. Иное — нечистота молитвы, иное — уничтожение, иное — украдение, иное — дражнение*. Нечистота молитвы есть — Богу предстоя, неуместным предаваться помышлениям; уничтожение ее есть — отдаваться в плен бесполезных забот; украдение есть — когда мысль незаметно как улетает в парения; дражнение есть — когда прилог какой-либо во время ее к нам приближается.

**Аф.** Молитва различно повреждаема бывает: то осквернением, то разорением, то украдением, то наруганием. Но иное есть осквернение молитвы, иное разорение ее, иное украдение и иное наругание. Нечистота и осквернение молитвы есть — когда кто телом Богу предстоит, а умом вращается в бесчинных мечтаниях и неподобных помыслах; разорение молитвы есть — когда в час

* От *дражнить* (дразнить).

молитвы предаешься умом своим заботам о ненужном и бесполезном; украдение есть — когда ум вдруг уносится из себя и пропадает сам не знает где, будто чужой нам, так что, и когда воротим его к себе, ничего припомнить не можем; наругание есть — когда прилог какой вражеский подходит, дражнит и наругается, желая как-нибудь увлечь внимание, смутить молитву и развеять благоговение наше.

23. Если мы не наедине бываем во время предстояния (в уставный час молитвы), то внутренно, в душе лишь, восприимем образ умоляющего; если же не случатся тогда при нас служители похвал, то и внешно, телом, примем молитвенное положение: ибо у несовершенных ум часто настраивает себя (формирует себя) соответственно положению тела.

**Аф.** Если мы молимся в сотовариществе с другими, то достаточно для нас умом лишь и сердцем являть пред Богом внутренние движения души, не принимать печального или плаксивого лица и никаких не делать знаков телом, которые бы показывали, что у нас на душе, чтоб иные не стали нас почитать, а иные, может быть, подсмеиваться над нами, — чрез что подвергнемся искушению,

смущению в себе и озлоблению на других. Но когда мы одни и не видят нас другие, чтоб осмеять нас, то, если хотим, можем и лицо принять молящегося, и голос печальный, и слезы проливать, руки воздевать горе, класть земные поклоны, являя страх и благоговеинство пред Богом, как бы мы видели пред собою какого великого царя земного. Ибо несовершенные обыкновенно начинают прежде телесно являть то, чему следует быть в душе, а потом чрез это внешнее и в душе образовываются настоящие чувства и расположения, какие вначале лишь означаемы были телесно.

24. Все, наиболее же те, которые идут к царю, с целию получить (выпросить) оставление долга, имеют нужду в несказанном (нелицемерном) сокрушении (умиленном смирении).

**Аф.** Все, желающие предстать пред лицо царя, чтоб поклониться ему, имеют нужду в великом страхе, сокрушении сердца и смирении, а особенно же те, которые идут к нему в надежде испросить у него оставление долга их. Ибо, видя их пред собою в таком сокрушении сердечном и в слезах, он конечно сжалится над ними и дарует им то, чего они желают. Так нам надобно приступать к Богу в

молитве об отпущении грехов с крайним смирением, в великом сокрушении и слезах. И Он отпустит нам.

24б. Если мы еще в темнице находимся, послушаем говорящего Петру: препояшься лентием послушания, совлекись хотений своих, и нагим от них приступи ко Господу в молитве, Его единого призывая волю*. Тогда приимешь в себя Бога, Который в свои руки возьмет кормило души твоей, и начнет управлять тобою безбедно.

**Аф.** Мы, находящиеся еще в темнице мрачной греховности, если хотим освободиться от нее, послушаем Христа, как Петр Ангела, пришедшего известь его из темницы Иродовой. Петр немедля исполнил волю его, и тотчас спали с него узы железные и отворились ворота: он вышел и избавился от смерти. Препояшемся и мы лентием послушания, обуемся в готовность исполнять повеленное, совлечемся воли своей и, совершенно обнажившись от нее, приступим ко Христу, прося Его в молитве своей, да сподобит Он нас творить волю Его. Тогда возобитает внутрь нас Бог, и начнет держать Сам кор-

* Говоря то есть: Твоя, Господи, да будет воля; или: имиже веси судьбами спаси мя.

мило ума нашего, управлять душою нашею, и охранять нас от беды, опасности.

25. Восстав от миролюбия и сластолюбия, отбрось заботы, совлекись помышлений, отвергнись тела, ибо молитва есть не другое что, как отчуждение от мира видимого и невидимого. *Что бо ми есть на небеси?* — Ничтоже. *И от Тебе что восхотех на земли?* — Ничто, как только нерассеянно всегда прилепляться к Тебе в молитве. Некоторым богатство, другим слава, иным стяжание бывают желательны; *мне же прилеплятися Богови* вожделенно *есть*, и *полагати* в Нем *упование* бесстрастия моего (Пс. 72, 25, 28).

**Аф.** Если хочешь совершать добрую и богоугодную молитву, встань и сбрось с себя пристрастия и заботы мирские, отреши ум свой от всех помыслов и мечтаний, очисть сердце свое от скверных похотений, свяжи всякую волю свою, отвергнись тела и мудрований плотских — и вознесись всем желанием твоим к Богу. Ибо молитва есть не что иное, как забвение привременного мира сего и всего, что есть в нем, как говорит Пророк к Богу: Господи, чего искать мне на небе или на земле, кроме единого преславного лица Твоего? И ныне Ты ведаешь, что истинно

ничего не хочу я, как пребыть неразлучно с Тобою в молитве моей и прилепляться вниманием и любовию к красоте Твоей. Иные желают богатства, другие славы, иные стяжаний, у меня же все желание и стремление к тому направлено, да сочетаюсь с Тобою, и как огонь проникает железо, да воспламенен буду благодатию Твоею. И тогда-то, как несомненно надеюсь, Ты очистишь меня от всех страстей, и светоблестящею соделаешь душу мою.

**26.** Вера окрыляет молитву; ибо без той сия не может вознестись на небо.

**Аф.** Теплая вера и надежда дают крылья молитве — да воспаряет на небо; и без них ум один и какой-нибудь устроить молитвы не может, а не только такой, которая восходила бы до Бога и плод приносила.

**27.** Станем и мы, страстные, неотступно умолять Господа, ибо все, теперь бесстрастные, из страстности (изшед) преуспели в бесстрастии.

**Аф.** Будучи одержимы страстьми, будем всеусердно и со всею верою умолять Бога, да очистит Он нас от всех непотребств наших. Ибо и те, которые теперь чистыми и прославленными являются, были тоже одолеваемы и искушаемы страстьми; но умоляли

Господа со всем усердием, и Он избавил их от сих страстей, и очистил от зловония и злокачественности их.

28. Хотя и Бога не боится судия оный, *но зане творит* Ему *труды* душа, овдовевшая от Него по причине греха и падения, то Он *сотворит отмщение* ее *от соперника* ее — тела, и от врагов ее — злых духов (Лк. 18, 2—7).

**Аф.** Если судья оный неправедный, о коем пишется в Евангелии, что он Бога не боялся, явил наконец правду вдове, защитил ее и наказал врага ее по одному тому, что она часто приходила к нему и надокучала ему своею просьбою и слезами: кольми паче Бог, великий и многомилостивый Судия, Которому и некого бояться, Которому никакие прошения не докучливы и Который не тяготится ежеминутно расточать милости и дары, — сжалится, слыша неутомимый вопль и плачь души, которая овдовела от небесного жениха своего Христа, по причине грехов своих, плачет пред Ним день и ночь, умоляя Его помочь ей избавиться от врагов, низведших ее в такое горькое состояние и в нем держащих. Ей, сжалится и скоро-скоро сотворит за нее отмщение, повелев этому неразумному телу не искушать более души, и отразив де-

монов с такою силою, что они не скоро покусятся снова восстать против нее, и ее самую успокоив и утешив.

**Мн.** Для Бога нет Бога, которого бы Он убоялся, ни человека, которого бы Он устыдился. Нет на лица зрения у Него; праведный всегда суд судит, обидимого защищая, а обидящему отмщая, по Своей правде и милости.

**286.** Благодарных благий наш купец (купитель, искупитель) привлекает в свою любовь скорым исполнением их прошения; а неблагодарные души, как псов, алчбою и жаждою просимого заставляет долго сидеть пред собою посредством молитвы: ибо неблагодарный пес, получив хлеб, тотчас удаляется от давшего.

**Ил.** Бог, с готовностию исполняя прошения благодарных рабов Своих, тем самым еще более привлекает их в любовь к Себе; а прошения неблагодарных исполняет медленно, чтоб они подолже помолились и, получив просимое после притрудной молитвы, не забывали ради труда и о даре. Ибо бывает нередко, что, получив скоро просимое, скоро и забывают о благодеянии, как случилось с Израилем: *яде Иаков и насытися, и отвержеся возлюбленный... и остави Бога, сотворшаго его* (Втор. 32, 15).

**Аф.** Благий небесный покупатель наш, Бог, всячески ищущий присвоить Себе нас, устрояя спасение душ наших, для того чтобы большую возбудить к Себе любовь в добрых и благодарных рабах Своих и дивом милости стяжать их Себе, тотчас дает им просимое ими. Но какие души неблагодарны и тотчас удаляются от Него, как только получат благодать, забывая о даре и не продолжая далее молитвы, тех Он заставляет долго молиться пред Собою, чтоб, алкая и жаждая просимого, они не отдалялися от Него, но пребывали во святой воле Его; и не бывали подобны псам неразумным, которые лишь только получат хлеб, тотчас отходят от того, кто им дает его.

**29.** Долгое время пребывая в молитве (и ничего не получая), не говори, что ничего не приобрел. Ибо вот уже и приобрел. Потому что есть ли какое благо выше, как прилепляться к Господу и в единении с Ним пребывать непрестанно?

**Аф.** Не говори, что, стоя столько времени на молитве и умоляя так долго Бога, я ничего не получил. Довольно для тебя доброго навыка к молитве, который ты стяжал чрез то. Ибо то истинно есть ангельское дело и великий дар, чтобы неразлучно пребывать с Богом и

стоять пред лицем Его, подобно другу возлюбленному, и радоваться.

**Мн.** Не печалься, если, когда молишь о чем Бога, Он не скоро слышит тебя и медлит сделать по прошению твоему. Ибо ты не премудрее Бога. Бывает же это с тобою, или потому что ты не достоин, может быть, просимого; или потому, что пути сердца твоего не соответствуют тому, о чем просишь, но противны тому; или потому, что ты не пришел еще в ту меру, чтобы вместить просимый дар: так как не должно тебе прежде времени ни желать, ни искать того, что принадлежит высшим мерам, да не посрамится в тебе дар Божий твоею неумелостию употреблять его. К тому же, что легко приобретается, легко и теряется; тогда как с чувствительным трудом стяжеваемое и бережется со всем вниманием и заботливостию.

30. Не столько осужденный страшится (предстать к выслушанию) приговора о своей казни, сколько тщательный молитвенник — предстать на молитву. Посему, кто мудр и внимателен, тот действием одного этого воспоминания может отвращать себя и от досадования, и от гнева, и от заботливости, отдыха не дающей, и от скорби, и от пресыщения, и от всякого греховного помысла.

**Ил.** Кто стяжал навык молиться, тот действием одного страха — предстать пред Бога в молитве виновным в чем-либо, избавляется от многих грехов, случай к которым представляется каждый день и час.

**Аф.** Не страшится так осужденный выслушать приговор о своей казни и смерти, ему предлежащей, как усердный и благоговейный молитвенник страшится того часа, когда имеет он предстать пред Бога в молитве. Потому разумный человек, воспоминая об этом, все дела свои делает со всею опасливостию и страхом, боясь, как бы Бог, когда предстанет он пред Него в молитве, не осудил его, как фарисея; и старается всячески избегать и гнева, и осуждения, и погрязновения в заботы, и излишнего насыщения чрева, и увлечения какими-либо помыслами нечистыми и греховными.

**31.** Внутреннею в душе молитвою предуготовляй себя к предстоянию на твоем молитвословии (на молитвенном правиле), — и скоро преуспеешь. Видел я блистающих послушанием (усердно проходящих послушания), и в то же время не нерадящих, сколько есть сил, памятовать о Боге умом; которые, как только становились на молитву, тотчас овладевали умом своим (собираясь в самих

себя) и ручьями начинали проливать слезы, потому что были предуготовлены святым послушанием.

**Ил.** Пред тем, как надо становиться на молитву, настраивай ум свой к молению, и скоро преуспеешь в молитве, если будешь так делать всегда.

**Аф.** Прежде чем пойдешь на молитву, учись молиться как должно внутри себя. Старайся также держать ум свой всегда собранным и, чтобы ты ни делал, помни, что находишься пред Богом. Так скоро навыкнешь и в час молитвы иметь сердце свое к единому Богу обращенным, и с помощию Божией благодати и небесного просвещения преуспеешь в ней, по мере труда твоего и усердия. — Видел я некоторых, которые усердно проходили возложенные на них послушания, и в то же время старались, сколько сил есть, памятовать о Боге; зато, когда становились они на молитву, тотчас побеждали ум свой неудержимый и держали его в себе собранно; в то же время отверзалось сердце их от великого умиления, и из очей их начинали течь слезы, как ручьи. Это дарование исходатайствовало им их доброе и усердное послушание и чистая мысль молитвенная, какую име-

ли прежде водруженною в уме своем и в душе своей.

32. Псалмопение с другими сопровождается пленениями и парениями; а уединенное — не столько. Но на это нападает уныние, а тому содействует усердие (других).

Аф. Тем, которые поют псалмы вместе с другими братиями, содействует усердие, возбуждаемое примером и нежеланием показаться слабее других; но зато тут бывает, что ум расхищается, тщеславится и блуждает туда и сюда, и другое подобное. Но когда кто поет псалмы один, то искушается только тем, что на него нападает уныние и скучание за правилом, понуждая его или поспешнее совершить его, или совсем оставить, под тем предметом, что будто умаривается и не может один петь долго.

33. Любовь воина к царю показывает воевание (то, как он воюет), а любовь монаха к Богу обнаруживает время молитвы и предстояние на ней (сколь долго стоит на молитве и как усердно молится).

34. Состояние твое (духовное устроение) покажет тебе молитва твоя: ибо богословы назвали ее зеркалом монаха.

Аф. Молитва твоя обнаружит душевное состояние твое, каково оно; ибо учители нашей

церкви говорят, что зеркало монаха есть молитва его, и она обличает, хорош ли он или худ. Как зеркало показывает красиво или безобразно лицо, так молитва показывает, усерден или неусерден монах к Богу. Усердный и благоговейный тотчас бросает все свои дела, как только настанет час молитвы, и бежит молиться, как на дело самое для него приятное, радостное, и все время молится от всей души, а неусердный и неблагоговейный, если является или становится на молитву, то молится с большим трудом и нехотением, больше одним телом, чем душою.

35. Кто делает какое-либо дело и продолжает заниматься им, когда застанет его за ним час молитвы, тот бывает поругаем демонами, ибо та и цель у этих татей, чтобы одним часом похищать у нас другой.

**Аф.** Кто, когда придет час молитвы, не оставляет работы своей и всякого дела, которое делает, недоделанным, как застигнут, и не бежит на молитву, остается доделывать его, чтоб потом уже помолиться, — тот явно посмеваем бывает демонами, ибо цель у этих та, чтоб посмеваться над нами, наущая нас переносить дело с благоприятного ему времени на неблагоприятное, и тем возмущать порядки нашей жизни, а с ними и душу.

В отношении же к молитве еще и то, чтобы, когда пройдет час молитвы, а мы между тем утомимся работою, молитва совсем была оставлена, или, если и станем на молитву, чтоб спешили совершить ее кое-как, со смущением ума, бегло прочитывая положенное без внимания, чувства и умиления.

36. Не отказывайся помолиться и о душе другого, хотя ты не стяжал молитвы (сильной и действенной), ибо часто вера просящего (помолиться) спасает и того, кто начинает молиться о нем с сокрушением.

Аф. Если кто попросит тебя помолиться о душе своей, то, хоть не имеешь ты ни добродетели, ни чистой молитвы, при всем том и видя недостоинство свое, не отказывайся помолиться о нем, потому что ради того, кто смиряется и просит тебя помолиться о нем, может устроиться спасение и обоих вас: того, кто просит молитвы, — за веру его, а тебя, если помолишься о нем, — за сердечное сокрушение.

37. Не возносись, когда, помолясь о других, услышан будешь, потому что это вера тех подействовала и взяла силу.

Аф. Смотри, когда, помолясь о других, будешь услышан, не приписывай успеха молитвы себе и не погордись, будто Бог услышал

тебя ради того, что ты хорош, а держи на сердце, что вера тех, которые просили тебя молиться, походатайствовала пред Богом, и Он услышал тебя по великой милости Своей, хотя ты был сам недостоин того.

38. Всякого отрока каждый день неопустительно испытывают во всякой мудрости, как научился он от наставника; от ума же всякого требуется, чтоб он во всякой молитве являл ту силу, которую приял от Бога. Сего ради подобает внимать.

**Ил.** Всякий, говорит, ученик каждый день отдает отчет учителю своему, как выучил преподанный ему урок. Таким образом от ума во всякой молитве требуется такая сила, какую для молитвы получил он от Бога. Посему внимать надлежит, да не будет молитва наша нерадива, когда можем молиться достодолжно.

**Аф.** Всякий учитель и мастер испытывает детей, коих обучает грамоте или искусству, хорошо ли выучили заданный урок или сработали назначенную работу, и побуждает их каждый день все подвигаться вперед, чтобы сделаться потом и самим учителями или совершенными мастерами. Так и каждому из нас надобно испытывать самих себя во всех добродетелях, особенно же — в молитве: ка-

кой у нас по ним успех, и подвигаемся ли мы в них вперед к совершенству. Ибо у нас есть небесный Наставник, научающий нас всякому добру и просвещающий ум наш на делание его. И будет время, когда Он будет испытывать нас и требовать отчета по всем предметам учения Его. Потому, чтоб тогда не быть посрамленными, надобно нам теперь испытывать себя, во всем ли исправны, и, если окажемся в чем неисправными, стараться поправиться. Особенно же попечемся о молитве, всячески напрягаясь делать ее как должно, воспоминая в ней великие благостыни и благодеяния к нам Божии, благодарным сердцем сокрушаясь, если погрешили в чем, и со слезами испрашивая в том прощения, чтоб не быть осужденными на суде и преданными на вечное мучение.

38б. Когда помолишься трезвенно, то вскоре затем будешь борим на гнев, ибо такова цель (виды, обычай) у врагов наших. Аф. Когда помолимся всем умом нашим и сердцем и всею силою нашею, тогда начнут нас бороть злые демоны, чтобы как можно скорее ввергнуть нас в гнев и ярость, довесть до того, чтобы мы сказали или сделали что-либо неуместное и лишились чрез то возможности и даже желания молиться с та-

ким же жаром и благоговением, опасаясь встретить опять такое же сильное искушение.

39. Всякую добродетель, наипаче же молитву, будем всегда совершать со многим чувством (от души и сердца). Душа тогда начнет молиться в чувстве, когда станет выше гнева.

Аф. Будем всякое дело доброе делать, особенно же совершать молитву от всей души и от всего сердца, чтоб они были достойны имени своего и Божие привлекали благоволение. Душа, победившая гнев, обыкновенно молится от всего сердца, если же она еще побеждается гневом, то молитва ее не бывает добротна, как должно, и плода настоящего не приносит.

Мн. Преуспевший в жизни по Богу избавляется от гнева и никакой неприязни к ближнему не держит в сердце.

40. Что стяжевается многими молениями и во многие годы, то долговечно.

Аф. Что стяжевается во много времени с великими трудами и молениями, то твердо, многосносно, долговечно и пребудет с нами до самого конца нашего.

41. Стяжавший Господа (имеющий живущим в себе Господа) не станет уже

сам вести слова в молитве, ибо в таком случае *Дух ходатайствует о нем* в нем *воздыханиями неизглаголанными* (Рим. 8, 26).

**Аф.** Тот, внутри коего обитель Себе устроил Бог, не имеет нужды изобретать и придумывать молитвенные слова, ибо тогда Сам Бог всесильный, всеблагостный будет просвещать ум его, что да речет в молитве, и сердце воспламенять, да изливается в чувствах умиления слезного, и душу подвигать к воздыханиям неизглаголанным от сильных желаний и глубоких болезнований.

**Мн.** Тогда, говорит, ум благодатию Божиею воспаряет горе́ к Тому, Кто дает молитву молящемуся, и, будучи Им вдохновляем, не заботится о словах, какие следовало бы ему произносить в молитве своей: она идет у него тогда из сердца, без слов изливаясь в пламенных чувствах благоговения, преданности и любви.

**42.** Никакого чувственного мечтания не принимай во время молитвы, чтоб не подвергнуться исступлению.

**Аф.** Смотри никаких не принимай во время молитвы сторонних помыслов и мечтаний, не слушай речей, будто к тебе обращаемых, и не отвечай на них, особенно когда они касаются как-либо веры. Только к Богу взирай

со всем желанием, умоляя Его, да не даст Он уму твоему уклониться от истины или впасть в какое-либо заблуждение, веру повреждающее, и в какую-либо ересь пагубную, и потерять чрез то благодать и дар правой веры, которая требует, чтоб мы веровали слову Божию, как отнюдь* истинному, и хранили его неизменным, согласно святым отцам Церкви нашей.

**Мн.** Молясь, говорит, не уподобляй божественного какой-либо чувственной вещи, чтоб не уклониться от правости верования и исповедания.

NB. Но, кажется, в сем пункте говорится о призраках, чувствам представляющихся во время молитвы, — образах, звуках, светах, бывающих от врага. Иные, поверив им, сходили с ума.

**43.** Удостоверение об услышании прошения во время молитвы появляется в душе. Удостоверение же есть устранение всякого сомнения; удостоверение есть неявного показание преясное (не допускающее недоумения и колебания).

**Аф.** Веровать надлежит человеку, что, стоя на молитве со страхом Божиим и всяким благовеинством, он приимет от Бога, что

* Совершенно, абсолютно. — *Ред.*

требуется для блага души его, что Бог приемлет слова его и внемлет прошению его, благоволя к любовному устремлению к Нему сердца его. Признак чистого и искренно верующего сердца есть, когда человек свободен от всякого малейшего мелькания неверия и верует чисто, созерцая веруемое оком ума, как оком телесным видит при свете солнца вещи пред собою.

**44.** Милостив будь, сильно прилежа молитве: ибо (ради сего) монахи в ней (в молитве), *сторицею приимут* (Мф. 19, 29); следующее же за сим в Евангелии: *и живот вечный наследят* (получат они) в следующем (веке).

**Ил.** Если, говорит, усотнеришь молитву, то сторицею приимешь и дарований от нее и в будущем веке живот вечный наследуешь.

**Аф.** Ты, который любишь, чтобы молитва твоя была богоприятна, твори и сам милостыню по силе твоей, потому что за нее милостивые монахи здесь получат от других стократную милостыню, а от Бога — тысячекратную помощь и всякие дарования, в будущем же веке — тмократные блага вечные и Царство Небесное, соответственно трудам их, как говорит Евангелие: стори-

цею приимут ныне во время сие и живот вечный и Царство Небесное наследят (Лк. гл. 18; Мр. гл. 10).

**Мн.** Заключил ты утробу свою для благотворения: заключу и Я недра мои для помилования тебя в день воздаяния.

Еще. Сделай благодеяние благочестивому, — и получишь воздаяние.

Еще. Что плачешь, молясь, когда сам, видя слезы бедного, не оказываешь ему милости?

**45.** Огнь, нашедши на сердце, воскрешает молитву, после же того как она, воскресши, и на небеса вознесется, бывает сошествие огня в горницу души.

**Ил.** Божественное желание, вошедши, говорит, в сердце человеческое, возбуждает в нем молитву; когда же сия молитва вознесется на небеса, тогда бывает сошествие Святого Духа на молящегося, как было и на святых Апостолов.

**Аф.** Когда огнь божественного желания и божественной любви воспламенит сердце, тогда душа возбуждается на молитву и возносит ее в чистом помысле на небеса, откуда нисходит затем в горницу души благодать Всесвятого Духа и озаряет ее ум и сердце, очищает их, и мощными творит, как это было в Апостолах.

**Мн.** Огнем здесь называет он божественное желание, которое, возбудившись в сердце, и ум возвышает на небеса. Тогда наконец в такую горницу души, высшую всякого мудрования земного, бывает невидимое сошествие Божественного Духа, какое было на Апостолов с видимыми знамениями.

**46.** Некоторые говорят, что молитва лучше памяти смертной; я же воспеваю два естества в едином Лице.

**Ил.** Некоторые говорят, что лучше молиться, нежели иметь в себе память смертную; я же, говорит отец, как во едином Христе Спасителе нашем, чту два естества — Божество и человечество, так эти две — молитву и память смертную — полагаю в одном чине или ставлю на одну линию.

**Аф.** Некоторые говорят, что молитва дает большее умиление и благоговение, нежели памятование о смерти, но я обе их нераздельно хвалю и почитаю, как прославляю и почитаю два естества во Христе — Божество и человечество, нераздельно и неслиянно соединенные; ибо обе они вместе ведут душу к единой благодати и святости.

**Мн.** Обе равно благотворно действуют на душу, преисполняя ее божественным умилением.

47. Бодрый конь обыкновенно по мере пройденного пути разгорячается и прибавляет бегу. Под бегом я разумею песнопение, и под конем — мужественный ум. Таковой издали чует брань и, приготовившись (к ней заранее), пребывает прочее (далее. — *Ред.*) вовсе непобедимым.

**Ил.** Приточно конем называет он ум и молитву, внушая, что, как конь, издали почуяв врага, раздражается, так надобно уму, бодренно приступив к молитве и усердно совершая ее, мужественно и с большим воодушевлением вооружаться против страстных помыслов и подступить им к себе не допуская.

**Аф.** Добрый конь, начав бежать, разогревается и, чем более бежит, тем более разгорается и прибавляет бегу. Бег — молитва, и конь — мужественный ум, который, чем более поет и молится, тем более душа внутри возгорается от божественного воздействия и облекается силою к препобеждению всех искушений и всех препон, какие бы враг ни возграждал на пути ее, которые потом и встречает, будучи готова и вооружена, и преодолевает, попирая врага и все козни его разрушая, как сеть паутинную.

48. Жестоко от уст жаждущего отнять воду; но еще жесточае душе, с умилени-

ем молящейся, отторгнуть себя от многовожделенного предстояния, прежде окончания оного.

**Аф.** Великое немилосердие и жестокосердие отрывать от уст жаждущего воду, не давая ему утолить жажду, томящую его; но еще более немилосердое и жестокое дело — душу умиленную и боголюбивую отторгать от многовожделенного предстояния в молитве, прежде окончания ее и прежде утоления жажды душевной.

**49.** Не отторгайся (от молитвы), пока не увидишь огнь и воду (сердечную теплоту и слезы) домостроительно истощившимися, ибо, может быть, во всю жизнь свою не будешь ты иметь такой благовременности к получению оставления грехопадений.

**Ил.** Молитве своей, говорит, не мешай, пока не увидишь, что горение сердца твоего утихло и вода слез иссохла, ибо во всю жизнь свою не найдешь, может быть, подобного времени к оставлению тебе прегрешений.

**Аф.** Не отступай от умиленной молитвы, пока не прекратится пламень, горящий в сердце, и не истощатся слезы, ибо может случиться, что во всю жизнь свою не встретишь ты более такого благовремения ко отмытию грехов своих. Бывает, что Бог много раз удер-

живает их, — горение сердца и слезы, — для твоего блага, чтоб ты не возгордился таким богодвижным делом, внутри тебя бывающим, но сам ты никогда не дерзай рассеивать себя и охлаждать.

**Мн.** Не отходи от молитвы, пока подвигшиеся богоданные слезы и огнь умиления не прекратятся сами — по домостроительству, чтоб не вознесся ты, ибо не знаешь, что, может быть, никогда уже в другое время не случится тебе поиметь такое сильное ходатайственное предстояние.

**50.** Вкусивший молитвы часто одним исторгшимся словом оскверняет ум и, став на молитву, не находит уже, как обыкновенно, вожделеваемого.

**Ил.** Слово одно часто оскверняет ум, или непристойности его ради, или ради самохвальства, или ради осуждения.

**Аф.** Кто вкусил и познал сладость молитвы, тот часто одним словом, из уст его исшедшим по невнимательности или от других услышанным случайно, так оскверняет ум свой, что не может уже и не сподобляется представить его на молитве целостным, и держать чистым, или дойти до прежнего умиления и слез, или получить желанное вкушение божественного, как бывало обычно.

51. Иное дело надзирать почаще за сердцем, а иное епископствовать в сердце умом, яко властителем и архиереем, словесные жертвы Христу приносящим.

**Ил.** Ум властителем называется, когда держит в порядке и обучает добру телесные чувства; а епископом и архиереем — когда и внутренние помышления и чувства приносит Богу чистыми и непорочными.

**Аф.** Иное дело, чтоб ум хранил сердце, как иной господин хранит свое селение и поместье, не допуская в него худых пожеланий, а вошедшие изгоняя и истребляя; а иное — освящать его и, подобно архиерею, приносить его в жертву Богу со всеми движениями его. Это последнее выше и святее, ибо Богу посвящать все свои действия и начинания более ценно пред очами Божиими, нежели отревать только худые мысли, желания и дела.

**Мн.** Иное познавать себя и осматривать; иное быть епископом и властителем над страстями. Последнее выше первого.

Еще. Ум бывает властителем, когда все в себе и около себя, как то — силы душевные и чувства телесные, держит в порядке и управляет достодолжно; а архиереем — когда посредством молитвы приносит на божественный жертвенник чистые и непорочные

помышления и чувства. Также дело властителя — надзирать за тем, что вне, а дело архиерея — надзирать и за тем, что вне, и за тем, что внутри.

51б. Одних, как говорит некто из получивших прозвание от богословия, святой и пренебесный огнь, нисшедши, пережигает — по причине недостаточности еще очищения в них, а других просвещает — по причине достижения ими меры совершенства. Один и тот же огнь именуется и отребляющим (очищающим), и просвещающим. Почему иные, исходя от молитвы, исходят будто из пещи огненной, чувствуя облегчение от скверны и вещественности; (а другие исходят) будто из (области) света — просвещенными, облеченными в двойную ризу смирения и радования. Те же, которые исходят от молитвы без которого-либо из этих двух действий, молились телесно, — чтоб не сказать иудейски, — а не духовно.

Аф. На тех, как говорит Григорий Богослов, которых ум стоит как властитель и охраняет сердца их от всякого зла да не искушает их, Дух Святой нисходит, как огнь небесный, попаляя страсти их, очищая нечистоты их и избавляя их от насилия, какое терпят они от греховных влечений. А тех, у которых ум

бодрствует и трезвенствует, как архиерей, освящая и Богу в жертву принося сердце со всеми его благими движениями, божественная благодать просвещает, как чистых, делает светозарными, как совершенных, и мощными, как достойных быть деятелями в вертограде Божием, паче и паче преуспевая в любви к Домовладыке. Сии бывают, таким образом, престолом и жилищем, всегдашним и пребогатым, великого Царя Небесного. И да не дивимся проявлению таких действий, ибо Писание называет Бога огнем поядающим (Втор. 4, 24) и попаляющим зло, и светом, озаряющим добродетель и возвеселяющим душу. Почему иными, когда исходят они от молитвы, ощущается, что в этот час благодатию Божиею сердца их измылись, как в бане, очистились и облегчились от страстей: для этих Бог есть, как мы сказали, огнь поядаяй. А другие исходят от молитвы, как бы из некоего осиявания их светом, просвещенными, облистанными и облеченными в великое смирение и душевное радование, как бы Сам Христос, Владыка их, надел на них в этот час свой царский хитон. У тех же, которые исходят от молитвы, не испытывая какого-либо из сих действий, молилось только тело, а не душа их: таковые

скорее суть иудеи неверные, чем добрые христиане.

52. Если тело, к телу прикасаясь, изменяется под действием его, то как не измениться тому, кто к телу Божию прикасается чистыми руками?

**Ил.** Если взявший рукою руку человеческую вдруг совсем иным делается по воздействию сатанинскому, то как не измениться тому, кто чистыми руками прикасается тела Божия?

**Аф.** Если, когда одно тело приближается к другому и прикасается к нему, изменяется его спокойное состояние в сильное любление, то как можно, чтоб дивным образом не изменился, не очистился и не просветился тот, кто, после приближения к Богу в пламенной молитве, после многих коленопреклонений, после излияния искренних благодарений и славословий, простирает руки свои и ими объемлет и приемлет пречистое тело Господа, причащается Его и пречистой крови Его в предивном таинстве Евхаристии? Это может случиться только с тем, кто недостойно приступает к сему таинству, как Иуда предатель, который за Тайною вечерею держал зло в сердце своем.

53. Можно видеть, что, подобно царю земному, и наш всеблагий Царь, иногда

Сам, иногда чрез друга, иной раз чрез раба, а бывает, что и неведомым путем, раздает воинам Своим дары Свои, — всё, впрочем, смотря и по одежде присущего нам смирения.

**Аф.** Смотря на то, как земной царь раздает дары слугам своим, воинам и начальникам, можем делать наведение и о том, как Бог дает Свои дарования рабам Своим. Ибо, как тот иногда подает дар своими руками, иногда посылает его чрез друга, иногда чрез раба, иногда переодевшись, чтоб не быть узнанным, скрытными путями подает дар свой; так и Царь Небесный и вечный многими дивными способами и воздействиями почитает и богатит воинов Своих — иноков, особенно тех, коих видит облеченными в достоверную одежду смирения.

54. Как царю земному мерзок тот, кто, предстоя ему, отвращает от него лицо свое и разговаривает с врагами его, владыки своего; так и Господь мерзит тем, кто, предстоя Ему на молитве, принимает нечистые помыслы.

**Аф.** Как привременный царь гневается на тех, которые стоят пред ним, чтоб беседовать с ним, а между тем без страха в сторону отворачивают от него лицо свое, вступают в

разговор с врагами его, смеются с ними и хохочут; так и вечный Царь наш ненавидит того, кто, предстоя Ему на молитве, обращает ум свой и сердце свое к врагам Его — злым помыслам, чувствам и желаниям, и ведет с ними внутри шумную речь о непотребных делах и вещах, и еще тщеславится тем и гордится.

**55.** Пса подходящего гони оружием; и, сколько бы ни бесстыдствовал он, не поддавайся ему.

**Ил.** Псом называет демона, хотящего помешать молитве нашей. Гнать его должно оружием честного креста и молитвою; и, сколько бы раз он ни подступал с бесстыдством, поражай его молитвою, творя ее, несмотря на его козни.

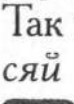
**Аф.** Добре держи ум свой всякий час, особенно же во время молитвы своей, и, когда увидишь подходящим этого пса дерзкого — демона, который подкрадывается с лукавым намерением похитить ум твой и сердце твое от Бога и увлечь инуды, гони его без жалости и не позволяй подходить к себе, чтоб он не обольстил тебя; и, сколько бы раз ни подходил он, не переставай противоборствовать ему и прогонять его. Стой мужественно и не давай ему места ни под каким видом, не

слушай его и нимало не позволяй ему развлекать тебя.

**Мн.** Псом называет он здесь демона, покушающегося под каким-либо предлогом отманить ум от молитвы: его надобно отгонять молитвою против него к Богу.

**56.** Проси плачем, ищи послушанием, толцы терпением, ибо сим образом *просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзается* (Мф. 7, 8).

**Аф.** Испрашивай помощь Божию слезами, ищи ее послушанием и толцы в дверь благоутробия Господня терпением и пожданием. Так исполняется, что обетовал Господь: *просяй приемлет*, и прочее.



**57.** Берегись, — как бы ни случилось, — молиться в молитве своей о женщинах, чтоб иначе не быть окрадену десными.

**Ил.** О женщине, говорит, не твори молитвы, чтобы при этом, конечно, добром деле не обокрал тебя враг.

**Аф.** Берегись молиться о какой-либо красивой женщине, воспоминание о которой производит тревожное движение в крови твоей, чтоб при этом враг не увлек тебя к нечистым помыслам, а чрез них и к блудному похотению, так, что, желая сделать добро, ты сам подлежишь опасности впасть в зло. Почему

отскочи от этой мысли, как от бесовской сети, которую начал расстилать пред тобою враг, чтоб потом посмеяться над неискусным добротворцем — молитвенником.

58. Не обличай плотских деяний своих подробно, как они были, чтоб не сделаться наветником самому себе.

**Аф.** Когда в молитве своей умоляешь Бога о прощении, не исповедуй подробно плотских грехов своих со всеми обстоятельствами, как ты их делал; как бы таким воспоминанием не растревожить греховного похотения и не сделаться предателем самого себя, скверня себя возрождением скверных пожеланий.

**Мн.** Заметь, что срамных деяний своих не должно до подробности изобличать в молитве своей.

59. Да не будет для тебя время молитвы часом рассмотрения необходимых вещей, хотя бы то духовных: в противном случае ты всякий раз будешь сам губить свое лучшее.

**Аф.** Когда молишься, не вдавайся в рассуждение о чем бы то ни было, ни даже о местах Писания и о других предметах душеполезных, иначе будешь ты губить лучший плод и терять важнейшее. Потому необходимо тебе в час тот ум свой держать весь собранным в

себе самом, и что говорят слова, произносимые языком твоим, то беседовать внутри к Богу умом своим без всякого другого стороннего помышления. Ибо мысль, к Богу устремленная и к Нему прилепленная, есть самая дивная, самая драгоценная и самая нужная из всех благих помышлений, какие когда-либо посещают ум твой. Уместно ли потому какое-либо из них предпочитать в молитве твоей этой, единой на потребу, Богу предстоящей мысли? Оставь все другое и держи ее одну.

**60.** Кто непрестанно держит жезл молитвы, тот не поткнется и, если б это случилось, не падет вконец, потому что молитва есть благочестивое побуждение Бога (помочь).

**Аф.** Кто всегда держит жезл молитвы, чтоб опираться на него, того душа не поткнется. Если и случится ей поткнуться и впасть в какое-либо прегрешение, то не падет вконец или, падши, не разобьется до смерти, потому что молитва может опять тотчас поддержать ее и поставить на ноги прямо. Молитва есть некий великий, сладкий и любимый понудитель Бога, стоящий пред Ним и нудящий Его явить милость кающейся душе, да притечет, яко многоблагоутробный Отец, с от-

верстыми объятиями, с радостию приять блудного сына и, к неизреченной отраде его, упокоить его на груди своей.

**61.** О пользе молитвы будем заключать из бесовских запинаний, случающихся в часы служб церковных, о плоде же ее — из победы над врагом. *В сем познах*, говорит Псалмопевец, *яко восхотел мя еси, яко не возрадуется*, во время брани, *враг мой о мне* (Пс. 40, 12).

**Аф.** Пользу молитвы можем мы понять из препятствий, которые воздвигают нам бесы в часы богослужения, прежде чем пойдем в церковь, — чтоб не допустить нас собраться пред лице Бога — Судии вопиять против них, и молитвою своею побороть их, поражать и мучить. Если б не была молитва угодна Богу и для нас полезна, бесы не старались бы так затруднять выход наш в церковь и всячески мешать нам молиться, как должно, в церкви: внешне — чрез очи и слух, и внутренно — чрез возбуждение помыслов. Плод же молитвы можем познать из любви, какую являет к нам Бог, исполняя нас отрадою, когда молимся к Нему от всего сердца нашего, и обрадовая победою над врагами: когда видим, как силою молитвы поражаемы бывают враги наши — демоны и убегают от

нас, вместе с исчадиями их — страстями и порочными помыслами. Видя такой покров Божий, такую Божию благодать и силу в нас, действующую чрез молитву, душа ра дуется, а враги скорбят и терзаются, как говорит святой Давид: из того, что не оста вил Ты меня, Господи, в час молитвенной брани моей, и не дал врагу моему побе дить меня и порадоваться надо мною, как ему хотелось, познаю, что Ты любишь ме ня, блюдешь и хранишь, как раба и друга своего.

**61б.** *Воззвах*, говорит еще Псалмопе вец, *всем сердцем моим* (Пс. 118, 145) то есть и телом, и душою, и духом; ибо, где бывают два последние собраны, там Бог по среде их (Мф. 18, 20).

**Аф.** В церкви поется: *воззвах всем сердцем моим*, то есть устами, душою и умом, к Богу многомилостивому, и Он услышал меня и из бавил от ада душу мою. И Господь говорит в Евангелии: где двое или трое соберутся во имя Его, из любви к Нему, там и Я с ними посреде их. И так той молитве, в коей соче таваются душа и ум в благоговеинстве, со крушении и умилении, воистину соприсущ Сам Бог, Который и сообщает ей действен ную силу.

62. Как телесное, так и духовное — не все одинаково для всех (и у всех). Одним более подходят спешность в псалмопении, а другим — неспешность, ибо те говорят, что борются с пленением, а эти — с необучением.

Аф. Как телесные силы, так и душевные дарования не у всех одинаковы и равны. Как в отношении к телесному, один хочет одного, а другой другого; так бывает и в отношении к душевному. Посему и в псалмопении: иные любят петь скоро, а другие — медленно. Те, которые поют скоро, говорят, что это делают они для того, чтоб, при медленности, не был пленяем ум их и расхищаем иными помышлениями. А те, которые поют медленно, говорят, что то делают, чтоб лучше разбирать читаемое и не ошибаться, ибо еще не обучились как следует и неискусны в чтении. Впрочем, надо соразмерять то и другое с рассуждением, соображаясь с временем и другими делами.

63. Если будешь неотступно вопиять к Царю против врагов своих, когда они приступают к тебе, то дерзай — недолго протрудишься. Ибо они и сами после скоро отступят от тебя, потому эти непотребные не захотят видеть тебя получившим венец за

борьбу с ними молитвою; но, кроме того, они побегут, будучи бичуемы молитвою, как огнем.

**Аф.** Если будешь неотступно умолять Небесного Царя, чтоб защитил тебя от врагов, когда они окружат тебя с искушениями, то имей благонадежное к Нему дерзновение: не придется тебе долгое время трудиться над прогнанием их. Они и сами собою скоро убегут от тебя, ибо приступили, чтоб мешать тебе молиться и, утомив тебя нападением и истощив твое мужество и терпение, заставить прекратить молитву; но, видя, что ты твердо противостоишь им и борешься не жалея себя, и зная, что за это ты тем краснейший получишь венец, чем более пребудешь в мужественной борьбе, тотчас отбегут, не хотя, по зависти, доставлять тебе своими бранями венцы. Так и поэтому они убегут; особенно же потому, что не смогут вынести пламени молитвы, которое подобно огню палит их и жжет мучительнее огня адского.

**64.** Мужество стяжи всяческое, и будешь Бога иметь учителем в молитве твоей. Тому, чтоб видеть глазами, нельзя научиться со слов: это приходит естественно. И красоту молитвы (нельзя узреть) по истолкованию другого — она сама в себе имеет

наставником Бога, Который научает человека разуму, *дает молитву молящемуся и благословляет лета праведных* (Пс. 93, 10; 1 Цар. 2, 9).

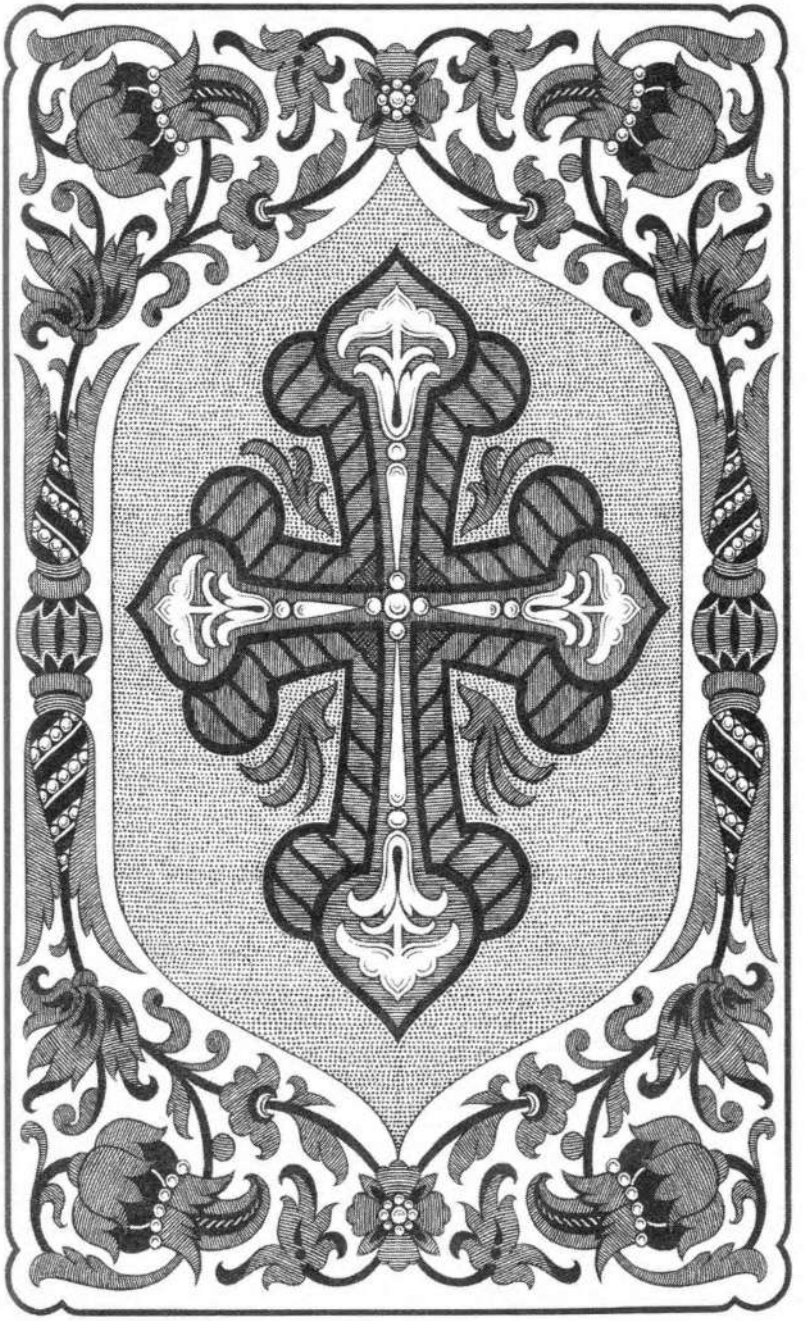
**Ил.** Мужество стяжи, то есть великое тщание и прилежание к молитве, и сподобишься иметь Бога наставником в ней.

**Аф.** Понуждай себя стоять всегда на молитве с усердием, терпением и мужеством, и достигнешь того, что Сам Бог будет тебя укреплять в ней и научать. Как глаз естественную имеет способность смотреть и видеть и не требует словесного к тому наставления, так и когда душа, добрая к Богу, устремляется в молитве своей, то Он естественно просвещает ее и научает стоять в молитве пред Ним со страхом и любовию. И словами никто не может дать другому познать красоту молитвы, ни истолковать способа, коим Господь Сам руководит душу — да пребывает с Ним. Ибо Он есть научающий человека разуму. Он одевает просвещением ум и влагает благие стремления в сердце. Он благословляет долголетием всякого благого раба Своего, молящегося к Нему с верою и теплым желанием. Ей, воистину так есть, так учит нас Писание и показывает повсюдный опыт.

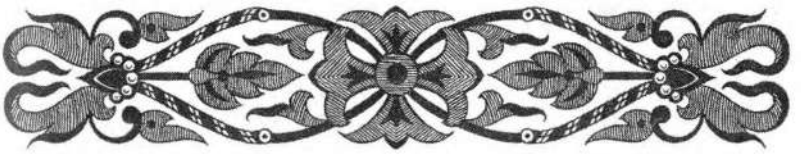
**Мн.** Не в учителе, говорит, имеешь ты нужду для молитвы, но в собственном твоем к ней усердии, ради которого Сам Бог будет тебе наставником в молитве. Того, кто терпеливо и усердно молится, Бог непосредственным Своим просвещением научает молитве и избавляет ум его от блуждания и сердце от пленения.

Там же **святого Максима**: Искренно любящий Бога молится неразвлеченно, и неразвлеченно молящийся искренно любит Бога. Не может неразвлеченно молиться тот, у кого душа прилеплена к земному. Следовательно, не любит Бога тот, у кого ум связан пристрастиями к человеческим вещам.

Там же **святого Нила**: Молитва есть восхождение ума к Богу. Внимание, ищущее молитву, молитву обретает, ибо за вниманием естественно последует молитва. Об этом и да будет у нас вся забота.



ПРЕПОДОБНОГО
НИЛА
ПОДВИЖНИКА СИНАЙСКОГО
СЛОВО
О МОЛИТВЕ



## Предисловие

Благовременно восставил ты меня, лежащего в жгучей горячке* нечистых страстей, прикосновением боголюбивого письма твоего, и ум мой, недугующий самыми срамными недугами, ободрил утешением, блаженно подражая великому Наставнику и Учителю. И не дивно. Долею твоею всегда было искать славного и знаменательного, как и благословенного Иакова. Почему, поработав хорошо ради Рахили и получив Лию, ищешь и возлюбленную, как и за нее исполнивший седмилетие (работы) (Быт. 29, 20—28).

А я не отрекаюсь сознаться, что, протрудившись всю ночь, ничего не поймал; но, по слову твоему, ввергши мрежи, извлек множество рыб, не думаю, что великих, однако ж сто и пятьдесят три (Ин. 21, 11). — И их-то я посылаю к тебе в кошнице любви; и тем исполняю повеление твое, составив равное тому число глав (о молитве). Удивляюсь я тебе и очень ублажаю прекрасное произволение твое, что возжелал ты (не другого чего), а — глав о молитве; и притом не просто возжелал, чтобы они руками на хартии написаны были чернилами, но чтобы водружены

---

* Речь применяется к исцелению тещи Симоновой прикосновением руки Спасителя.

были в уме, любовию и незлобием. Поелику *вся сугуба, едино противу единаго*, по слову премудрого Сираха (42, 25), то не по букве только приими их, но и уразумей духом.

Слово о молитве, разделив на сто пятьдесят три главы, посылаем тебе евангельский оброк...

За бедность глав не брани, как умеющий и *насыщатися и лишатися* (Флп. 4, 12). Да, не брани, помня, что Господь не отверг и двух лепт вдовицы, но принял их благосклоннее, чем богатые вклады многих других. Но паче, умея хранить в отношении к искренним братиям своим благорасположение и любовь, молися о немоществующем, чтоб он стал здрав и, взяв одр свой, начал ходить, благодатию Христовою. Аминь.

1. Если бы кто захотел приготовить благовонный фимиам, то ему надобно по закону сложить по ровной части *ливана чистаго, кассии, ониха и стакти* (Исх. 30, 24, 34). Это — четверица добродетелей. Когда они все сполна бывают присущи в душе и в равной силе, тогда не будет предан ум (изменнически, разумеется, каким-либо внутренним предателем).

2. Душа, очистившись полнотою добродетелей (тем, что становится полною добродетелей), поставляет ум в состояние безмятежия, соделывая его способным принять устроение, какое требуется (в молитве).

3. Молитва есть беседа ума к Богу. Какое же нужно устроение уму, чтобы он мог неуклонно вознестись к своему Владыке и беседовать с Ним без всякого посредника? (славянское: ничесому же посреде сущу, — может быть, лучше).

4. Если Моисею, когда он пытался приблизиться к наземной купине горящей, возбранено было это, пока не *иззует сапоги от ног* (Исх. 3, 5), — то как же тебе не отрешить от себя всякое страстное помышление, когда желаешь видеть Того, Кто выше всякого чувства и помышления, и быть Ему собеседником?

5. Прежде всего молись о даровании тебе слез, чтобы плачем умягчить сущую в душе жесткость и, исповедав на себя *беззаконие Господеви* (Пс. 31, 5), получить от Него оставление грехов.

6. Употребляй слезы, как орудие к получению всякого прошения. Ибо очень радуется о тебе Владыка, когда ты молишься со слезами.

7. Когда во время молитвы своей проливаешь источники слез, никак не возносись тем сам в себе, как будто ты выше других. Это помощь тебе привлекла молитва твоя, чтобы ты охотнее и искреннее исповедал грехи свои и со слезами умилостивил Владыку. Не обращай же в страсть средства против страстей, чтобы еще более не прогневить Даровавшего тебе благодать сию (то есть слезы).

8. Многие из проливавших слезы о грехах, забыв цель слез, вознеистовствова-

ли и совратились (с пути правого; не о сумасшествии речь, а о крайнем возгордении).

9. Стой притрудно и молись благотонно (благоумно или благонастроенно), отревая приражения житейских попечений и всяких помыслов, ибо они возмущают и тревожат тебя, чтобы расстроить тон твой (доброе настроение).

10. Когда демоны увидят, что кто-либо имеет усердие и ревность молиться как должно, то (не во время молитвы) влагают ему мысли о чем-либо будто нужном (и отходят), а спустя немного, опять возбуждают воспоминание о том, подвигая и ум на взыскание того (если вопрос — на решение, если вещь — на приобретение); и он, не находя искомого (решения вопроса или способа приобретения вещи), досадует и скорбит. Потом, когда станет на молитву (этот усердный ревнитель молитвы), они напоминают ему, о чем он помышлял и чего доискивался, чтоб ум, подвигшись опять к узнанию (не решенного прежде), сделал молитву (молящегося) бесплодною.

11. Подвизайся ум свой во время молитвы устроевать глухим и немым, и будешь иметь возможность молиться (как должно).

12. Когда сретит тебя искушение или раздражит чье-либо прекословие, — так что ты или на гнев подвигнешься против того, кто все поперечил тебе, или даже на то, чтоб произнесть какое неподобное слово; тогда вспомни о молитве, и о суде во время ее (над тобою в совести пред лицем Бога), — и тотчас укротится в тебе бесчинное движение.

13. Что ни сделаешь ты в отмщение брату, онеправдовавшему тебя, все то в соблазн будет тебе (смущать будет тебя) во время молитвы.

14. Молитва есть произрастение кротости и безгневия.

15. Молитва есть проявление (исторжение, проторжение) радости и благодарения.

16. Молитва есть врачевство печали и уныния.

17. *Иди, продаждь имение твое и даждь нищим* (Мф. 19, 21), и, взяв крест, отвергнись себя (16, 24), чтоб можно тебе было молиться без развлечения.

18. Если хочешь молиться похвальною молитвою, отвергайся себя ежечасно и, крайние озлобления терпя, любомудрствуй о молитве.

19. Если будешь любомудрствовать о молитве, какую бы ни пришлось тебе претерпевать прискорбность, то плод сего обретешь во время молитвы.

20. Если желаешь молиться как должно, не печаль души (печалями века сего); иначе всуе течение твое (или труд твой).

21. *Остави дар твой*, говорит Господь, *пред олтарем и шед прежде смирися с братом твоим* (Мф. 5, 24), — и тогда, пришедши, станешь молиться без смущения, ибо злопамятство наводит мрак на владычественный ум молящегося и тьмою окружает молитвы его.

22. Собирающие в себе печали (века сего) и злопамятные помыслы и держащие (в этом состоянии) молитву походят на тех, которые черпают воду и вливают ее в дырявую бочку.

23. Если ты терпелив, то всегда будешь молиться с радостию.

24. Когда молишься как должно, могут встретиться тебе какие-либо дела, за которые покажется тебе праведным погневаться на ближнего. Но нет гнева на ближнего, который был бы праведен. И если поищешь, то найдешь, что можно и без гнева

дело устроить хорошо. Потому всячески ухитряйся, чтобы не подвигнуться на гнев.

25. Смотри, как бы, думая уврачевать другого, самому не остаться неисцеленным и не пресечь молитвы своей.

26. Обуздывая гнев (на ближнего), обретешь и себе пощаду, — покажешь себя благоразумным и будешь в числе истинно молящихся.

27. Кто вооружается против гнева, тот никогда не потерпит поражения от похоти, ибо она дает пищу гневу, а этот возмущает умное око и расстраивает молитвенное состояние.

28. Молясь, не ограничивайся одними внешними молитвенными положениями, но вводи ум свой в чувство духовной молитвы с великим страхом.

29. Иногда, лишь станешь на молитву, тотчас начнешь молиться хорошо; а иногда, и много потрудившись, не получишь этого — желаемого, чтоб ты еще усерднее взыскал того и, получив, имел молитву совершенно исправною, безопасною от окрадения.

30. Когда приблизится к нам Ангел, тотчас удаляются все стужающие нам (демоны); ум находится тогда в великой отраде и молится здраво. А иногда, во время

належания обычной брани, ум бьется, борясь, и не дается ему возникнуть (к благомыслию и благочувствию). Это за то, что он прежде окачествовался разными страстями. Впрочем, если побольше поищет, найдет, и, если не поленится толкать, отверзется ему.

31. Не молись, да будет по желаниям твоим, ибо они не во всем бывают согласны с волею Божиею. Но лучше молись, как научен, говоря: *да будет* на мне *воля Твоя* (Мф. 6, 10). И во всяком деле так проси Его: да будет воля Его, ибо Он всегда желает доброго и полезного душе твоей, а ты не всегда этого взыскиваешь.

32. Много раз, молясь, просил я, да будет мне, что казалось благом для меня, и настаивал на прошении, неразумно нудя волю Божию, а не предоставляя Богу устроить лучше то, что Он ведает полезным для меня. Но, получив (просимое), бывал потом в большой скорби, и именно за то, что не просил: да будет лучше по воле Божией; ибо дело оказывалось для меня не таким, как я думал.

33. Что благо кроме Бога? Предадим же Ему все, касающееся нас, и благо нам будет: ибо Благий конечно есть и благих даров Податель.

34. Не скорби, не получая тотчас от Бога того, о чем просишь. Он хочет доставить тебе большее благодеяние, заставляя тебя чрез то наиболее с терпением предстоять Ему в молитве. Ибо что выше, как простирать беседу к Богу и объяту быть сопребыванием с Ним?

35. Нерассеянная молитва есть высшее умение ума (верх разумной деятельности ума).

36. Молитва есть восхождение ума к Богу.

37. Если сильно желаешь преуспеть в молитве (если вожделенна для тебя молитва настоящая), — отрекись от всего, да все наследуешь.

38. Молись, во-первых, о том, чтоб очиститься от страстей, во-вторых, о том, чтоб избавиться от неведения и забвения, и в-третьих, о том, чтоб избавлену быть от всякого искушения и оставления.

39. Ищи в молитве своей только правды и Царствия, то есть добродетели и ведения, и прочее все *приложится тебе* (Мф. 6, 33).

40. Праведно не только о своем очищении молиться, но и об очищении всякого соплеменника, в подражание Ангельскому образу (молитвы).

41. Смотри, истинно ли Богу предстоишь ты в молитве своей или препобеждаешься желанием человеческой похвалы и ее уловить стараешься, прикрывая (это недоброе намерение) благовидным молитвенным положением.

42. С братиею ли молишься или наедине, подвизайся стоять на молитве не с тем, чтоб только отбыть обычное правило, но чтоб помолиться в чувстве.

43. Эта молитва в чувстве есть внимание (к Богу и словам молитв) с благоговением, сокрушением и болезнованием души при исповедании прегрешений с неявными воздыханиями.

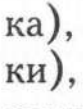
44. Если ум твой еще окрадается во время молитвы, то он молится не как монах, но еще мирянин есть, украшающий внешнюю скинию.

45. Когда молишься, всеми силами храни память свою, чтоб она не предлагала тебе своего; и всячески подвизайся к разумному предстоянию (с сознанием Кому и для чего предстоишь). Во время молитвы ум обыкновенно очень окрадается памятию (приходят на память вещи, лица, события и увлекают в себе внимание ума).

46. Во время молитвы память приводит на мысль или воображения давних вещей, или новые заботы, или лицо оскорбившего тебя.

47. Демон очень завидует человеку молящемуся и всячески ухитряется уклонить его от намерения его, поэтому не перестает возбуждать посредством памяти помыслы о разных вещах и посредством плоти приводить в движение все страсти, чтоб только помешать как-нибудь прекрасному его шествию (то есть труду молитвенному) и к Богу преселению (восхождению вниманием).

48. Когда вселукавый демон, при всех своих проделках, не успеет воспрепятствовать молитве рачительного (молитвенника), тогда немного послабляет (свои нападки), но зато потом, когда кончит он молитву, отмщает ему. Ибо или, воспламенив его гневом, уничтожает то прекрасное настроение, которое приобретается молитвою, или, раздражив какую бессловесную сласть (позывы к чувственным удовольствиям), посмевается над умом.


49. Помолившись как должно, ожидай, что не должно, и стой мужественно, охраняя плод свой. На это с самого начала ты поставлен, — то есть чтоб *делати* и

*хранити* (Быт. 2, 15). Поэтому, сделав (совершив как должно молитву), не оставляй без охраны того, что стяжал трудом. Иначе никакой не будет тебе пользы от молитвы.

**50.** Вся непрестанно ведомая между нами и нечистыми демонами брань не из-за чего другого бывает, как из-за духовной молитвы, ибо она очень им противоборственна и несносна, а нам спасительна и благоприятна.

**51.** Для чего демонам хочется возбуждать в нас (своим воздействием) чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, злопамятство и прочие страсти? Для того, чтоб ум, одебелев* от них, не мог молиться как должно, ибо страсти бессловесной нашей части, взяв силу, не позволяют уму действовать словесно (как требуется от разумного).

**52.** Добродетели проходим мы, потому что они требуются природою; природе покорствуем ради осуществовавшего ее Слова (Бога). Слово же сие является (в сознании нашем печатлеется) обыкновенно в молитвенном состоянии (тёмен параграф).

**53.** Молитвенное состояние есть бесстрастное устроение, крайнейшею любовию

* Сделаться овеществленным. — *Ред.*

восхищающее на мысленную высоту любомудрствующий ум.

54. Не только над гневом и похотию надо властвовать тому, кто хочет истинно молиться, но быть чужду и всякого страстного помышления.

55. Кто любит Бога, тот всегда беседует с Ним, как бы с Отцом, отвращаясь от всякого страстного помышления.

56. Не всякий, улучивший (минуту) бесстрастия, уже и молится истинно, ибо такой может еще занят быть простыми представлениями (вещей, бесстрастных при том движений) и развлекаться историями их (может быть, картинами их и разными их сочетаниями), — и далеко отстоять от Бога. (Страстных движений нет, но ум мечтает.)

57. Но и когда ум не коснит в простых помышлениях о вещах, не значит еще, что он достиг уже места молитвы, ибо он может быть занят (философским) умозрением о сих вещах и углубляться в причинные их отношения. Хотя все сие суть отвлеченности, но как они суть умозрения о вещах, то печатлеют в уме образы их, — и далеко отводят его от Бога. (Страсти не в движении, но ум философствует, а не молится. Состояние ученых.)

58. Пусть ум будет выше и умозрения о вещественной природе, не следует еще, что он узрел уже настоящее место Божие, ибо он может быть занят познанием мысленных тварей (Ангельского мира), и пестриться ими (быть полным разнообразных о них мыслей).

59. Если хочешь молиться (как следует), то потребен тебе Бог, дающий молитву молящемуся. Его и призывай в молитве, говоря: *да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое* (Мф. 6, 9, 10), то есть Дух Святой и Единородный Сын Твой. Ибо так научил Сам Господь, говоря, что Отцу кланяться должно духом и истиною (Ин. 4, 24).

60. Молящийся в духе и истине не от тварей заимствует мысли к величанию Творца, но из Него Самого почерпает созерцания к воспеванию Его.

61. Если ты богослов, то будешь молиться истинно; и если истинно молишься, то ты богослов.

62. Когда ум твой, пламенея желанием к Богу, мало-помалу как бы отрешается от плоти и отвращается от всех помышлений, исходящих от чувственных впечатлений или из памяти, будучи вместе с тем полон благо-

говения и радости, тогда заключай, что он приблизился к пределам молитвы.

63. Святой Дух, сострадая к нашей немощи, посещает нас и когда бываем мы еще нечисты; и если только найдет ум наш искренно Ему молящимся, находит на него и разгоняет всю окружающую его толпу помыслов или представлений (делает, что она исчезает), а в нем возбуждает любовь к духовной молитве.

64. Иные чрез воздействие на тело внедряют в ум помыслы или понятия и умозрения; а Господь действует противным тому образом. Наитствуя самый ум, влагает ему ведение, о чем Ему угодно; а посредством ума укрощает и невоздержание тела.

65. Достоин всякого порицания тот, кто, любя истинную молитву, гневается или злопамятствует, ибо он похож на того, кто желает остро видеть, а между тем запорашивает свои глаза.

66. Если желаешь молиться как должно, не делай ничего противного (враждебного) молитве, чтоб Бог, приблизившись, сшествовал тебе.

67. Когда молишься, не придавай Божеству какого-либо облика и не попускай, чтоб в уме твоем был печатлеем какой-

либо образ, но невещественно приступи к Невещественному, и войдешь в общение с Ним.

68. Берегись сетей вражеских, ибо бывает, что, когда молишься чисто и безмятежно, вдруг предстанет тебе какой-нибудь образ странный и чуждый. Это делают враги затем, чтоб ввесть тебя в самомнение, внушив мысль, что тут божество (явилось тебе); а далее и затем, чтоб ты подумал, что, подобно этому, внезапно явившемуся тебе, и божество количественно (занимает место, протяженно, имеет части). А Божество ни количественности, ни образа не имеет.

69. Когда завистливый демон не успеет привесть в движение память, тогда воздействует на кровь и соки, чтоб чрез них привесть в уме воображение чего-либо чуждого и наполнить его образами. А он, имея навык вращаться в помышлениях, удобно увлекается тем и, стремясь к созерцанию Невещественного и Безвидного, обманывается, принимая дым вместо света.

70. Стой на страже своей и храни ум (свободным) от помышлений во время молитвы, чтоб исполнить свое прошение, пребывая во внутренней тишине. Тогда Сострадущий невежствующим (Евр. 5, 2) по-

сетит и тебя, и ты приимешь преславный дар молитвы.

71. Невозможно тебе молиться чисто, если запутан ты в вещественные дела и волнуем непрестанными попечениями, ибо молитва есть (требует) отложение помышлений.

72. Связанный не может бежать, а ум, рабствующий какой-либо страсти, видеть место духовной молитвы; влается* он и носится страстным помышлением и не может установиться на одном непоколеблемо.

73. Когда ум начинает, наконец, молиться чисто и бесстрастно, тогда демоны наступают на него уже не от шуиих, а от десных: представляют явление будто славы Божией и какое-либо видение, чувству приятное, так что ему покажется, будто он совершенно достиг уже цели молитвы. Это, как сказал один знающий дело муж, бывает от страсти тщеславия.

74. Думаю, что демон подвигает страсть тщеславия на помысл (мечтание) и в то же время представляет какое-либо призрачное видение, которое ум легкомысленно принимает за явление Божества. Так как его не тревожат плотские нечистые страсти, а он

* Волнуется, обуревается. — *Ред.*

чисто предстоит (в молитве), то ему никак не думается, чтоб тут было какое-либо вражеское действие, и он уверяется, что это есть точно божественное явление, тогда как оно произошло от демона.

75. Ангел Божий, представ, одним словом прекращает в нас вражеское действие и настраивает ум действовать, не подвергаясь прельщению.

76. Сказанное в Апокалипсисе об Ангеле, приносящим фимиам: *да даст молитвам святых* (Апок. 8, 3), думаю, указывает на сию благодать, чрез Ангела воздействующую, которая сообщает (умение истинно молиться; так что ум наконец стоит на молитве), без смятения мыслей, уныния и малодушия.

77. Фиалы с фимиамами суть *молитвы святых*, кои приносили *двадесять четыре старца* (Апок. 5, 8). Под фиалом должно разуметь содружение с Богом, или совершенную и духовную любовь, в коей молитва действуется духом и истиною.

78. Когда подумаешь, что во время молитвы твоей нет тебе нужды плакать о грехах, тогда посмотри, сколь далеко отстоишь ты от Бога, будучи обязан всегда пребывать в Нем, — и прольешь теплейшие слезы.

79. Истинно так, — сознав меру свою (бедность и ничтожество), в сладость поплачешь, окаявая себя подобно Исаии, — как, будучи нечист, и *нечисты устне имый*, и живя среди такого народа (нечистых и заботливых помыслов), дерзаешь предстоять Господу Саваофу (Ис. 6, 5).

80. Если молишься истинно, то получишь во многом полное удостоверение, и Ангелы соберутся к тебе, как и к Даниилу, и просветят тебя ведением причин, почему что бывает.

81. Ведай, что святые Ангелы настраивают нас на молитву, стоят с нами, радуясь и вместе молясь о нас. Итак, если нерадим и принимаем противные помыслы, то тем крайне прогневляем их; ибо, тогда как они столько подвизаются за нас, мы о самих себе не хотим умолять Бога, но, пренебрегая своим служением и их Бога и Владыку оставляя, ведем беседу с нечистыми бесами.

82. Молись мирно и безмятежно, пой разумно и стройно, и будешь как птенец орлий, поднимающийся на высоту.

83. Псалмопение усыпляет страсти и укрощает позывы телесной невоздержности; а молитва настраивает ум к свойственному ему умному деланию.

84. Молитва есть приличная достоинству ума деятельность или лучшее и настоящее его употребление.

85. Псалмопение есть образ многоразличной премудрости; а молитва — предначатие невещественного и многоразличного ведения.

86. Ведение есть дело прекрасное, ибо оно содействует молитве, мысленную силу ума пробуждая к созерцанию Божественного ведения.

87. Если не получил еще ты дара молитвы или псалмопения, то проси неотступно, и получишь.

88. *Глагола же* (Господь) *и притчу к ним, како подобает молитися и не стужати си* (Лк. 18, 1). Поэтому — не горюй и не унывай, что еще не получил, ибо после получишь. — К притче приложил Господь и сие: *аще и Бога не боюся и человек не срамляюся: но зане творит ми труды* жена *сия, отмщу ея* (4). Так и *Бог сотворит отмщение вопиющих к Нему день и нощь вскоре* (7). Благодушествуй же, с трудолюбивым терпением пребывая во святой молитве.

89. Не желай, чтоб то, что касается тебя, было, как тебе кажется, (лучше), но

как Богу угодно; и будешь безмятежен и благодарен в молитве своей.

90. Хотя бы уже и с Богом, по-видимому, был ты, берегись демона блуда, ибо он очень обольстителен и коварен и всячески усиливается превозмочь бдительность и трезвение ума, чтоб отвлечь его от Бога, даже когда он предстоит Ему с благоговением и страхом.

91. Если радеешь о молитве, то приготовься к бесовским наваждениям, ибо как дикие звери найдут они на тебя и озлобят все тело твое (изъязвят).

92. Приготовься, как опытный борец, не колебаться, хотя бы внезапно увидел ты какое привидение, не смущаться, хотя бы обращен был на тебя меч или пламенник устремлен тебе в лицо, не падать духом (не робеть), хотя бы представился тебе зрак (рожа) какой безобразный и кровавый. Стой тогда, исповедуя доброе исповедание, и смело взирай на врагов своих.

93. Кто переносит печальное, тот сподобится и радостного; и кто претерпевает неприятное, тот не будет лишен части и в приятном.

94. Смотри, да не обольстят тебя лукавые бесы каким-либо видением. (Если

случится что подобное, то), пребывая в себе собранным, обратись к молитве и проси Бога, чтоб, если это от Него (на вразумление), Он Сам просветил тебя, а если нет, то чтоб поскорее отогнал от тебя прелестника. И дерзай; ибо не постоят псы, когда ты притечешь к Богу теплым молением, но тотчас, невидимо и незримо биемы будучи Божиею силою, далеко от тебя разбегутся.

**95.** Надлежит знать тебе и следующее коварство демонов. Иногда они разделяют себя (на группы. Одни приходят с соблазном). И, когда ты взыщешь помощи, входят другие в ангельских образах и прогоняют первых, чтоб прельстился ты мнением, что они настоящие ангелы (и впал бы в самомнение, что удостоен того).

**96.** Постарайся быть, сколько можно, больше смиренномудрым и мужественным, — и вражеское покушение демонов не коснется души твоей и бич их не приближится к телу твоему. *Ангелом своим заповесть о тебе* (Господь), *сохранити тя* (Пс. 90, 11); и они незримо отразят от тебя всякое вражеское действо.

**97.** Хотя и шум, и топот, и вопли, и удары услышит старающийся держать чистую молитву, но не ниспадет помыслом и не

предаст его, говоря к Богу: *не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4), и тому подобное.

98. Во время таких искушений обращайся к молитве и молись немногословною молитвою, но напряженно.

99. Если демоны станут угрожать тебе, что внезапно явятся в воздухе, чтоб изумить тебя и похитить ум твой, не бойся их и совсем не заботься о такой угрозе их. Это они стращают тебя, пытая, ставишь ли ты их во что-либо или совсем презрел уже их.

100. Если Богу Вседержителю, Творцу и Промыслителю всяческих предстал ты в молитве, то для чего так неразумно предстоишь Ему, что, оставя страх Его непреоборимый, боишься мух и комарей? Или не слышишь, что говорит (Пророк): *Господа Бога твоего да убоишися* (Втор. 10, 20); и еще: *Его же вся боятся и трепещут от лица силы Его* — и прочее (2 Пар. 36, молитва Манассии).

101. Как хлеб служит пищею телу, а добродетель душе, так духовная молитва есть пища ума.

102. Не фарисейски, а мытарски молись в священном месте молитвы, чтоб и тебе быть оправданным от Господа.

**103.** Подвизайся никого не проклинать в молитве своей, чтоб не разрушать, что созидаешь, делая омерзительною (пред Богом) молитву свою.

**104.** Должник *тьмою талантов* да научит тебя, что если не оставишь ты (долга) должнику своему, то и сам не получишь оставления (своего долга), ибо сказано: *предаде его мучителем* (Мф. 18, 34).

**105.** Отложи в сторону телесные потребности во время молитвенного предстояния твоего (Богу), чтоб укушение блохи, комара или мухи не лишило тебя величайшего приобретения, доставляемого молитвою.

**106.** Дошло до нас, что одному святому, когда он становился на молитву, столько противоборствовал лукавый, что лишь только тот воздевал руки, как этот, преобразясь во льва, поднимал вверх передние ноги и, вонзив когти свои в бока подвижника, не отступал, пока тот не опускал рук. Но он никогда не опускал их, пока не доканчивал обычных своих молитв.

**107.** Таков же, как знаем, был и безмолвствовавший во рве Иоанн малый или, лучше сказать, величайший монах, который неподвижным пребыл в сопребывании с Богом, когда демон в виде дракона обвился

вокруг него, грыз плоть его и изрыгал ее в лицо ему.

108. Читал ты, конечно, жития тавеннисиотских иноков, где говорится, что, когда авва Феодор говорил слово братиям, две ехидны подползли к ногам его, а он, нимало не смутясь, изогнул ступни как бы сводом и, пустив под них ехидн, продолжал слово до конца; и тогда уже показал их братиям, рассказав это дело.

109. Читали мы еще о другом духовном брате, что, когда он молился, ехидна, подползши, коснулась ноги его; но он не прежде опустил руки, как совершив обычную молитву. И никакого вреда не потерпел сей, возлюбивший Бога паче себя.

110. Чтоб не влачилось туда и сюда око твое (око ума — сознание) во время молитвы, отвергнись тела и души и живи умом (духом).

111. Другому некоему святому, крепкому молитвеннику, безмолвствовавшему в пустыне, явились демоны и в продолжение двух недель играли им, как мячиком, бросая вверх и подхватывая на рогожу; однако же нисколько не могли низвесть ум его от пламенной молитвы.

**112.** Иному еще боголюбивому иноку, когда он творил умную молитву, ходя по пустыне, предстали два ангела и пошли вместе с ним, имея его в средине. Но он ни на минуту не обратился к ним вниманием, чтоб не потерпеть ущерба в лучшем, ибо помнил изречение Апостола, который говорит: *ни Ангели, ни Начала, ниже Силы* не возмогут *нас разлучити от любве Христовы* (Рим. 8, 38, 39).

**113.** Инок молитвою делается равноангельным, вожделевая видеть *лице Отца, Иже на небесех.*

**114.** Совсем не желай и не ищи того, чтоб во время молитвы увидеть тебе какой-либо лик или образ.

**115.** Не желай видеть чувственно Ангелов, или Силы, или Христа, чтоб с ума не сойти, приняв волка за пастыря и поклонившись враждебным демонам.

**116.** Начало прельщения ума — тщеславие, коим движим будучи ум покушается описать божество в каком-либо образе или зраке.

**117.** Я свое буду говорить, — что сказал и новоначальным: блажен ум, который во время молитвы хранит совершенное безвидие.

118. Блажен ум, который, молясь без развлечения, восприемлет все большую и большую любовь к Богу.

119. Блажен ум, который во время молитвы бывает невещественен и нестяжателен.

120. Блажен ум, который во время молитвы держит совершенное отрешение от чувственного.

121. Блажен инок, который всякого человека почитает как бы богом после Бога.

122. Блажен инок, который взирает на спасение и преуспеяние всех с радостию, как на свое собственное.

123. Блажен инок, почитающий себя отребием всех.

124. Монах тот, кто, от всех отделясь, со всеми состоит в согласии.

125. Монах тот, кто почитает себя единым со всеми (что он одно с ними), потому что в каждом думает видеть себя самого вполне.

126. Тот молитву совершает, кто всегда всякое первомыслие свое плодоносит Богу (всякое дело и начинание во славу Божию обращает и благословение на то просит у Бога).

127. Всякой лжи и всякой клятвы (уверения с клятвою) избегай, как монах, сильно желающий молиться (преуспеяния в молитве); иначе напрасно принимаешь несвойственный тебе вид (монаха или молящегося).

128. Если желаешь молиться в духе, ничего не воспринимай плотского, и не будешь иметь облака, мрак простирающего пред тобою во время молитвы.

129. Вверь Богу телесные потребности, и явно будет, что ты Ему же вверяешь и духовные.

130. Если сподобишься приять обетования, то будешь царствовать. Итак, взирая на оные, не следует ли тебе переносить с удовольствием настоящую скудость?

131. Не отбивайся от нищеты и прискорбности (жизни) — сих крыльев легкой молитвы.

132. Телесные добродетели да будут тебе залогом и проводниками к душевным, а душевные — к духовным, а эти — к невещественному и существенному ведению.

133. Если, молясь против какого помысла, заметишь, что он скоро и легко утих, то рассмотри, отчего это сделалось, чтобы не

попасть в засаду и, обманувшись, не сделаться предателем себе самому.

134. Бывает, что иногда демоны, вложив тебе какие-нибудь помыслы, сами же побуждают против них или воспротиворечить им, — и тотчас отбегают (и с помыслами), чтоб впал ты в прелесть, возмнив, что начал уже побеждать помыслы и устрашать демонов.

135. Если молишься против какой-либо страсти или какого демона, стужающего тебе, вспомни слова Псалмопевца: *пожену враги моя, и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются: оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима*, и так далее (Пс. 17, 38—39). Но скажи это благовременно, вооружая себя против сопротивоборцев смиренномудрием.

136. Не думай стяжать добродетель, не боровшись прежде за нее до крови. Надлежит, по божественному Апостолу, до смерти стоять против греха, подвизаясь, чтоб сохраниться непорочными (Евр. 12, 4).

137. Бывает, что, сделав пользу одному, потерпишь вред от другого (по козням вражеским), чтоб, встретив напраслину, сказал ты или сделал что-либо неуместное и, таким образом, зле расточил, что добре со-

брал. Та и цель у лукавых демонов. Потому надобно разумно внимать себе.

138. Демонские на тебя нападения принимай (мужественно), заботясь о том, как бы избавиться от порабощения им.

139. Ночью лукавые бесы сами домогаются смутить духовного учителя, а днем — чрез людей, окружая его (неприятными) случайностями, клеветами и опасностями.

140. Не отказывайся (терпеть) этих сукновалов. Пусть они бьют, топчут ногами, растягивают, держат в жару; но чрез это одежда твоя бывает прекрасною.

141. Пока не отрешился ты совершенно от страстей и ум твой еще обнаруживает сопротивления добродетели и истине, до тех пор не обретешь ты благовонного фимиама в недре своем.

142. Желаешь ли молиться (как должно)? Преселяясь от здешнего, имей всегда жительство на небесах, не на словах только, но ангельскою деятельностию и божественнейшим ведением.

143. Если только при затруднениях в своей деятельности (при неуспехе в добром, при опасности впасть в грех, при действительных погрешностях) вспоминаешь ты о Судие, как Он страшен и

неумытен*, то не научился еще ты *работать Господеви со страхом, и радоваться Ему с трепетом* (Пс. 2, 11). Знай, что при духовных отрадах и утешениях (насыщениях) еще более надлежит служить Ему со страхом и благоговеинством.

**144.** Настоящим образом знает дело тот, кто не оставляет скорбной памяти о грехах своих и о праведном за них мучении в вечном огне, — прежде совершенного покаяния.

**145.** Одержимый грехами, Бога прогневляющими, и бесстыдно дерзающий простираться к познанию божественных вещей, или привходить (тайком пробираться и протесняться) к невещественной молитве, — да приимет апостольское запрещение. Такому не безопасно молиться с обнаженною и не покровенною головою. Таковая душа, скажем словом Апостола, *должна есть власть имети на главе Ангел* предстоящих *ради* (1 Кор. 11, 10), облекшись стыдом и подобающим смиренномудрием.

**146.** Как больному глазами не принесет пользы (а вред), если он в самый полдень, при сильнейшем свете, напряженно станет смотреть на солнце, так уму страстно-

* Неподкупен. — *Ред.*

му и нечистому не принесет пользы напряжение или приноравление себя к страшной и преестественной молитве в духе и истине; напротив, к негодованию на себя подвигнет он Божество.

147. Если пришедшего к алтарю с даром не приемлет Неимеющий ни в чем нужды и Нелицеприятный, пока он не примирится с скорбящим на него ближним (Мф. 5, 23), то смотри, какое нужно охранение себя и какая рассудительность, чтоб принести благоприятный Богу фимиам на алтаре мысленном.

148. Не будь словолюбив, ни славолюбив; в противном случае явно будет, что уже не на хребте, а на лице твоем делают грешницы (Пс. 128, 3). И будешь ты посмешищем для них во время молитвы, влекомый и прельщаемый от них на безместные помыслы.

149. Внимание, ищущее молитвы, молитву обретет. За вниманием, не другое что лучшее следует, а молитва, о которой и надобно возыметь всякое попечение.

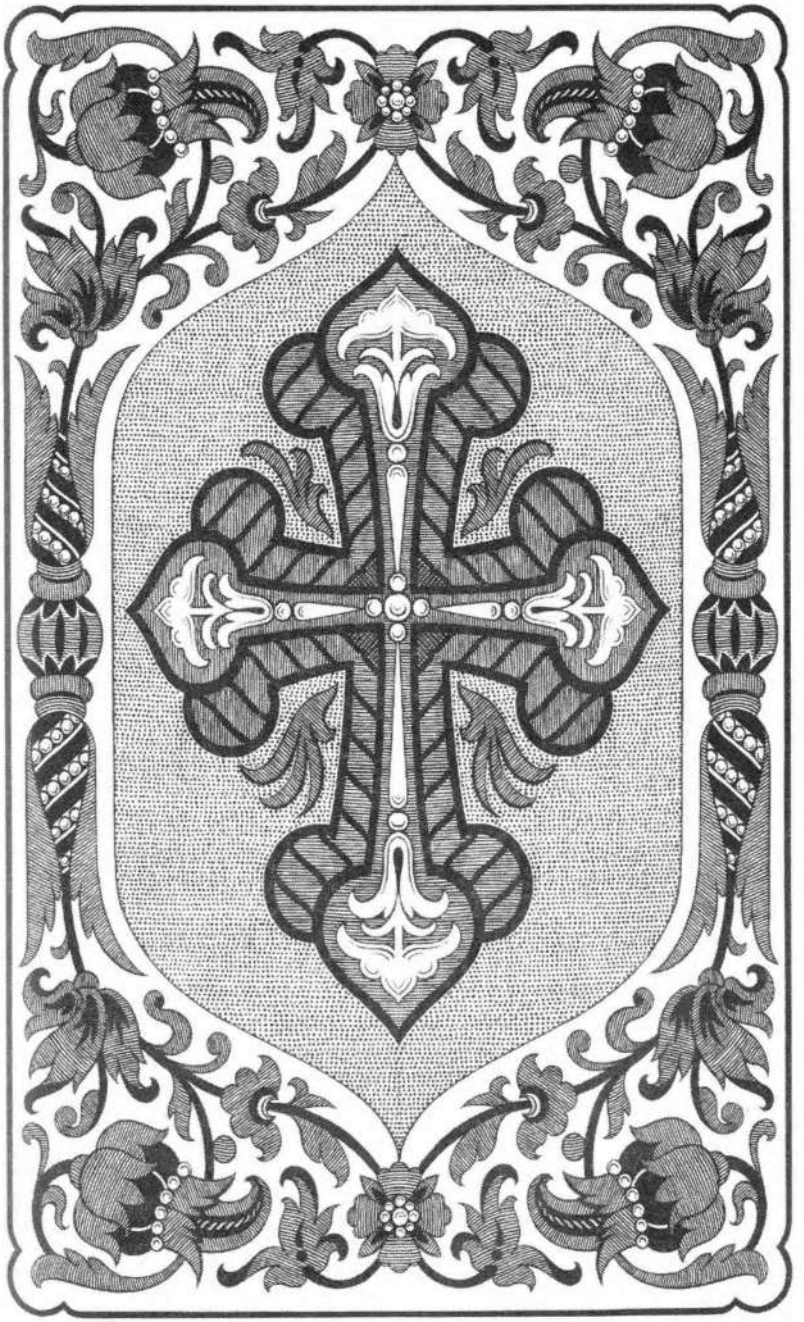
150. Как зрение лучше всех чувств, так молитва божественнее всех добродетелей.

151. Похвала молитве — не просто количество, но качество. Это показывают

вошедшие *в церковь помолитися* (Лк. 18, 10), и следующее слово: *вы же молящеся не лишше глаголите*, и прочее (Мф. 6, 7).

**152.** Пока внимаешь ты угождению тела и занят бываешь тем, что приятно для сей сени твоей, дотоле (знай, что) не узрел еще ты места молитвы, но далеко еще от тебя блаженный путь ее.

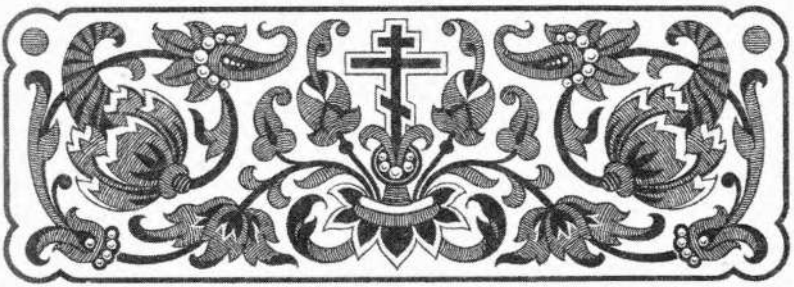
**153.** Когда, стоя на молитве, будешь выше всякой другой радости, тогда (знай, что) истинно обрел ты молитву.



# ПРЕПОДОБНОГО ИСИХИЯ

пресвитера иерусалимского

# СЛОВО О ТРЕЗВЕНИИ, БОРЬБЕ С ПОМЫСЛАМИ И МОЛИТВЕ



1. Трезвение есть духовное художество, которое, если постоянно и усердно проходить его, всеконечно с Божиею помощию, избавляет человека от страстных помыслов и слов и от худых дел; дарует тому, кто его проходит, твердое разумение Бога непостижимого, сколько сие достижимо, и сокровенно подает решение сокровенных божественных тайн; есть оно также исполнительница всякой заповеди Ветхого и Нового Завета и подательница всякого блага будущего века. Само же оно есть собственно чистота сердца, которая по величию своему и своей добротности или, истиннее сказать, по нашему невниманию и нерадению крайне редеет ныне у монахов; между тем как Христос ублажает ее, говоря: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Будучи таковым, оно и покупается дорогою ценою. — Трезвение, если оно постоянно пребывает в человеке, делается для него путеводительни-

цею правой и богоугодной жизни. Ее есть плод и нахождение созерцания; она же научает нас право приводить в движение троечастность души*, она твердо хранит чувства и каждодневно в причастнике своем возращает четыре главные добродетели**.

2. Великий законодатель Моисей, паче же Дух Святой, показывая, сколь сия добродетель непорочна, чиста, многосодержательна и высокотворна, и научая нас, как должно начинать ее и совершать, говорит: *внемли себе: да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония* (Втор. 15, 9), тайным словом называя одно мысленное воображение какой-либо греховной, Богу ненавистной вещи, что святые отцы называют также прилогом, приводимым в сердце от диавола, за которым (прилогом), вслед за появлением его, тотчас последуют наши помыслы и страстно с ним разглагольствуют.

3. Трезвение есть путь всякой добродетели и заповеди Божией; оно называется также сердечным безмолвием и есть то же, что хранение ума, дошедшего до совершенства немечтательности.

---

* То есть три силы — мысленную, раздражительную и желательную.

** Мудрость, мужество, воздержание и справедливость.

4. Не видит солнечного света родившийся слепым: так не видит блистаний богато нисходящей свыше благодати тот, кто не шествует в трезвении; не освободится он также от греховных, Богу ненавистных дел, слов и помышлений и во исходе своем не минует свободно (имеющих сретить его) князей Тартара.

5. Внимание есть непрестанное от всякого помысла безмолвие сердца, в коем оно Христом Иисусом, Сыном Божиим и Богом, и Им одним, всегда, непрерывно и непрестанно дышит, Его призывает, с Ним мужественно ополчается против врагов и Ему, имеющему власть оставляти грехи, исповедует (свои прегрешения). Такая душа чрез призывание часто в сокровенности объемлет Христа, Единого испытующего сердца, от людей же всех пытается всячески скрыть свою сладость и свой внутренний подвиг, чтоб враг лукавый как-нибудь скрытно не поблагопоспешествовал в ней греху и не уничтожил прекрасного ее делания.

6. Трезвение есть твердое водружение помысла (ума) и стояние его у двери сердца, так что он видит, как подходят (чуждые) помыслы, эти воры — окрадыватели, слышит, что говорят и что делают сии губи-

тели и какой демоны начертывают и возграждают образ, пытаясь, увлекши чрез него в мечтания ум, обольстить его. Если будем люботрудно проходить такое действование (покорпим над ним), то оно, если хотим, очень разумно (основательно и внятно) покажет нам (откроет и растолкует) искусство мысленной брани (и доставит опытность в ней).

7. Сугубый страх, — с одной стороны, от оставлений Божиих, с другой, от вразумительных искушений случайностями (жизни), — обыкновенно рождает частость надзирательного внимания в уме человека, который старается заградить источник худых помыслов и дел. Для этого бывают оставления и посылаются нечаянные искушения от Бога — к исправлению жизни нашей, особенно когда кто вкусил сладость упокоения от добра сего (внимания и трезвения) и вознерадел. От частости сей рождается навык; от этого — естественная некая непрерывность (сплошность) трезвения; а от сего по свойству его мало-помалу порождается видение брани, за которым последует терпеливая (притрудная) молитва к Иисусу, сладостное, без мечтаний, умирение ума и (дивное) состояние, из Иисуса (из сочетания с Ним) составляющееся.

8. Мысль, стоящая и призывающая Христа на врагов и к Нему прибегающая, подобна зверю какому-нибудь, который, быв окружен множеством псов, мужественно стоит против них, укрывшись в некоем ограждении. Издали провидя мысленно мысленные ковы невидимых врагов, она непрестанно против них молится миротворцу Иисусу и чрез то пребывает неуязвленною ими.

9. Если ведаешь, и дано тебе заутра предстоять — и не только зриму быть, но и зреть (Пс. 5, 4), то ты разумеешь, о чем я говорю; если же нет, трезвенствуй и получишь.

10. Состав морей — множество вод; а состав и твердь трезвения, бодренности и углубленного безмолвия души, равно как бездна созерцаний дивных и неизреченных и разумного смирения, правоты и любви, есть (само же одно) крайнее трезвение и ко Иисусу Христу без помыслов молитва, и притом сплошная, денно-нощная, притрудная, без уныния и скучания (Лк. 18, 1).

11. *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет*, говорит Господь, *в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего* (Мф. 7, 21). Воля же Отца Его

есть сия: *любящии Господа ненавидите злая* (Пс. 96, 10). Итак, при молитве ко Иисусу Христу возненавидим и злые помыслы; и — воля Божия исполнена.

12. Владыка наш и Бог, воплотившись, предложил начертание всякой добродетели, в пример роду человеческому и в возвание от древнего падения, живописав все добродетельное во плоти Своей житие. В числе многих других, показанных Им добрых примеров, Он, восшедши по крещении в пустыню, вступил там в мысленную брань с диаволом, приступившим к Нему, как простому человеку; и образом победы над ним, то есть смирением, постом, молитвою и трезвением, кои держал Он, не имея в них нужды, как Бог и Бог богов, научил и нас, неключимых рабов, как держать достодолжно брань против духов злобы.

13. То, сколько есть, по-моему, способов (приемов) трезвения, могущих мало-помалу очистить ум от страстных помыслов, се — я не поленюсь означить тебе не красною и не испещренною речью. Ибо я не считаю разумным и в этом слове, как бывает в повествованиях о внешних войнах, набором речений закрывать полезное, особенно для людей простых. *Ты же, чадо Тимофее*, ска-

жу тебе словом Апостола, *внемли* тому, что будешь читать (1 Тим. 4, 13).

14. Итак, один способ трезвения есть — смотреть неопустительно за мечтанием, или за прилогом, ибо без мечтания сатана не может строить помыслов и представлять их уму к его прельщению ложными призраками.

15. Другой — иметь сердце глубоко всегда молчащее, и от всякого помысла безмолвствующее, и молиться.

16. Иной — призывать Господа Иисуса Христа на помощь — непрестанно, в смирении.

17. Иной еще — иметь в душе непрестанное памятование о смерти.

18. Все сии делания, возлюбленный, подобно привратникам, возбраняют вход худым помышлениям; о том же, что должно лишь к небу взирать (занимать всегда ум созерцанием вещей небесных), ни во что вменяя землю (и все земное), — что также есть один из действенных способов трезвения, как и прочие, — об этом я, с помощию Бога, дающего слово, изложу обстоятельнее в другом месте.

19. Если отсечем причины страстей и займемся духовными созерцаниями на

короткое лишь время, а не пребудем с терпением в сем чине жизни навсегда, это самое имея занятие, то легко опять возвращаемся к плотским страстям, никакого другого не получив от того (доброго начинания) плода, кроме совершенного омрачения ума и уклонения к вещественному.

20. Тому, кто подвизается внутри, в каждое мгновение надобно иметь следующие четыре (делания): смирение, крайнее внимание, противоречие (помыслам) и молитву. Смирение — чтобы, так как брань у него идет с соперниками, гордыми демонами, всегда иметь в руке сердца помощь Христову, ибо Господь ненавидит гордых. Внимание — чтобы всегда держать сердце свое не имеющим никакого помысла, хотя бы он казался добрым. Противоречие — дабы, как только острозоркостию ума уразумеешь, кто пришел, тотчас с гневом воспротиворечить лукавому, как говорится: *и отвещаю поношающим ми злая* (Пс. 118, 42), *не Богу ли повинется душа моя?* (Пс. 61, 1). Молитву — дабы после противоречия тотчас из глубин сердца возопить ко Христу в воздыхании неизглаголанном. И тогда сам подвизающийся увидит, как поклоняемым именем Иисуса враг его с своим мечтанием разлиет-

ся и разогнан будет, как прах ветром, или исчезнет, как дым.

21. Кто не имеет чистой от помыслов молитвы, тот не имеет оружия на брань, — молитвы, говорю, той, которая непрестанно действовалась бы во внутреннейших сокровенностях души и призыванием Господа Иисуса Христа бичевала и опаляла врага, скрытно ратующего.

22. Надлежит тебе острым и напряженным взором ума смотреть внутрь, чтоб узнавать входящих. Как только узнаешь, тотчас противоречием сокрушай главу змия и вместе с тем с воздыханием вопий ко Христу. И получишь тогда опыт невидимого Божеского заступления, и преясно узришь правость сердца (как держать сердце в правоте).

23. Как держащий в руке зеркало и стоящий между другими многими, смотря в зеркало, видит и свое лицо, каково оно, видит и других, смотрящихся в то же самое зеркало: так всецело приникший в сердце свое видит в оном свое собственное состояние, видит и черные лица мысленных эфиопов.

24. Не может ум победить демонское мечтание сам токмо собою: да не дерзает на сие никогда. Ибо хитры (враги наши) и, притворясь побежденными, нередко оты-

нуды, чрез тщеславие, подшибают (борца). Против же призывания имени Иисусова и минуты постоять и злокознствовать против тебя не стерпят.

25. Смотри не впади в самомнение (и не понадейся на свои измышления) подобно древнему Израилю, иначе и ты предан будешь мысленным врагам. Ибо тот, избавлен будучи от египтян Богом всяческих, измыслил потом своего себе помощника — идола слиянного.

26. Под идолом же слиянным разумей слабый наш разум, который, пока на духов злобы призывает Иисуса Христа, удобно отгоняет их и с искусным умением обращает в бегство невидимые ратные силы врага, а коль скоро сам на себя одного безрассудно дерзнет понадеяться, то падет и разбивается, подобно так называемому быстрокрылому*. *На Господа*, говорит, *упова сердце мое, и поможе ми, и процвете плоть моя* (Пс. 27, 7); и *кто*, кроме Господа, *востанет ми на лукавнующия? Или кто спредстанет ми на делающия беззаконие* (Пс. 93, 16) — бесчисленные помыс-

* Голубь, например, свернувшись, турманом падает вниз; если не успеет он развернуться, то ударяется оземь со всего лёта и разбивается до смерти.

лы? На себя же, а не на Бога надеющийся падет падением ужасным.

27. Вот образ и чин сердечного безмолвия: если хочешь вести борьбу (успешно и как следует), то маленькое животное, паук, да будет тебе в этом примером. Тот хватает и умерщвляет малых — мух, а ты, если так же, как он (сидит в своей паутинной норе), притрудно безмолвствуешь в своей душе, не переставай всегда избивать младенцев вавилонских, — за каковое избиение ублажает тебя чрез Давида Дух Святой (Пс. 136, 9). Если же нет у тебя сего, то ты не убезмолвился еще умом как следует.

28. Как невозможно Красному морю явиться на тверди небесной среди звезд и как нельзя человеку, ходящему по земле, не дышать здешним воздухом, так невозможно нам очистить сердце свое от страстных помышлений, и изгнать из него мысленных врагов, без частого призывания имени Иисус-Христова.

29. Если со смиренным мудрованием, памятию о смерти, самоукорением, противоречием (помыслам) и призыванием Иисуса Христа всегда пребываешь ты в сердце своем и с сими орудиями трезвенно проходишь каждый день мысленный путь —

тесный, но радостотворный и сладостный, то внидешь во святые созерцания святых и просвещен будешь ведением глубоких таин от Христа, *в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2, 3), и в Коем *живет всяко исполнение Божества телесне* (ст. 9). Ибо при Иисусе восчувствуешь ты, что в душу твою нисшел Дух Святой, Коим ум человека просвещается откровенным лицом зреть (славу Господню) (2 Кор. 3, 12). *Никто же*, говорит Апостол, *может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3), Который таинственно удостоверяет ищущего Его (в истине о Нем).

30. Любящим научение надо знать и следующее: что злобные демоны, завидуя нам, по причине великой от брани пользы, умудрения и к Богу восхождения, часто скрывают от нас и утишают эту мысленную брань, (имея при сем в намерении и то), чтоб, когда мы, забыв об опасностях нападения с их стороны, обеззаботимся, внезапно похитить ум наш (в мечтании) и опять сделать нас не внимающими сердцу нерадивцами. Ибо у них одна цель, забота и подвиг — не давать сердцу нашему пребывать внимательным к себе, зная, какое богатство

собирается чрез это в душе. — Но мы тогда-то паче (во время затишья брани) воспростремся с памятованием Господа нашего Иисуса Христа в духовные созерцания, — и брань опять найдет на ум. Только будем делать все с совета, скажу так, Самого Господа и со смирением великим.

31. Пребывая в общежитии, мы должны, с самоохотным изволением и сердцем готовым, отсекать всякую волю свою пред настоятелем; и с Божиею помощию сделаемся некиим образом самопокорливыми и как бы безвольными. При этом всячески надлежит нам ухитряться, чтобы не возмущаться раздражительностию и не допускать неразумных и неестественных движений гнева, потому что иначе в час брани духовной мы будем оказываться бездерзновенными (лишенными мужества). Ибо воля наша, если сами самоохотно не отсекаем ее, обыкновенно раздражается на тех, которые все покушаются отсекать ее принудительно (без нашего хотения); а из-за сего подвигнутый гнев, как злой разбойник, губит уменье вести брань, которое с большим трудом едва можно было стяжать. Гнев естественно бывает разрушителен. Если он подвигнется против бесовских помыслов, то их расстроивает и

истребляет; а если воскипит против людей, то и в этом случае истребляет, — но наши благие помышления. Таким образом, гнев, как очевидно, является разрушительным для всякого рода помыслов — худых ли то или, если случится, и правых. Он дарован нам от Бога, как оружие и лук, и бывает таковым, если не уклоняется от назначения своего. Если же начнет действовать несообразно с ним, то бывает разрушителем. Видал я, что и пес, в иной раз смело бросающийся на волков, терзает овец.

32. Так надлежит бегать дерзостности (безосторожной вольности в обращении с другими), как яда аспидова, и уклоняться от частых бесед, как от порождений ехидниных, потому что они весьма скоро могут привести в совершенное забвение о внутренней брани и низвесть душу долу с обрадывающей высоты, доставляемой чистотою сердца. Проклятия достойное забвение, как вода огню, противится вниманию и сильным супостатом ему бывает каждочасно. От забвения приходим в беспечность, от беспечности — к небрежению (о порядках духовной жизни), скучанию (в них) и к пожеланиям безместным; и, таким образом, опять возвращаемся вспять, как *пес на свою блево-*

*тину* (2 Пет. 2, 22). Будем же бегать вольности, как яда смертоносного; а злое стяжание забвения, с тем что от него происходит, будем врачевать крайне строгим хранением ума и непрестанным призыванием Господа нашего Иисуса Христа, ибо без Него не можем мы *творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

33. Не в обычае дружиться с змием, нельзя (безнаказанно) носить его в недрах своих: так невозможно ласкать всячески тело, и любить его, и угождать ему, кроме доставления необходимо потребного, — а вместе с тем пещись и о добродетели небесной. Ибо тот (змий) по естеству своему не удержится, чтоб не уязвить пригревшего, а это (тело) — чтоб не осквернить угождающего ему движениями похотной сласти. Когда тело в чем-либо погрешит, бичами бить его надобно нещадно до ран, как беглого раба, исполненного вином, да ведает, что есть над ним господин (ум), готовый наказать его, и да не ищет упивства (похотию), будто вином в корчемнице, да не не ведает и госпожи своей (души) нетленной эта раба тленная, прах и персть. До самого исхода своего не доверяй плоти своей. Хотение плоти, говорит Апостол, *вражда на Бога; закону бо Божию не покаряется* (Рим. 8, 7);

также: *плоть похотствует на духа* (Гал. 5, 17); и: *живущие по плоти Богу угодити не могут; мы же несте во плоти, но в духе* (Рим. 8, 8—9).

**34.** Дело благоразумия есть всегда подвигать раздражительную силу нашу к схваткам в внутренней брани и к самоукорению; мудрости — мысленную силу нашу напрягать к трезвению строгому и непрерывному и к духовному созерцанию; справедливости — пожелательную силу направлять к добродетели и к Богу; мужества — править и владеть пятью чувствами, чтоб они не оскверняли ни внутреннего нашего человека, или сердца, ни внешнего, или тела.

**35.** На *Израили велелепота Его*, — на уме, зрящем красоту славы Самого Бога, сколько это возможно, — и *сила Его на облацехъ* (Пс. 67, 35), — на душах светозрачных, во утрии вперяющих взор свой в Седящего одесную Отца, Который, осиявая их подобно тому, как солнце озаряет лучами своими чистые облака, являет их достолюбезнейшими.

**36.** *Согрешаяй един погубит благостыню многу*, говорит божественное Писание (Еккл. 9, 18); и ум, согрешая, погубляет то, о чем написано в предыду-

щей главе, — эти пренебесные брашна и пития.

37. Не сильнее мы Сампсона, не премудрее Соломона, не сведущее Давида божественного, не паче Петра верховного любим мы Бога. Да не надеемся же на самих себя, ибо Писание говорит, что надеющийся на себя самого падет падением ужасным.

38. Научимся от Христа смиренномудрию, от Давида — смирению, от Петра — плачу о случающихся падениях, но не отчаянию — подобно Сампсону, Иуде и вельми* премудрому Соломону.

39. *Диавол, яко лев рыкая, ходит*, со своими полчищами, *иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Да не пресекаются же у нас никогда — сердечное внимание, трезвение, прекословие (помыслам) и молитва ко Христу Иисусу, Богу нашему. Ибо лучшей помощи, кроме Иисусовой, не найти тебе во всю жизнь твою, потому что только Он один Господь, яко Бог, знает демонские ковы, обходы и лукавства.

40. Дерзновенно убо да уповает душа на Христа, да призывает Его, и отнюдь да не страшится, ибо не одна воюет, но с страшным царем Иисус Христом, Творцом всего

* Особенно. — *Ред.*

сущего, бестелесного и телесного, видимого и невидимого.

41. Как дождь, чем в большем количестве ниспадает на землю, тем более умягчает ее, так и землю сердца нашего радует и веселит святое имя Христово, нами возглашаемое, чем чаще оно призывается.

42. Неопытным хорошо знать и то, что мы, дебелые и к земле поникшие и телом и мудрованием, врагов своих, — бестелесных и невидимых, зложелательных и мудрых на озлобления, скорых и легких, и искусившихся в брани во все века от Адама доныне, — не другим каким способом имеем возможность победить, как только непрестанным трезвением ума и призыванием Иисуса Христа, Бога и Творца нашего. Для неопытных молитва Иисус-Христова да будет и руководством к испытанию и познанию добра; для опытных же самый хороший способ и наставник в добре есть деяние (практика), испытание делом, и покой (что дает нелживый покой духу, то хорошо, как бы оно ни было тяжело).

43. Как дитя малое, и стало быть незлобивое, видя, как иной выделывает какие-нибудь фантазии, и находя то приятным, по незлобию своему, последует за этим ди-

вотворцем, так и душа наша, будучи проста и блага, — ибо такою создана от благого Владыки своего, — находя приятными представившиеся в воображении прилоги диавола и обольщаясь ими, подбегает, будто к доброму, к тому, что худо, и смешивает свои помыслы с тем, что внес в воображение демонский прилог, будет ли то лицо красивой женщины или другое что заповедями Христовыми совершенно запрещенное; затем, дошедши до вожделения, она замышляет уже, как бы ухитриться и в дело привесть то, что внушила представившаяся красота; а наконец, сложившись с помыслом тем (внутри согласившись и склонившись на грех), она уже и в дело посредством тела приводит вообразившееся ей (сформировавшееся и созревшее) в мысли беззаконие, на осуждение себе.

44. Такова хитрость лукавого, и такими-то стрелами уязвляет он и своим ядом исполняет всякую душу. Посему небезопасно, прежде приобретения умом большой опытности в брани, попускать помыслам входить в сердце наше, — особенно в начале, когда душа наша еще сочувствует демонским прилогам, соуслаждается ими и охотно устремляется вслед их; но должно, как только

они будут сознаны, тотчас, в самый момент нахождения их и приражения, отсекать их. Когда же ум, долгое время пребывая в сем дивном делании, вышколится, все разузнает и навык приобретет в ведении брани, так, что и верно будет распознавать их, и, как говорит Пророк, будет в состоянии легко ловить *лисы малыя* (Песн. 2, 15): тогда можно впускать их, с знанием дела, и обличать.

**45.** Как невозможно по одному каналу вместе проходить огню и воде, так невозможно греху войти в сердце, если не постучится прежде в дверь его воображением лукавого прилога.

**46.** Первое есть прилог; второе — сцепление, то есть смешение наших помыслов и помыслов лукавых демонов; третье — сосложение, когда оба помысла сговорятся на зло и порешат между собою, как ему быть; четвертое же есть чувственное деяние, то есть грех. Итак, если ум, трезвенствуя, внимает себе и посредством прекословия и призывания Господа Иисуса прогоняет прилог с самого его нахождения, то ничего из того, что обычно следует за ним, уже не бывает. Ибо лукавый, будучи умом бестелесным, не иначе может прельщать души, как чрез внесение в их воображение помыслов.

И о прилоге Давид говорит: *воутрия избивах вся грешныя земли* (Пс. 100, 8); великий же Моисей говорит о сосложении: *и да не смесишися с ними* (Исх. 23, 32).

47. Ум с умом сплетается в борьбе, — ум демонский с нашим. Потому каждую минуту нужно из глубины души взывать ко Христу, да отженет ум демонский, знамения же и славу победы да дарует нам, яко Человеколюбец.

48. Образец сердечного безмолвия да будет тебе держащий в руках зеркало и смотрящий в него совне; и тогда ты увидишь, как в сердце твоем будет мысленно написываться и злое и доброе.

49. Блюди присно*, чтобы никогда никакого помысла не иметь в сердце своем, ни бессловесного, ни благословного, дабы таким образом удобно было тебе узнавать иноплеменников, то есть первородных сынов Египетских.

50. Сколь блага, приятна, светла, сладостна, вседобротна, яснозрачна и прекрасна добродетель трезвения, Тобою, Христе Боже, благоуправляемая и человеческим умом с великим смирением бодренно проходимая! — Ибо она до моря и глубины созер-

* Всегда, непрестанно. — *Ред.*

цаний простирает ветви свои, и до рек сладостных Божественных таин — отрасли свои, напаяет (орошает и освежает) ум, с давнего времени палимый нечестием от слановости* лукавых помыслов бесовских и неистового мудрования плоти, в коем смерть.

51. Трезвение подобно лествице Иакова, на (верху) которой восседит Бог и по которой ходят Ангелы. Оно исторгает из нас всякое зло, отсекает многословие, злословие, оклеветание и весь список чувственных пороков, не допуская, чтоб из-за них, хотя на короткое время, умалялась или прекращалась собственная его сладость.

52. Его-то, братия мои, будем проходить всеусердно. Но, чистою во Христе Иисусе мыслию паря в видениях его, будем поддерживать и зрение своих прегрешений и прежней жизни, чтобы, памятию грехов своих будучи сокрушаемы, имели мы в мысленной брани неотступную помощь Иисуса Христа, Бога нашего. Ибо коль скоро, за гордость, или тщеславие, или самолюбие, лишимся мы помощи Иисусовой, то лишимся вместе с тем и чистоты сердечной, посредством которой познается человеком Бог, так

* *Сланое море* (церк.-слав.) — Мертвое море, потопившее Содом и Гоморру за грехи их. — *Ред.*

как, по обетованию (Мф. 5, 8), первая есть причина второго (чистота сердца — боговедения).

53. Ум, не нерадящий о своем сокровенном делании, вместе с другими благами, от непрестанного хранения сего делания происходящими, обретет и то, что пять чувств телесных не будут у него споспешниками искушений греховных, приходящих совне. Внимая всецело своей добродетели — трезвению — и добрыми всегда желая услаждаться помышлениями, не попускает он пяти чувствам окрадывать себя, чрез вход к себе путем их вещественных и суетных помыслов; но, зная, какие случаются чрез них (чувства) обольщения, сильным напряжением обуздывает их извнутрь.

54. Пребывай во внимании ума, и не будешь преутружден искушениями. Удаляясь же оттуда, терпи, что найдет.

55. Как для потерявших аппетит и чувствующих отвращение к пище полезна горькая полынь, так для злонравных полезны злоключения.

56. Если не хочешь злострадать, не хоти и зло делать, потому что то первое неотступно следует за этим последним. Что кто сеет, то пожнет. Так, когда мы, добро-

вольно сея злое, против воли пожинаем (скорбное), то не должны дивиться в сем правосудию Божию.

57. Ослепляется ум тремя следующими страстями, — сребролюбием, говорю, тщеславием и сластолюбием.

58. Ведение и вера, совоспитанники естества нашего, не от другого чего, как от них ослабели (стали тощи).

59. Ярость и гнев, брани и убийства, и весь каталог прочих страстей, чрез них сделались крайне сильными в людях.

60. Не знающий истины не может и веровать истинно, потому что знание естественно предшествует вере. Что сказано в Писании, сказано не для того, чтобы мы знали только, но чтобы делали то.

61. Начнем же с делания. Таким образом, постепенно преуспевая, найдем, что упование на Бога, твердая вера, внутреннее ведение, избавление от искушений, благодатные дарования, сердечное исповедание, обильные слезы доставляются верующим молитвою. И не только это, но и терпение находящих прискорбностей, и искреннее прощение ближнему, и разумение духовного закона, и обретение правды Божией, и Духа Святого наитие, и духовных сокровищ пода-

яние, и все, что обетовал Бог верующим и здесь и в будущем веке. Простее сказать, — невозможно душе явиться сущею по образу Божию, как благодатию Божиею чрез веру, когда человек (с своей стороны) умом и сердцем пребывает в глубоком смирении и в нерассеянной молитве.

62. Великое, воистину, благо из опыта прияли мы,— то, чтоб непрестанно призывать Господа Иисуса на мысленных супостатов, если желает кто очистить сердце свое. И смотри, как сказанное мною из опыта слово согласно с свидетельствами Писания. *Уготовися*, говорит оно, *призывать* имя Господа *Бога твоего, Израилю* (Ам. 4, 12). Апостол также говорит: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17). И Господь наш вещает: *без Мене не можете творити нечесоже. Иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, яко розга, и изсышет* (Ин. 15, 5—6). Великое благо — молитва, все блага в себе совмещающая, поколику очищает сердце, в коем зрится верующими Бог.

63. Поелику сокровище смиренномудрия высокотворно есть и боголюбезно, имея само в себе силу истреблять всякое в нас зло

и все Богу ненавистное, то сего ради неудобно стяжевается. Удобно, может быть, найдешь ты в одном человеке частные некие деяния многих добродетелей, но, поискав в нем благоухание смирения, едва ли найдешь его. Потому много потребно радения и усилий, чтоб стяжать сие сокровище. Писание и диавола называет нечистым за то, что с самого начала отверг он это благое сокровище смиренномудрия и возлюбил гордость. За это одно везде в Писании называется он нечистым духом. Ибо, какую телесную нечистоту могло бы учинить существо совершенно не вещественное, бесплотное и не членосоставное, чтоб ради этого называться нечистым? Явно, что за гордость назван он нечистым, и из чистого и светлого Ангела прозван скверным. *Нечист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5). Первый грех, по Писанию, есть гордыня (Сир. 10, 15). И вот что говорил гордый Фараон: *Бога твоего не вем, и Израиля не отпущу* (Исх. 5, 2).

64. Есть много действий ума, могущих снискать нам благой дар смиренномудрия, если не будем нерадеть о своем спасении, как то: воспоминание согрешений, словом, делом и помышлением, и другое пре-

многое, умозрительно представляемое, споспешествует к смиренномудрию. Впечатлевает истинное смирение и то, когда кто непрестанно вращает в уме добродетели ближних и другие их естественные преимущества превозносит, сравнивая свое с ихним. Видя, таким образом, ясно в уме своем свою худость и то, сколько отстоит он от совершенства братий, человек естественно станет считать себя землею и пеплом, и даже не человеком, а псом некиим, потому что от всех на земле сущих разумных тварей во всем отстает и всех их скуднее и нищетнее.

65. Уста Христовы, столп Церкви, великий отец наш Василий говорит: чтоб ни согрешать и на другой день не впадать в те же опять проступки, для сего весьма полезно по окончании дня подвергать суду совести себя самих и все свое, чтоб видеть, в чем мы проступились и в чем поступили правильно. Так поступал и Иов, как в отношении к себе самому, так и в отношении к детям своим. Эта каждодневная отчетность просвещает и научает действовать достодолжно и в каждый час.

66. Другой опять из богомудрых мужей сказал: «начало плодоносия — цвет; а начало деятельной жизни — воздержание».

Восприимем же воздержание, и притом мерою и весом, как учат отцы, и весь день, двенадцатичасный, будем проходить в хранении ума. Действуя так, мы чрез такое самопринуждение возможем с помощию Божиею угасить и умалить в себе зло. Ибо нужно добродетельное житие, за которое дается Царствие Небесное.

67. Путь к ведению есть бесстрастие и смирение, без которых никто не узрит Господа.

68. Непрестанно пребывающий во внутреннейшем своем и там всегда вращающийся — здравоумствует; и не только это, но еще входит в созерцание, богословствует и молится. И сие есть, о чем говорит Апостол: *духом ходите и похоти плотския не совершайте* (Гал. 5, 16).

69. Неумеющий шествовать духовным путем не заботится о страстных помышлениях, но все занят бывает только телом, или чревоугодничает и распутничает, или печалится, гневается и злопамятствует, и чрез то омрачает ум свой или, начиная чрезмерные подвиги, расстраивает и обессмысливает мысль.

70. Отрекшийся от житейского, то есть от жены, имения и прочего, внешнего

лишь человека сделал монахом, а не еще и внутреннего. Но кто отрекся от страстных помышлений и сего последнего, то есть ума, тот истинный монах. И внешнего человека легко сделать монахом, если захочешь, но не малый подвиг — сделать монахом человека внутреннего.

71. Кто есть в роде сем совершенно освободившийся от страстных помыслов и непрестанной сподобившийся молитвы, чистой и невещественной? — Вот это и есть признак внутреннего человека.

72. Много страстей кроется в душах наших; но обличают они себя только тогда, когда являются на глаза причины их.

73. Не все занимайся телесным обучением, но, определив для тела посильный подвиг, весь ум обрати на внутреннее: *телесное бо обучение вмале есть полезно, а благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8).

74. При бездействии страстей, — потому только, что или причины их отсечены, или демоны коварно отступили, — возрождается гордость.

75. Смирение и злострадание (подвижнические телесные лишения) освобождают человека от всякого греха: то — душевные отсекая страсти, а это — телесные.

Посему Господь говорит: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8), — узрят и Его Самого, и сущие в Нем сокровища, когда любовию и воздержанием очистят себя, и это тем более, чем более будут очищаться.

**76.** Созерцалище (уразумение) словес о всякой добродетели есть (дает) хранение ума, как древний страж Давидов (2 Цар. 18, 24) предуказывал обрезание сердца.

**77.** Как на чувственно вредное смотря, повреждаемся, так бывает и в отношении к мысленному.

**78.** Как повредивший сердцевину растения все оное иссушает, так разумей и относительно сердца человеческого. Ежеминутно надобно внимать, потому что хищники не зевают.

**79.** Господь, желая показать, что всякая заповедь обязательна и что сыноположение даровано людям за собственную кровь Его, говорит: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10). Посему Царствие Небесное не есть награда за дела, а дар Владыки, уготованный верным рабам. Раб не требует свободы, как награды;

но (получив ее) благодарит, как должник, а (не получив), ожидает, как милости.

80. Христос, по Писанию, умер за грехи наши и рабам, добре работающим Ему, дарует свободу, ибо говорит: *добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость господа* <господина> *твоего* (Мф. 25, 21). Но верным раб бывает не тот, который опирается на голом знании (долга рабского), а тот, который показывает верность послушанием Христу, давшему заповеди.

81. Чтущий господина своего творит повеленное им, ошибшись же или преслушав, терпит, как должное ему то, что за это бывает с ним. Будучи любознателен, будь и трудолюбив, ибо одно голое знание надымает человека.

82. Неожиданно случающиеся с нами искушения промыслительно научают нас быть трудолюбивыми (то есть в исполнении заповедей).

83. Принадлежность звезды — свет, что около ее; а благочестивого и богобоязненного принадлежность — нищета и смирение, поелику не другому чему положено быть распознательным и показательным признаком учеников Христовых, как смиренному

мудрованию и уничиженному виду. Об этом громогласно проповедуют четыре Евангелия. Кто же не так, то есть не смиренно, живет, тот лишается части Того, Кто смирил Себя до креста и смерти и Кто есть деятельный Законодатель божественных Евангелий (делом и жизнию, изображенными в Евангелиях, показавший обязательные для нас заповеди).

84. *Жаждущии, идите на воду*, говорит Пророк (Ис. 55, 1); жаждущие Бога, ходите в чистоте ума и сердца. Впрочем, высоко чрез нее парящему должно обращать взор и на землю своего нищенства. Никого нет выше смиренного. Как там, где нет света, все темно и мрачно, так и когда нет смиренномудрия, все наши тщаливые по Богу труды — суетны и бесплодны.

85. *Конец же слова, все слушай: бойся Бога и заповеди Его храни* (Еккл. 12, 13), и мысленно и чувственно. Если мысленно будешь принуждать себя соблюдать их, то редко будешь иметь нужду в чувственных ради их трудах. Давид говорит: *восхотел я волю Твою и закон Твой сотворить посреде чрева моего* (Пс. 39, 9).

86. Если не сотворит человек воли Божией и закона Его посреде чрева, то

есть посреде сердца, то и вне не может он удобно исполнить их.

87. Как чувственная соль услаждает хлеб и всякую пищу, охраняет мясо от гниения и сберегает в целости надолго, так разумей и об умном хранении мысленной сладости и дивного (в сердце) делания. Ибо и оно божественно услаждает и внутреннего, и внешнего человека, прогоняет зловоние худых помыслов и сохраняет нас постоянными в добре.

88. От прилога — множество помыслов, а от этих — худое дело чувственное. Тотчас погашающий со Иисусом первое — избег и последующего. И обогатится он сладостным боговедением, в коем всюду присущим будет зреть Бога и, противопоставив Ему зеркало ума, просвещаться Им, подобно чистому стеклу, поставленному против чувственного солнца. Тогда наконец ум, достигнув последнего предела своих желаний, почиет от всякого другого в себе созерцания.

89. Поелику всякий помысл входит в сердце чрез воображение чего-либо чувственного (чувственное же мешает умному), то блаженный свет Божества тогда уже начинает осиявать ум, когда он упразднится от всего и сделается совершенно безвид-

ным (никакого вида и образа не представляющим). Ибо светлость оная проявляется в чистом уже уме, под условием оскудения всяких помышлений.

90. Насколько бдительно внемлешь уму, настолько с теплым желанием будешь молиться Иисусу; и опять, насколько небрежно надзираешь за умом, настолько отдалишься и от Иисуса. И как первое сильно освещает воздух ума, так последнее — уклонение от трезвения и сладостного призывания Иисуса — обыкновенно совсем омрачает его. Естественно быть сему делу так, как мы сказали, и иначе оно не бывает. Это узнаешь ты из опыта, когда делом испытаешь. Ибо добродетель, и особенно такое светородное сладостное делание, обыкновенно не иначе изучается, как опытом.

91. Непрестанное с теплым некиим желанием, полным сладости и радования, призывание Иисуса производит то, что воздух сердца от крайнего внимания исполняется отрадной тишины. Того же, чтоб сердце совершенно очистилось, виновником бывает Иисус Христос Сын Божий и Бог, всего доброго виновник и Творец. Ибо Он Сам говорит: *Аз Бог творяй мир* (Ис. 45, 7).

92. Душа, будучи благодетельствуема и услаждаема Иисусом, с радованием некиим и любовию воздает благодетелю исповеданием, благодаря и с благоговейным воодушевлением призывая Миротворца своего, ибо внутри себя умно видит, как Он разгоняет мечтания злых духов.

93. И *воззре*, говорит Давид, умное *око мое на* мысленных *врагов моих, и востающия на мя лукавнующия услышит ухо мое* (Пс. 91, 12). *И воздаяние грешников* зрел я от Бога во мне совершающимся (Пс. 90, 8). Когда нет никаких мечтаний в сердце, тогда ум стоит в естественном своем чине, готов будучи подвигнуться на всякое сладостное созерцание, духовное и боголюбивое.

94. Таким образом, как я сказал, трезвение и молитва Иисусова взаимно входят в состав друг друга, — крайнее внимание в состав непрестанной молитвы, а молитва опять в состав крайнего в уме трезвения и внимания.

95. Добрый педагог и телу и душе есть непрерывающаяся память о смерти, и то, чтоб, минуя все посреде сущее (то есть между настоящею минутою и часом смерти), ее всегда провидеть (пред собою зреть), и

тот самый одр, на котором имеет лежать бездушное тело наше, и прочее.

96. Кто хочет, братие, всегда пребывать неуязвленным, тому нельзя предаваться сну. Ибо одно из двух необходимо — или пасть и погибнуть, обнажившись от добродетелей, или всегда стоять (на страже), вооружившись в уме, так как и враг с своим ополчением всегда стоит (подстерегая).

97. Рождается божественное некое в уме состояние от непрестанного памятования и призывания Господа нашего Иисуса Христа, если не будем нерадеть о всегдашнем к Нему во уме молении, о непрерывном трезвении и об одном настоятельно необходимом деле. И воистину одно, и одинаковым образом совершаемое, всегда должны иметь мы дело — призывания Иисуса Христа Господа нашего, с горением сердца взывая к Нему, да даст Он нам причаститься и вкусить святого имени Его (чтоб оно в сердце внедрилось). Ибо учащение (частое повторение одного и того же) есть мать навыка, как в отношении к добродетели, так и в отношении к пороку; а навык потом властвует уже, как природа. Пришедши в такое состояние, ум сам уже ищет своих супостатов, как звероловный пес зайца в кустах; но сей ищет для

того, чтоб пожрать, а тот, чтоб поразить и разогнать.

98. Итак, всякий раз, как случится умножиться в нас лукавым помыслам, ввергнем в среду их призывание Господа нашего Иисуса Христа; и тотчас увидим, что они начнут рассеиваться, как дым в воздухе, как научил нас опыт. Когда после сего ум останется один (без помыслов смущающих), возьмемся опять за непрерывное внимание и призывание. Так будем поступать всякий раз, как потерпим такое искушение.

99. Как невозможно нагому телом выйти на войну, или переплыть большое море в одеждах, или жить не дыша, так невозможно без смирения и непрестанного моления ко Христу научиться мысленной и сокровенной брани, и искусно прогонять ее и пресекать.

100. Опытнейший в делах великий Давид говорит ко Господу: *державу мою к Тебе сохраню* (Пс. 58, 10) (к Тебе обращаясь): так что сохранение в нас державы сердечного и мысленного безмолвия, от которого рождаются все добродетели, зависит от содействия Господа, давшего нам заповеди и отгоняющего от нас, когда непрестанно призываем Его, непотребное забвение, которое

паче всего губит сердечное безмолвие, как вода огонь. Посему, монах, не предавайся сну от нерадения на смерть себе (и пагубу); но именем Иисусовым бичуй супостатов, и сие имя сладчайшее, как сказал один мудрый, да прилепится дыханию твоему: и тогда узнаешь ты пользу безмолвия.

101. Когда мы, недостойные, сподобимся со страхом и трепетом причаститься божественных и пречистых тайн Христа Бога и Царя нашего, тогда наиболее покажем трезвения, хранения ума и строгого внимания, да огнь сей божественный, то есть тело Господа нашего Иисуса Христа, потребит грехи наши и наши — малые и большие — скверны. Ибо, входя в нас, оно тотчас прогоняет из сердца лукавых духов злобы и отпущает нам прежде бывшие грехи; и ум наш тогда оставляется свободным от беспокойной докучливости лукавых помыслов. Если после сего, стоя у дверей сердца, будем тщательно сохранять ум свой, то, когда опять будем сподобляться Святых Таин, Божественное тело более и более будет просвещать ум наш и делать его блестящим подобно звезде.

102. Забвение погашает обыкновенно хранение ума, как вода погашает огонь. Но непрестанная молитва Иисусова с не-

ослабным трезвением вконец испаряет его из сердца. Молитва имеет нужду в трезвении, как малая лампадочка в свете свечи (может быть, как лампада в безветрии, чтоб гореть, как свеча).

103. Должно болезненно пещись о сохранении того, что драгоценно; драгоценно же поистине для нас лишь то, что сохраняет нас от всякого зла, как чувственного, так и мысленного. Это есть хранение ума с призыванием Иисуса Христа, — то, чтоб всегда смотреть во глубину сердца и непрестанно безмолвствовать мыслию, даже, скажу так, и от помыслов, кажущихся десными, и стараться быть пусту от всяких вообще помыслов, дабы не утаились под ними тати. Но хотя и болезнуем мы, с терпением пребывая в сердце, впрочем, утешение близко.

104. Сердце, непрестанно хранимое, которому не попускают принимать виды, образы и мечтания темных и лукавых духов, обыкновенно рождает из себя помыслы световидные. Ибо, как угль рождает пламень, так много паче обитающий от святого крещения в сердце нашем Бог воспламеняет ум наш к созерцанию, если находит воздух сердца нашего чистым от ветров злобы и охраняемым стражбою ума.

105. Должно всегда вращать в пространстве сердца нашего имя Иисус-Христово, как молния вращается в воздушном пространстве, пред тем как быть дождю. Это хорошо знают имеющие духовную опытность во внутренней брани. Брань эту мысленную надо вести так же, как ведут войну обыкновенную. Первое дело — внимание; потом, когда заметим, что подошел вражий помысл, бросим на него с гневом слова клятвы из сердца; третье затем дело — помолиться на него, обращая сердце к призыванию Иисуса Христа, да рассеется этот демонский призрак тотчас, чтоб иначе ум не пошел вслед этого мечтания, как дитя, прельщаемое каким-либо искусным фокусником.

106. Потрудим себя в молитве, чтобы, подобно Давиду, могли мы взывать: Господи Иисусе Христе! Пусть измолчет (охрипнет, голос потеряет) гортань наша, умные же очи да не престанут *от еже уповати нам на Господа Бога нашего* (Пс. 68, 4).

107. Помня всегда притчу о неправедном судии, которую изрек Господь в научение нас, что должно всегда молиться и не унывать (и действуя по ней), — и прибыль получим, и отмщение.

108. Как невозможно, чтоб у того, кто взирает на солнце, не блистали сильно зрачки, так невозможно не светиться и тому, кто всегда приникает в воздух сердца.

109. Как невозможно жить настоящею жизнию без пищи и пития, так без хранения ума и чистоты сердца, — что есть и называется трезвение, — невозможно душе достигнуть чего-либо духовного и Богу угодного или избавиться от мысленного греха, хотя бы кто страхом мук и нудил себя не грешить (делом).

110. Впрочем, и те, которые нуждением некиим воздерживают себя от греха делом, блаженны пред Богом, Ангелами и человеками, потому что они суть *нуждницы, восхищающие Царствие Небесное* (Мф. 11, 12).

111. Вот дивный плод для ума от безмолвия, — что в нем грехи, стучащиеся сначала в ум только помыслами, чтоб, если будут приняты мыслию, сделаться потом грубыми чувственными грехами, все отсекаются мысленною во внутреннем нашем человеке добродетелию трезвения, которая не позволяет им входить внутрь и исходить в злые дела, мановением и заступлением Господа нашего Иисуса Христа.

112. Образ внешних, чувственно-телесных подвигов есть Ветхий Завет, а Святое Евангелие, которое есть Новый Завет, есть образ внимания, или чистоты сердечной. И как Ветхий Завет не доводил до совершенства, не удовлетворял и не удостоверял внутреннего человека в деле богоугождения: *ничтоже бо*, говорит Апостол, *совершил есть закон* (Евр. 7, 19), а только грубые преграждал грехи (отсекать от сердца помыслы и пожелания порочные для сохранения сердечной чистоты, что есть евангельская заповедь, выше, чем, например, запрещение исторгать око или зуб у ближнего): так разумей и о телесной праведности и телесных подвигах, о посте, говорю, и воздержании, долулежании, стоянии, бдении и прочих, кои подъемлются обыкновенно относительно тела, и страстную часть тела успокаивают от греховных движений. Хорошо, конечно, и это все, как сказано и о Ветхом Завете (что добр закон), потому что служит к обучению (пестунство есть) нашего внешнего человека и к охранению от страстных дел. Но подвиги эти не суть охранители и от грехов мысленных, или возбранители их, то есть не сильны избавить нас от зависти, гнева и прочего.

113. А чистота сердца, то есть блюдение и охранение ума, коего образом служит Новый Завет, если соблюдается нами как должно, все страсти и всякое зло отсекает от сердца и искореняет из него, и вместо того вводит в него радость, благонадежие, сокрушение, плач, слезы, познание самих себя и грехов своих, памятование смерти, истинное смирение, безмерную любовь к Богу и людям и Божественное некое сердечное услаждение.

114. Как ходящему по земле невозможно не рассекать этого воздуха, так невозможно сердцу человеческому не быть непрестанно бориму от демонов или не подлежать скрытным от них воздействиям, хотя бы кто и строго проходил телесные подвиги.

115. Если хочешь не по видимости только быть монахом, благим, кротким и с Богом всегда соединенным, но и по истине быть таковым желаешь о Господе, то всеусильно старайся проходить добродетель внимания, которая состоит в блюдении и хранении ума, и в установлении сладостного сердечного безмолвия, и свободного от мечтаний блаженного состояния души: дело, которое не во многих найдешь.

116. Она-то именуется мысленным любомудрием. И проходи ее в великом трезвении и теплом усердии с молитвою Иисусовою, со смирением и непрерывностию, с молчанием чувственных и мысленных уст, с воздержанием в ястии и питии и удалением от всего греховного; проходи ее на пути мысленном искусно с рассуждением, — и она с Божиею помощию раскроет тебе то, чего не воображал, даст тебе знать, просветит, умудрит и научит тому, что и на ум прийти тебе не могло, когда ходил ты во тьме страстей и темных дел, будучи погружен в бездну забвения и смятения помыслов.

117. Как долины обильно плодят пшеницу, так она обильно наплодит в сердце твоем всякое добро; или, лучше, сие подаст тебе Сам Господь наш Иисус Христос, без Которого мы ничего творить не можем. И сначала ты найдешь ее <добродетель внимания> лествицею, потом книгою, в коей будешь читать, наконец более и более преуспевая, найдешь ее градом, Иерусалимом небесным, и Христа Израилева, Царя сил, действительно узришь умом, со единосущным Его Отцом и поклоняемым Духом Святым.

118. Бесы вводят нас в грех всегда лживым мечтанием. Так мечтанием обога-

щения и корысти настроили они несчастного Иуду предать Господа и Бога всяческих. Ведя к этому, они осаждали его мечтами о телесном упокоении, ничтожном по себе, о чести, богатстве, славе, а после вовлекли его в самоубийство удавлением и вечной подвергли его смерти. Коварные, они воздали ему совершенно противное тому, что представляли ему в мечтании, или прилоге своем.

**119.** Смотри, как лживым мечтанием и пустыми обещаниями низвергают нас враги нашего спасения. И сам сатана таким же образом спал с небесных высот, как молния, возмечтав о равенстве Богу. Так потом он Адама отдалил от Бога, внушив ему мечту о божеском (некоем достоинстве), так и всех согрешающих обыкновенно прельщает этот лживый и коварный враг.

**120.** Горечию от яда худых помыслов исполняется сердце наше, когда, вознерадев по причине забвения, надолго отводимы бываем от внимания и молитвы Иисусовой. Но когда по любви к божественному, с крепким усердием, стройно начнем в нашем детелище мысленном (в мастерской мысленной, в сердце) совершать вышереченное (то есть внимание и молитву), оно опять исполняется сладости, в чувстве услаждения бла-

женным некиим радованием. Тогда-то твердые полагаем мы намерения всегда ходить в безмолвии сердечном, и не ради чего другого, а ради ощущаемой от него в душе приятной сладости и отрадности.

121. Наука наук и искусство искусств есть умение управляться с злотворными помыслами. Самый лучший против них прием и самое надежное перехитрение их состоит в том, чтобы в Господе смотреть за появлением прилога их и мысль всегда хранить чистою, как храним око телесное, им же самим острозорко осматривая, чтоб не приблизилось к нему что-либо могущее повредить его, и всячески стараясь не допускать до него даже малой порошинки.

122. Как снег не породит пламени, вода не родит огня, терн — смокв, так сердце каждого человека не освободится от бесовских помыслов, слов и дел, если не очистит своего внутреннего, не сочетает трезвения с молитвою Иисусовою, не стяжет смирения и душевного безмолвия и не будет со всем усердием тещи, поспешая в предняя. Душа, себе не внимающая, неизбежно бывает бесплодна на благие и непорочные помышления, подобно бесплодному мулу, потому что и в ней нет разумения духовной муд-

рости. Воистину призывание имени Иисусова и упразднение страстных помыслов есть сладостное дело, водворяющее мир душевный.

123. Когда душа зле входит с телом в соглашение, тогда они созидают град тщеславия и столп гордости, и обитающие в них нечестивые помыслы. Но Господь страхом геенны производит в них смятение и разделяет их, понуждая госпожу душу мудрствовать и говорить чуждое и противное телу. От сего страха и разделение происходит: *зане мудрование плотское вражда на Бога есть: закону бо Божию не покаряется* (Рим. 8, 7).

124. Каждодневные дела наши надобно ежечасно взвешивать, внимая им, а вечером необходимо облегчать тяжесть их покаянием, сколько сил есть, если желаешь, с помощию Христовою, препобедить в себе зло. Надобно также смотреть, по Богу ли, пред лицем ли Бога и для единого ли Бога совершаем мы все свои чувственные и видимые дела, чтоб иначе по неразумию не быть окраденными какими-либо недобрыми чувствами.

125. Если мы с помощию Божиею каждый день приобретаем что-нибудь чрез

наше трезвение, то не следует нам без разбора вступать в сношения с другими, чтоб не понесть ущерба от каких-либо соблазнительных бесед; но паче надобно презирать все суетное за красоту и благотворность этой добродетели (трезвения), прелюбезной и пресладкой.

126. Трем силам души мы должны давать движение правильное, сообразное с их естеством и согласное с намерением Создавшего их — Бога. Именно: силу раздражительную надо подвизать против внешнего нашего человека и против змия — сатаны. *Гневайтеся*, сказано, *и не согрешайте* (Пс. 4, 5). Это значит, гневайтеся на грех, то есть гневайтесь на самих себя и на диавола, чтоб не согрешить против Бога. Силу желательную надо устремлять к Богу и добродетели, а мыслительную поставим повелительницею над ними обеими, чтоб, с мудростию и благоразумием, упорядочивала их, вразумляла, обличала и начальствовала над ними, как царь начальствует над рабами. И тогда сущий в нас разум по Богу управляет ими (то есть когда господствует над ними). Хотя страсти и восстают на разум, но мы не перестанем настаивать, чтоб разум пребывал управителем их. Ибо брат Господень гово-

рит: *аще кто в слове* [ἐν λόγῳ — в слове и в разуме, (разумом)] *не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати и все тело* (Иак. 3, 2). Истинно говоря, всякое беззаконие и грех сими тремя силами делается, и всякая добродетель и правда опять этими же тремя силами совершается.

127. Ум омрачается и становится бесплодным, когда монах или поговорит с кем о мирских вещах, или мысленно сам в себе поразглагольствует о них, или когда у него тело и с умом осуеченно займется чем-либо чувственным, или когда он вообще предается суетливости. Ибо в таком случае тотчас непосредственно за тем теряет он теплоту, сокрушение, дерзновение к Богу, и ведение (сознание порядка Божия и память о Боге; впадает в забвение о Боге и о порядках Божиих): так что, поколику внимаем мы уму, потолику просвещаемся и, поколику не внимаем ему, потолику омрачаемся.

128. Кто неослабно стремится к покою и безмолвию ума и усердно ищет его, тот легко презрит все чувственное, дабы не напрасно трудиться. Если же он какими-либо ложными мудрованиями обманет свою совесть (что не беда быть прилеплену к чему-либо чувственному), то уснет горькою смер-

тию забвения, об избавлении от которой молится божественный Давид: *да не когда усну в смерть* (Пс. 12, 4). И Апостол говорит: *ведущему добро творити и не творящему, грех ему есть* (Иак. 4, 17).

**129.** Приходит же ум из нерадения опять в свойственный ему чин и трезвение, если тотчас возгоримся ревностию и теплым усердием опять восстановим обычную практику ума (трезвенствующего).

**130.** Мельничный осел не может перегнать круга, на котором привязан (шагает, а все на одном месте): и ум не подвинется вперед в ведущей к совершенству добродетели (трезвения), если не упорядочит своего внутреннего. Слепотствует всегда внутренними очами, кто не может видеть сей добродетели (трезвения) и светозарного Иисуса.

**131.** Конь добрый и сильный весело скачет, приняв седока: ум же веселием возвеселится во свете Господнем, *заутра представая* Ему свободным от всяких помышлений (Пс. 5, 4); сам себя разгорячая, *пойдет* он *от силы* деятельного любомудрия ума, в дивную *силу* созерцания и таин неизреченных и добродетелей; а когда воспримет наконец в сердце свое безмерную глубину возвышенных божественных созер-

цаний, тогда *явится ему Бог богов*, сколько вместимо это для сердца (Пс. 83, 8). Пораженный сим ум любовно лелеет тогда в восхвалениях Бога, зримого и зрящего, и ради того и другого спасающего того, кто так устремляет на Него умственный взор свой.

132. Высокую глубину узрит разумно держимое безмолвие сердечное; и дивное услышит от Бога ухо безмолвствующего ума.

133. Путник, начав совершать путешествие далекое, неудобопроходимое и трудное и опасаясь на возвратном пути заблудиться, ставит по дороге знаки, как путеуказатели, которые помогли бы ему удобно возвратиться восвояси: а муж, шествующий путем трезвения, пусть ставит (в качестве примет) словеса (слышанные от отцов), опасаясь и себе того же самого (то есть заблудиться в пути или попятиться назад).

134. Но для путника возвращение туда, откуда вышел, есть причина радости, а для трезвенника возвращение назад есть пагуба разумной души и знак отступничества от богоугодных дел, слов и помышлений. И будет он, во время смертоносного сна душевного, иметь помыслы, которые, подобно остнам*,

* *Остен* (церк.-слав.) — игла, жало, острие. — *Ред.*

будут будить его (от усыпления), напоминая, в какое глубокое помрачение и расслабление ниспал он, по причине вознерадения своего.

135. Впадши в прискорбности и в крайности безвыходные, из которых выпутаться нет надежды, надобно нам и себе то же делать, что делал Давид: *изливать* сердце свое и *моление свое* пред Богом и *печаль* свою, как есть, *возвещать* Господу (Пс. 141, 3). Ибо мы исповедуемся Богу, яко могущему премудро устроить все, нас касающееся, — и беду нашу, если полезно, сделать легкою (удобоносною и удобоисходною), и избавить нас от пагубной и разрушительной печали.

136. Гнев на людей, не по естеству движимый, печаль не по Богу и уныние — все равно гибельны для добрых и разумных помыслов; но Господь, расточая их нашего ради исповедания, водворяет радость.

137. Помыслы, против воли нашей появляющиеся и стоящие в сердце, обыкновенно изглаждает молитва Иисусова с трезвением, из глубин помышления сердечного.

138. Облегчение и радость в скорби от множества бессловесных помыслов обретем мы, как только укорим себя истинно и беспристрастно, — или возвестим все Госпо-

ду, будто человеку. Всячески этими двумя (приемами) можем мы находить успокоение от всего (смущающего).

**139.** В образ ума принимается отцами законоположник Моисей, который Бога видит в купине, лицом прославляется и богом Фараону от Бога богов поставляется; потом казнями поражает Египет, изводит Израиля и дает закон. Все сие, будучи взято в переносном смысле в отношении к духу, изображает действия и преимущества ума.

**140.** А образом внешнего человека служит Аарон, брат законодателя. И так, с гневом взводя на него (внешнего человека) обвинения, будем говорить ему и мы, как Моисей погрешившему Аарону: чем онеправдовал тебя Израиль, что ты потщился сделать его отступником от Господа Бога живого Вседержителя? (Исх. 32, 21).

**141.** В числе других многих добрых примеров Господь, приступая к воскрешению Лазаря из мертвых (тем, что *запрети духу* <Ин. 11, 33>), показал и тот, что нам надобно строгим запрещением обуздывать душу, когда она женоподобно вдается в расслабленную чувствительность, и вообще стараться установить в себе жестокий (к себе) нрав, который, говорю о самоукорении, уме-

ет избавлять душу от самоугодия, тщеславия и гордости.

142. Как без большого корабля нельзя переплыть морской пучины, так без призывания Иисуса Христа невозможно изгнать прилога помысла лукавого.

143. Прекословие обыкновенно преграждает дальнейший ход помыслам, а призывание (имени Иисус-Христова) изгоняет их из сердца. Как только образуется в душе прилог представлением чувственного какого-либо предмета, как то: оскорбившего нас человека, или женской красоты, или сребра и злата, или когда все это одно за другим побывает в мысли нашей, — тогда само собою явным становится, что сердце наше готово исполнить помыслы или злопамятства, или блуда, или сребролюбия. Итак, если ум наш опытен и обучен, так что умеет блюсти себя (от приражений) и ясно как днем видеть обольстительные мечтания и прелести лукавых, то тотчас отпором чрез прекословие и молитвою Иисус-Христовою легко угашает разжженные стрелы диавола, не позволяя себе устремляться вслед за мечтанием, как только оно появится, ни помыслам нашим сочувственно согласоваться с призраком прилога, или дружелюбно беседовать с ним,

или сосложиться с ним в шуме многомыслия (за чем с некоторою необходимостию, как ночи за днями, следуют худые дела).

144. Если ж ум наш не опытен в деле острозоркого трезвения, то тотчас сцепляется пристрастно с представившимся ему прилогом, какой бы он ни был, и начинает с ним собеседовать, получая неподобные вопросы и давая такие же ответы. Тогда наши помыслы перемешиваются с демонскими мечтаниями, которые вследствие того еще более распложаются и размножаются, чтоб показаться прельщаемому и окрадываемому уму более любезными, красивыми и привлекательными. В этом положении дела в уме нашем совершается нечто подобное тому, как если бы на какой-либо равнине, где пасутся незлобивые агнцы, появился пес, и агнцы, как только он появился, подбегали бы к нему часто, как к матери своей, никакой от приближения к нему не получая пользы, кроме разве заимствуя от него нечистоту и зловоние. Таким же точно образом и наши помыслы подбегают неразумно ко всем бесовским в уме мечтаниям и, как я сказал, перемешиваются с ними, так что можно положить, что те и другие вместе совещаются между собою, как некогда Агамемнон и Менелай со-

вещались о том, как бы низвратить Илиуполь: потому что и они тоже совещаются, что бы такое следовало устроить, чтобы привесть в дело посредством тела то, что так красным и сладким показалось им под действием бесовского обольщения. Так-то устрояются наконец внутри падения души; после чего, будто по необходимости какой, износится уже и вовне то, что созрело там — внутри сердца.

145. Ум наш есть нечто легкодвижное и незлобивое, легко отдающееся мечтам и неудержимо падкое на помыслы греховные, если не имеет в себе такого помысла, который, как самодержец над страстьми, удерживал бы его непрестанно и обуздывал.

146. Созерцание и ведение обыкновенно бывают путеводителями и виновниками совершеннейшей жизни чрез то, что сердце, ими восхищенное горé, исполняется презрением к земным удовольствиям и ко всякой чувственной житейской сласти, как к вещам ничтожным.

147. Жизнь внимательная, во Христе Иисусе совершаемая, бывает отцом созерцания и ведения и родителем божественных восхождений и мудрейших помышлений, сочетавшись с супругою — смирением, как

говорит божественный пророк Исаия: *терпящии Господа изменят крепость, окрылатеют* и воспарят о Господе (Ис. 40, 31).

**148.** Слишком строгим и тяжким кажется людям — душевно безмолвствовать от всякого помысла. И воистину это претрудно и преболезненно, ибо не одним только непосвященным в тайны духовной брани до боли тяжело бестелесное заключать и удерживать в телесном доме, но и тем, которые искусились во внутренней невещественной брани. Но кто непрестанною молитвою содержит в персех Иисуса, тот, по Пророку, *не утрудится, последуя Ему, и дне человека не пожелает* (Иер. 17, 16), ради красоты, приятности и сладости Иисуса, и врагов своих — нечистых демонов, ходящих вокруг его, не постыдится, но возглаголет к ним во вратах сердца (Пс. 126, 5) и вспять прогонит их Иисусом.

**149.** Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов своих, имея за себя с собою Христа; но и тогда, как ныне, дерзновенно возглаголет к ним во *вратех*. Только до самого исхода своего да не скучает она день и ночь взывать к Господу Иисусу Христу, Сыну Божию; и Он сотворит отмщение

ее вскоре, по неложному Божественному обетованию, которое изрек Он в притче о неправедном судии: *ей, глаголю вам, сотворит отмщение вскоре* (Лк. 18, 8), — и в настоящей жизни, и по исходе ее из тела.

**150.** Плывя по мысленному морю, держай о Иисусе, ибо Он Сам внутри тебя — в сердце твоем, таинственно взывает к тебе: не бойся, отрок мой, малейший Израиль, не бойся, червь Израиль, Я защищаю тебя (Ис. 41, 14). Если убо Бог по нас, какой лукавый против нас? По нас Бог, Который ублажил чистых сердцем и положил закон, по которому сладчайший Иисус, единый чистый, хощет божественно наитствовать чистые сердца и обитать в них. Не престанем же, по божественному Павлу, *обучать* ум свой *ко благочестию* (1 Тим. 4, 7).

**151.** Насладится, по Давиду, множеством мира (Пс. 36, 11) тот, кто не приемлет лица человеческого, судя неправду в сердце своем, то есть кто не приемлет образом лукавых духов и чрез сии образы не умышляет греха, но, строго судя и судоговоря на земле сердца своего, воздает греху должное. Великие и мудрые отцы, в некоторых писаниях своих, и демонов называют человеками по причине их разумности. Так в

Евангелии Господь говорит: злой человек сие сотвори, то есть всеял среди пшеницы и плевелы (разумея диавола; ибо потом сказал: *всеявый есть диавол* <Мф. 13, 39>). Поелику мы не тотчас оказываем прекословие этим делателям зла, то сего ради и преодолеваемы бываем помыслами.

152. Если, начав жительствовать во внимании ума, с трезвением сочетаем смирение и с прекословием совокупим молитву, то будем добре шествовать мысленным путем, как со светильником света, с поклоняемым и святым именем Иисуса Христа, как выметая и очищая от греха, так и украшая и убирая дом сердца своего. Если же на одно свое трезвение или внимание понадеемся, то скоро, подвергшись нападению врагов, падем, быв низринуты. И начнут тогда во всем одолевать нас эти коварнейшие злокозненники, а мы начнем больше и больше опутываться злыми пожеланиями, как сетями, или и совершенному закланию удобно подвергнемся от них, не имея в себе победоносного меча — имени Иисус-Христова. Ибо только сей священный меч, будучи непрестанно вращаем в упраздненном от всякого образа сердце, умеет обращать их вспять и посекать, опалять и поядать, как огнь солому.

153. Дело непрестанного трезвения, душеполезное и многоплодное, есть — тотчас усматривать образующиеся в уме мечтательные помыслы. Дело прекословия — обличать и выставлять на позор помысл, покушающийся войти в воздух ума нашего посредством представления какого-либо чувственного предмета. То же, что тотчас погашает и рассеивает всякое умышление сопротивоборцев, всякое слово, всякую мечту, всякого идола и всякий столп злобы, есть призывание Господа. И мы сами видим в уме, как мощно поражает их Иисус, великий Бог наш, и как защищает нас, смиренных, бедных и ни к чему не годных.

154. Что помыслы наши не что иное суть, как одни мечтательные образы вещей чувственных и мирских, этого многие не знают. Когда же мы побудем трезвенны в молитве, то молитва освобождает наш ум от всякого вещественного образа лукавых помыслов и дает ему познать словеса супостатов (или пароль, или планы замышляемых ими нападений) и ощутить великую пользу молитвы и трезвения. *Обаче очима твоима смотриши и воздаяние грешников* (мысленных, мысленно и сам) *узриши*... и уразу-

меешь (Пс. 90, 8), как говорит божественный псалмопевец Давид.

155. Будем, если можно, непрестанно памятовать о смерти, ибо от этого памятования рождается в нас отложение всех забот и сует, хранение ума и непрестанная молитва, беспристрастие к телу и омерзение ко греху, и почти, если сказать правду, всякая добродетель, живая и деятельная, из него проистекает. Посему да будет, если возможно, это дело у нас в движении столь же непрерывно, как наше дыхание.

156. Сердце, совершенно отчуждившееся от мечтаний, рождает помышления божественные и таинственные, играющие внутри его, как играют рыбы и скачут дельфины в спокойном море. Море навевается тонким ветром, и бездна сердца — Духом Святым. *И понеже есте сынове*, говорит Апостол, *посла Бог Духа Сына Своего в сердца ваша, вопиюща: Авва Отче!* (Гал. 4, 6).

157. Усумнится и поколеблется всякий монах взяться за духовное делание, если прежде не установил трезвения ума, — потому ли, что не познал еще красоты его, или потому, что, познавши, немощен в нем по нерадению. Но это колебание несомненно рас-

сеется, коль скоро он вступит в делание хранения ума, которое есть и именуется мысленным любомудрием, или деятельным любомудрием ума. Чрез это он обретет путь, о коем сказал Господь: *Аз есмь путь, истина и живот* (Ин. 14, 6).

**158.** Опять восколеблется он, видя бездну помыслов и толпу младенцев вавилонских: но и это колебание рассеивает Христос, если основанием ума непрестанно на Нем утверждаемся и младенцев вавилонских отбрасываем, разбивая о камень сей (Пс. 136, 9). *Без Мене бо*, говорит Господь, *не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

**159.** Тот подлинно есть истинный монах, кто держит трезвение, и тот есть истинный трезвенник, кто в сердце монах (у кого в сердце только и есть, что он да Бог).

**160.** Жизнь человеческая подвигается вперед с чередованием годов, месяцев, недель, дней и ночей, часов и минут. Вместе с ними надлежало бы и нам подвигать вперед (к совершенству) добродетельные делания, разумею трезвение, молитву, сладость сердечную, при неослабном безмолвии до самого исхода нашего.

**161.** Найдет наконец и на нас час смертный, придет, и избежать его нельзя;

и — о, если бы князь мира и воздуха, пришедши тогда, нашел наши беззакония малыми и ничтожными, чтоб не мог справедливо обличить нас! Иначе восплачемся тогда, хотя бесполезно. Ибо *раб*, как говорит Господь, *ведевый волю господина своего, и не сотворив, биен будет много* (Лк. 12, 47).

162. Горе погубившим сердце! И что сотворят они, когда посетит Господь? (Сир. 2, 14). — Возьмемся же, братие, поревностнее за дело сердца.

163. За простыми и бесстрастными помыслами следуют страстные, как узнали мы из долговременного опыта и наблюдения; и первые служат входом для последних, бесстрастные для страстных.

164. Воистину должно человеку надвое рассечь себя произволением, надобно раздрать ему себя мудрейшим помышлением, истинно подобает ему стать врагом самому себе непримиримым. Какое кто имеет расположение к человеку, крайне его оскорбившему и обидевшему, такое же, или еще худшее, должны и мы иметь к себе, если хотим исполнить величайшую и первейшую заповедь, то есть блаженное смирение, которое есть Христово житие, воплощенная жизнь Бога. Посему Апостол говорит: *кто мя избавит*

*от тела смерти сея?* (Рим. 7, 24). *Закону бо Божию не покаряется* (Рим. 8, 7). Показывая же, что покорять тело под волю Божию есть одно из лежащих на нас дел, сказал: *аще быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были. Судими же, от Господа наказуемся* (1 Кор. 11, 31—32).

**165.** Начало плодоносия — цвет; а начало трезвения ума — воздержание в пище и питии, отвержение и отсечение всяких помыслов и сердечное безмолвие.

**166.** Когда, возмогая о Христе Иисусе, начнем мы тещи в трезвении, твердо установившемся, тогда сперва является нам в уме как бы светильник какой, держимый нами рукою ума и руководящий нас на стези мысленные, — потом как бы луна светлая, вращающаяся на тверди сердечной, — наконец, как бы солнце — Иисус, подобно солнцу сияющий правдою, являющий Себя Самого и Свои всесветлые светы созерцаний.

**167.** Вот что таинственно открывает Иисус уму, терпеливо хранящему заповедь Его, которая говорит: *обрежите жестокосердие ваше* (Втор. 10, 16). Да, дивным истинам научает человека тщательное трезвение. — Божество не лицеприемно. Почему Господь говорит: *слышите Мене и уразу-*

*мейте, иже бо имать, дастся ему и преизбудет: а иже не имать, и еже мнится имети, возмется от него* (Мф. 13, 12); и еще: *любящим Бога вся споспешествуют во благое* (Рим. 8, 28). Не тем ли паче будут к этому споспешествовать им добродетели?

**168.** Не двинется вперед корабль без воды: не преуспеет нисколько и хранение ума без трезвения со смирением и всегдашнею молитвою Иисус-Христовою.

**169.** Основание дома — камни; а сей добродетели (хранения ума) и основание и верх — святое и поклоняемое имя Господа нашего Иисуса Христа. Скоро и легко потерпит кораблекрушение во время бури неразумный кормчий, который корабельщиков распустит, весла и паруса бросит в море, а сам заляжет спать; но еще скорее потоплена будет бесами душа, которая при начинающихся прилогах вознерадит о трезвении и о призывании имени Иисус-Христова.

**170.** Что знаем, то передаем чрез Писание, и что видели, проходя путем, о том свидетельствуем желающим, — если хотите принять сказываемое вам. Сам Господь сказал: *аще кто не пребудет во Мне, извержется вон, яко розга, и изсышет: и*

*собирают ю и во огнь влагают, и сгарает. А иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног* (Ин. 15, 6, 5). Как невозможно солнцу сиять без света, так невозможно сердцу очиститься от скверны пагубных помыслов без призывания имени Иисусова. Если это истинно, как вижу, будем употреблять Его как собственное дыхание. Ибо оно (имя Иисус-Христово) — свет, а те (помыслы скверные) — тьма: и Он (призываемый) есть Бог и Владыка, а те — слуги демонские.

**171.** Хранению ума свойственно по достоинству именоваться светородным, и молниеродным, и светоиспущательным, и огненосным. Ибо, истинно сказать, оно одно превосходнее самых великих телесных добродетелей, сколько бы их ни имел кто. Сего-то ради и надлежит называть сию добродетель самыми почетными именами, ради рождающихся из нее светозарных светов. Возлюбившие ее, из грешников непотребных, скверных, невежд, несмысленных, неправедных, делаются силою Иисус-Христовою праведными, благопотребными, чистыми, святыми и разумными; и не только это, но и начинают созерцать таинства и богословствовать. Содеявшись же созерцателями, они

преселяются к оному пречистому беспредельному Свету, прикасаются к Нему неизреченными прикосновениями, с Ним живут и действуют, поелику вкусили, *яко благ Господь*; так что на этих первоангелах явно исполняется слово божественного Давида: *обаче праведнии исповедятся имени Твоему, и вселятся правии с лицем Твоим* (Пс. 139, 14). И действительно, они только одни истинно и призывают Бога, и исповедуются Ему, с Которым и беседовать всегда любят, любя Его.

172. Горе внутреннему от внешнего, ибо внутренний человек много терпит от внешних чувств. Но, потерпев что-либо, он должен употребить бичи против этих внешних чувств. Исполнивший то, что относится к деятельной стороне жизни, начинает уже уразумевать и то, что относится к стороне ее созерцательной.

173. Если внутренний наш человек трезвится, то, по словам отцов, он силен сохранить и внешнего. По их же словам, мы и злодеи демоны, обои сообща совершаем грехи: те в помыслах или мечтательных живописях изображают только пред умом грех, как хотят, а мы и в помыслах — внутри воображаем грех и делом вовне совершаем

его. Демоны, не имея дебелых тел и лишь посредством помыслов устрояя козни и обольщения, и себе и нам уготовляют муку. Но если б эти непотребнейшие не были лишены дебелого тела, то грешили бы непрестанно и делами, всегда содержа в себе злое произволение, готовое нечествовать.

174. Но молитва (сердечная к Господу) единословная разбивает их и рассеивает прелести их. Ибо непрестанно и неленостно призываемый нами Иисус, Бог и Сын Божий, отнюдь не допускает им даже и начать вложение в нас греха, — что называют прилогом, — не допускает ни образ какой-либо показать ему в зеркале мысли, ни проговорить какие-либо слова в сердце. Но если никакой образ не втеснится в сердце, то оно и от помыслов, как сказали мы, будет пусто, потому что демоны обыкновенно чрез помыслы скрытно беседуют и научают ее злу.

175. И так от непрестанной молитвы мысленный в нас воздух чист бывает от мрачных облаков и ветров духов злобы. Когда же воздух сердца чист, то ничто не препятствует уже сиять в нем Божественному свету Иисусову, — если только мы не надымемся тщеславием, самомнением и желанием показности, не понесемся к недосязаемому и

не будем за то лишены помощи Иисусовой, потому что Христос ненавидит все таковое, будучи образцом смирения.

176. Емлемся* убо за молитву и смирение, — сии два оружия, коими совокупно с трезвением, как мечом огненным, ополчаются мысленные воители против демонов. Если так будем вести жизнь свою, то каждый день и час можем радостный иметь праздник в сердце таинственно.

177. Восемь главнейших помыслов греховных, коими объемлется вся область таких помыслов и от коих все они имеют свое рождение, — все подходят к дверям сердца и, нашедши ум не охраняемым, один за другим входят в него, каждый в свое время. Когда какой из этих осьми помыслов, поднявшись к сердцу, войдет в него, то вводит с собою целый рой нечистых помыслов и, омрачив таким образом ум, разжигает тело, влечет его к совершению срамных дел.

178. Но кто блюдет главу змия (прилог) и гневным прекословием, бранчивые подобрав слова, как бы пястию биет в лицо врага, тот тем самым пресекает брань. Ибо, стерши главу, он избег и помыслов порочных, и дел порочнейших. После сего мысль у

* Беремся. — *Ред.*

него пребывает уже неволненною, потому что Бог приемлет его бодрствование над помыслами и в воздаяние за то дарует ему ведение, как надо преодолевать врагов и как надлежит очищать сердце от помыслов, оскверняющих внутреннего человека, как говорит Господь Иисус: *от сердца исходят помышления злая... прелюбодеяния, любодеяния... Сия суть сквернящая человека* (Мф. 15, 19, 20).

**179.** Таким-то образом душа может о Господе стать в своем благообразии, красоте и правости, как в начале создана была Богом, прекрасною и правою, как говорит великий раб Божий Антоний: «когда в душе ум бывает таким, как следует ему быть по естеству, тогда добродетель сама собою устрояется». Он же сказал опять: «быть душе правою есть то же, что иметь ей ум в естественном состоянии, как создан». И немного ниже опять говорит он: «очистим ум, ибо я верую, что, будучи всесторонне очищен и пришедши в естественное свое состояние, может сделаться прозорливым и видеть более и далее демонов, имея в себе дающего откровения Господа». Вот что говорит знаменитый Антоний, как сказывает Афанасий Великий в житии Антония.

180. Всякий помысл воспроизводит в уме образ какого-либо чувственного предмета, ибо ассирианин (враг), будучи сам умною силою, не иначе может прельщать, как пользуясь чем-либо привычным для нас, чувственным.

181. Как невозможно нам, таким человекам, гоняться по воздуху за пернатыми птицами или летать подобно им, потому что это не свойственно нашему естеству, так невозможно нам преодолеть нетелесные демонские помыслы, или напряженно устремлять к Богу око ума нашего, без трезвенной непрестанной молитвы. Если нет в тебе этого, то ты на земле и за земным лишь охотишься.

182. Если истинно хочешь покрыть стыдом помыслы, достодолжно безмолвствовать и без труда трезвенствовать сердцем; да прильпнет к дыханию твоему молитва Иисусова, — и в не много дней увидишь это на деле.

183. Как не следует букв писать на воздухе, а надобно их резцом начертывать на каком-либо теле твердом, чтоб они могли надолго сохраниться, так с притрудным трезвением своим должно нам сочетать молитву Иисусову, дабы прекрасная добродетель

трезвения вместе с Ним была в нас целою и чрез Него вовеки сохранилась в нас неотъемлемою.

184. Возложи, как сказано, на Господа дела свои, и обрящешь благодать, дабы и к нам с тобою не относились слова Пророка: *близ еси Ты, Господи, уст их, далече же от утроб их* (Иер. 12, 2). Никто другой прочно не умиротворит сердца твоего от страстей, кроме Самого Иисуса Христа, сочетавшего в Себе далеко расстоящееся (то есть Божество и человечество).

185. Равно омрачают душу и мысленные внутри беседы с помыслами, и внешние разговоры и празднословие. И так тем, которые стараются отвращать от ума своего все вредное, должно без жалости прогонять и тех и других любителей празднословия, и помыслы и людей, по весьма уважительной по Богу причине, — именно, дабы ум, омрачаясь, не ослаб в трезвении, ибо, будучи омрачаемы забвением (от бесед), мы обыкновенно теряем ум (начинаем и думать и делать незнать что).

186. Кто со всем рачением хранит чистоту сердца, тот наставником в ней будет иметь законоположника Христа, Который таинственно будет изрекать ему волю

Свою. *Услышу, что речет о мне Господь Бог* (Пс. 84, 9), говорит Давид, указывая на это. Изображая же, с одной стороны, воззрение ума на самого себя, в деле мысленной брани, а с другой — Божие заступническое в ней покровительство, он сначала, когда смотрел на врагов, проговорил: *и речет человек: аще есть плод праведнику* (Пс. 57, 12), а потом, изъявляя состоявшееся вследствие строгого обсуждения решение относительно того и другого, прибавил: *убо есть Бог судя им* — злым демонам — *на земли* сердца нашего (Там же). И в другом месте говорит он: *приступит человек, и сердце глубоко. И вознесется Бог*; и тогда *стрелы младенцев* будут для нас *язвы их* (Пс. 63, 7, 8), и будут почитаемы таковыми.

**187.** Будем всегда вести себя, как *наказанные сердцем в мудрости* (Пс. 89, 12), непрестанно дыша Иисус Христом, Бога Отца силою и Божиею премудростию. Если же по какой-либо случайности опустившись, вознерадим о сем умном делании, то в следующее утро опять добре препояшем чресла ума нашего и покрепче возьмемся за дело сие, зная, что нет никакого оправдания нам, *ведущим добро творити*, если не будем творить оного.

**188.** Как вредоносные яства, быв приняты в тело, скоро производят в нем болезненную тревогу, но если вкусивший их, лишь только почувствует вред, поспешит извергнуть их вон посредством известного лекарства, то остается невредимым: так и ум, когда, поглотив принятые им порочные помыслы и почувствовав вредную горечь их, поспешит молитвою Иисусовою, из глубин сердца возглашаемою, поскорее извергнуть их вон и далеко отбросить от себя, то чрез это избежит всякого от них вреда, как по милости Божией научение от других и вместе с ним собственный опыт предали трезвенствующим разуметь предлежащее дело.

**189.** С дыханием твоим трезвенно соедини молитву Иисусову или непрестанное помышление о смерти и смирение: то и другое великую доставляет пользу.

**190.** Господь сказал: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29).

**191.** Сказал еще Господь: *иже смирится, яко отроча сие, той есть болий в Царствии Небеснем* (Мф. 18, 4); *возносяйся же смирится* (Лк. 18, 14). — *От Мене*, говорит, *научитеся*. Видишь ли,

что научение есть смирение. Заповедь Его живот вечный есть; и сия заповедь есть смирение. Следовательно, кто не смирен, тот отпал от живота и, конечно, обрящется там, что противоположно ему.

192. Если всякая добродетель производится душою и телом, душа же и тело, коими, как я сказал, составляется всякая добродетель, суть творение Божие, — то не крайне ли сумасбродствуем мы, когда величаемся и тщеславимся чуждыми украшениями души и тела? И не тем ли это паче, что, опираясь на гордость, как на тростниковую трость, мы восставляем против себя беспредельного величием Бога, таким крайним беззаконием своим и безумием привлекая на главу свою страшнейшее Его неблаговоление, ибо *Господь гордым противится* (Иак. 4, 6)? Вместо того чтобы подражать Господу в смирении, мы своим тщеславным и гордостным мудрованием вступаем в содружество с неистовым врагом Господа, гордым диаволом. Посему-то Апостол говорит: *что имаши, егоже неси приял?* (1 Кор. 4, 7). Разве ты сам себя создал? Если же тело и душу, из которых, в которых и чрез которых всякая добродетель составляется, получил ты от Бога, то *что хвалишися яко не при-*

*емь?* (Там же). Ибо Господь все сие даровал тебе.

**193.** Очищение сердца, ради которого как смирение, так и всякое, свыше сходящее благо имеет в нас место, не что иное есть, как то, чтоб отнюдь не попускать входить в сердце помыслам, приникающим к нему.

**194.** Хранение ума, с Божиею помощию и ради единого Бога действуемое, установившись в душе, доставляет уму мудрость в ведении подвигов по Богу; не малою также причастника своего снабжает оно способностию к тому, чтобы по Богу также устроять и внешние дела и слова, с рассуждением безукоризненным.

**195.** Отличительное в Ветхом Завете первосвященническое украшение (чистая златая дщица на груди, с надписью — святыня Господня, Исх. 28, 36) было прообразованием сердечной чистоты, которое внушает нам внимать дщице сердца нашего, не почернела ли она от греха, дабы (если окажется такою) поспешали мы очистить ее слезами, покаянием и молитвою. Ум наш есть нечто легкое (подвижное), и трудно удерживать его от греховных воспоминаний. Можно, впрочем, сказать, что он с равным удобст-

вом последует как за худыми, так и за добрыми мысленными мечтаниями.

196. Блажен воистину, кто так прилепился мыслию к молитве Иисусовой, вопия к Нему непрестанно в сердце, как воздух прилежит телам нашим или пламя к свече. — Солнце, проходя над землею, производит день; а святое и досточтимое имя Господа Иисуса, непрестанно сияя в уме, порождает бесчисленное множество солнцевидных помышлений.

197. Когда рассеются облака, воздух показывается чистым; когда же Солнцем Правды Иисусом Христом рассеются страстные мечтания, тогда обыкновенно в сердце рождаются световидные и звездовидные помышления, по причине просвещения Иисусом воздуха сердечного... Ибо Премудрый говорит: *надеющиися* на Господа *уразумеют истину, и верии в любви пребудут Ему* (Прем. 3, 9).

198. Сказал некто из святых: злопамятствуя, злопамятствуй на бесов и, враждуя, враждуй на тело всегда. Плоть — коварный друг: чем больше удовлетворяют ей, тем сильнейшую поднимает она брань. Так поскорее возымей вражду к телу и начни брань с чревом.

199. В предыдущих главах, составляющих первую и вторую сотню, описали мы труды священного безмолвия ума, представляя не собственного только изыскания плод, но и то, чему божественные глаголы богомудрых отцов учат нас относительно чистоты ума. Теперь, сказав еще немного, чтоб показать пользу хранения ума, кончим Слово.

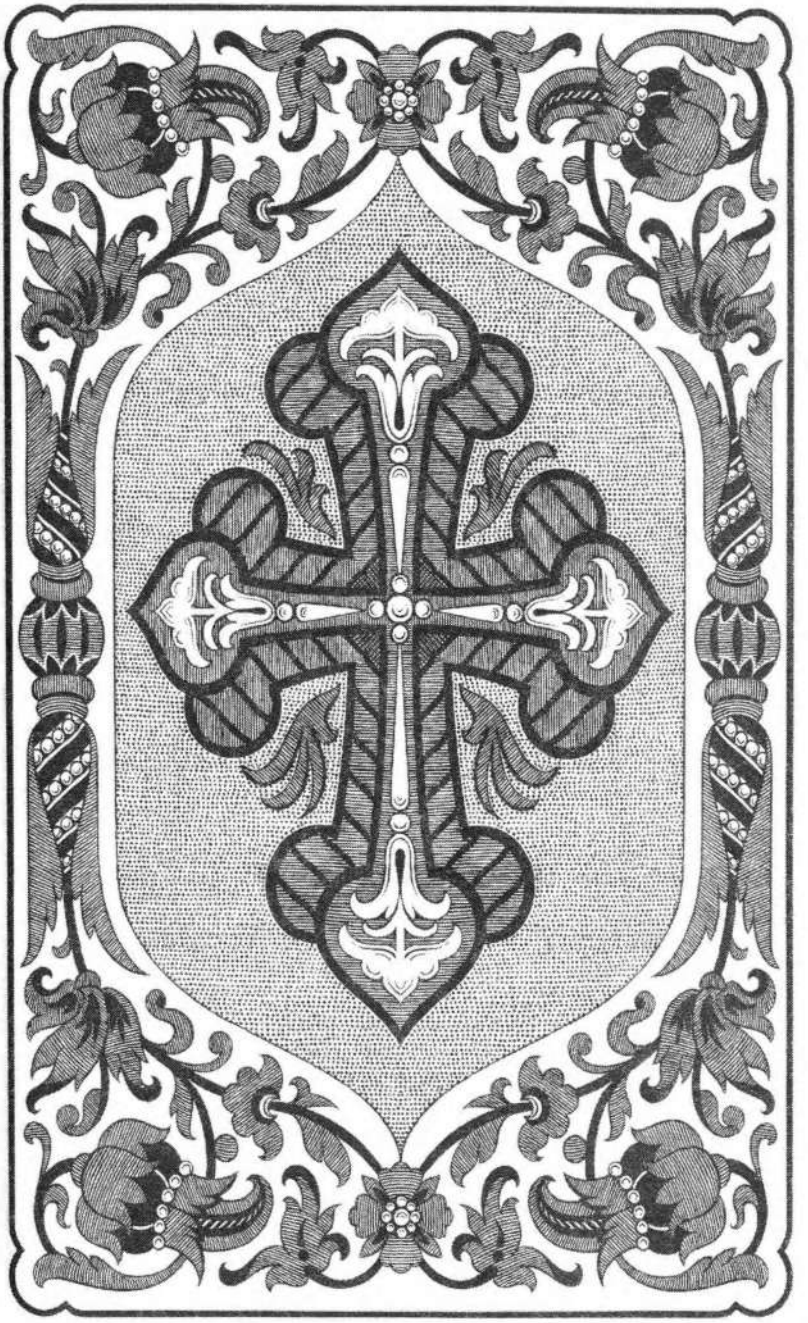
200. Итак, прииди, последуй за мною к достижению блаженного хранения ума, кто бы ты ни был, *любящий* в духе *дни видети блага* (Пс. 33, 13), и я о Господе научу тебя видимому деланию и жительству умных сил. Не насытятся Ангелы, воспевая Творца; не насытится и ум, чисто им соревнующий. И как не пекутся о пище невещественные, так не пекутся о ней и вещественные невещественники, когда взойдут на небо безмолвия ума.

201. Как горние Силы не пекутся о богатстве и стяжаниях, так и душевное око очистившие и стяжавшие навык в добродетели (трезвения) не пекутся об озлоблении лукавых духов. И как для тех явно богатство преспеяния в приближении к Богу, так для этих явны вожделение к Богу и любовь, устремление к божественному и восхожде-

ние. Притом же они, с ненасытимым вожделением простираясь в восхождении от вкушения божественной, приводящей в восхищение (экстаз) любви, не остановятся, пока не достигнут Серафимов, — и не почиют от трезвения ума и вожделенного возвышения, доколе не соделаются Ангелами о Христе Иисусе Господе нашем.

202. Нет яда паче яда аспида и василиска; и нет зла паче зла самолюбия. Исчадия же самолюбия суть: похвальбы в сердце, самоугодие, чревонеистовство, блуд, тщеславие, зависть и вершина всех зол — гордость, которая умеет не только людей, но и Ангелов свергать с небес и вместо света покрывать мраком.

203. Вот что написал тебе, Феодуле, соименник безмолвию (то есть Исихий), хотя не безмолвник на деле. Может быть, я написал не все, относящееся к нашему предмету, но всячески то, что подал Бог, во Отце, Сыне и Духе Святом хвалимый и славимый от всего разумного естества: Ангелов и человеков, и от всякой твари, созданной неизреченною Троицею, Богом единым, Коего светлое Царствие да сподобимся получить и мы, молитвами Пресвятой Богородицы и преподобных отцов наших. Ему, Богу непостижимому, вечная слава. Аминь.



ПРЕПОДОБНОГО
ФИЛОФЕЯ
ИГУМЕНА СИНАЙСКОГО
СОРОК ГЛАВ
О ТРЕЗВЕНИИ

1. Есть в нас мысленная брань, более тяжелая, чем чувственная. Делателю благочестия надобно тако тещи и ту цель преследовать умом, чтоб, как маргарит какой, или камень многоценный, в совершенстве усокровиществовать в сердце память о Боге. Надобно оставить все, даже тело, и презреть самую жизнь настоящую, чтобы Бога единого стяжать в сердце своем. Ибо святой Златоуст сказал, что умного боговидения одного достаточно к тому, чтоб истребить лукавых.

---

Преподобный отец наш Филофей был игуменом словесного монашеского стада, что на Синае, и получил оттого прозвание Синайского. В какое время он жил и когда скончался, неизвестно. Настоящее, разделенное на 40 глав его Слово, прекрасно составленное, исполнено и сказать нельзя, коль великой духовной мудрости и душеспасительности. Почему сочтено несправедливым отделить его от состава прочих отеческих писаний о трезвении. — И оно требует большого внимания: ибо, если б кто назвал его точным истолкованием и верным правилом трезвения, хранения ума и чистоты сердца, не погрешил бы против истины (Из Добротолюбия).

2. Ведущие мысленную брань должны со всем усердием избирать себе, по указанию божественных Писаний, духовные делания и возлагать их на ум, как целительные пластыри. Так с утра, говорит некто, должно мужественно и неотступно стоять у двери сердца, с крепкою памятию о Боге и непрестанною в душе Иисус-Христовою молитвою, и сею мысленною стражею убивать всех грешников земли, то есть верною, усиленною и горе восхищающею памятию о Боге посекать, ради Господа, главы сильных и начала брань воздвигающих помыслов: ибо, как знаем, и в мысленных подвижнических трудах есть свой некоторый божественный чин и порядок действования. — Так должно делать нудящим себя (Царствия ради), пока настанет положенное время вкушения пищи. После сего, благодарение воздав Господу, по единому человеколюбию Своему питающему нас двоякою пищею, и духовною и телесною, должно томить себя памятованием и размышлением о смерти. А на следующий день опять надо самодержавно браться за утреннее дело. Ибо, и при таком каждодневном образе действования, едва-едва возымеем мы в Господе избегнуть сетей мысленного врага. Такое делание, впрочем, устаревши в нас,

рождает следующие три добродетели: Веру, Надежду и Любовь, из коих Вера располагает нас к истинному страху Божию, а Надежда, преодолев рабский страх, приводит человека к любви Божией. Если Надежда не посрамляет, умея рождать двоякую любовь, на которой висят закон и пророки, то с своей стороны и любовь николиже* отпадает, ни в сем веке, потому что здесь в причастнике своем она бывает причиною исполнения божественных законоположений, ни в будущем.

3. Редко очень можно найти безмолвствующих умом. Это есть принадлежность только тех, которые все средства употребляют к тому, чтоб привлечь к себе Божественную благодать и исполниться истекающим от нее духовным утешением. — Итак, если, подобно им, хотим проходить умное делание, сию философию Христову, в хранении ума и трезвения, начнем путь сей воздержанием от многих яств, положив принимать пищу и питие сколько возможно малою мерою. Трезвение справедливо называется путем, потому что оно ведет в Царствие — и то, которое внутрь нас, и в будущее, и умным детелищем (мысленною мастерскою),

* Никогда не. — *Ред.*

потому что оно выделывает и убеляет (полирует) нравы ума и страстное переделывает в бесстрастное. Оно подобно также световому оконцу, чрез которое Бог, приникши, является уму.

4. Где смирение, память о Боге с трезвением и вниманием и частая против врагов устремляемая молитва, — там место Божие, или сердечное небо, в котором полчище бесовское боится стоять ради того, что в месте сем обитает Бог.

5. Нет ничего смутительнее многословия и зловреднее невоздержного языка; и ничто столько не сильно расстраивать и истреблять богатство душевное. Ибо, что каждый день созидаем в себе, то многословие снова разоряет, и, что трудом собираем, то чрез языкоболие душа снова расточает. Что хуже сего (языка невоздержного)? Он неудержимое зло. Надобно положить ему предел, обуздать его и стеснить, и, скажу так, заставить его служить только нужде. — И кто может высказать весь душевный вред, происходящий от (невоздержного) языка?

6. Первая дверь, вводящая в мысленный Иерусалим, во внимание ума, есть разумное молчание уст, хотя ум еще и не безмолвствует; вторая — мерное (малою мерою

определенное) воздержание в пище и питии; третья, очищающая ум и тело, — непрестанная память и размышление о смерти. Узрев однажды красоту сей последней и, духом, а не оком, уязвившись и усладившись ею, я возжелал стяжать ее себе в сожительницу на целую жизнь, возлюбив ее благообразие и благолепие. Как она смиренна, радостопечальна, задумчива, как страшится будущего праведного истязания и как боится продления (случайностей) жизни! Из чувственных очей своих она обычно источает целительную живую воду, а из очей мысленных — обильный источник премудрых помышлений, который, теча и скача, веселит разум. Эту-то, как я сказал, дщерь Адамову, то есть память о смерти, жаждал я всегда иметь сожительницею себе, с нею спать, с нею беседовать и вместе с нею исследовать, что имеет быть со мною, по отложении тела сего; но часто не позволяло мне этого пагубное забвение — сия омраченная дочь диавола.

7. Есть брань, в которой духи злобы втайне сражаются с душою посредством помыслов. Ибо, как душа невидима, то зложелательные оные силы, сообразно с ее существом, и нападают на нее невидимою бранию. И можно видеть, как у тех, так и у нее,

и оружия, и планы (расположения войск и ведения брани), и обманчивые ухищрения, и устрашительные нападения (стремительный натиск, чтоб устрашить), и обоюдные рукопашные схватки, и победы, и проигрыши с той и другой стороны. Одного только недостает в этой мысленной, описываемой нами брани, сравнительно с бранию чувственною, — определенного времени объявления войны. Для чувственной брани обыкновенно определяется время и свои в отношении к ней соблюдаются порядки; а эта (мысленная) без предъявления внезапно приражается окрест самых глубин сердца и, получив жребии (избирательные: иначе, взяв перевес чрез согласие сердца на внушаемое), убивает душу посредством греха. Чего ради и для чего воздвигается против нас это ратование и борьба? Того ради, да не будет исполняема нами воля Божия, о коей молимся, говоря: *да будет в нас воля Твоя* (Лк. 11, 2), то есть заповеди Божии. И если кто, установив ум свой от блуждания в совершенной трезвенности в Господе, станет тщательно наблюдать за их (врагов невидимых) вторжениями (в сердце) и соплетениями (схватками с трезвящимся умом), происходящими в мечтаниях фантазии, тот узнает это из

опыта. Посему и Господь, цель Свою направляя против злобных демонов и, как Бог, провидя их замыслы, в противность их цели постановил Свои заповеди, с угрозою нарушителям их.

8. Когда приобретем некоторый навык в воздержании и удалении от видимых зол, производимых пятью чувствами, то после сего возможем и сердце свое блюсти с Иисусом, и просвещаться в нем от Него, и с теплым некоторым расположением вкушать умом благости Его. Ибо не для другого чего приняли мы закон очищать сердце, как для того, чтоб, когда облака злых помыслов изгнаны будут из атмосферы сердца и разогнаны непрерывным вниманием, мы могли, как в ясный день, чисто видеть Солнце Правды — Иисуса и сколько-нибудь просветиться в уме словами величествия Его, ибо обыкновенно они открываются не всем, а только тем, кои очищают смысл свой.

9. Мы должны каждодневно держать себя в таком настроении, в каком надлежит являться пред лицем Бога. Ибо пророк Осия говорит: *милость и суд храни, и приближайся к Богу твоему выну* (12, 6). Опять и пророк Малахия от лица Божия говорит: *сын славит Отца, и раб господи-*

*на своего убоится: и аще Отец есмь Аз, то где слава Моя? и аще Господь есмь Аз, то где есть страх Мой, глаголет Бог Вседержитель* (1, 6). То же и Апостол пишет: *очистим себе от всякия скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1). И премудрость внушает: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота* (Притч. 4, 23). И Сам Господь Иисус Христос заповедует: *очисти внутреннее сткляницы, да будет и внешнее чисто* (Мф. 23, 26).

**10.** Плодом неуместных пустых бесед бывает иногда ненависть к нам от тех, кои слушают; иногда же укор и осмеяние, когда зазрят они неразумие речей наших; иногда осквернение совести, а иногда осуждение от Бога и опечаление Духа Святого, что ужаснее всего другого.

**11.** Тому, кто, очищая сердце свое и с корнем исторгая из него грех о Господе, труд прилагает ко стяжанию божественного ведения и успевает узреть умом незримое для многих, не должно возноситься из-за того над кем-либо. Что между тварями чище бестелесного и что многоведущее Ангела? Однако ж и он, вознесшись, низвержен с неба, как молния. Его высокоумие вменено ему

Богом в нечистоту. — Известно, как действуют выкапывающие из земли золото (то есть будь под всеми, как они под землею, чтоб достать золото ведения).

12. Апостол говорит: *подвизайся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25). Ибо невозможно с насыщенным пищею чревом ополчаться против начал, против невидимых зложелательных сил, тем, кои связаны сею плотию, тяжелою и всегда похотствующею на духа. *Несть бо Царствие Божие брашно и питие* (Рим. 14, 17). *Мудрование плотское вражда есть на Бога: закону бо Божию не покаряется, ниже бо может* (Рим. 8, 7). Не может, очевидно, ради того, что, будучи земно, составлено из соков, крови и мокрот, к земному всегда имеет пристрастие и услаждается погибельными удовольствиями настоящего века. *Мудрование бо плотское смерть есть. Сущии же во плоти Богу угодити не могут* (Рим. 8, 6, 8).

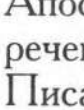
13. Потребно нам великое смирение, если искреннее имеем попечение о хранении ума в Господе: во-первых, в отношении к Богу и (во-вторых) в отношении к людям. Всячески всегда должны мы сокрушать свое сердце, изыскивая и в дело вводя все,

могущее смирять его. Сокрушает же и смиряет сердце, как известно, память о прежней нашей в мире жизни, если она припоминается нами, как следует. Также память о всех грехах от юности, когда кто пересматривает их умом по частям, обыкновенно и смиряет, и слезы рождает, и ко всесердечному благодарению Бога подвигает нас, как и всегдашняя действенная (до чувства доводимая) память о смерти, которая притом рождает и плач радостный со сладостию, и трезвение ума. Преимущественно же смиряет мудрование наше и располагает потуплять очи в землю воспоминание о страстях Господа нашего Иисуса Христа, когда кто проходит их в памяти и все подробно воспоминает. Это подает также и слезы. Сверх того истинно смиряют душу великие Божии благодеяния, именно к нам, когда кто подробно перечисляет их и пересматривает, ибо мы имеем брань с гордыми (неблагодарными Богу) демонами.

14. Не чуждайся из самолюбия этих спасительных врачевств душевных, если ты таков, что имеешь в них нужду. Ибо иначе ты уже не ученик Христов и не подражатель Павла, который говорит о себе: *несмь достоин нарещися апостол* (1 Кор. 15, 9), а в другом месте сознается, что был прежде

хульником, гонителем и досадителем (1 Тим. 1, 13). — Видишь ли, горделивец, вот и святой, а не забывал прежней своей жизни? Да и все святые, от начала создания доныне, облачались в это последнейшее святое одеяние Божие (то есть в смирение). Сам Господь наш Иисус Христос, будучи Бог непостижимый, недоведомый и неизглаголанный, в продолжение всей Своей во плоти жизни облечен был в смирение; так что святое смирение праведно должно именоваться и Божественною добродетелию, и Владычнею заповедию и облачением. Также Ангелы и все оные светлые Божественные Силы проходят и хранят сию добродетель, ведая, каким падением пал возгордевшийся сатана и как он, в пример того, как надлежит страшиться падения (в сей грех) Ангелам и людям, лежит, лукавый, в бездне, за гордость свою явленный бесчестнейшим пред Богом паче всякой другой твари. Знаем мы и то, каким падением пал Адам из-за гордости. Имея пред очами такие примеры сей высокотворной добродетели, будем всегда смирять себя всячески, сколько сил есть, пользуясь указанными выше врачевствами. Смирим себя душою и телом, и в мудровании, и в желании, и речах, и в помышлениях, и во внешнем виде, и

внешно, и внутренно. О чем особенно надобно заботиться, это — чтоб сущий за нас Иисус Христос, Сын Божий и Бог, не стал против нас. Ибо *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Притч. 3, 34). *Нечист пред Господом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5); *смиряяй же себе вознесется* (Лк. 18, 14). *Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*, говорит Спаситель (Мф. 11, 29). — Внимати убо подобает.



**15.** *Внемлите себе*, говорит Господь, *да не когда отягчают сердца ваши объядением*, и проч. (Лк. 21, 34). *Подвизаяйся же от всех воздержится*, по слову Апостола (1 Кор. 9, 25). Ведая все такие изречения, к нам обращенные в божественном Писании, будем проводить жизнь свою в воздержании. Прежде всего, оставя многообразие яств, приучим тело свое к обычаю и чину добродетельному, давая ему пищи в меру. Ибо таким образом легко укрощаются и подчиняются разуму взыграния похоти, а если полную, по всему убеждению, говорить правду, то и движения гнева. Но и от других прегрешений удобнее при этом воздержаться, так как и добродетелию то почитается у тех, кои самим делом и опытом проходят

добродетели, всестороннее воздержание, то есть чтоб удаляться от всякого вида зла. Так-то причина чистоты, после Бога всех благ источника и подателя, есть равное на всякий день и мерою определенное воздержание от многоястия.

16. Как сатана, сопротивляясь Богу в желании, чтоб не была исполняема воля Божия, то есть заповеди, чрез нас воюет против Бога тем, что покушается воспрепятствовать исполнению ее: так опять Бог, желая, чтоб нами была исполняема всесвятая воля Его, то есть, как я сказал, божественные и животворные заповеди, чрез нас при Своем мановении разоряет пагубное намерение лукавого. Безумное желание врага сопротивляться Богу тем, чтоб увлекать к преступлению заповедей Его, Бог Сам низвращает чрез человеческую немощь. И посмотри, не так ли это бывает? — Все божественные заповеди полагают законы для троечастности души и делают ее здоровою посредством того, что повелевают. Кто строго следует им, у того сия троечастность соделывается истинно здравою. Но против этой же троечастности души день и ночь ведет войну и диавол. Если же сатана ведет войну против троечастности, ясно, что он воюет чрез то

против заповедей Христовых, ибо Христос чрез заповеди облагает законом троечастность души, то есть раздражительную, пожелательную и мысленную силы души. — И смотри: угроза, что гневающийся на брата своего всуе повинен есть суду (Мф. 5, 22), и следующие затем Его заповедания, — се врачевания раздражительной части. Эту заповедь, и прочие положенные вместе с нею, враг покушается низвратить внутри посредством помыслов любопрительства*, злопамятства и зависти. Знает этот противоборец (наш и Божий), что правитель раздражительной части есть сила мысленная. Почему в нее прежде и пускает стрелы посредством помыслов, как я сказал уже, подозрения, зависти, любопрения, сварливости, лукавства, тщеславия, и склоняет мысленную силу сложить с себя свойственную ей власть, и, отдав бразды самому раздражению, оставить его без всякого управления. Тогда раздражение, отбросив своего управителя, без удержи износит чрез уста в словах все, что прежде вложено было в сердце, что усокровиществовано было в нем дотоле, посредством вражеских помыслов, при нерадении ума. Сердце является тогда исполненным не Духа Бо-

* Склонности к словопрению, спорливости. — *Ред.*

жия и не божественных помышлений, а злобы (неукротимой), ибо, как говорит Господь, уста говорят от избытка сердца (Лк. 6, 45). Когда же таким образом лукавый доведет человека до того, что он изрыгать начнет в словах то, что прежде скрытно замышлялось внутри, тогда этот пленник (вражий) не *рака** только или *юрод* скажет брату своему, но наговорит самых досадительных слов, а дальше дойдет и до убийства. — Вот какие козни употребляет лукавый в отношении к данной нам Богом заповеди не гневаться всуе. — А ведь можно бы и не дойти до досадительных слов, а далее и до того, что за ними следует, если б тотчас по приражении раздражения молитвою и вниманием к тому, что происходит внутри, были изгнаны из сердца (разжигающие его мысли). Так-то душегубец достигает злой цели своей только тогда, как найдет кого, по воздействию вложенных им в сердце помыслов, готовым нарушить божественную заповедь.

17. А пожелательной части что предписано Божественною Владычнею заповедию? *Воззревый на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). — И какую же против

* Глупец, низкий человек. — *Ред.*

сей заповеди сеть сплетает в уме злодей, видя, что дана такая заповедь? Так как предметы, могущие раздражить вожделение отдалены, то он подступает внутрь и там поднимает похотную брань против сказанной заповеди. Это производит он тем, что живописует и печатлеет в душе блудные образы; бывает, что даже и слова слышатся, возбуждающие на страсть; бывает и другое многое, что знают искусившиеся в мысленных бранях.

**18.** Какая наконец заповедь дает руководительные правила силе умственной? *Аз же глаголю вам не клятися всяко. Буди же слово ваше: ей и ни* (Мф. 5, 34, 37). Еще: *иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик* (Лк. 14, 33). И: *внидите узкими враты* (Мф. 7, 13). Таковы заповеди для мысленной части! — Противоборец наш, желая и эту мысленную силу, как доблестного какого воеводу, сделать подручною себе, сначала отнимает у нее здравомыслие, посредством помыслов чревоугодия и нерадения; лишив же ее таким образом свойственной ей власти над другими силами и посмеявшись над нею, как над пьяным вождем, заставляет исполнять свои внушения и хотения, употре-

бив пособниками себе в этом раздражительность и похотение. Силы же эти, похотная то есть и раздражительная, оставлены будучи силою мысленною, начинают все пять чувств наших обращать, как слуг покорных, в орудие к явным грехам. И вот какие вследствие того бывают согрешения и падения! Когда ум извнутрь не обуздывает и не вяжет чувств, тогда глаза всюду разбегаются из любопытства, уши любят слушать суетное, обоняние изнеживается, уста становятся неудержимыми и руки простираются осязать то, что не должно. За этим последуют вместо правды — неправда, вместо мудрости — неразумие, вместо целомудрия — блудничество, вместо мужества — боязливость. А эти четыре главные добродетели, то есть правда, мудрость, целомудрие и мужество, такого суть рода, что если они здравы и в силе в душе, то добре управляют тричастностию души: добре же управляемая тричастность удерживает чувства от всего безместного. И тогда ум, пребывая в тишине, при управлении прочих сил по-Божьему и при послушности их, удобно одерживает верх в мысленной брани. Когда же по невниманию допустит он прийти в смятение прочим силам, тогда, будучи преодолеваем прилогами лука-

вого, преступает он Божественные заповеди. За преступлением же заповедей всячески следует или соответственное покаяние, или мука в будущем веке. Итак, доброе очень есть дело, чтобы ум всегда трезвенствовал, ибо чрез это, установившись так, как свойственно ему стоять по естеству, соделывается он истинным хранителем Божественных заповедей.

19. Душа (грехолюбивая), как стеною будучи ограждена и окружена духами злобы, связуется узами мрака, — и по причине этого окружающего ее мрака не может молиться как следовало бы, ибо связуется ими втайне (в сокровенностях и глубинах своих или сама не ведая как) и слепотствует внутренними очами. Но, когда она (пришедши в себя) положит начало молитвенному к Богу прибеганию и станет по силе трезвенствовать в молитве, тогда мало-помалу начинает она разрешаться силою молитвы и от тьмы: иначе же разрешиться от нее нет никакой возможности. В это время познает она, что есть внутрь в сердце иное борение, иное сокровенное противоборство, иная война в помыслах, от духов злобы возбуждаемых, как свидетельствует и Святое Писание, когда говорит: *аще дух владеющаго взы-*

*дет на тя, места твоего не остави* (Еккл. 10, 4). Место же ума есть твердое стояние его в добродетели и трезвении. — Есть стояние и в добродетельной и в грешной жизни. Ибо Писание говорит: *блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста* (Пс. 1, 1). И Апостол учит: *станите препоясани чресла ваша истиною* (Еф. 6, 14).

**20.** Крепко-накрепко да держим Христа, ибо немало таких, кои всячески покушаются поять* его из души. И сами не допустим до того, чтоб Иисус уклонился, *народу* (толпе) помыслов *сущу на месте* души (Ин. 5, 13). Но удержать Его невозможно без болезненного труда душевного. Потрудимся осязать следы жития Его во плоти (или ощупывать, или ощупью идти по следам), чтобы и свою жизнь проводить нам смиренно. Восприимем в чувство страсти Его, чтоб, соревнуя Ему, терпеливо переносить все скорбное. Вкусим неизреченного Его смотрительного о нас снисхождения, чтобы от сладкого вкушения сего душою познать нам, сколь благ Господь. Над всем же сим, или прежде всего сего, да веруем Ему несомненно во всем, что говорит Он, и каждодневно

* Взять. — *Ред.*

да чаем промышления Его, на нас обращенного, и что ни случится, что ни встретим, будем принимать то с благодарностию, любовию и радостным довольством, да научимся смотреть на единого Бога, Который всем управляет по Божественным законам премудрости Своей. Когда сделаем все это, тогда недалеко будем от Бога. (Да ведаем притом, что) благочестие есть конца не имеющее совершенство, как сказал некто из богоносных и совершенных в духе мужей.

21. Кто, добре искупая время жизни своей, непрестанно бывает занят помышлением и памятию о смерти и чрез это самое мудро исхищает ум из страстей, тот обыкновенно острее зрит повсечасные приражения бесовских прилогов, нежели тот, кто проводит жизнь без памяти смертной, надеясь очистить сердце действием одного разума, а не тем, чтобы всегда хранить печальную и плачевную мысль. Таковой, мняся своим быстроумием держать в руках все пагубные страсти, не ведая, как связуется одною, хуждшею всех, — падает в высокоумие, (как чающий преуспеть в чем-либо) без Бога. Ему надлежит сильно трезвиться, чтобы за надмение не лишиться смысла. Ибо, как говорит апостол Павел (1 Кор. 8, 1), души,

отсюда и оттуда набирающиеся знания, обыкновенно надымаются пред теми, которые, как им кажется, меньше их знают, по той причине, как я думаю, что в них нет искры назидающей любви. А кто имеет непрестанное помышление о смерти, тот острозорче, чем тот, кто не имеет его, замечая приражения демонов, удобно прогоняет их и попирает.

22. Сладостная память о Боге, то есть Иисусе, с гневом сердечным и огорчением спасительным, обыкновенно разрушает все обаяния помыслов, разные внушения, слова, мечтания, мрачные воображения — и, кратко сказать, всё, чем вооружается и с чем дерзостно выступает всегубительный враг, ища поглотить души наши. Иисус, будучи призываем, все попаляет легко. Ибо ни в ком другом нет нам спасения, кроме Христа Иисуса. Это сказал и Сам Спаситель, говоря: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

23. Итак, всякий час и всякое мгновение будем всяким хранением блюсти сердце свое от помыслов, туманящих душевное зеркало, в коем надлежит печатлеться и светописаться одному Иисусу Христу, Который есть премудрость и сила Бога Отца.

Будем непрестанно искать Царствия Небесного внутрь сердца; и, конечно, таинственно обретем внутрь себя самих и зерно, и бисер, и квас, и все другое, если очистим око ума своего. Сего-то ради и Господь наш Иисус Христос сказал: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21), разумея чрез то пребывающее внутрь сердца Божество.

**24.** Трезвение до блистания очищает совесть. Совесть же, будучи так очищена, изгоняет извнутрь всякую тьму, подобно свету вдруг воссиявающему по снятии лежащего на нем покрова. А по изгнании тьмы, совесть, при непрерывно продолжающемся истинном трезвении, снова показывает то, что было забыто или что скрывалось, не будучи сознаваемо. В то же время она, посредством трезвения же, научает невидимому состязанию с врагами, ведомому умом, и войне в мыслях, — научает, как метать копья в этом единоборстве, как искусно бросать (во врагов) стрелы помышлений благих, не допуская, чтоб их стрелы поражали ум, подобно стреле устремляя его укрываться у Христа, сего, вместо пагубной тьмы, желанного света. Кто вкусил сего света, тот понимает, о чем я говорю. Вкушение сего света гладом паче томит душу, которая им питается, но

никогда не насыщается и, чем более его вкушает, тем более алчет. Сей свет, влекущий к себе ум, как солнце очи, свет неизъяснимый сам в себе, соделывающийся, однако ж, истолковываемым, только не словом, а опытом того, кто приемлет воздействие его или, точнее сказать, кто уязвляется им, — заповедует мне молчать, хотя ум все еще хотел бы наслаждаться беседою о том, о чем идет теперь речь.

25. *Мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14), ради стяжания любви и чистоты: ибо они-то и суть мир и святыня. Гневом же надобно вооружаться против одних демонов, мысленно вражествующих против нас и ярящихся. Но послушай, как должно вести каждочасно действующую в нас брань, и поступай так: с трезвением сочетавай молитву, — и будет трезвение усиливать молитву, а молитва трезвение. Трезвение, непрестанно назирая за всем внутри, замечает, как враги покушаются войти туда, и, заграждая им по силе своей вход, призывает в то же время на помощь Господа Иисуса Христа, чтобы Он прогнал этих лукавых воителей. При этом внимание заграждает вход посредством противоречия, а призывае-

мый Иисус прогоняет демонов с мечтаниями их.

26. С крайним напряжением внимания блюди свой ум. Как только заметишь (вражий) помысл, тотчас воспротиворечь ему, но вместе с тем спеши призвать Христа Господа на отмщение. Сладчайший же Иисус, когда ты еще будешь говорить, скажет: се с тобою Я, чтоб подать тебе заступление. Но ты, и после того как по молитве твоей все эти враги усмирены будут, опять продолжай усердно внимать уму. Вот снова волны (помыслов), множайшие прежних, одни за другими устремятся на тебя, так что от них будто уже погружается душа, как в пучину, и готова погибнуть. Но и Иисус опять, возбуждаемый учеником, яко Бог, запрещает злым ветрам (помыслов, и они утихают). Ты же, улучив свободу от вражеских нападений, на час или минуту, прославь Спасшего тебя и углубись в помышление о смерти.

27. Со всяким сердечным вниманием в чувстве душевном будем совершать путь свой. Внимание и молитва, будучи на всякий день сочетаваемы вместе, совершают нечто подобное огненной Илиной колеснице, подъемля на высоту небесную того, кто им причастен. И что я говорю? У того, кто ус-

тановился в трезвении или старается установиться в нем, чистое сердце соделывается мысленным небом, с своим солнцем, луною и звездами, и бывает вместилищем невместимого Бога, по таинственному видению и восхождению (восторжению ума). У кого есть любовь к божественной добродетели, пусть старается во всякое мгновение произносить имя Господа и со всем усердием слова производить в дела. Кто с некоторым насилием удерживает пять своих чувств, коими обычно повреждается душа, тот всячески соделывает для ума легчайшими сердечный подвиг и брань. И так ухитряйся предотвращать все внешние (вредные для души приражения и впечатления), а с рождающимися от них внутри помыслами борись богодарованными средствами, духовным руководясь искусством: трудом бдений обуздывай позывы к чувственным удовольствиям, будь воздержан в ястии и питии и довольно истончи тело свое, чтоб заблаговременно соделать для себя легкою брань сердечную. Этим всем себе будешь благодетельствовать, а не другому. Помышлением о смерти мучь душу свою и памятию о Христе Иисусе собирай расточенный ум свой; особенно ночью, когда ум

обычно бывает более чист и светел, ясно созерцая Бога и все божественное.

28. Не будем отрицаться и от трудов телесного подвижничества, ибо как из земли пшеница, так от них произрастает духовная радость и опытность в добре. Не будем ложными умствованиями отклонять требование совести, потому что она внушает нам спасительное и деятельное и всегда изрекает, в чем долг наш и к чему мы обязаны, особенно когда бывает очищаема живым, деятельным и тонким трезвением ума. В этом случае она, по причине чистоты своей, обычно износит ясный суд (о всем встречающемся) — суд достодолжный и решительный, исключающий всякое колебание. Ради всего этого не должно сбиваться с пути ложными умствованиями, ибо она внутри возвещает нам жизнь, угодную Богу, и, строго обличая душу, если она осквернила смысл грехами, показывает способ исправления прегрешений, внушая сердцу падшему покаяться и указывая ему врачевство с сладостным убеждением.

29. Дым, выходящий из дров, тяжел бывает для очей, но потом показывает им свет и услаждает тех, кому прежде причинял неприятность. И внимание, держа непрестанно в напряжении умные очи, утомляет и

тяготит голову. Но Иисус, призываемый в молитве, пришедши, просвещает сердце. Память о Нем, вместе с осиянием (внутреннего нашего), доставляет и высочайшее из благ (то есть Самого Господа).

30. Враг, навыкши возмущать ум наш, желает склонять нас и к тому, чтоб мы вместе с ним питались перстию и, быв созданы по образу Божию, ходили на чреве. Но Бог сказал: *вражду положу между тобою и тем* (Быт. 3, 15). По сей причине надлежит нам всегда воздыхать к Богу, дабы чрез то могли мы каждый день проводить, не быв уязвлены разжженными стрелами диавола. *Покрыю и*, говорит (у Псалмопевца Бог), *яко позна имя Мое* (Пс. 90, 14). И еще: *обаче близ боящихся Его спасение его* (Пс. 84, 10).

31. Блаженный Апостол, избранный сосуд, говорящий во Христе, имея многую опытность во внутренней, в нас происходящей, невидимой, мысленной брани, сказал в послании к Ефесеям: *несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века, духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12). Апостол Петр также говорит: *трезвитеся и бодрствуйте, зане супостат наш диа-*

*вол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити. Ему же противитеся тверди верою* (1 Пет. 5, 8—9). Сам Господь наш Иисус Христос, беседуя о разности расположений, с какими слушаются слова Евангелия, сказал: *потом же приходит диавол и вземлет слово от сердца*, — каковую кражу совершает он, наводя злое забвение, *да не веровавше спасутся* (Лк. 8, 12). И опять апостол (Павел) говорит: *соуслаждаюся закону Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон во удех моих, противовоюющ закону ума моего и пленяющ мя* (Рим. 7, 22—23). — Все сие сказали они, научая нас и давая нам знать сокрытое от нас.

32. Разум, когда потеряет самоукорение и смирение, обычно кичится, помышляя, что он стоит выше многих. Желая стяжать сознание своей немощи, будем мудрствовать так, как мудрствовал тот, кто сказал: *братие, аз себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню, к почести вышняго звания Христова* (Фил. 3, 13—14). Опять: *аз тако теку, не яко безвестно, тако подвизаюся, не яко воздух бияй: но умерщвляю тело и по-*

*рабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключимь буду* (1 Кор. 9, 26—27). Видишь ли, каково смирение и каково вместе с тем стремление к добродетели? Видишь ли, каково смирение и святого Павла, такового и толикого мужа? (Но послушай, что еще говорит он.) — *Христос*, говорит, *прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз* (1 Тим. 1, 15). — Да и можно ли не смиряться нам, имея такую худость естества? Ибо, что хуже персти? И о Боге памятовать нам должно, потому что для того мы и сотворены; и к подвигам воздержания приучать себя надлежит нам, чтобы легче было тещи вслед Господа нашего.

33. Невозможно тому, кто предается злым помыслам, быть чисту от грехов по внешнему человеку. Тем, кои не искореняют из сердца злых помыслов, невозможно не обнаруживать их в соответственных злых делах. Причина того, что иной блудно смотрит, заключается в том, что прежде внутреннее око соблудило и омрачилось. Также причина желания слышать срамное заключается в охотном слушании душевными ушами всего, что скверные демоны нашептывают внутри в пагубу нам. Должны мы очищать себя в Господе внутри и вовне; каждый из нас

должен хранить свои чувства и каждодневно очищать себя от страстных воздействий и прегрешений. Как прежде в дни неразумия нашего, когда вращались мы в мире в суете ума, всем умом и всеми чувствами работали мы прелести греховной, так теперь, преложившись на жизнь по Богу, надлежит нам всем умом и всеми чувствами работать Богу живому и истинному, Божией правде и воле.

34. Наперед бывает прилог (προσβολή — приражение, действие, когда брошенная вещь ударяет в то, на что брошена); потом сочетание (συνδυασμός — содвоение, внимание сковано предметом, так что только и есть, что душа да предмет, приразившийся и ее занявший); далее сосложение (предмет, приразившийся и внимание занявший, возбудил желание, и душа согласилась на то — сложилась); за сим пленение (предмет взял в плен душу, возжелавшую его, и, как рабу связанную, ведет к делу); наконец страсть (πάθος — болезнь души), частым повторением (удовлетворением одного и того же желания) и привычкою (к делам, коими оно удовлетворяется) вкачествившаяся в душе (ставшая чертою характера). Вот поприще для одержания победы в происходящей в нас брани! Так определяется и святыми отцами.

35. И — прилог, говорят, есть голый помысл или образ какой-либо вещи, только что родившийся в сердце и представившийся уму; сочетание есть собеседование с представившимся (предметом или образом), страстное или бесстрастное; сосложение есть склонение души к зримому оком ума предмету со услаждением; пленение есть насильственное и невольное отведение сердца (в плен), удержание в нем и слияние будто в одну жизнь (συνουσία) с предметом пленившим, от коего (слияния) исчезает доброе наше состояние (теряется покой); страсть же вообще, говорят, внедряется в душе долговременным пристрастием (к предмету какому-либо). Из всех этих (действий или состояний) первое — безгрешно, второе — не совсем; третье — по состоянию подвизающегося (может быть по мере подвига и противоборства); брань же бывает причиною или венцов (когда кто устоит), или мучений (когда падет).

36. Пленение иначе бывает во время молитвы и иначе не во время молитвы. Страсть несомненно подлежит или равносильному (противовесному) покаянию, или будущей муке. Кто противостоит, или бесстрастно относится к первому, то есть прило-

гу, тот за один раз отсекает все срамное. Такова брань злых демонов против монахов и не монахов, в коей бывает и побеждение и победа, как мы сказали. Побеждающих ожидают венцы, а падающих и не кающихся — муки. Будем же подвизаться против них мысленно, чтоб злых советов их не осуществлять в видимых греховных делах. Возревнуем обрести внутрь себя самих Небесное Царствие, отсекая от сердца всякий грех. Посредством такого прекрасного делания сохраним мы чистоту сердца и непрестанное пред Богом сокрушение.

37. Многие из монахов не знают прелести ума, которую претерпевает он от демонов. Они прилежат тому, чтоб быть исправными в делах, не заботясь об уме, и проводят жизнь в простоте и бесхитростности. Думаю, что, не вкусивши сердечной чистоты, они совсем не знают тьмы внутренних страстей. Те, которые не знают брани, о коей говорит святой Павел, неокачествовались, может быть, опытно и добром и только делом совершаемые грехи почитают падениями, не беря в счет мысленных побеждений и побед, которых не видит чувственное око, потому что они сокровенны и ведомы только единому подвигоположнику Богу и совести

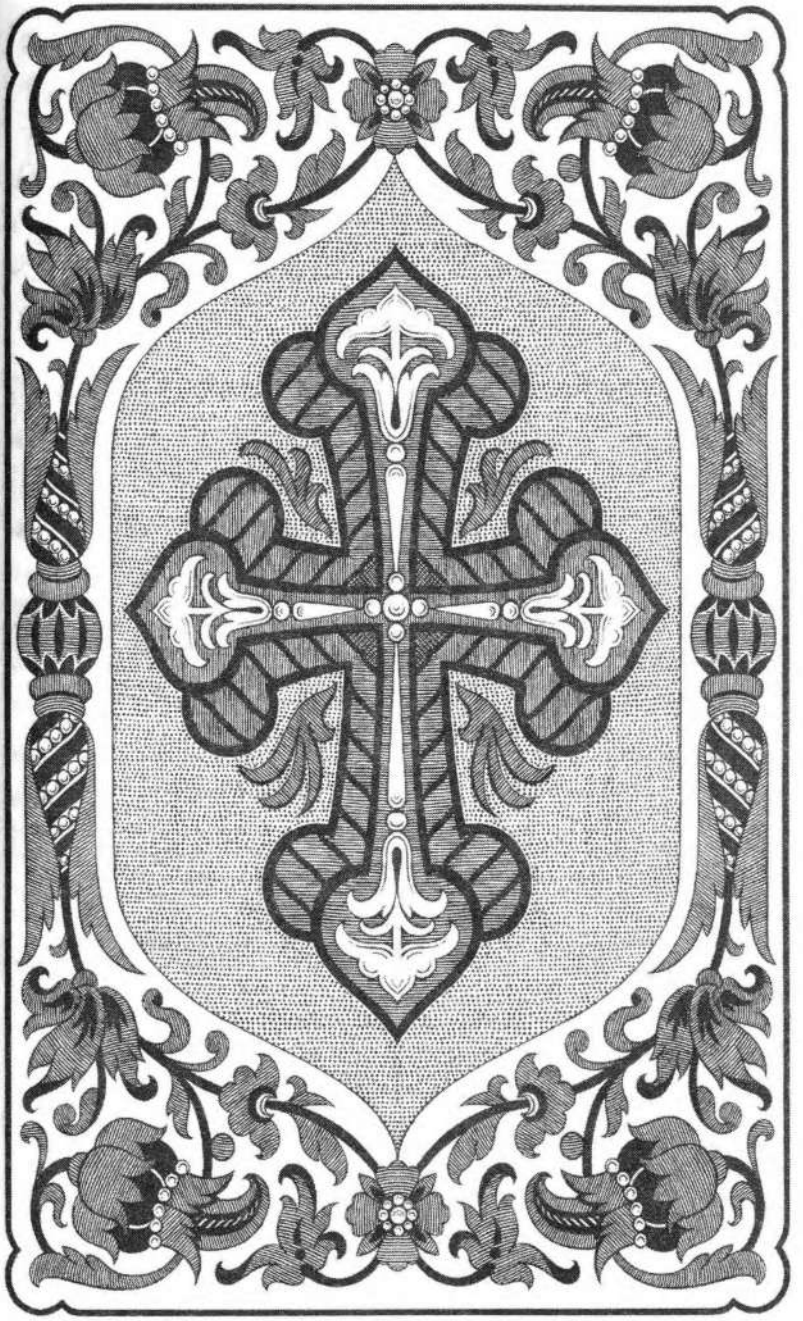
подвизающегося. К таковым, кажется, сказано следующее слово Писания: *говорят: мир, мир: и не бяше мира* (Иез. 13, 10). О тех братиях, которые от простоты находятся в таком состоянии, молиться надобно и научать их сколько можно, чтоб удалялись не от видимых только худых дел, но и от того зла, которое действует в сердце. У тех же, кои имеют божественное желание — очистить душевное око (собственно зрительность души), иное есть делание Христово, и иное таинство.

38. Много поистине добродетелей совмещает в себе углубленная память о смерти. Она есть родительница плача, руководительница ко всестороннему воздержанию, напоминательница о геенне, матерь молитвы и слез, страж сердца, источник самоуглубления и рассудительности, которых чада — сугубый страх Божий и очищение сердца от страстных помыслов — объемлют много Владычних заповедей. В таком сердце зрится тогда борение и подвиг, выдерживаемый с крайним трудом. И об этом-то вся забота у многих из борцов Христовых.

39. Нечаянное какое приключение или напасть расстраивают обычно мысленное внимание и, исторгши ум из спаситель-

ного благонастроения, с погашением и желания лучшего, увлекают его к грешным любопрениям и распрям. Причиною же такого для нас пагубного бедствия бывает то, что не имеем никакого попечения об искушениях (поминутно готовых напасть на нас незнать с какой стороны).

40. Не расстроит и не опечалит нас никакое из повсечасно готовых сретить нас прискорбностей, коль скоро, сознав неизбежность того, будем всегда держать то в мысли. Почему божественный апостол Павел и говорит: *благоволю в немощах, в досаждениях, в нуждах* (2 Кор. 12, 10). И еще: *вси хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут* (2 Тим. 3, 12). Тому слава во веки веков. Аминь.



СВЯТОГО
ИСААКА
СИРИАНИНА
О МОЛИТВЕ
И ТРЕЗВЕНИИ

1. Никто не может приблизиться к Богу, если не удалится от мира [2]*.

2. Сердце не может пребывать в тишине и быть без мечтаний, пока на человека действуют чувства.

3. Пока душа не придет в упокоение верою в Бога, дотоле не уврачует немощи чувств и не возможет с силою попрать видимого вещества, которое служит преградою внутреннему.

4. Служением чувствам сердце рассеивается, утрачивая в себе услаждение Богом [4].

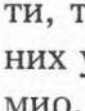
5. Если вожделение, как говорят, есть порождение чувств, то пусть умолкнут,

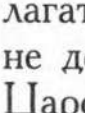
---

* Взято статейками из его Слов. Цифра в конце их указывает страницу. Когда нет цифры, это значит, что статья находится на той же странице, на какой и предыдущая. [Святитель цитировал по изданию: Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. МДА, 1854. Данный труд издательство «Правило веры» выпустило в 2008 г.]

наконец, утверждающие о себе, что и при развлечении сохраняют они мир ума.

6. Для устранения восстающих в плоти тревожных воспоминаний ничто не бывает так достаточно, как погружение себя в любовь к изучению божественного Писания и постижения глубины его мыслей. Когда помыслы погружаются в услаждение постижением сокровенной в словесах премудрости, тогда человек, в какой мере извлекает из них уяснение, в такой же оставляет за собою мир, забывает все, что в мире, и все воспоминания, и все действенные образы овеществления мира изглаждает в душе [5].

 7. Как коромыслу весов, если чаши их обременены очень тяжелым грузом, нелегко прийти в колебание от дуновения ветра, так и ум, под бременем страха Божия и стыда, с трудом совращается тем, что приводит его в колебание. А в какой мере оскудевает в уме страх, в такой же начинают преобладать им превратность и изменчивость. Умудрись же в основание шествия своего полагать страх Божий; и в несколько дней, не делая кружений на пути, будешь у врат Царствия [6].

 8. Хочешь ли умом своим быть в общении с Богом, прияв в себя ощущение

оного услаждения, непорабощенного чувствам? Послужи милостыне. Когда внутри тебя обретается она, тогда изображается в тебе оная святая красота, которою уподобляешься Богу. Всеобъемлемость дел милостыни производит в душе общение с Божеством без посредства [9].

9. Духовное единение (с Богом) есть незапечатлеваемое памятование; оно непрерывно пылает в сердце пламенною любовию, в неуклонении от заповедей, заимствуя силу к пребыванию в союзе не с насилием природе и не по природе.

10. Благодарность приемлющего побуждает дающего давать дары, бóльшие первых. Кто неблагодарен за малое, тот и в большом лжив и несправедлив [12].

11. Кто болен и знает свою болезнь, тот должен искать врачевства. Кто объявляет другим болезнь свою, тот близок к уврачеванию своему и легко найдет его. Нет греха непростительного, кроме греха нераскаянного.

12. Содержи всегда в памяти превосходящих тебя добродетелию, чтоб непрестанно видеть в себе недостаток против их меры.

13. Воспоминай о падении сильных и смиряйся в добродетелях своих. Припомни тяжкие падения падших в древности

и покаявшихся, а также высоту и честь, каких сподобились они после сего; и приимешь смелость в покаянии своем [13].

14. Преследуй сам себя, и враг твой прогнан будет приближением твоим. Умирись сам с собою; и умирятся с тобою небо и земля. Потщись войти во внутреннюю твою клеть, и узришь клеть небесную, потому что та и другая — одно и то же, и, входя в одну, видишь обе. Лествица оного царствия, внутри тебя, сокровенна в душе твоей [14].

15. С огорченными сердцем будь в общении, и трудом молитвенным, и привязанностию сердечною; и прошениям твоим отверзется источник милости [15].

16. Постоянно утруждай себя молитвами пред Богом, в сердце, носящем чистый помысл, исполненный умиления; и Бог сохранит ум твой от помыслов нечистых и скверных, да не укорится из-за тебя путь Божий [16].

17. Постоянно упражняй себя в размышлении, читая божественные Писания с полным их разумением, чтобы, при праздности ума твоего, не осквернилось зрение твое (умное) непотребными помыслами.

18. Не решайся искушать ум свой непотребными помыслами или зрением

вводящих тебя в искушение лиц, даже когда думаешь, что не будешь преодолен сим, — потому что и мудрые таким образом омрачались и впадали в юродство. Не укроешь пламени в недре своем без сильных болей плоти твоей.

19. Начало помрачения ума прежде всего усматривается в лености к Божией службе и к молитве. Ибо, если душа не отпадет сперва от этого, нет иначе пути к душевному обольщению; когда же (за леность к молитве) лишается она Божией помощи, удобно впадает в руки противников своих.

20. Непрестанно открывай немощь свою пред Богом, и не будешь искушаем чуждыми, как скоро останешься один без заступника своего (Ангела-Хранителя). [17].

21. Трудами и хранением себя источается* чистота помыслов, а чистотою помыслов — свет мышления. Отсюда же благодатию ум руководится к тому, над чем чувства не имеют власти [19].

22. Представь себе, что добродетель есть тело, созерцание — душа, и то и другое — один совершенный человек, соединяемый духом из двух частей, из чувственного и

---

* *Источать* (церк.-слав.) — изливать; здесь: напитываться, укрепляться. — *Ред.*

разумного. И как невозможно, чтобы душа пришла в бытие (стала проявлять себя) без совершенного образования тела с его членами, так душе прийти в созерцание невозможно без совершения дел добродетели.

23. Слово «мир» есть имя собирательное, обнимающее собою то, что называется страстями. Если человек не познает прежде, что такое мир, то не достигнет он до познания, какими членами далек он от мира и какими связан с ним. Много есть таких, которые двумя или тремя членами отрешились от мира, и отказались от общения ими с миром, и подумали о себе, что стали они чуждыми миру в житии своем, потому что не уразумели и не усмотрели, что двумя только членами умерли они миру, прочие же их члены живут миру. Не возмогли они сознать страстей своих; и как не сознали их, то не позаботились и об их уврачевании [20].

24. Когда в совокупности хотим наименовать страсти, называем их миром; а когда хотим различать по различию наименований их, называем их страстями. Страсти сии суть: приверженность к богатству и вещам, телесное наслаждение, желание чести, власти и славы, желание наряжаться, за-

висть, злопамятство и проч. Где страсти сии прекращают свое течение, там мир умер. О святых некто сказал, что, будучи еще живы, стали они мертвы, потому что, живя во плоти, жили они не по плоти. И ты смотри, какими из сих частей живешь; тогда узнаешь, какими умер миру [21].

25. Страсти суть нечто придаточное, и в них виновна сама душа. Ибо по природе душа бесстрастна. Мы веруем так, что Бог созданного по образу сотворил бесстрастным. Созданным же по образу разумею относительно не к телу, но к душе, которая невидима. Из сего должно увериться, что страсти не в природе души и что, следовательно, душа бывает вне своего естества, как скоро приходит в страстное движение [25].

26. Если добродетель естественным образом есть здравие души, то недугом души будут уже страсти, нечто случайное, прившедшее в естество души, и выводящее ее из собственного здравия. Таким образом, смело должно говорить, что страсти нимало не естественны душе, потому что болезнь позднее здравия. Если бы страсти были в душе естественно, то почему душа терпела бы от них вред? Собственно принадлежащее естеству не вредит ему [29, 30, 31].

27. Чистота ума есть просветление божественным, по деятельном упражнении в добродетелях. И не смеем сказать, чтобы приобрел кто сие без искушения помыслов. Искушением же помыслов называю не то, чтобы подчиняться им, но чтобы положить начало борьбе с ними [33].

28. Движение помыслов бывает в человеке от четырех причин: во-первых, от естественной плотской воли (естественных потребностей); во-вторых, от чувственного представления мирских предметов, о каких человек слышит и какие видит; в-третьих, от предзанятых понятий и душевной склонности (старых привычек); в-четвертых, от приражения бесов, которые воюют с нами, вовлекая во все страсти, по сказанным прежде причинам. Поэтому человек до самой смерти, пока он в жизни этой плоти, не может не иметь помыслов и брани.

29. Всякому человеку необходимо охранять себя не от одной какой-либо страсти, явно и непрестанно в нем действующей, и не от двух, а от всех. Победившие в себе страсти добродетелями, хотя и бывают тревожимы помыслами, однако же не уступают над собою победы, потому что имеют силу, и ум их восторгает-

ся к благим и божественным памятованиям [34].

30. (Чистота ума бывает, когда вместо пустых, суетных и греховных помышлений он исполнен помышлений чистых, святых и божественных. Чистота сердца бывает, когда она освобождается от всякого сочувствия к предметам страстей и любит только противоположное им.) Если ум приложит старание к чтению божественных Писаний, потрудится несколько в постах, в бдениях, в безмолвии, то забывает прежнее свое житие (и прежние помышления) и достигает чистоты (исполняясь добрыми помышлениями, заимствованными из Писания и им поддерживаемыми). Однако ж он не будет иметь прочной чистоты, потому что скоро он очищается, но скоро и оскверняется. (А главное потому, что чистота его состоит в зависимости от чистоты сердца. Пока не очистилось сердце, добрые помышления в уме непрочны. Как только появится в сердце сочувствие к чему-либо страстному, тотчас и в ум начнут тесниться мысли недобрые.) Сердце же достигает чистоты многими скорбями, лишениями, удалением от общения со всем, что в мире мирского, и умерщвлением себя для всего этого, — словом, трудами и

подвигами, коими, изгоняя из себя страсти, насаждает оно в себе противоположные им добродетели. Если у кого сердце достигло (сим путем) чистоты, то чистота его (бывает прочна) не осквернится чем-либо малым, не боится и великих браней, ибо приобретена продолжительными трудами и в долгое время [34, 35].

31. Чувства целомудренные и собранные воедино порождают в душе мир и не попускают ей входить в испытание вещей. А когда душа не приемлет в себя ощущения вещей, тогда победа совершается без борьбы. Если же человек вознерадит и дозволит, чтоб имели к нему доступ приражения, то принужден бывает выдерживать брань. Возмущается же и первоначальная чистота, которая бывает весьма проста и ровна. Ибо по сему нерадению большая часть людей, или и целый мир, выходят из естественного и чистого состояния. Поэтому живущие в мире в тесных связях с мирскими людьми не могут очистить ума, по той причине, что много познали порок. Потому всякому человеку надлежит с осторожностию соблюдать всегда чувства свои и ум от приражений. Ибо много потребно трезвенности, неусыпности, предусмотрительности [36].

32. Человеческой природе, чтобы хранить пределы послушания Богу, потребен страх. Любовь к Богу возбуждает в человеке любовь к деланию добродетелей, а сим увлекается в благотворение. Духовное ведение, по природе своей, позднее делания добродетелей. Тому же и другому предшествуют страх и любовь. И опять любви предшествует страх [37].

33. Позаботься приобрести внутрь себя Того, Кто всего драгоценнее. Оставь малое, чтоб обрести великое. Презирай излишнее и малоценное, чтоб обрести многоценное. Будь мертв в жизни твоей, чтоб жить по смерти. Предай себя на то, чтобы умирать в подвигах, а не жить в нерадении. Ибо не те только мученики, которые приняли смерть за веру во Христа, но и те, которые умирают за соблюдение заповедей Христовых.

34. Не будь несмыслен в прошениях своих, чтобы не оскорбить тебе Бога малостию своего ведения. Будь мудр в своих молитвах, чтобы сподобиться тебе славы. Проси досточестного у Дающего без зависти, чтобы за мудрое свое хотение приять от Него и почесть. Премудрости просил себе Соломон, а поелику у великого Царя просил

премудро, то с премудростию приял и царство земное. Елисей просил в сугубой мере той благодати духа, какую имел учитель, и прошение его не осталось неисполненным. Ибо кто у Царя домогается маловажного, тот унижает его честь. Приноси Богу прошения свои сообразно с его славою, чтобы возвеличилось пред Ним достоинство твое и возрадовался Он о тебе. Вот Ангелы и Архангелы, сии вельможи Царя, во время молитвы твоей устремляют на тебя внимание, с каким прошением обратишься ты ко Владыке их; и изумляются и радуются, когда видят, что ты, земный, оставил плоть свою и просишь небесного [39].

35. Не проси у Бога того, что Сам Он без прошения дает нам по Своему промышлению, и дает не только Своим и возлюбленным, но и тем, которые чужды ведения о Нем. Сын у Отца Своего не просит уже хлеба, но домогается наибольшего и высшего в доме Отца Своего. Ибо по немощи только ума человеческого Господь заповедал просить ежедневного хлеба [39].

36. Если просишь чего у Бога и Он медлит услышать тебя вскоре — не печалься, потому что ты не премудрее Бога. Бывает же сие с тобою или потому, что не-

достоин ты получить просимое; или потому, что пути сердца твоего не соответственны, но противны прошениям твоим; или потому, что не пришел ты еще в меру, чтобы приять дарование, которого просишь. Ибо не должно нам прежде времени касаться великих мер, чтобы дарование Божие, от скорости приятия оного, не сделалось бесполезным, потому что легко полученное скоро и утрачивается; все же, приобретенное с болезнию сердечною, и хранится с осторожностию [40].

37. Молись, чтобы не впасть в искушения душевные, а к искушениям телесным приуготовляйся со всею крепостию своею. Ибо вне их не возможешь приблизиться к Богу, потому что среди их уготован божественный покой. Кто бежит от искушений, тот бежит от добродетели. Разумею же искушение не пожеланий, а скорбей [41].

38. Молись, чтобы не внити во искушения касательно веры. Молись, чтобы вместе с демоном хулы и гордыни не внити в искушения самомнением ума твоего. Молись, чтобы, по Божию попущению, не внити тебе в явное диавольское искушение по причине худых мыслей, какие помыслил ты умом своим и за которые попускаются искушения. Молись, чтоб не отступил от тебя Ангел це-

ломудрия твоего, чтобы грех не воздвиг на тебя пламенеющей брани и не разлучил тебя с ним. Молись, чтоб не внити в искушение двоедушия и сомнения (колебания упования), которыми душа вводится в великое борение. — А искушения телесные приуготовляйся принимать от всей души и преплывай их всеми членами своими; и очи свои наполняй слезами, чтобы не отступил от тебя Хранитель твой. Ибо вне искушений не усматривается Промысл Божий, невозможно приобрести дерзновения пред Богом, невозможно научиться премудрости Духа, нет также возможности, чтобы божественная любовь утвердилась в душе твоей. Прежде искушений человек молится Богу, как чужой кто. Когда же входит в искушения по любви к Богу и не допускает в себя изменения, тогда вменяется у Бога как бы имеющий Его должником своим и как искренний друг, потому что, во исполнение воли Божией, вел брань с врагом Божиим и победил его [42, 43].

39. Господь наш повелел молиться и о телесных искушениях. Ибо, зная, что естество наше, по причине перстного и бренного тела, немощно и, когда бывает в искушениях, не в состоянии противостоять им и потому отпадает от истины, обращает

хребет* и одолевается скорбями, — повелел молиться, чтобы не впасть нам в искушение внезапно, если и без них возможно благоугодить Богу [44].

40. Отныне всеми силами начнем пренебрегать телом, предадим душу Богу и о имени Господнем вступим в борьбу с искушениями. И Кто спас Иосифа в земле Египетской, показав в нем образец целомудрия, Кто сохранил невредимым Даниила во рве львином и трех юношей в пещи огненной, Кто избавил Иеремию от рва тинного и даровал ему милость в стане Халдейском, Кто Петра извел из узилища при затворенных дверях и Павла спас от сонмища Иудейского, — короче сказать, Кто всегда на всяком месте, во всякой стране соприсущ рабам Своим и являет в них силу и победу Свою, соблюдает их во многих необычайных обстоятельствах, показывает им спасение Свое во всех скорбях их, — Тот и нас да укрепит и да спасет среди окружающих нас волн! [45, 46].

41. Да будет в душах наших столько же ревности против диавола и его приставников, сколько имели Маккавеи, и святые Пророки, и Апостолы, и мученики, и преподобные, и праведные, которые при искуше-

* Поворачивается спиной, отступает. — *Ред.*

ниях самых трудных, мир и тело повергши позади себя, устояли в правде, не уступили над собою победы опасностям, которые вместе с их душами окружали и тела, но победили их мужественно. Имена их написаны в книге жизни, и учение их соблюдается для нашего наставления и укрепления, чтобы мы стали мудрыми, познали пути Божии, имея пред очами жития их, как живые и одушевленные образцы, и шествуя путем их. Сказания о праведных также вожделенны слуху кротких, как постоянное орошение недавно насажденному растению.

42. Как доброе некое врачевство для слабых глаз, содержи в уме Промысл Божий, которым охраняется все от начала доныне. Памятование о сем храни на всякий час, о сем размышляй и заботься, из сего извлекай для себя наставления, чтобы навыкнуть тебе хранить в душе своей памятование о величии чести Божией и обрести в душе своей вечную жизнь во Христе Иисусе, Господе нашем, Который, как Бог и человек, соделался ходатаем Бога и человеков [47].

43. Одолеваемый какою-либо страстию, когда падет, да не забывает любви Отца своего Небесного; но если случится ему впасть и в многоразличные прегрешения, да

не престает радеть о добре, да не останавливается в своем течении; но, и побеждаемый, снова да восстает на борьбу с своими противниками, и ежедневно да начинает полагать основание разрушенному зданию, до самого исхода своего из мира сего, имея в устах пророческое слово: *не радуйся о мне, противник мой, яко падох*, ибо снова *востану. Аще сяду во тме, Господь осветит мя* (Мих. 7, 8); и нимало да не прекращает брани до самой смерти своей и пока есть в нем дыхание; да не предает души своей на одоление даже и во время самого поражения. Но если и каждый день разбивается ладия его и терпит крушение весь груз, да не перестает заботиться, запасаться, даже брать взаймы, переходить на другие корабли и плыть с упованием, пока Господь, призрев на подвиг его и умилосердившись над сокрушением его, не ниспослет ему милость Свою и не даст ему сильных побуждений встретить и вытерпеть разжженные стрелы врага. Таков мудрый больной, не теряющий надежды своей [50, 51].

44. Некто из чадолюбивых отцов духовных говорит: «если вы, чада, действительно подвижники, стремящиеся к добродетели, и есть в вас душевное рачение, то воз-

желайте ум ваш представить Христу чистым и делать дела, Ему благоугодные. Ибо непременно должно нам выдержать за сие всякую брань, воздвигаемую естественными страстями, противлением мира сего, постоянною и не прекращающеюся злобою демонов и со всеми их злоухищрениями. Не бойтесь, что жестокость брани непрерывна и продолжительна; не приходите в колебание от долговременности борьбы; не ослабевайте и не трепещите от вражеских ополчений; не впадайте в бездну безнадежности, если, может быть, и приключится вам на время поползнуться и согрешить. Но если и потерпите что-нибудь в сей великой брани, будете поражены в лице и уязвлены, сие нимало да не воспрепятствует стремиться к доброй вашей цели. Паче же пребывайте в избранном вами делании и достигайте сего вожделенного и похвального конца, то есть чтобы оказаться в брани твердыми, непобежденными, необагренными кровию язв своих, — и никаким образом не прекращайте борьбы с своими сопротивниками».

45. Горе монаху (и всякому христианину), который лжет обету своему, и, попирая совесть свою, подает руку диаволу, чтобы тот похвалился вовлечением его в ка-

кой-либо род малых или великих грехов, и который не может снова стать пред лицом врагов своих сокрушенною частию души своей. — С каким лицом предстанет он Судие, когда, достигнув чистоты, друзья его сретят друг друга, — те самые, с которыми, разлучившись в пути своем, пошел он стезею погибели, утратил и то дерзновение, какое имеют пред Богом преподобные, и ту молитву, которая исходит из чистого сердца, возносится горе превыше Ангельских сил и ничем не возбраняется, пока не получит просимого в ней и с радостию не возвратится в воссылавшие ее уста? — И страшнее всего то, что, как здесь он разлучился с ними в пути своем, так и его разлучит с ними Христос Господь в тот день, когда светлый облак понесет на хребте своем тела, сияющие чистотою, и поставит во вратах небесных [52, 53].

**46.** Кто хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Господа. — У кого помышления всегда о Боге, тот прогоняет от себя демонов и искореняет семя их злобы. — Кто ежечасно назирает за своею душою, у того сердце возвеселяется откровениями. — Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот зрит в себе духовную зарю. — Кто возгнушался всяким парением

ума, тот зрит Владыку своего внутрь сердца своего [54].

47. Если любишь чистоту, при которой может быть зрим Владыка всяческих, то никого не осуждай и не слушай того, кто осуждает брата своего. Если другие препираются при тебе, заткни уши свои и беги оттуда, чтобы не услышать тебе выражений гневных и не умерла душа твоя, лишившись жизни. Сердце раздраженное не вмещает в себе таин Божиих; а кроткий и смиренномудрый есть источник таин нового века.

48. Если будешь чист, то внутри тебя небо, и в себе самом узришь Ангелов и свет их, а с ними и в них и Владыку Ангелов.

49. Наблюдающий за языком своим вовек не будет им окраден. Уста молчаливые истолковывают тайны Божии; а скорый на слово удаляется от Создателя своего. Молчаливый языком во всей наружности своей приобретает смиренномудрие и чинность, и он без труда возобладает над страстями.

50. Как при безмолвной тишине чувственного моря носится и плавает дельфин, так и при безмолвии и утишении раздражительности и гнева в море сердечном, во всякое время, к веселию сердца, носятся в нем тайны и божественные откровения [55].

51. Страсти искореняются и обращаются в бегство непрестанным погружением мысли в Боге. Это — меч, умерщвляющий их. Кто желает видеть Господа внутри себя, тот прилагает усилие очищать сердце свое непрестанным памятованием о Боге; и, таким образом, при светлости очей ума своего, ежечасно будет он зреть Господа. Что бывает с рыбою, вышедшею из воды, то бывает с умом, который выступил из памятования о Боге и парит памятованием о мире.

52. Сколько человек удаляется от собеседования с людьми, столько же удостаивается дерзновенного умом своим беседования с Богом; и в какой мере отсекает от себя утешения мира сего, в такой удостаивается радости Божией о Духе Святом. И как гибнут рыбы от недостатка воды, так умные движения, возникающие при помощи Божией, исчезают в сердце монаха, который часто обращается и проводит время с людьми мирскими.

53. Кто с пламенною ревностию днем и ночью ищет Бога в сердце своем и искореняет в нем приражения, бывающие от врага, тот страшен демонам и вожделенен Богу и Ангелам Его. У чистого душою — мысленная область внутри его; сияющее в

нем солнце — свет Пресвятой Троицы; воздух, которым дышат обитатели области сей, — Утешительный и Всесвятой Дух; совосседающие в нем — святые и бесплотные природы; а жизнь и радость и веселие их — Христос, Свет от Света — Отца. Таковой и видением души своей ежечасно увеселяется и дивится красоте своей, которая действительно во сто крат блистательнее светлости солнечной. Это — Иерусалим и Царство Божие, внутри нас сокровенное, по Господнему слову. Область сия есть облако Божией славы, в которое только чистые сердцем внидут узреть лицо своего Владыки и озарить умы свои лучами Владычнего света [56].

54. Кто раздражителен, кто гневлив, кто славолюбив, кто любостяжателен, кто чревоугодлив, кто обращается с мирянами, кто хочет, чтобы исполняема была собственная воля его, кто вспыльчив и исполнен страстей, — все таковые находятся вне области жизни и света, ибо область сия составляет удел сделавших сердце свое чистым [57].

55. Кто уничижает и умаляет себя, того преумудряет Бог. А кто сам себя почитает премудрым, тот отпадает от Божией премудрости.

56. Кто целомудрен, смиренномудр, гнушается вольностию в словах и изгнал из сердца раздражительность, тот, как скоро станет на молитву, видит в душе своей свет Святого Духа, и скачет в блистаниях озарения светом Его, и веселится видением славы сего озарения и изменением оного до уподобления с ним самим. Нет иного делания, которое бы могло низлагать так полки нечистых демонов, как видение в Боге.

57. Блажен, кто памятует о своем отшествии из этой жизни и воздерживается от привязанности к наслаждениям мира сего, потому что многократно усугубленное ублажение приимет во время отшествия своего. — Он есть рожденный от Бога; и Святой Дух — кормитель его; из лона Духа сосет он живоносную пищу и к веселию своему обоняет воню его [58].

58. Ничто не охлаждает так огня, вдыхаемого в сердце Святым Духом к освящению души, как обращение с людьми, многоглаголание и всякая беседа, кроме беседы с чадами таин Божиих, способствующей к приращению ведения Божия и к сближению с Богом. Ибо таковая беседа сильнее всех добродетелей пробуждает душу к жизни, искореняет страсти и усыпляет скверные помыс-

лы. Пребывание и обращение с подвижниками тех и других обогащает тайнами Божиими [60—61].

59. Трапеза пребывающего всегда в молитве сладостнее всякого благоухания от мускуса и благовония от мира: боголюбивый вожделевает оной, как бесценного сокровища. С трапезы постящихся, пребывающих в бдении и трудящихся о Господе, заимствуй себе врачевство жизни и возбуди от омертвения душу свою. Ибо среди них, освящая их, возлежит Возлюбленный и горечь злострадания их претворяет в неисповедимую Свою сладость, духовные же и небесные служители Его осеняют их и святые яства их. И я знаю одного из братий, который ясно видел это собственными глазами своими [62].

60. Некто рассказывал мне из собственного опыта своего: «в которые дни имею я беседу с кем-нибудь, в те съедаю по три или по четыре сухаря в день; если стану принуждать себя к молитве, то ум мой не имеет дерзновения к Богу, и не могу устремить к Нему мысли. Когда же разлучусь с собеседниками на безмолвие, в первый день принуждаю себя съесть полтора сухаря, во второй — один, а как скоро утвердился ум

мой в безмолвии, усиливаюсь съесть один целый сухарь, и не могу, ум же мой непрестанно с дерзновением беседует с Богом, хотя и не понуждаю его к тому, и светозарность Божества, не оскудевая, осиявает меня видеть красоту Божественного света и увеселяется ею. Если же во время безмолвия приключится кому прийти и поговорить со мною хотя один час, невозможно мне тогда не прибавить пищи, не оставить чего из правила, не расслабеть умом к созерцанию оного света» [63—64].

61. Был я у одного брата и вот что видел. Этот брат встал ночью и очень долго стихословил; затем вдруг оставлял правило, падал на лицо свое и до ста или более раз с горячностию, какую возжигала в сердце его благодать, ударял головою в землю. После сего вставал, лобызал крест Владычний, снова делал поклон, и лобызал тот же крест, и опять повергался на лицо свое. И такой обычай соблюдал он всю жизнь так, что невозможно изобразить мне числом множества его коленопреклонений. Да и кто был бы в состоянии исчислить поклоны этого брата, какие клал он каждую ночь. Раз двадцать со страхом и горячностию, с любовию, растворенною благоговением, лобызал он крест и

опять начинал класть поклоны и стихословить; а иной раз от великого возгорения помыслов, распалявших его горячностию своею, когда не в силах был выносить разжжения оного пламени, препобеждаемый радостию, потому что не мог удержаться, вскрикивал. Поутру же, когда садился он за чтение, делался подобным человеку плененному, и в продолжение каждой читаемой им главы не раз падал на лицо свое, и на многих стихах воздевал руки свои к небу, и славословил Бога [70].

62. Слышал я от одного старца: «всякая молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вменяется заодно с недоношенным плодом чрева, потому что такая молитва не имеет в себе души» [75].

63. Будь подобен Херувимам и не думай, что кроме тебя и Бога есть кто-либо другой на земле, о ком бы заботиться тебе [85].

64. Иное дело — молитвенное услаждение, а иное — молитвенное созерцание. Последнее в такой мере выше первого, в какой совершенный человек выше несовершенного отрока. Иногда стихи делаются сладостными в устах, и стихословие одного стиха в молитве неисчетно повторяется, не до-

зволяя переходить к другому стиху; и молящийся не знает насыщения. Иногда же от молитвы рождается некое созерцание, и прерывает оно устную молитву, и молящийся в созерцании изумевает, цепенея телом. Такое состояние называем мы молитвенным созерцанием, а не видение и экстаз или мечтательный призрак чего-либо [88].

65. Как вся сила законов и заповедей, какие Богом даны людям, по слову отцов, имеет пределом чистоту сердца, так все роды и виды молитвы, какими только люди молятся Богу, имеют пределом чистую молитву. Ибо и воздыхания, и коленопреклонения, и сердечные прошения, и сладчайшие вопли, и все виды молитвы имеют пределом чистую молитву и до нее только имеют возможность простираться. Подвиг в молитве — лишь до сей молитвы; а за сим пределом будет уже изумление, а не молитва, потому что все молитвенное прекращается, наступает же некое созерцание [89, 90].

66. Как из многих тысяч едва находится один, исполнивший заповеди и достигший чрез то душевной чистоты, так из тысячи разве один найдется, при великом рачении и бдительности сподобившийся достигнуть чистой молитвы; а достигший того таинства,

которое уже за сею молитвою, едва находится и из рода в род [91].

67. Молитва есть моление, заключающее в себе или прошение, или благодарение, или хваление. Сими движениями и ограничиваются молитвенные движения. А чистота и нечистота молитвы зависит от следующего: коль скоро в то самое время, как ум приуготовляется принести одно из сказанных движений своих, примешивается к нему какая-либо посторонняя мысль или забота о чем-нибудь, тогда молитва сия не называется чистою [91, 92].

68. Святые в будущем веке, где ум их поглощен Духом, не молитвою молятся, но с изумлением водворяются в веселящей их славе. Так бывает и с нами. Как скоро ум сподобится ощутить будущее блаженство, забудет он и самого себя, и все здешнее и не будет уже иметь в себе движения к чему-либо. Обычно ум — домостроитель чувств и помыслов, и царь страстей; но когда управление Духа возгосподствует над ним, тогда отъемлется у него власть, и он путеводится уже, а не путеводит. И где тогда будет молитва, когда природа не в силах иметь над собою власти, но иною силою путеводится, сама не знает куда, овладевается в тот час

пленившею ее силою и не чувствует, где путеводится ею? Тогда человек не знает даже, в теле он или кроме тела (2 Кор. 12, 2). И будет ли уже молитва в том, кто столько пленен и не сознает сам себя? [94, 95].

69. Состояние сие, хотя не имеет обычных молитвенных движений, именуется, однако ж, молитвою и ради того, что и оно есть предстояние Богу, и ради того, что благодать сия дается достойным во время молитвы, и начало свое имеет в молитве, так как, кроме подобного времени, нет и места посещения сей достославной благодати. В иные времена не имеет она места. Ибо знаем, что многие святые, как повествуется в житиях их, став на молитву, были восхищаемы умом. Но если кто спросит: почему же в сие только время бывают сии великие и неизреченные дарования, то ответствуем: потому что в сие время более, нежели во всякое другое, человек бывает собран в себя и уготован внимать Богу, вожделевает и ожидает от Него милости. Короче сказать, это есть время стояния при вратах царских, чтобы умолять Царя; и прилично исполниться прошению умоляющего и призывающего в это время. Ибо бывает ли другое какое время, в которое бы человек был столько приуготов-

лен и так наблюдал за собою, кроме времени молитвы? — Ибо вот святые, хотя не имеют праздного времени, потому что всякий час заняты духовным, однако же с ними бывает время, когда не готовы они к молитве. Ибо нередко занимаются или помышлением о чем-либо встречающемся в жизни, или рассматриванием тварей, или иным чем действительно полезным. Но во время молитвы созерцание ума устремлено к единому Богу и к Нему направляет все свои движения, Ему от сердца, с рачением и непрестанною горячностию, приносит моления. И посему-то в это время, когда у души бывает одно-единственное попечение, прилично источаться божественному благоволению [95, 96].

**70.** Все видения святым бывали во время молитвы. Ибо какое другое время так свято и по святыне своей столько прилично приятию дарований, как время молитвы, в которое человек беседует с Богом? В это время, в которое совершаются молитвословия и моления пред Богом и собеседование с Ним, человек с усилием отвсюду собирает воедино все свои движения и помышления и погружается мыслию в едином Боге, и сердце его наполнено бывает Богом, и оттого уразумевает он непостижимое. Ибо Дух

Святой, по мере сил каждого, действует в нем, и действует, заимствуя повод к действию из того самого, о чем кто молится; так что вниманием молитва лишается движения, и ум поражается и поглощается изумлением, и бывает уже не в мире сем [97, 98].

71. Некто был спрошен: когда человек узнает, что получил отпущение грехов своих? И ответил: когда ощутит в душе своей, что совершенно, от всего сердца, возненавидел грех и когда явно даст себе направление, противоположное прежнему [112].

72. Кто просвещен в своих понятиях? — Тот, кто умел отыскать горечь, сокровенную в сладости мира, воспретил устам своим пить из этой чаши, доискивается всегда, как спасти душу свою, не останавливается в своем стремлении, пока не отрешится от мира сего, и запирает двери чувств своих, чтобы не вошла в него приверженность к сей жизни и не похитила у него тайных сокровищ его [122].

73. Нередко бывает с иными, что одна половина их пошла вослед Господа, а другая половина осталась в мире и сердце их не отрешилось от здешнего, но разделились они сами в себе и иногда смотрят вперед, а иногда назад. К таковым говорит премуд-

рый: *не приступи к нему сердцем раздвоенным* (Сир. 1, 28). [123].

74. Что значит отвергнуться себя? — Как приготовившийся взойти на крест одну мысль о смерти имеет в уме своем и восходит на крест, как человек, не помышляющий, что снова будет иметь часть в жизни настоящего века, так и желающий исполнить сказанное: *да отвержется себе и возмет крест* <Мф. 16, 24>. Ибо крест есть воля, готовая на всякую скорбь и смерть. Кто в этом вооружении выступит на подвиг, в очах того делается достойным пренебрежения всё, почитаемое трудным и скорбным [125].

75. Тело не соглашается жить без удовлетворения нужд его, пока окружено тем, что служит к роскоши и расслаблению; и ум не может удержать его от этого, пока оное тело не будет устранено от всего, производящего расслабление. Ибо, когда открыты пред ним зрелища роскоши и сует и каждый почти час оно видит служащее к расслаблению, тогда пробуждается в нем пламенное пожелание сего и, как бы разжигая его, раздражает. Посему-то Господь обязавшемуся идти вслед Его весьма хорошо заповедал обнажиться и выйти из мира, потому

что человек должен сперва отринуть все, служащее к расслаблению, и потом приступать к делу. Как скоро отлучит себя человек от мира и от всего, что в мире, немедленно забывает прежнюю свою привычку и прежний образ жизни и долгое время не занимается этим. А от приближения его к миру и к вещам мирским скоро расслабевает сила ума его. Итак, рачительному надлежит скорою ногою бежать от всего воюющего и сколько можно удаляться даже приближения к тому [125—127].

76. Один из старцев подвижников сказал: «в каждом члене этого тела скрывается приманка, и человеку предстоит от всего великая брань, почему и должно ему охранять себя и облегчать для себя угрожающую в этом брань, спасаясь от него бегством. А как скоро приближается что-либо такое, тогда человек, хотя и принуждает себя к добру, однако ж бывает в опасности, всегда видя это и вожделевая этого». — Прибавлю к сему: в земле видим многие сокровенные врачевства, и летом по причине жара никто не знает их; когда же увлажены будут и ощутят силу прохлажденного воздуха, тогда оказывается, где было погребено в земле каждое врачевство. Так и человек, когда он

в благодати безмолвия и в теплоте воздержания, тогда действительно бывает в покое от многих страстей; если же входит в мирские дела, то видит тогда, как восстает каждая страсть, подъемлет главу свою, особенно если ощутить воню покоя [129].

77. Кто в течение целой своей жизни любит беседу с этою четою — постом и бдением, — тот бывает другом целомудрия. Как началом всему худому служит упокоение чрева и расслабление себя сном, возжигающее блудную похоть, так святой путь Божий и основание всех добродетелей — пост, бдение, бодрствование в службе Божией, в распинании тела целый день и целую ночь, в противоположность сладости сна [130].

78. Как здравым глазам свойственно вожделение света, так посту, соблюдаемому с рассудительностию, свойственно вожделение молитвы. Как скоро начнет кто поститься, вожделевает уже с этого времени умом своим прийти в вожделение собеседования с Богом. Когда на уста человеку налагается печать постов, тогда помысл его поучается в умилении, сердце его источает молитву, на лице у него грусть, и срамные помыслы далеки от него, не видно веселости в очах его, враг он похотений и суетных бесед.

Пост был заповедию, в начале данною нашему естеству, и нарушением поста пало начало нашего создания. С поста начал и Спаситель, когда явился миру на Иордане. Ибо, по крещении, Дух низвел Его в пустыню, и постился Он там сорок ночей [131].

79. О многих мучениках сказывают, что на тот день, в который ожидали они приять венец мученичества, если предузнавали о сем, или по откровению, или по извещению от кого-либо из друзей своих, ничего не вкушали всю ночь, но с вечера до утра стояли бодрственно на молитве, славя Бога в псалмах, пениях и песнях духовных, с веселием и радованием ожидали того часа, как иные уготовившиеся на брак, чтобы в посте сретить меч. Посему и мы, призванные к невидимому мученичеству, чтобы приять венцы святыни, будем трезвиться, и врагам нашим да не будет дано знака отречения ни одним членом, ни одною частию нашего тела [133, 134].

80. Страсти сокровенные в душе не исправляются одними телесными трудами; они не удерживают помыслов о том, что пробуждается всегда чувствами. Труды сии способствуют к охранению человека от положений, чтобы не был ими препобеждаем; но не доставляют душе мира и тишины. Для

сего необходимо, чтобы человек самого себя от рассеяния помыслов собрал в себя, от внешних развлечений и парений возвратил в себя, и упокоился в себе. И если человек хорошо устоит в этом, то приходит он понемногу в состояние шествовать к душевной чистоте [134, 135].

81. Как можно ожидать, чтобы очистилась душа того, кто деятельно, сам собою или другими, посредством чувств обновляет в себе памятование старой привычки? Если сердце ежедневно оскверняется, то очистится ли человек от скверны? Пока река не преграждена вверху, не иссякают воды внизу [135, 136].

82. Какой признак того, что чистота начала водворяться в сердце? — Когда сподобится кто благодати слез, проливаемых без принуждения, потому что слезы положены уму как бы некиим пределом между телесным и духовным, между состоянием страстным и чистотою. Пока не примет человек этого дарования, дело его совершается еще во внешнем только человеке, и еще вовсе не ощутил он действенности того, что сокрыто в духовном человеке.

83. Бывают слезы сожигающие и бывают слезы утучняющие. Те слезы, кото-

рые исходят из сущности сердца от сокрушения о грехах, иссушают и сожигают тело. Но ими отверзается человеку дверь войти на вторую ступень, лучшую первой; и это есть страна радости, в которой человек приемлет милость. Это уже слезы умиления, кои и украшают и утучняют тело, и исходят непринужденно сами собой [137].

84. Что есть воскресение души? — Воскресением души надобно называть исшествие из ветхости, именно, чтобы произошел новый человек, в котором нет ничего от ветхого человека, по сказанному: *и дам вам сердце ново и дух нов* (Иез. 36, 26). [138].

85. Все святые пребывали в плаче. Если же святые плакали и, пока не переселились из жизни сей, очи их всегда были наполнены слезами, то кто же не будет плакать? Если совершенные и победоносные плакали здесь, то как стерпит исполненный язв, чтобы перестать ему плакать? Кто имеет лежащего пред собою мертвеца и видит, что сам он умерщвлен грехами, того нужно ли учить, с какою мыслию пользоваться ему слезами? Душа твоя, которая для тебя дороже целого мира, умерщвлена грехами и лежит пред тобою; ужели же не требует она плача? — Будем часто в уме своем молить

Господа, чтобы даровал нам плач. Ибо если приобретем сию благодать, то при помощи ее достигнем чистоты. Плачущий не может быть тревожим страстями [144, 145].

86. Страсти не могут восстать на душу и смутить подвижника, если в уединении его, удаленном от всякого рассеяния, сердце его не занимается житейским, разве только будет он ленив и нерадив о своем долге. А преимущественно, если будет он упражняться в изучении божественных Писаний, то, занимаясь изысканием их смысла, пребывает нимало не тревожим страстями. Ибо при возрастающем и укореняющемся в нем разумении божественных Писаний бегут от него суетные помыслы, и ум его не может отстать от желания читать Писание или размышлять о читанном, и не обращает он ни малого внимания на жизнь настоящую по причине весьма великого наслаждения своим занятием, восхищаемый Писаниями в неразвлекаемом самоуглублении. Почему забывает себя и естество свое, и делается как бы человеком, который пришел в исступление, вовсе не памятует о сем веке, преимущественно занят мыслию о величии Божием, и, погружаясь в это умом, говорит: слава Божеству Его! слава чудесам Его! не-

постижимы все дела Его — в творении, промышлении, паче же в искуплении и будущем возустроении всяческих [145, 146].

87. Чего искать паче всего? — Того, чтоб сподобился человек непрестанного пребывания в молитве. Ибо, как скоро достиг он сего, взошел на высоту всех добродетелей и соделался уже обителию Святого Духа. А если кто не приял несомненно сей благодати Утешителя, то не может свободно совершать пребывания в сей молитве, потому что, как сказано, когда вселится в ком из людей Дух, тогда не прекратит он молитвы, но Сам Дух молится всегда (Рим. 8, 26). Тогда и в сонном, и в бодренном состоянии человека молитва не пресекается в душе его, но ест ли, пьет ли, спит ли, делает ли что, даже и в глубоком сне, без труда издаются сердцем его благоухания и испарения молитвы [152].

88. Нет часа, в который бы внутреннее движение сподобившихся дара молитвы было не в молитве. И не имеют они нужды в образе продолжительной молитвы, ни в стоянии и чине продолжительной службы. Для них достаточно воспомянуть о Боге, — и тотчас пленяются они любовию Его. Впрочем, не нерадят они совершенно и о стоянии

на молитве, когда воздают честь молитве, и, кроме непрестанной молитвы, в назначенные часы стоят на ногах. Ибо видим святого Антония стоящим на молитве девятого часа, ощутившим возношение ума своего. — Сподобляется же сей благодати человек, когда хранением заповедей Господних, противящихся греху, и внутренно и наружно совлечется греха. И Господь обетовал в Евангелии сохранившему заповеди сотворить у него обитель [154].

**89.** В чем совершенство духовное? — В том, когда сподобится кто совершенной любви к Богу. По чему узнает человек, что достиг ее? — Когда при воспоминании о Боге сердце его немедленно возбуждается любовию к Нему, и очи его обильно изводят слезы. Ибо любви обычно воспоминанием о любимых возбуждать слезы. И пребывающий в любви Божией никогда не лишается слез, потому что никогда не имеет недостатка в том, что питает в нем памятование о Боге, почему и во сне своем беседует с Богом [155].

**90.** Чем человеку преуспевшему — преодолеть помысл гордости? — Тем убеждением, что, поддавшись сему помыслу, отпадает от Бога, как сухой лист падает с де-

рева. Ибо своею ли силою приобрел добродетели и перенес ради их все борения, между тем как Господь удерживал помощь Свою, и попускал ему одному вступить в борьбу с диаволом, и не ходил вместе с ним, как обыкновенно участвует Он в борьбе подвизающихся и содействует им? — Со святыми всегда бывает Промысл Божий, и хранящий и укрепляющий их. Им побеждает всякий чин людей, если бывает человек в подвиге, и в страданиях мученических, и в прочих бедствиях, постигающих за Бога и ради Его претерпеваемых. И это ясно, очевидно и несомненно. Сознавший сие не может возгордиться [155].

91. Заботы и занятия плотского разума суть: богатство, почет, убранство, телесный покой, рачение о словесной мудрости, годной к управлению в мире сем и источающей обновление в изобретениях, и искусствах, и науках, и все прочее, чем увенчивается тело (внешняя жизнь) в этом видимом мире. Это — голый разум, потому что исключает всякое Божественное попечение, но чрез это вносит совершенное бессилие в душу человека. Сам он о себе думает, что всем заправляет в человеке, и во внешней и во внутренней жизни. Посему ничего не приписывает Про-

мыслу Божию, но все в человеке, спасение его от вредоносного, остережение от затруднений и противностей, тайно и явно сопровождающих естество наше, кажутся ему следствием собственной его рачительности и собственных его способов. Таково гордое мнение о себе плотского разума. Он мечтает, что все бывает по его промышлению; а сам между тем пребывает в непрестанных опасениях и тревогах. Не может он пребыть без страха за тело, потому овладевают им малодушие, печаль, отчаяние, страх от бесов, боязнь от людей, молва о разбойниках, слухи о смертях, заботливость в болезни, попечительность в скудости и недостатке потребного, страх смерти, страх страданий и злых зверей и все прочее, сходное с сим и уподобляющееся морю, в котором ежечасно, день и ночь, мятутся и устремляются на пловцов волны. Таков разум кичащий, у коего сок и кровь — надмение и гордыня! Он совершенно противоположен вере и держит человека в состоянии ниже естества [182—184].

92. Человеку, во время молитвенного прошения своего, утвердиться в уповании на Бога есть лучшая часть благодати веры. Утверждение же веры в Бога не то, что здравое исповедание, хотя оно и матерь веры.

Вера, доводящая до несомненности в уповании, никогда не достигается некрещеными, или (и крещеными, но) у которых ум растлен (страстями). Несомненность веры в людях, высоких душою, открывается по мере того, как нравы их внимательны к житию по заповедям Господним [195].

93. Тщательное изучение Писания — свет для души, потому что оно указывает душе полезные напоминания о том, чтобы остерегаться от страстей, пребывать в любви к Богу и в чистоте молитвы, и также начертывает пред нами мирный путь по следам святых.

94. Если памятование доброго, когда приводим его себе на мысль, обновляет в нас добродетель, то явно, что и памятование непотребства, когда припоминаем о нем, обновляет в уме нашем срамное пожелание. Если ты ревнитель чистоты, то очевидно: тебе надобно первые углублять, а последние искоренять [196].

95. Говорят, что святые Ангелы принимают на себя подобия некоторых досточтимых святых и в сонном видении показывают душе сии подобия, во время парения ее мыслей, к ее радости, обогащению и восхищению, а днем постоянно приводят их в

движение, когда рассматривает душа свои помыслы. Это бывает с ревнителями добродетели; и от сего преуспевают они в течении своем. — Кто имеет привычку занимать мысли свои худым, тому, при содействии демонов, также в сонных мечтаниях представляется это в подобии. Демоны принимают на себя подобие, производят в душе мечтания, чтоб, вызвав в душе сочувствие и согласие на страстное дело, томить ее потом и дневным о том воспоминанием склоняя на грех [197].

96. Хочешь ли наслаждаться стихословием во время службы своей? — Да углубляется ум твой в изучение словес Духа (наперед заучи псалмы на память, обсуди их и прочувствуй), пока душа твоя удивлением к домостроительству не возбудится к высоким их разумениям и чрез это не подвигнется к славословию или к полезной печали. И если есть что для молитвы, усвой это себе. Затем при стихословии псалмопения твоего (припоминай обследованное и прочувствованное) не будь как бы заимствующим слова у другого, но как сам от себя произноси слово прошения твоего с умилением и рассудительным разумением, как истинно понимающий дело свое. При сем надобно совершенно

отложить в сторону количество стихословия и оставить громогласие [199].

97. Уныние (скучание на правиле) рождается от парения ума, а парение ума — от праздности, чтения (многого, без разбора) и суетных бесед или от пресыщения чрева [201].

98. Если кто не прекословит помыслам, всеваемым в нас от врага, но молитвою к Богу прерывает беседу с ними, то это служит признаком, что ум его, по благодати Божией, обрел премудрость и краткую стезю к пресечению парения (и шума помыслов). Ибо нет действеннее помощи, как помощь от Бога.

99. Слезы во время молитвы — признак Божией милости, которой сподобилась душа в покаянии своем, — признак того, что молитва принята и слезами начала входить в поле чистоты. Если не будут отъяты помыслы о преходящем, не зародится забота о приготовлении к исшествию из сей жизни, не начнут в душе восставать помыслы о том, что будет там, то глаза не могут проливать слез. Слезы суть следствие непарительного размышления и воспоминания о предметах, могущих приводить сердце в печаль [202].

100. Будь уверен, что Хранитель твой с тобою и мудрость твоя во всей точности да удостоверит тебя, что вместе со всеми тварями и ты состоишь под единым Владыкою, Который единым мановением приводит все в движение, и колеблет, и укрощает, и устрояет. Ни один раб не может сделать вреда кому-либо из подобных ему рабов без дозволения о всех Промышляющего и всем Управляющего [204].

101. Некто из великих отцов сказал о себе, что после тридцатилетних подвигов, скорбей и исканий Бог даровал ему наконец глубокое успокоение сердца. Оттого, говорит, когда захочу встать для совершения службы Божией, могу еще совершить одну славу (треть кафизмы); а что до остального, если буду стоять три дня, в изумлении пребываю с Богом, и нимало не чувствую труда [207].

102. Один святой старец, имевший обыкновение нередко проводить ночи в бдении, говорил: «если какую ночь провожу всю в бдении до утра и засыпаю с псалмопением, то, по пробуждении от сна, в день этот бываю как бы человеком, не принадлежащим к миру сему: никакие земные помыслы не приходят мне на сердце, и не имею нужду в

определенных правилах, но целый день тот бываю в изумлении [208].

**103.** Кто имеет добрые желания, тому противление не может воспрепятствовать исполнить оные, разве только лукавый найдет место худому предлогу в желающих доброго. Бывает же это по следующей причине. За всякою мыслию доброго желания, в начале его движения, последует некая ревность, горячностию своею уподобляющаяся огненным углям; и она обыкновенно ограждает сию мысль и не допускает, чтобы приближалось к ней какое-либо сопротивление, препятствие и преграда; потому что ревность сия приобретает великую крепость и несказанную силу ограждать душу от расслабления или от боязни при устремленных на нее всякого рода стеснительных обстоятельствах. Она движет, возбуждает, распаляет и укрепляет человека пренебрегать плотию в скорбях и в страшных, сретающих его искушениях, непрестанно предавать душу свою на смерть и идти во сретение отступнической силе ради совершения того дела, которого сильно возжелала душа [210].

**104.** Эта *сила ревности*, которую некто из облеченных во Христа назвал псом и стражем добродетели и закона Божия, *двумя*

***способами пробуждается***, укрепляется и воспламеняется на хранение дома (души) и также ***двумя способами приводится в изнеможение***, дремоту и леность. Именно, ***пробуждение*** и воспламенение ***бывает, (во-первых)***, когда человеку приходит на мысль какой-нибудь ***страх***, заставляющий его бояться за то благо, которое он приобрел или имеет в виду приобрести, чтобы не было оно украдено или уничтожено. Когда возбуждается такой страх, тогда ревность разгорается, как пылающая пещь, и, подобно Херувиму с пламенным мечом, хранит внутреннее добро, неослабно внимая всему, что окрест его. Когда страх бывает за тело, тогда он называется сатанинским и бывает пагубен для души, колебля веру в Промысл Божий. Но когда страх бывает за душу, чтоб она не была окрадена и по каким-либо причинам не потерпела ущерба, тогда помысл сей божествен, попечение благо, скорбь и томление бывают по Божию промышлению. ***Во-вторых***, крепость и воспламенение пса (ревности) обнаруживается, когда ***наиболее*** в душе возрастает ***вожделение добродетели.*** Ибо в какой мере возрастает в душе вожделение, в такой же воспламеняется и этот пес, то есть горячая ревность к добродетели [211—213].

105. К охлаждению же жара ревности первый повод, когда самое вожделение уменьшится или прекратится в душе. А второй повод, когда войдет в душу какой-то помысл уверенности и отважности и утвердится в ней; и человек станет надеяться, думать и держаться той мысли, что нет ему причины бояться потерпеть вред от какой-либо силы; и потому слагает он с себя оружие ревности и бывает, как дом без стражи; пес засыпает и надолго оставляет стражу.

106. Весьма многие мысленные домы бывают окрадены сим помыслом (то есть что нечего бояться). И это бывает, когда померкнет в душе чистота оного осияния святым ведением (найдет мрак забвения). От чего же она померкнет? Конечно от того, что вошел в душу какой-либо самый тонкий помысл гордыни и возгнездился там; или человек стал более предаваться попечению о преходящем или частому, обольстительному для него сообщению с миром; или бывает сие от чрева — этой госпожи всего худого.

107. Предпочитать доброе изволение — дело желающего; довершать же выбор доброго изволения — дело Божие. Для сего человек имеет нужду в помощи Божией. Будем же делать так, чтобы за появившимся

в нас добрым желанием следовали частые молитвы; и будем просить не только оказать нам помощь, но и показать, благоугодно ли желание сие воле Божией или нет. Ибо не всякое доброе желание входит в сердце от Бога, но только то, которое полезно. Иногда человек желает доброго, но Бог не помогает ему, потому что иное желание, по виду доброе, входит от диавола, на вред или смущение душе. Посему при появляющемся в нас добром желании надобно усердно молиться Господу, да покажет, угодно ли Ему возжеланное нами доброе начинание, и, если угодно, да поможет совершить его. Ибо таков обычай у того, кто вожделевает доброго с рассудительностию ума — молитву употреблять в пособие к деланию и к приобретению мудрости, для различения истины от подложного [214—215].

**108.** Один старец на стенах кельи своей писал слова и разные мысли и, когда спросили его: что это значит? — отвечал: это помыслы правды, приходящие ко мне от Ангела, пребывающего со мною, и возникающие во мне естественные правые помышления; записываю же их во время появления их, чтобы, при омрачении своем, заниматься мне ими и они избавили меня от заблуждения [216].

109. Другой старец ублажаем был помыслами своими, что вместо преходящего мира сподобился он негибнущей надежды, и старец отвечал: пока еще я на пути, напрасно хвалите меня; не совершил еще я пути [217].

110. Если будешь в прекрасной добродетели и не почувствуешь, что вкушаешь от нее наслаждения, то не дивись. Ибо, пока не смирится человек, не получает награды за свое делание. Награда дается не за делание, а за смирение; кто оскорбляет последнее, тот теряет первое.

111. Дарование без искушений — погибель для приемлющих оное. Если делаешь доброе пред Богом и Он даст тебе дарование, умоли Его научить тебя смиряться, или взять у тебя оное, чтобы оно не было для тебя причиною погибели [218].

112. Душа, приявшая на себя попечение о добродетели и живущая в строгости и страхе Божием, не может быть без печали каждый день, потому что добродетели сопряжены с печалями. Если вожделеваешь добродетели, то предай себя на всякую скорбь. Ибо скорби рождают смирение. Кто же без скорби пребывает в добродетели своей, тому отверста дверь гордости.

**113.** Сперва человек мыслями своими удаляется от должного попечения, а после сего приближается к нему дух гордости. Когда же человек пребывает в гордости, тогда удаляется от него промыслительный Ангел, который близ него и возбуждает в нем попечение о праведности. Когда человек оскорбит сего Ангела и он удалится, тогда приближается к человеку чуждый, и с того времени нет уже у него попечения о праведности [219].

**114.** *Прежде сокрушения* гордыня, говорит премудрый (Притч. 18, 12). По мере гордыни, видимой в душе, — и мера сокрушения, каким вразумляет душу Бог. Гордыню же разумею не ту, когда помысл ее появляется в уме или когда человек на время побеждается ею, но гордыню, постоянно пребывающую в человеке. За первым горделивым помыслом последует сокрушение; а когда человек возлюбил гордыню, не знает уже сокрушения.

**115.** Путь Божий есть ежедневный крест. Никто не восходил на небо, живя прохладно. О пути же прохладном знаешь, где он оканчивается [223].

**116.** Вот селение Духа — непрестанно понуждать себя быть в повиновении,

хотя и есть способ сделать дело в покое, потому что такова воля Духа: в ком обитает Он — не приучает тех к лености. Напротив того, Дух побуждает их не покоя искать, но предаваться паче деланию и наибольшим скорбям. Искушениями Дух укрепляет их и делает, что приближаются они к мудрости. Такова воля Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали в трудах [227].

**117.** Сердце святых, чрез претерпение ими прискорбностей за дело Божие, приобретает дерзновение взирать на Бога непокровенным лицом и просить Его с упованием. Велика сила дерзновенной молитвы. Потому попускает Бог, чтобы святые Его искушаемы были всякою печалию и также опытно изведывали помощь Его и то, сколько промышляет о них Бог, потому что вследствие искушений приобретают мудрость. — Если не бывает человек искушен сперва испытанием худого, то не имеет вкуса в добром [229].

**118.** Великую приобретает силу тот, кто опытно познал как немощь естества, так и помощь Божеской силы, и уверился в этом. Идущие правым путем тогда только познают сие, когда Бог, удержав сперва силу Свою от содействия им, приводит их в сознание немо-

щи своей, трудности искушений и лукавства вражеского, а потом, показав им Свою помощь и заступление, напечатлевает твердую веру, что Божеская сила всегда охраняет их и что только ею одною они могут являться всегда победителями всех противностей, и внешних и внутренних [230].

**119.** Человек, пока в нерадении, боится часа смертного; а когда приблизится к Богу, боится сретения суда; когда же всецело поступит в предняя, тогда любовию поглощается тот и другой страх [233].

**120.** Человек, который сподобился Божественной благодати, вкусил и ощутил нечто высшее, не попускает приражениям входить в сердце его, потому что вместо их возобладало в нем другое, лучшее их вожделение; сердце мертво стало для них и живет чем-то иным [236].

**121.** Пока человек живет, имеет нужду в трезвенности, попечительности и бодрственности, чтобы охранять свое сокровище. Не до того только времени трудиться должно, пока увидишь плод, но надобно подвизаться до самого исхода. Ибо нередко и созревший плод побивает внезапно град [237].

**122.** Житие мира сего подобно выводящим некоторые только буквы из начер-

танных на таблице; и, когда кто захочет и пожелает, прибавляет к ним и убавляет, и делает перемену в буквах. А жизнь будущая подобна рукописаниям, начертанным на чистых свитках, запечатанных царскою печатию, в которых невозможны уже ни дополнения, ни выпуски. Потому, пока мы среди изменения будем внимательны к себе и пока имеем власть над рукописанием жизни своей, какое пишем своими делами, постараемся делать в нем дополнения добрым житием, станем изглаждать в нем недостатки прежнего жития. Ибо, пока мы в жизни сей, Бог не прилагает печати ни к доброму, ни к худому, до самого часа исшествия [239].

123. В какой мере оставляет ум попечение о всем видимом и озабочивается упованием будущего, в такой же мере утончается он и просвещается в молитве. Посему Господь прежде всего повелел взяться за нестяжательность, удалиться от мирского мятежа и отрешиться от попечения, общего всем людям. Отклоняет нас Господь от всякого такого попечения, чтобы вследствие сего возжелали мы собеседование с единым Богом. Но молитва имеет еще нужду в упражнении, чтоб ум умудрился долговременным пребыванием в оной. После нестяжательнос-

ти, разрешающей наши мысли от уз, молитва требует пребывания в оной, потому что с продолжением времени ум снискивает навык к упражнению, познает, как отражать от себя помысл, и долгим опытом научается тому, чего заимствовать не может из иного источника [240—242].

124. Не называй праздностию продолжительность молитвы невысокопарной, собранной и долгой, потому что оставил ты при этом псалмы. Но паче упражнения в стихословии возлюби на молитве поклоны. Молитва, когда подает тебе руку, заменяет собою Божию службу [245].

125. Когда во время службы (молитвенного правила) дано тебе будет дарование слез, услаждение ими не называй праздностию в молитве, потому что благодать слез есть полнота молитвы.

126. В то время, как ум твой рассеян, паче молитвы занимайся чтением. Но не всякое писание полезно. Если можно, чтение предпосылай стоянию, ибо чтение — источник чистой молитвы.

127. Ни под каким видом (во время псалмопения) не предавайся небрежности (о нем), трезвись же от парения ума, ибо псалмопение (без парения ума) корень жития.

Впрочем, знай и то, что дела телесные много полезнее стихословия, совершаемого с парением ума. А печаль умная превосходит и телесный труд.

128. Всякая молитва, которую совершаем ночью, да будет в очах твоих досточестнее всех дневных деланий. Не обременяй чрева своего, чтобы не помутился ум твой, и не быть тебе в смятении от парения мысли, когда встанешь ночью, и не расслабли члены твои, и тебе самому не оказаться исполненным женского расслабления, а сверх сего, чтобы душа твоя не омрачилась, и не стали потемненными понятия твои, и чтобы, по причине омрачения, не прийти тебе в совершенное бессилие собрать их воедино для стихословия, и чтобы не попортился в тебе вкус ко всему, и не перестало услаждать тебя стихословие псалмопения, тогда как ум при легкости и светлости мысли с удовольствием обыкновенно вкушает его разнообразие. Ибо, когда возмущено ночное благочиние, тогда и в дневном делании ум бывает смущен, и ходит в омрачении, и не услаждается, по обычаю, чтением. Удовольствие, подаваемое подвижникам днем, истекает в чистом уме от света ночного делания [246].

129. Остерегайся, чтобы не изнемогло слишком тело твое, и оттого не усилилось против тебя небрежение и не охладило душу твою. Всякому надлежит как бы на весах взвешивать житие свое. В то время, когда насыщаешься, остерегайся давать себе и в малом свободу [247].

130. Храни себя от самомнения во время добрых в тебе изменений. Немощь свою и невежество свое в рассуждении тонкости сего самомнения рачительно открывай Господу в молитве, чтобы не быть тебе оставленным и не искуситься в чем-либо срамном.

131. За сомнение Бог прекращает попечение Свое о впадшем в оное. Впрочем, прекращает сие попечение не за одно возникновение помысла, но за то, что ум останавливается на сем помысле. Ибо не наказует и не судит Бог человека за невольное движение, если и согласился на время с помыслом. Если в тот же час прободем в себе страсть и явится в нас сокрушение, то Господь не взыскивает с нас за такое нерадение; взыскивает же за нерадение, которому действительно предается ум, так, что взирает на это бесчувственно [248].

132. Когда какой-либо помысл из части десных* начнет почасту появляться в тебе, внушая тебе доброе какое предприятие или начинание, ты же сомневаешься в нем и не можешь ясно постигнуть, свой он или тать, помощник или наветник, то вооружись на него усиленною молитвою со многим бдением и день и ночь. Ты и не отталкивай его от себя, и не соглашайся с ним, но со тщанием и горячностию сотвори о нем молитву и не умолкай, призывая Господа. Он покажет тебе, откуда сей помысл [249].

133. Паче всего возлюби молчание, потому что оно приближает к плоду. Сперва будем принуждать себя к молчанию, и тогда от молчания родится для нас нечто, приводящее к самому молчанию. Да даст тебе Бог ощутить что-либо рождаемое молчанием. От упражнения в сем делании со временем рождается какое-то удовольствие и насильно ведет тело к тому, чтобы пребывать в безмолвии. И множество слез рождается у нас в сем житии, и в чудном созерцании сердце раздельно ощущает в них что-то, в иное время с трудом, а в иное с удовольствием; потому что сердце умаляется, делается подобно младенцу;

* Правых, правильных. — *Ред.*

и, как скоро начнет молитву, льются слезы [250].

134. Находил я многих отцов, великих и дивных, которые более, нежели о делах, прилагали попечение о благочинии чувств и о телесном навыке, потому что отсюда происходит благочиние помыслов. Много причин встречается человеку вне его воли, которые заставляют его выходить из пределов свободы своей. И если не будет он охраняем в чувствах своих предварительно снисканным неослабным навыком, то может сделаться, что долгое время не войдет он сам в себя и не обретет первоначального своего устроения [252].

135. Пусть у тебя всегда берет перевес милостыня. Сердце жестокое и немилосердое никогда не очистится. Человек милосердый — врач души своей, потому что как бы сильным ветром из внутренности своей разгоняет он омрачение страстей [253].

136. Положи, человек, на сердце своем, что предстоит тебе отшествие, и непрестанно говори себе: вот у дверей уже пришедший за мною посланник. Что же я сижу? Преселение мое вечно, возврата уже не будет [254].

137. Будем всегда памятовать о смерти и в сем помышлении приближаться к

Богу сердцем своим, — и презренными соделаются в глазах наших и мирские удовольствия [257].

**138.** Безмолвие отсекает предлоги и причины к новым помыслам и внутри стен своих доводит до обветшания и увядания воспоминания о предзанятом нами. И когда обветшают в мысли старые вещества, тогда ум, исправляя их, возвращается в свой чин [261].

**139.** Избери себе делание усладительное, непрестанное бдение по ночам, во время которого все отцы совлекались ветхого человека и сподобились обновления ума. В сии часы душа ощущает оную бессмертную жизнь, и ощущением ее совлекается одеяния тьмы, и приемлет в себя Духа Святого [262].

**140.** Разумная душа, быв существенно соединена и сопряжена с чувствами, и своими помыслами естественно увлекается, если человек не будет бодрствовать в сокровенной молитве [263].

**141.** Когда по долгом времени, среди дел труда и хранения того, что сокровенно, и при воздержании чувств от всякой встречи, осенит тебя сила безмолвия, тогда встретишь радость, без причины овладевающую по временам душою твоею. И с сего

времени в душе похищается чувство страстей приятностию сею [264].

142. Любовь есть плод молитвы, и от созерцания своего возводит ум к ненасытимому ее вожделению, когда ум пребывает в ней без уныния, и человек умом только в молчаливых помышлениях разумения молится пламенно и с горячностию. Молитва есть умерщвление понятий, свойственных воле плотской жизни. Ибо молящийся прилежно есть то же, что умерший для мира; и терпеливо пребывать в молитве — значит отречься человеку от себя самого. В самоотвержении души обретается, наконец, любовь Божия [267].

143. Как от семени пота постов произрастает колос целомудрия, так от сытости и пресыщения — нечистоты. При алчущем и смиренном чреве никак не проникнут в душу срамные помыслы [268].

144. Как просветляется красота твоя, целомудрие, возлежанием на голой земле, трудом алкания, отъемлющего сон, и злостраданием плоти, которая, при воздержании от яств, между ребрами и чревом делается подобною глубокому рву [269].

145. Пустота чрева и мысли наши делает страною пустынною, нетревожимою

помыслами и безмолвствующею от всех мятежных помыслов [270].

146. При каждом сделанном тобою шаге разыскивай, путем ли ты идешь, или уклонился с него и идешь какою-нибудь стезею вне настоящей дороги. И по одним делам явным не уверяйся в том, что в точности совершается тобою житие истинное [272].

147. Если, когда совершаешь службу, бываешь по возможности далеким от парения ума, и внезапно пресекается стих на языке твоем и на душу твою налагает оковы молчания, без участия твоей свободы, — то знай, что ты простираешься вперед и что кротость начала в тебе усугубляться. — Если примечаешь в душе своей, что при благих помышлениях и созерцаниях глаза твои наполняются слезами и слезы без принуждения текут по ланитам твоим, — то знай, что начало совершаться пред тобою отверстие преграды на разорение сопротивных. — Если находишь в себе, что по временам мысль твоя, без предварительного о том примышления, вне обычного порядка, погружается внутри тебя и пребывает в этом состоянии около часа или сколько-нибудь времени, и мир царствует в помыслах твоих, — то знай, что облако начало приосенять скинию твою [272, 273].

148. Под верою, которая жизнию заправляет, разумей не основание общего всех исповедания, но оную мысленную силу, которая светом ума подкрепляет сердце и свидетельством совести возбуждает в душе великое упование на Бога, чтобы не заботилась она о себе самой, но попечение свое во всем беззаботно возвергла на Бога [275].

149. Не все страсти ведут брань наступательно. Нерадение, уныние, печаль не нападают наступательно, но только налагают на душу тяжесть. Крепость души изведывается в победе над страстьми, ведущими брань наступательную [279].

150. Сладостная в сердце теплота имеет две степени: на первой — из сердца исходящее услаждение, иногда в час молитвы, иногда во время чтения и иногда вследствие богомыслия, согревает ум; на второй — оно бывает всего чаще без этого всего, многократно во время поделия, нередко по ночам. Когда найдет на человека это услаждение, бьющее из сердца, тогда думает он в этот час, что Царство Небесное не иное что есть, как это же самое [280].

151. Всегдашнее бдение вместе с чтением и вслед за оным частые поклоны не замедлят рачительным подать благо

духовного преспеяния (сладость сердечную). [282].

**152.** Святой Марк, последуя святому Макарию, говорит: «изменения в каждом бывают, как в воздухе». Выразумей же это слово — ***в каждом***. Естество одно; почему, чтобы не подумал ты, будто бы сказал он это о низших и худших, совершенные же свободны от изменения и неуклонно стоят на одной степени бесстрастных помыслов, как утверждают евхиты, сказал: ***в каждом*** [285].

**153.** Когда приосенит тебя благодать и приблизятся к тебе святые Ангелы, ограждающие тебя, и при сем приближении отступят все искушающие, — ты не превозносись и не помышляй в душе своей, что достиг необуреваемой пристани... нет будто уже врага и злой встречи, потому что многие возмечтали это и впадали в опасности, как сказал блаженный Нил [287].

**154.** Знай, что устоять — не твое и не добродетели твоей дело, совершит же это благодать, которая носит тебя на дланях руки своей, чтобы ты не приходил в боязнь [288].

**155.** Смирение и без дел многие прегрешения делает простительными; напротив того, без смирения и дела бесполезны. Что соль для всякой пищи, то смирение для

всякой добродетели. Для приобретения его потребно непрестанно печалиться мыслию с уничижением и рассудительною печалию [289].

**156.** Покаяние есть с исполненною сокрушения молитвою приближающееся к Богу неослабное прошение об оставлении прошедшего и болезнование о хранении будущего. Почему и Господь наш опору нашей немощи указал в молитве, говоря: *бдите и молитеся, да не внидите в напасть* (Мф. 26, 41). — Поелику Господь знает, что прежде смерти не отъемлет Он у нас возможности к уклонению от добродетели к пороку, то повелел быть тщательными и подвизаться во всегдашней молитве [292].

**157.** Не будем нерадеть о молитве и не поленимся просить помощи у Господа. Твердо положим в мысли своей и то, что, пока мы в мире сем и оставлены во плоти, хотя бы вознеслись до небесного свода, не можем оставаться без дел и труда и быть без попечения [297].

**158.** Что нужно для молитвы? — Свобода и упразднение ума от всего здешнего, сердце, совершенно обратившее взор свой к вожделению уповаемого в будущем. А кто далек от сего, тот на ниве своей сеет

смешанное семя и подобен впрягающему в ярмо вместе вола и осла (Втор. 22). [299].

159. Исполненные надежды не чувствуют уже труда, но делаются бесчувственными к скорбям; ежечасно внимание их обращено в лоно Отца их; туда простирается все протяжение их помыслов, и туда достигнуть поспешают всегда. Надежда разжигает их, как бы огнем, и дает им свое стремительное течение совершать с радостию. Памятование о Боге действует в сердцах их, упоеваемых надеждою обетований Божиих [303].

160. Бесстрастие не в том одном состоит, чтобы не ощущать страстей, но и в том, чтобы не принимать их в себя. Вследствие многих и различных добродетелей, явных и сокровенных, приобретенных святыми, страсти изнемогли в них и не легко могут восстать на душу: и ум не имеет нужды непрестанно быть в рассуждении их внимательным, потому что во всякое время исполнен мыслями, какие с сознанием возбуждаются в разуме помышлением и беседою о превосходнейших нравах. И как скоро начинают возбуждаться страсти, ум внезапно восхищается от сближения с ними каким-то уразумением, приникающим в ум, и страсти, как

сказал блаженный Марк, остаются в нем как бы праздными [305].

**161.** Святые изобилуют созерцаниями, и ум их никогда не имеет недостатка в предметах разумения, и никогда не бывают они без того, что производит в них плод духа. Долговременным навыком изглаждаются в сердце их воспоминания, которыми возбуждаются в душе страсти, и ослабляется сила диавольской власти. Ибо, когда душа не сдружится со страстями помышлением о них, тогда, поелику непрестанно занята она иною заботою, сила страстей не может в когтях своих держать духовных чувств ее [306].

**162.** Кто вдается во многое, тот не может пробыть без смущения помыслов, потому что при многих делах бывает много забот и сборище помыслов многосложенных. И человек перестает уже в мире помыслов своих быть выше всех земных попечений. Если потребности сии не перестают удерживать его от лучших помыслов, то отверзается дверь страстям, удаляется тишина рассудительности и заключается дверь мира [308].

**163.** Когда предстанешь пред Бога в молитве, сделайся в помысле своем как бы муравьем, как бы немотствующим мла-

денцем. Не говори пред Богом чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к Нему и ходи пред Ним, чтоб сподобиться тебе того отеческого промышления, какое отцы имеют о детях своих, младенцах. Сказано: *храняй младенцы Господь* (Пс. 114, 5). [311].

**164.** Проси у Бога, чтобы дал тебе прийти в меру веры. И если ощутишь в душе своей наслаждение сие, то нечему уже будет отвратить тебя от Христа. И не трудно тебе будет каждый час быть отводиму в плен далеко от земного и укрываться от этого немощного мира и от воспоминаний о том, что в мире. О сем молись неленостно, сего испрашивай с горячностию, об этом умоляй с великим рачением, пока не получишь. И молись, чтоб не ослабеть. Сподобишься же этого, если прежде с верою понудишь себя попечение свое возвергнуть на Бога и свою попечительность заменить Его промышлением. И когда Бог усмотрит в тебе сию волю, что со всею чистотою мыслей доверился ты Самому Богу более, нежели себе самому, и понудишь себя уповать на Бога более, нежели на душу свою, тогда вселится в тебя оная недоведомая сила и ощутительно почувствуешь, что с тобою несомненно сила [312].

165. Благодать обучает верующего в рассуждении сокровенного, открывая пред ним хитросплетение мыслей и помыслов трудных. И легко сыскивается человеком значение их, взаимная между ними связь и прелесть их, как они рождаются одни от других и губят душу. И благодать посрамляет пред очами его всю злокозненность демонов. — Тогда рождается у него отсюда та мысль, что всякую вещь, малую и великую, должно ему в молитве испрашивать себе у Создателя своего [317].

166. Благодать, как скоро усмотрит, что в помысле человека начало появляться несколько сомнения и стал он высоко о себе думать, тотчас попускает, чтобы усилились и укрепились против него искушения, пока не познает свою немощь, не побежит и не емлется во смирении за Бога. Сим приходит человек в меру мужа совершенна верою и упованием на Сына Божия и возвышается до любви [318].

167. Господь для того предлагает тебе на первых порах крест, чтобы ты наперед определил себе смерть и потом уже послал душу свою идти вослед Его. Когда человек в мысли своей лишит свою жизнь надежды, тогда нет ничего дерзновеннее

его — никто и ничто победить его не может [320].

168. Надежда покоя во все времена заставляла людей изменять добродетели. Если человек небрежет о Царстве Небесном, то разве по надежде малого здешнего утешения [321].

169. Когда сердце возревнует духом, тело не печалится о скорбях, не приходит в боязнь и не сжимается от страха. Поревнуем и мы духовною ревностию о воле Иисусовой, и отгнано будет от нас всякое нерадение, порождающее в мыслях наших леность, потому что ревность рождает отважность, душевную силу и телесную рачительность [323].

170. Пока человек пребывает в нестяжательности, непрестанно приходит ему на мысль преселение из жизни, и прилагает он всегда попечение свое о жизни по воскресении, во всякое время промышляет о всяком там уготовании и приобретает терпение, бегает всякой чести и телесного покоя, — даже и смерти не боится. Если же случится ему по какой-либо причине приобрести что-либо преходящее, то в сей же самый час начинает в душе пробуждаться любовь к телу; помышляет он о долгой жизни; ежечасно воз-

никают в нем и приходят в силу помыслы о плотском покое, и превозмогает над ним телесное. За это отнимается у него та твердость сердца, какую приобрел он, когда в своей нестяжательности был выше мира [326].

171. Прежде всех страстей — самолюбие; прежде всех добродетелей — пренебрежение покоем. Как невозможно остаться невредимым тому, кто щадит врага на поле битвы, так невозможно подвижнику душу свою избавить от погибели, если щадит он тело свое [327—329].

172. Как иной, принеся великий дар царю, награждается от него ласковым взором, так и тому, кто имеет в молитве своей слезы, великий Царь веков Бог прощает всякую меру грехопадений и награждает его благоволительным взором [331].

173. Когда пожелаешь стать на службу (бдения), возведи внутренний взор ко Господу и с печалию умоляй Его укрепить немощь твою, чтобы стихословие твое и мысли сердца твоего соделались благоугодными святой Его воле [333].

174. Если, когда отправляешь службу (бдение), помысл заговорит в тебе и станет тебе нашептывать: поспеши несколько, — не приобщайся к сему помыслу. А ес-

ли сильнее будет беспокоить тебя этим, то воротись тотчас назад на одну *славу*, или на сколько хочешь, и каждый стих, заключающий в себе вид молитвы, с размышлением повторяй многократно. Если и опять будет смущать и стеснять тебя помысл, оставь стихословие и клади поклоны, сказав: я взялся не массу слов отмерять, а Богу молиться [334].

175. Ни стояние, ни стихословие одних псалмов не есть всецелое бдение. Совершают его разно: иной всю ночь проводит в псалмах, другой — в покаянии, в молитвах умиленных и земных поклонах, а иной — в слезах и рыданиях о своих грехопадениях. Об одном из наших отцов говорят, что сорок лет молитву его составляла одна речь: «аз, яко человек, согреших; Ты же, яко Бог, щедр, помилуй мя». И отцы слышали, как он с печалию твердил этот стих, а между тем плакал и не умолкал; и сия одна молитва заменяла у него службу днем и ночью [335].

176. Должно погружаться во внутреннего своего человека и там уединенно пребывать, непрестанно возделывая виноградник сердца своего. И может быть, что сим пребыванием близ внутреннего человека придем в совершенное соединение с веде-

нием нашей надежды, живущего в нас Христа [345].

**177.** Чистота души есть первоначальное дарование естества нашего. Без чистоты от страстей душа не приобретает славы, утраченной преступлением. Если кто сподобился очищения, то есть душевного здравия, то ум его действительно приемлет радость (благобытия) духовным чувством [348].

**178.** Страсти суть дверь, заключенная пред лицом чистоты. Если не отворит кто этой заключенной двери, то не войдет он в непорочную и чистую область сердца. Терпение с принуждением себя борется со страстьми за чистоту. Если душа препобедит страсти, то приобретает чистоту; а истинная чистота делает, что ум приобретает дерзновение в час молитвы [367].

**179.** Не дела отверзают заключенную дверь сердца, но сердце сокрушенное и смирение души, когда препобедит страсти смирением [369].

**180.** Одним из святых написано: «кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Господом» [371].

**181.** Приведем в устройство область сердца делами покаяния и житием, благоугодным Богу; Господне же придет само

собою, если место в сердце будет чисто и неосквернено.

182. Сокровенное делание и заповеди новые и духовные, которые душа хранит, имея в виду страх Божий, обновляют и освещают душу и сокровенно врачуют все члены ее [374].

183. Если не будет исцелена страстная часть души, то душа не приобретает здравия. Кто деланием заповедей и трудными делами истинного жития (подвигами) препобедил страсти, тот пусть знает, что законно приобрел он душевное здравие, — стал видим в области духа, и приял его в себя, мир новый и несложный [375].

184. Непрестанным молитвенным с Богом собеседованием и самоуглублением в молитвословия искореняй в сердце своем всякий образ и всякое подобие, предварительно тобою восприятое. Приучай ум свой углубляться всегда в тайны Спасителева домостроительства и оставь просить себе ведения и созерцания, которое в свое время придет само собою [379].

185. Если зрение ума не будет очищено деланием заповедей и делами безмолвного жития, то не возможет он делаться истинным зрителем божественного созерцания.

Все же подобия духовного, какие раньше того составляет себе ум, называются призраком, а не действительностию [387].

186. Крещение дарует прощение грехов туне и совершенно ничего не требует, кроме веры; при покаянии же во грехах по крещении Бог не туне прощает, но требует трудов, скорбей, печалей, сокрушения, слез, долговременного плача, — и потом уже прощает [397].

187. Телесное делание предшествует душевному, как персть предшествовала душе, вдунутой в Адама. Кто не снискал телесного делания, тот не может иметь и душевного, потому что последнее рождается от первого, как колос из голого пшеничного зерна. А кто не имеет душевного делания, тот лишается и духовных дарований [399].

188. Кто с ведением убегает суетной славы, тот ощутил в душе своей будущий век. Кто бегает покоя в настоящей жизни, у того ум соглядал уже будущий век [400].

189. Кто говорит, что оставил все, и препирается с людьми из-за какой-либо потребности, чтобы не было у него в чем-либо недостатка к успокоению его, тот совершенно слеп, потому что хотя добровольно оставил целое тело, однако же ратует и препира-

ется об одном его члене. Не думай, что одно приобретение золота и серебра есть любостяжательность; она есть приобретение чего бы то ни было такого, к чему привязана воля твоя.

190. Не хвали того, кто злостраждет телесно (несет телесные подвиги), но у кого дана воля чувствам, разумею же слух, зияющие и неудержимые уста и блуждающие очи [401].

191. Если милостивый не бывает выше своей правды, то он не милостив, то есть милостивый не только дает людям милостыню из своего собственного, но и с радостию терпит неправду и милует их. Кто душу свою полагает за брата, тот милостив, а не тот только, кто подаянием оказывает милость брату своему [402].

192. Часто и не зная сытости, читай в книгах учителей о Промысле Божием, потому что они руководствуют ум к усмотрению порядка в тварях и делах Божиих, укрепляют его собою, своею тонкостию приуготовляют его к приобретению светозарных мыслей и делают, что в чистоте идет он к уразумению тварей Божиих [407].

193. Чтение твое да будет в невозмущаемой ничем тишине: и будь свободен от

многопопечительности о теле и от житейского мятежа, чтобы ощутить в душе своей, при сладостном уразумении, самый сладостный вкус, превосходящий всякое ощущение, и чтобы душа ощущала это по пребыванию своему в том [408].

194. По отсечении и совершенном прекращении внешней беседы, — с молитвою твоею сопряги милостыню, и душа твоя узрит свет истины. Ибо душе обычно скоро заменять одну беседу другою, разговоры с людьми — собеседованием с Богом, если постараемся показать малую рачительность. А чтобы заменить одно собеседование другим, занимайся чтением Писания. Ибо когда станешь после сего на молитву и на правило свое, то вместо размышления о том, что видел и слышал в мире, найдешь в себе размышление о божественных Писаниях, какое прочел, и сим размышлением приведется в забвение, что памятовалося о мирском, а таким образом ум приходит в чистоту [410—411].

195. Ничто не может так приблизить сердце к Богу как милостыня; и ничто не производит в душе такой тишины, как произвольная нищета [412].

196. Когда человек затворит врата градские, то есть чувства: тогда ратует внут-

ри и не боится злоумышляющих вне града [415].

197. В то время, когда Бог внутренно приводит сердце твое в умиление, непрестанно твори поклоны и коленопреклонения. Не попускай сердцу своему заботиться о чем-нибудь, когда демоны начнут убеждать тебя заниматься другими делами; и тогда смотри и дивись, что произойдет у тебя из этого. Ничто другое в подвижнических борениях не бывает так важно и трудно и не возбуждает такой зависти в бесах, как если повергает кто себя пред крестом Христовым, молясь день и ночь, и бывает как бы с связанными назади руками. Хочешь ли не охладеть в своей горячности и не обнищать слезами — займись этим; и блажен ты, человек, если о сказанном тебе будешь заботиться день и ночь и не станешь домогаться ничего другого. Тогда воссияет внутри тебя свет, и правда твоя возблистает скоро, будешь, как сад цветущий и как источник, не оскудевающий водою [415—416].

198. Пока внешний человек не умрет для всего мирского, не только для греха, но и для всякого телесного делания, также и внутренний человек — для лукавых помыслов, и не изнеможет естественное движение

тела до того, чтобы не возбуждалась в сердце греховная сладость, дотоле и сладость Духа Божия не возбудится в человеке, члены его не приимут чистоты в жизни сей, божественные мысли не войдут в душу его. И пока человек в сердце своем не приведет в бездействие попечение о житейском, кроме необходимых потребностей естества, дотоле не возбудится в нем духовное упоение и успокоение в Боге [417].

**199.** Кто не удаляется добровольно от причин страстей, тот невольно увлекается в грех. Причины же греха суть следующие: вино, женщины, богатство, телесное здравие, впрочем, не потому, что это суть грехи по самому естеству, но потому, что природа удобно склоняется сим в греховные страсти; и поэтому человек должен тщательно остерегаться сего [419].

**200.** Чем погубил ты доброе, тем снова приобретай оное. Погубил ты целомудрие, — Бог не примет от тебя милостыни, если пребываешь в блуде, потому что хочет от тебя святыни тела [421].

**201.** Пока проступок еще мал и не созрел, истреби его, прежде нежели пустил ветви в широту и стал созревать. Не предавайся нерадению, когда недостаток ка-

жется тебе малым, потому что впоследствии найдешь в нем бесчеловечного властелина. А кто в начале противоборствует страсти, тот вскоре возгосподствует над нею [422].

202. Не хвались никогда в речах своих делами своими, чтобы не быть постыжденным. Во всем, чем ни хвалится человек, Бог попускает ему изменяться, чтобы он был уничижен и научился смирению [423].

203. Без нестяжательности душа не может освободиться от мятежа помыслов, и, не приведя в безмолвие чувств, не ощутит мира в мысли [427].

204. Если душа не вкусит с ведением страданий Христовых, то не будет иметь общения со Христом.

205. Кто милует нищего, тот попечителем себе имеет Бога. Бог ни в чем не имеет нужды, но увеселяется, когда видит, что человек упокоевает образ Его и чтит оный ради Него. Когда попросит кто у тебя того, что имеешь ты, не говори в сердце своем: оставлю это душе моей, чтоб упокоиться в этом. Человек разумно добрый не даст чести своей иному и не попустит, чтобы время благодати проходило без дела. Отослав от себя убогого, уклонился ты от чести, данной тебе Богом, и удалил от себя благо-

дать Его. Посему, когда даешь, веселись и говори: слава тебе, Боже, что сподобил меня найти, кого упокоить! [427, 428].

206. Во всякое время воспоминай о Боге, и Он возпомянет о тебе, когда впадешь в беды: как близки между собою веки на глазах, так искушения близки к людям. Бог предустроил сие для пользы твоей, чтобы ты постоянно ударял в дверь Его, чтобы страхом скорбного вселилось памятование о Нем в уме твоем, чтобы к Нему приближался ты в молитвах и освящалось сердце твое непрестанным памятованием о Нем [429, 430].

207. Непрестанно очищай себя пред Господом, имей в сердце своем памятование о Нем, чтобы, пробыв долго без памятования о Нем, не оказаться тебе неимеющим дерзновения, когда приходишь к Нему. Ибо дерзновение пред Богом бывает следствием частого с Ним собеседования и многой молитвы. Долговременным сохранением памятования о Боге душа по временам приводится в изумление и удивление [432].

208. Премудрость изрекла: *покрываяй* грех свой не будет ни к чему годен; а кто исповедует грехи свои и оставит их позади себя, тот сподобится милости от Бога (Притч. 28, 13). [434].

209. Телесные труды без чистоты ума то же, что бесплодная утроба и иссохшие сосцы, потому что не могут приблизиться к ведению Божию. Тело они утомляют, но не заботятся искоренять страсти в уме; а потому ничего и не пожинают [441].

210. Не приносит пост должной пользы. *Во дни бо пощений ваших*, говорит Господь, творите *воли ваша* (Ис. 58, 3), то есть лукавые помышления ваши, и приносите их, как всесожжения идолам, то есть страстям, которые признали вы за богов, и отдаете им в жертву произволение свое, драгоценнейшее из всех курений, которое вы должны были посвятить Мне при ваших добрых делах и чистой совести [442].

211. Если душа просияла памятованием о Боге и неусыпным бдением день и ночь, то Господь устрояет там к ограждению ее облако, осеняющее ее днем и светом огненным озаряющее ночь; во мраке ее просияет свет.

212. В сластолюбивом теле не обитает ведение Божие; и, кто любит свое тело, тот не улучит Божией благодати [443].

213. Тот монах — кто пребывает вне мира и всегда молит Бога, чтобы улучить будущие ему блага.

214. Если любишь целомудрие, отгоняй срамные помыслы упражнением в чтении и продолжительною молитвою; и тогда будешь иметь оружие против естественных побуждений; а без сего невозможно увидеть в душе чистоту [444].

215. Если хочешь узнать, смиренномудр ли ты, то испытай себя, не приходишь ли в смятение, когда тебя обижают? [445].

216. Когда диавол захочет осквернить ум трезвенников блудным воспоминанием, то сперва испытывает их преклонением к тщеславию, так и устрояя предначатие сего помысла, чтоб он не представлялся страстным. Когда же сим способом исторгнет человека из твердыни его (трезвения) и начнет он беседовать с первым помыслом и удаляться от своей твердыни, тогда сретает его чем-либо, напоминающим о блуде, и совращает ум на предметы непотребные. И если не оскверняет его совершенно, то всячески низводит с прежнего достоинства. Но если ум предупредит первое приражение помыслов, служащее причиною нашествия вторых, то удобно может, при помощи Божией, преодолеть страсть [449].

217. Телесный труд и поучение в божественных Писаниях охраняют чисто-

ту; труд подкрепляют надежда и страх; надежду и страх утверждают в уме удаление от людей и непрестанная молитва [450].

218. Пока человек не приимет Утешителя, потребны ему божественные Писания для того, чтобы памятование доброго напечатлевалось в мысли его, и непрестанным чтением обновлялось в нем устремление к добру, и охраняло душу его от тонкости греховных путей, потому что не приобрел еще он силы Духа, которая удаляет прелесть. Ибо, когда сила Духа низойдет в действующую в человеке душевную силу, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце его заповеди Духа, и тогда втайне учится у Духа и не имеет нужды в пособии вещества чувственного, потому что, пока сердце учится от вещества, за учением следует забвение, а когда учение преподается Духом, тогда памятование сохраняется невредимым.

219. Бывают помыслы добрые и изволения добрые; бывают же помыслы лукавые и сердце лукавое. Первая степень есть движение, происходящее в душе подобно ветру, воздвигаемому в море и воздымающему волны; вторая степень есть опора и основание. И по твердости основания, а не по движению помыслов бывает воздаяние за

добро. (Не по случайным изменениям души, добрым ли или худым, а по тому, что лежит во глубине ее и составляет основу ее характера, суди о себе.) [451].

220. Неоперившаяся птица тот ум, который, чрез покаяние, недавно вышел из пут страстей; и во время молитвы усиливается возвыситься над земным, но не может, а напротив того, пресмыкается еще по лицу земли, не имея сил летать. Однако же с помощию чтения, делания, страха и попечения о множестве добродетелей собирает воедино помышления свои, потому что не способен знать что-либо, кроме сего. И это на короткое время сохраняет ум не осквернен-ным; но впоследствии приходят воспоминания и возмущают и оскверняют сердце, потому что человек не ощутил еще того спокойного воздуха свободы, в который на короткое время забвением о земном вводит он ум, ибо приобрел телесные только крыла, то есть добродетели, которые совершаются наружно, но не видел еще добродетелей созерцательных и не сподобился ощущения их; а они суть те крыла ума, на которых человек приближается к небесному и удаляется от земного [451].

221. Пока человек служит Господу чем-либо чувственным, дотоле образы сего

чувственного отпечатлеваются в помышлениях его, и божественное представляет он в образах телесных. Когда же получит он ощущение внутреннего, тогда по мере ощущения его и ум, от времени до времени, будет возвышаться над образами вещей [452].

222. *Очи Господни* на смиренных сердцем, *и уши Его в молитву их* (Пс. 33, 16). Молитва смиренномудрого как бы прямо из уст в уши.

223. Когда душа твоя приблизится к тому, чтобы выйти из тьмы, тогда вот что будет для тебя признаком: сердце у тебя горит и, как огнь, распаляется день и ночь; а потому целый мир вменяешь ты в уметы* и пепел, не желаешь даже пищи от сладости новых, пламенеющих помыслов, непрестанно возбуждающихся в душе твоей. Внезапно дается тебе источник слез; как поток, текущий без принуждения и примешивающийся ко всякому делу твоему, то есть во время чтения твоего, молитвы твоей и размышления твоего, когда принимаешь пищу и питие, и во всяком деле твоем оказывается, что у тебя сорастворены с этим слезы. И когда увидишь это в душе своей, будь благонадежен, потому что переплыл ты море; и столько

* Навоз. — *Ред.*

будь прилежен к делам своим, так тщательно содержи стражу, чтобы благодать умножалась в тебе со дня на день. А пока не встретишь в себе этого, ты не совершил еще пути своего и не вступил на гору Божию. Если же и после того, как обрел и приял ты благодать слез, они прекратятся и горячность твоя охладеет без изменения в чем-либо другом, то есть без телесной немощи, — то горе тебе. Что погубил ты, впав или в самомнение, или в нерадение, или в расслабление?! [452—453].

224. Блаженны те, которые препоясали чресла свои простотою и непытливым нравом и не обращают хребта. Они скоро спасаются в пристань Царствия, упокоиваются, получают отраду и преисполняются веселием своего упования. А из тех, которые составляют много умствований, желают быть очень мудрыми, предаются замедлениям и боязни помыслов, приуготовляют себя и хотят предусматривать вредоносные причины, большая часть оказываются всегда сидящими при дверях своего дома [455].

225. Желающие быть во всем мудрыми ни в чем не могут положить начала. А невежда, пускаясь в плавание, переплывает с первою горячностию, ни малой не прилагая заботы о теле и не рассуждая сам с собою,

будет или нет какой успех от сего труда. Избыток мудрости да не будет у тебя поползновением душе и сетию пред лицом твоим; напротив того, возложив упование на Бога, мужественно полагай начало пути, исполненному крови, чтоб не оказаться тебе скудным всегда и лишенным Божия ведения. Когда хочешь положить начало делу Божию, сделай прежде завещание, как человек, которому уже не жить в этом мире, как приготовившийся к смерти и отчаявшийся в настоящей жизни, как достигший времени срока своего. И действительно имей это в мысли, чтобы надежда продлить настоящую жизнь не воспрепятствовала тебе подвизаться и победить, потому что надежда продлить сию жизнь расслабляет ум. Посему никак не умудряйся до излишества, но вере дай место в уме своем. С мужеством начинай всякое доброе дело, а не с двоедушием приступай к таковым делам, не колеблись сердцем твоим в уповании на Бога, чтобы труд твой не стал бесполезен и делание твое обременительно [456].

226. Делания жительствующих по Богу бывают следующие. Один целый день ударяет своей головою в землю и делает это вместо совершения службы, то есть часов.

Иной с постоянным и продолжительным коленопреклонением соединяет число молитв. Другой множеством слез своих заменяет для себя Божии службы и довольствуется тем. Иной старается вникнуть в смысл читаемого и совокупляет с тем определенное ему правило. Иной, ревностно изучая псалмы, делает службу свою непрерывною. Иной проводит время в чтении, и согревается сердце его. Иной отдается в плен, домышляясь божественного смысла в божественных Писаниях. — Всегда с радостию и усердием полагай начало Божию делу. И если будешь свободен от колебаний сердца, то Сам Бог возведет тебя на вершину, и поможет тебе, и умудрит тебя сообразно с волею Его [457].

227. От напряженного делания рождается безмерная горячность, распаляемая в сердце горячими помышлениями, вновь появляющимися в уме. А сие делание и хранение утончают ум своею горячностию и сообщают ему видение, или созерцание. Созерцание усугубляет горячность. От сего рождается слезный поток, сначала вмале, с перерывами, а потом непрерывный. От непрерывных слез душу приемлет умирение помыслов; от умирения же помыслов возвышается до чистоты ума, а при чисто-

те ума человек приходит в видение таин Божиих [459].

228. Путь приближения к Богу таков. Началом служит благое пред Богом преднамерение. За этим следует отсечение и удаление себя от дел житейских и определение на дела богоугождения и подвижничества, кои суть: алкание, чтение, всенощное и трезвенное бдение, по мере сил каждого и множество поклонов, которые полезно совершать в часы дневные, а нередко и ночью. Мерою пусть будет — положить поклонов тридцать, а потом поклониться честному кресту и кончить. Но есть и такие, которые, по мере сил своих, увеличивают сие число поклонов. Иные же в единой молитве проводят три часа, имея ум трезвенный и повергшись лицом на землю, без принуждения и парения помыслов. Какой иной есть способ молитвы и пребывания в ней свободного от принуждения, узнаешь, когда пройдешь описанным выше путем [460].

229. Диавол, соображаясь с настроением лица, изменяет способ ратоборства. Которые ленивы произволением и немощны помыслами, на тех с самого начала сильно нападает, чтобы с первого подвига объяла их болезнь, путь их показался им неудобопро-

ходимым и они сказали в себе: «если начало пути так тяжко и трудно, то может ли кто до самого конца его выдержать большие предстоящие на нем борения?» — И недолго диавол ведет с ними брань, чтобы обратить их в бегство. Лучше сказать, Сам Бог попускает диаволу превозмогать их и ни в чем не вспомоществует им, потому что с сомнением и холодностию вступили в подвиг Господень. — Поелику в самом начале были они нерадивы и расслабленны и не решились предать себя на смерть, то показываются во всех бранях не мужественными. — Диавол сначала узнал, каковы они, то есть что они боязливы, самолюбивы и более всего щадят тело свое; посему как бурею гонит их, ибо не видит в них душевной силы, какую обык видеть во святых [462—463]. Это первый способ вражеской брани!

230. А которые мужественны, ни во что вменяют смерть, исходят на дело с великою ревностию, — навстречу тех не вдруг выходит диавол, сдерживается и не вступает с ними в брань. Делает же сие, не их самих устрашаясь, но боится он окружающей их божественной силы. Посему, пока видит их таковыми, не осмеливается даже прикоснуться к ним до тех пор, как увидит, что охладе-

ли они в ревности своей и, какие уготовали себе в мыслях своих оружия, сложили с себя изменением божественных словес и памятований, содействующих и вспомоществующих им. Во время же разленения их обращает на них злые очи свои, — когда они уклонятся несколько от первых помыслов своих, и сами от себя начнут изобретать то, что служит к одолению их в них же источающимися ласкательствами мудрования их, и сами от себя искапывают ров погибели от лености происходящим парением помыслов, от которых в них, то есть в мыслях и сердцах их, воцарилась холодность [465].

231. Исходящий вслед Бога, человек, во время подвига своего помни всегда начало и первую ревность при начале пути и те пламенеющие помыслы, с какими исшел ты в первый раз из дома своего и вступил в воинские ряды. Так испытывая себя каждый день, чтобы горячность души твоей не охладела в каком-либо из оружий, в какие облечен ты, и к ревности, воспламенившейся в тебе при начале твоего подвига. И непрестанно возвышай голос свой среди воинского стана, ободряй и поощряй к мужеству чад десной страны, то есть помыслы свои, а другим, то есть стороне сопротивника, показывай, что

ты трезвен. — А между тем призывай непрестанно Бога, плачь пред благодатию Его, проливай слезы и трудись, и — защитительный покров Божий всегда будет осенять тебя [467—468]. Это второй способ вражеской брани.

232. Третий способ. Враг, видя, как сила Божия, осеняя ревнителя, не подпускает его к нему с искушениями, начинает изобретать способы, как бы отдалить от этого человека помогающего ему Ангела. И в этом успевает он, если удастся ему ослепить ум его и возбудить в нем помыслы гордыни, чтобы подумал он в себе, будто бы вся крепость его зависит от его собственной силы и сам он приобрел себе это богатство, своею силою сохранял себя доселе от противника и убийцы. Но если благоразумный человек удержится от таких помыслов, лучше же сказать, удержит памятование о Содействующем ему, и око сердца своего не престанет устремлять к небу, чтобы не видеть нашептывающих в нем это, — то враг снова предприемлет изобретать новые способы [469].

233. У него осталось еще одно средство к брани (четвертое), именно — угнетать человека естественными его нуждами, людскою неприязнию и видимыми своими на-

падениями, и обольстительными и страшными [470 и далее].

234. Содействующая нам сила не преодолевается. Ибо Господь — всемогущ, и крепче всех, и во всякое время бывает победителем в смертном теле, как скоро снисходит к подвижникам во время брани. Если же бывают они побеждены, то явно, что побеждаются без Него. И это суть те, которые удалили от себя Бога беспечностию ума своего или гордостию и неблагодарностию. — В таком случае они и сами чувствуют себя лишенными обычной силы к преодолению брани; видят, что падение их представляется приятным и сладостным в очах их и что трудно им выдержать жестокость борьбы со врагом их, которую прежде с ревностию решительно преодолевали стремлением естественного движения, сопровождающимся в то время горячностию и быстротою. И этого не находят они теперь в душе своей [474].

235. Блажен человек, который познал немощь свою, потому что ведение сие делается для него основанием, корнем и началом всякой благостыни. — Но никто не может ощутить немощь свою, если не будет попущено на него хотя малого искушения тем, что утомляет или тело, или душу. Тогда,

сравнив свою немощь с Божиею помощию, тотчас познает ее величие. — Но кто познал, что имеет нужду в помощи Божией, тот совершает множество молитв. И в какой мере умножает их, в такой смиряется сердце его [476].

236. Как скоро человек смирится, немедленно окружает его милость. И тогда сердце ощущает Божественную помощь, потому что обретает возбуждающуюся в нем некую силу уверенности. Когда же человек ощутит, что Божественная помощь действительно вспомоществует ему, тогда сердце его мгновенно исполняется веры. Из сего уразумевает он, что молитва есть прибежище ищущим помощи, источник спасения, сокровище упования, свет пребывающим во тьме, щит избавления во брани, стрела, изощренная на врагов. Отныне услаждается уже он молитвою веры; сердце его делается светлым от упования; и от великого веселия вид молитвы своей изменит он в благодарственные гласы. Не с трудом и утомлением молится тогда человек, какова всякая иная молитва, какою молится человек до ощущения сей благодати; но с сердечною радостию и удивлением непрестанно источает благодарственные движения, при неисчислимых коленопреклоне-

ниях, и от множества возбуждения к удивлению пред благодатию Божиею внезапно возвышает глас свой, песнословя и прославляя Бога. — И отныне да престанет он помышлять суетное, да пребывает неотступно пред Богом в непрестанной молитве с боязнию и страхом, чтобы не лишиться великой Божией помощи [477—479].

237. Познавший свою немощь, по великому желанию помощи Божией, приближается к Богу в молитве. И в какой мере приближается он к Богу желанием своим, в такой мере и Бог приближается к нему дарованиями Своими и не отъемлет у него благодати за великое его смирение и потому, что, как вдова пред судиею, неотступно вопиет защитить его от соперника. Поэтому же щедролюбивый Бог удерживает от него дары благодати, чтобы служило сие для человека причиною приближаться к Богу и чтобы ради потребности своей человек неотлучно пребывал пред Источающим служащее на пользу. И некоторые прошения его Бог исполняет скоро, именно же те, без которых никто не может спастися; а другие медлит исполнить. И в иных обстоятельствах отражает от него и рассеивает палящую силу врага, а в других попускает впадать в искушение, чтобы это

испытание служило для него причиною приблизиться к Богу и чтобы научился он и имел опытность в искушениях [479].

238. Посему-то Господь оставляет святым причины к смирению и к сокрушению сердца в усильной молитве, чтобы любящие Его приближались к Нему посредством смирения. И нередко устрашает их страстями их естества и поползновениями срамных и нечистых помышлений, а часто укоризнами, оскорблениями и заушениями от людей, иногда же неудачами и болезнями телесными, и в другое время нищетою и скудостию необходимых потребностей, то мучительностию сильного страха, оставлением, явною бранию диавола, чем обыкновенно устрашает их, то разными страшными происшествиями. И все это бывает для того, чтобы иметь им причины к смирению и чтоб не впасть им в усыпление нерадения [481].

239. Когда случится, что душа твоя внутренно наполняется тьмою, и, подобно тому как солнечные лучи закрываются на земле мглою облаков, душа на несколько времени лишается духовного утешения, и свет благодати внутри померкает, по причине осеняющего душу облака страстей и потому, что умалена в тебе несколько радостотворная

сила, и ум приосенила необычная мгла, — ты не смущайся мыслию и не подавай руки душевному расслаблению, но терпи, читай книги учителей, принуждай себя к молитве и жди помощи. Она придет скоро, чего и не узнаешь ты [490].

240. Пока не достигнешь слез, знай, что еще миру служит сокровенное твое и Божие дело делаешь ты внешним человеком; внутренний же твой человек еще бесплоден, потому что плод его начинается слезами. Когда достигнешь области слез, тогда знай, что ум твой вышел из темницы мира сего, поставил ногу свою на стезю нового века и начал обонять воню чудного нового воздуха. Слезы источаться начали, потому что приблизилось рождение духовного младенца. Общая всех матерь, благодать, вожделевает таинственно в душе произвести на свет будущего века Божественный образ. — И у всякого, пребывающего с Богом, бывает по временам сие утешение, то есть слезы: то когда он в умственном созерцании, то когда занят словами Писаний, то когда бывает в молитвенном собеседовании. Но я говорю не о сем чине слез, а о том, какой бывает у плачущего непрерывно день и ночь. У такого очи уподобляются водному источнику до двух и бо-

лее лет; а потом приходит он в умирение помыслов; по умирении помыслов входит в тот покой, о котором сказал святой Павел (Евр. 4, 3); по сем же мирном упокоении ум начинает созерцать тайны. Тогда Дух Святой начинает открывать ему небесное, и вселяется в нем Бог, и человек начинает ощущать в себе, хотя неясно и гадательно, то изменение, какое приимет внутреннее естество при обновлении всяческих [491—493].

**241.** Три чина, в которых человек преуспевает: чин новоначальных, чин средний и чин совершенных. Кто ***в первом чине***, у того, хотя образ мыслей наклонен к добру, однако же движение ума бывает в страстях. — ***Второй чин*** есть нечто среднее между состоянием страстным и бесстрастием: и десные и шуии* помыслы возбуждаются в человеке одинаково, и не перестает он источать свет и тьму. Если прекратит он ненадолго частое чтение божественных Писаний и воображение в уме божественных умопредставлений, с внешнею осторожностию, от которой рождаются и внутреннее хранение, и достаточной меры дела, то увлекается человек к страсти. Если же естественную свою горячность будет он питать сказанным выше и

* Правые и левые; здесь: светлые и темные. — *Ред.*

не оставит искания, но, по мановению чтения божественных Писаний, будет питать в себе благие помыслы и, удерживаясь от уклонения в страну шуюю и от приятия какого-либо диавольского всеяния, с любовию хранит душу свою и просит Бога с терпением в неусыпной молитве, — то Бог Сам исполнит ему прошение его и отверзет ему дверь Свою особливо за смирение его. Если умрет он в сем уповании, то, хотя и не узрит вблизи оную землю, однако же, думаю, наследие его будет с древними праведниками, уповавшими достигнуть совершенства и не узревшими оного, по апостольскому слову (Евр. 11, 39). И они все дни свои трудились и почили на уповании [494].

242. Бывает надежда на Бога прекрасная, и бывает ложная. Когда человек всю рачительность свою обращает на добродетели и угождение Богу, тогда прекрасно и разумно надеется он на Господа. Таковой достоин, чтобы на нем особенным образом показал Бог Свою попечительность. Но человек, у которого сердце погребено в земном, который никогда не печется о благоугодном Богу, как осмелится обратиться к Богу? — Будучи стесняем скудостию, или смертию, и подавлен плодами своих беззаконий, может

быть, и он скажет: «возложу упование на Бога, и Он поможет мне». — До сего часа не воспоминал ты о Боге, безрассудный, но оскорблял Его непотребством дел своих, и имя Божие ради тебя хулимо было неверующими; а теперь осмеливаешься говорить отверстыми устами: «на Него возложу упование; Он мне поможет». Не обольщайся: надежду на Бога предваряет труд для Бога и пролитый в делании пот [497—500].

243. Ничто не отделяет нас столько от мира, не умерщвляет в нас страстей, не возбуждает и не оживотворяет нас для духовного, как плач и сердечное с сокрушением болезнование. Напротив, ничто не делает нас столько сообщниками мира, как смехотворство и, при вольности в обращении, парение мыслей. — И это есть дело блудного демона [503].

244. Умоляю остерегаться злобы врага, чтобы буесловием* не устудить тебе в душе своей горячности любви ко Христу, ради тебя вкусившему желчь на древе крестном, и чтобы враг, вместо сладостного оного упражнения и дерзновений пред Богом, не стал во время бодрствования твоего наполнять душу твою многими мечтами, а во вре-

* Глупыми речами. — *Ред.*

мя сна твоего пленять и нелепыми грезами, зловония которых не терпят святые Ангелы Божии. Принуждай себя подражать смирению Христову, чтобы возгорелся скорее огнь, Им в тебя вложенный, которым искореняются все движения мира, убивающие нового человека и оскверняющие дворы Святого и Всемогущего Господа. Ибо осмеливаюсь сказать со святым Павлом, что мы — *храм Божий* (1 Кор. 3, 16). Посему, как чист Сам Бог, очистим храм Его, чтоб Он возжелал вселиться в нем. И как Сам Он свят, освятим и храм: украсим его всякими добрыми и честными делами, облагоухаем его благоуханием покоя воли Божией, чистою и сердечною молитвою, какой невозможно приобрести общением в частых мирских волнениях. И таким образом, облако славы Его воссияет внутри сердца, и исполнятся радости и веселия все обитатели селения Божия, а наглые и бесстыдные исчезнут от пламени Святого Духа [503—504].

**245.** Укоряй себя самого непрестанно, говоря: горе мне, бедная душа! Приблизилось время отрешения твоего от тела. Для чего увеселяешься тем, что сего же дня должна будешь оставить и чего не увидишь вовеки? Обрати внимание на прежнюю свою

жизнь, рассуди, что ты делала, почему так делала, и каковы дела твои, с кем провела дни жизни своей, или кто воспользовался трудом делания твоего на земле, кого возвеселила ратоборством своим, чтобы вышел он в сретение твое при исшествии твоем из мира, кого усладила во время течения своего, чтобы упокоиться тебе в пристани его, для кого бедствовала, трудясь, чтобы прийти к нему с радостию, кого приобрела другом в будущем веке, чтобы приял тебя во время исшествия твоего, на каком поле работала по найму, и кто отдаст тебе плату на западе солнца при разлучении твоем? [504].

246. Должно поставить себя пред лицем Божиим и всегда непреложно возводить око свое к Богу, если истинно хочешь охранять ум свой, дознавать, прекращать и отклонять даже малые, вкрадывающиеся в него движения и в тишине помышлений различать входящее и исходящее [507].

247. Без освобождения от забот не ищи света в душе своей, ни тишины и безмолвия при расслаблении чувств своих [508].

248. Как человек благородный и почтенный, когда упиется, забывает свое благородство, и бесчестится его состояние, так и целомудрие души возмущается лицезрением

людей и беседою с ними: человек забывает свою осторожность, в мысли у него изглаждается намерение воли его и искореняется всякое основание к похвальному устройству жизни [509].

249. Испарение, исходящее из чрева, не позволяет уму принимать в себе божественное познание, но омрачает его подобно туману, подымающемуся из влажной земли и помрачающему воздух [510].

250. Если бы тело не могло поститься, то ум одним бдением может привести в благородство душу. Посему тебя, желающего приобрести трезвенный пред Богом ум и познание новой жизни, умоляю во всю жизнь твою не быть нерадивым к пребыванию во бдении. Когда оскудеют силы, то, хотя сидя, бодрствуй и молись сердцем, но не засыпай и все меры употреби без сна провести ночь, сидя и занимаясь добрыми мыслями [514, 515].

251. Всегдашнее безмолвие вместе с чтением, умеренное вкушение снедей и бдение скоро возбуждают мысль к изумлению, если не будет какой причины, нарушающей безмолвие [516].

252. Когда тело твое укрощено воздержанием, бдением и внимательностию к безмолвию, но почувствуешь, что в теле тво-

ем без естественного движения возникает блудная страсть, то знай, что искушен ты помыслами гордыни. Дознай же, о чем ты помышлял, и кайся. И потрудись в сем, пока снова не приобретешь смирения и не успокоится сердце твое в Боге [516, 517].

253. Кто любит поводы к страстям, тот невольно и нехотя становится подручным и порабощается страстям. Невозможно человеку оставить навык греховный, если не приобретет прежде вражды ко греху, и невозможно получить отпущение прежде исповедания прегрешений. Если не возненавидим того, что достойно порицания, то, пока носим это в душах своих, не можем ощутить зловония и смрада в действенности всего этого. Пока не отринешь от себя того, что неуместно, до тех пор не узнаешь, каким покрыт ты стыдом и сколько должен краснеть от того [521].

254. Остерегайся собственной своей свободы, потому что она предшествует рабству. Остерегайся утешения, потому что оно предшествует брани. Помни, что за всяким удовольствием следует омерзение и горечь, как неразлучные спутники [523].

255. За упокоением членов следует помыслов исступление и смешение; за не-

умеренным деланием — уныние и за унынием — исступление. Но одно исступление различно от другого. За первым исступлением, которое от упокоения, следует брань блудная, а за вторым, которое от уныния, — оставление безмолвной своей кельи и прехождение с места на место. Умеренному же и ревностно продолжаемому деланию цены нет [524].

256. Страсти подобны небольшим псам, которые привыкли быть на мясных рынках и убегают от одного голоса, а если не обратят на них внимания, наступают, как самые большие львы [525].

257. Пока не приобрел еще ты силы истинного созерцания, занимай себя чтением Писаний и псалмов, памятованием о смерти и надеждою будущего. Все это собирает ум воедино и не позволяет ему кружиться, пока не придет истинное созерцание, потому что сила духа могущественнее страстей. В надежде же будущего занимай себя памятованием о Боге и остерегайся всего внешнего, что побуждает тебя к вожделениям [526].

258. Никто не может победить страсти, разве только добродетелями ощутительными и видимыми, и парения ума никто не

может преодолеть, разве только изучением духовного ведения. Ум наш легок и, если не связан каким-либо размышлением, не прекращает парения. Страсти служат преградою сокровенным добродетелям души, и если не будут они низложены добродетелями явными, то за ними невидимы добродетели внутренние. Никто не видит солнца во мраке и добродетели в естестве души, при продолжающемся мятеже страстей.

259. Молись Богу, чтобы дал тебе ощутить желание Духа и вожделение Его. Ибо, когда приидут в тебя это созерцание и вожделение Духа, тогда удалишься от мира, и мир отступит от тебя. Сего невозможно кому-либо ощутить без безмолвия, подвижничества и упразднения в определенном для сего чтении. Каждая добродетель есть матерь другой добродетели. Если оставишь матерь, рождающую добродетели, и пойдешь искать дочерей прежде, нежели отыщешь матерь их, то оные добродетели оказываются для души ехиднами [527].

260. Любовь к Богу естественно горяча и, когда нападет на кого без меры, делает душу ту восторженною. Вот признаки сей любви. Лицо у человека делается огненным и радостным, и тело его согревается. Страш-

ную смерть почитает он радостию; созерцание ума его никак не допускает какого-либо пресечения в помышлении о небесном. Хотя и делает что, но совершенно того не чувствует, так как ум его парит в созерцании и мысль его всегда как бы беседует с кем другим. Сим духовным упоением упоевались некогда Апостолы и мученики [528].

261. Если до вшествия в град смирения примечаешь в себе, что успокоился ты от мятежа страстей, то не доверяй себе. Враг готовит тебе какую-либо засаду, и после этого покоя жди великой тревоги и великого мятежа [529].

262. Подвижничество есть матерь святыни. Доброту целомудрия твоего угладь слезами, постами и уединенным безмолвием. Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби. Ум не спрославится с Иисусом, если тело не страждет за Христа. Слава тела — целомудрие; слава ума — истинное умозрение о Боге. Два есть способа взойти на крест; один — распятие тела, а другой — вхождение в созерцание; первый бывает следствием освобождения от страстей, а второй — следствием действенности дел духа. Ум не покоряется (Богу), если не покорится

ему тело. Царство ума есть распятие тела [530—532].

263. Основание всего доброго заключено в следующих двух способах: собрать себя воедино и всегда поститься, то есть премудро и благоразумно поставить для себя правилом воздержание чрева, неисходное пребывание на одном месте, непрестанное занятие богомыслием. Отсюда покорность чувств, отсюда трезвенность ума, отсюда укрощение свирепых страстей, возбуждающихся в теле, отсюда светлые движения мысли, отсюда рачительность к делам добродетели, отсюда память смертная, отсюда свобода истинного человека [534].

264. Если же кто вознерадит о сих двух способах, то поколеблет и самое основание всех добродетелей. Ибо, кто отступит и удалится от них, тот придет к сим двум противоположным тому порокам, разумею — телесное скитанье и бесчестное чревоугодие, кои дают в душе место всем страстям [535].

265. Диавол усиливается сначала сделать, чтобы оставлена была непрестанная сердечная молитва, а потом внушает пренебрежение к установленным временам молитвы и правилам совершаемого телесно. И таким образом в начале помысл предается

слабости вкусить прежде времени какую-нибудь малость пищи и что-нибудь самое незначительное и ничтожное... А потом восстает уже в нем и прочее, одно за другим [541].

266. Враг днем и ночью стоит у нас пред глазами и высматривает, каким отверстым входом чувств наших войти ему. И когда допущено нами нерадение в чем-либо одном, тогда этот хитрый и бесстыдный пес пускает в нас стрелы свои [542].

267. Однажды некто из любомудрых, покачнувшись от слабости и ощутив то, немедленно сел, приведя себя в прежнее положение; другой, посмотрев на него, рассмеялся на это. Но он отвечал: «не этого я убоялся, но боюсь небрежения, потому что малая небрежность нередко ведет к великим опасностям». Вот любомудрие — человеку, что ни делает он, и в малом, и в незначительном быть всегда трезвенным. Он уготовляет себе великое успокоение [543].

268. Человек боязливый дает о себе знать, что страждет двумя недугами — животолюбием и маловерием. Но кто пренебрегает сим, тот удостоверяет о себе, что всею душой верует Богу и ожидает будущего [544].

269. Человек не может приобрести надежды на Бога, если прежде по мере своей не исполнял воли Его. Ибо надежда на Бога и мужество сердца рождаются от свидетельства совести, и только при истинном свидетельстве ума нашего имеем мы упование на Бога. Свидетельство же ума состоит в том, что человека нимало не осуждает совесть, будто бы вознерадел он о чем-либо таком, к чему обязан по мере сил своих. Если не осудит нас сердце наше, *дерзновение имамы к Богу* (1 Ин. 3, 21). Дерзновение бывает следствием преспеяния в добродетелях и доброй совести [545].

270. Высшая причина молчания и безмолвия есть, когда человек внутри себя имеет некое божественное собеседование и ум его влечется к оному [546].

271. Ум и без дел телесных может совершать доброе. Но человек Божий, когда находит удобство к совершению доброго дела, не утерпит, чтоб не доказать любви к Богу трудом делания своего.

272. Когда человек памятует прежние свои грехи и наказывает себя, тогда Бог прилагает попечение о том, чтобы упокоить его. Бог радуется, что за уклонение от пути Божия сам он наложил на себя наказание,

что служит знаком покаяния. И, чем больше делает он принуждения душе своей, тем паче приумножается Богом честь его [551].

273. Добродетели одна другой преемственны, чтобы можно было преуспевать в них по порядку и находить в этом для себя облегчение. Ибо никто не может приобрести действительной нестяжательности, если не убедит и не уготовит себя к тому, чтобы с радостию переносить искушения. И никто не может переносить искушений, кроме уверившегося, что за скорби можно принять нечто, превосходящее телесный покой [551—552].

274. Приобрести опыт значит — не подойти только человеку к каким-либо вещам и посмотреть на них, не прияв в себя ведения о них, но по долгом обращении с ними ясно ощутить на опыте их пользу и вред. Ибо нередко вещь наружно кажется вредною, но внутри ее все оказывается исполненным пользы. И наоборот [553].

275. Соразмерно с искушениями определены Богом и дарования, по Его премудрости, которой не постигают созданные Им. Не приходит искушение, если душа не приимет сперва втайне величия паче меры своей, и Духа благодати, приятого ею преж-

де. Так угодно было Богу благому творить со всеми [555].

276. Телесное житие по Богу составляют дела телесные; делами же телесными именуются те, которые для очищения плоти совершаются в добродетельной деятельности явными действиями, которыми человек очищается от плотской нечистоты. Житие умное есть дело сердца, непрестанно продолжаемое с заботливою мыслию об угождении в чувствах Богу, вездесущему и всевидящему, также непрестанная молитва сердца и хранение себя от страстей тайных, чтобы не встречалось ничего страстного в области сокровенной и духовной. Все это есть дело сердца; оно-то и называется житием умным [563].

277. Житие духовное есть удивление Богу, — предначатие бессмертной жизни по воскресении. Природа человеческая не престанет там всегда удивляться Богу, вовсе не имея никакого помышления о тварях; ибо если бы было что подобное Богу, то ум мог бы быть подвигнут к этому. Но поелику всякая красота твари, и в будущем обновлении, ниже красоты Божией, то как может ум воззрением своим устраниться от красоты Божией? [564].

278. Очищение плоти есть неприкосновенность к плотской скверне, очищение души есть освобождение от тайных страстей, возникающих в уме. Очищение же ума совершается откровением таин. Сам Бог сподобляет созерцать Его непокровенным умом [566].

279. Вера есть дверь таинств. Как телесные очи видят предметы чувственные, так вера духовными очами взирает на сокровенное. У нас два духовных ока: одним видим тайны Божией славы, сокровенные в естествах, другим же оком созерцаем славу самого Святого естества Божия [567].

280. Как благодать на благодать, людям по крещении дано покаяние, потому что покаяние есть второе возрождение от Бога. Покаяние есть дверь милости, отверстая усильно ищущим его; сею дверию входим в милость Божию; кроме этого входа — не обретем милости. Покаяние есть вторая благодать, и рождается в сердце от веры и страха; страх же есть отеческий жезл, управляющий нами, пока не достигнем духовного рая благ [568].

281. Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами. Плоды древа сего возбранены Адаму по умыш-

лению диавольскому. Древо жизни есть любовь Божия, от которой отпал Адам; и с тех пор не встречала его радость, но работал и трудился он на земле терний. Лишенные любви Божией, если и в правоте ходят, едят тот хлеб пота в делах своих, какой повелено есть первозданному по падении его. Пока не приобретем любви, делание наше — на земле терний; и хотя сеяние наше бывает сеянием правды — и сеем и пожинаем мы среди терний, и ежечасно уязвляемся ими, и, что ни делаем к своему оправданию, живем в поте лица. А когда обретем любовь, тогда станем питаться небесным хлебом и укрепляться в силах без работы и труда [569].

282. Как невозможно переплыть море без корабля и ладьи, так никто не может без страха достигнуть любви. Смрадное море между нами и мысленным раем можем перейти только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха. Покаяние есть корабль, а страх — его кормчий, любовь же — Божественная пристань. Страх вводит нас на корабль покаяния, перевозит по смрадному морю жизни и путеводствует к Божественной пристани, которая есть любовь. И когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога, — и путь нами совершен, и пришли мы

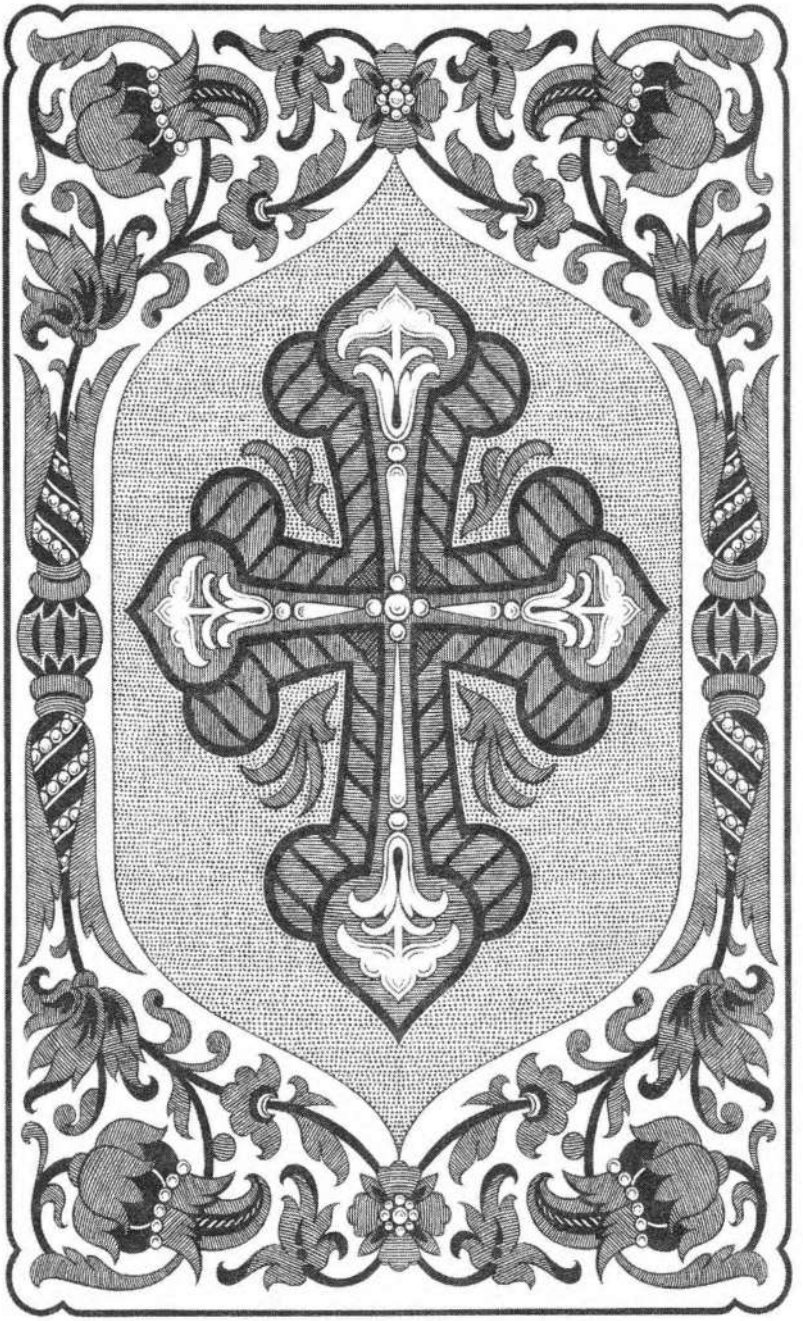
к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святой [570].

**283.** Есть ведение, предшествующее вере, и есть ведение, порождаемое верой. Ведение, предшествующее вере, есть ведение естественное; а порождаемое верой есть ведение духовное (благодатное). Естественное ведение Бог вложил в разумную природу нашу, и им естественно без науки распознаем мы добро и зло. Оно и есть путь к Богу. Естественное ведение, то есть различение добра и зла, вложенное в природу нашу Богом, само убеждает нас в том, что должно веровать Богу, приведшему все в бытие. А вера производит в нас страх; страх же понуждает нас к покаянию и деланию (по заповедям). А от делания рождается и духовное ведение [571—573].

**284.** Первая мысль, которая, по Божию человеколюбию, входит в человека и руководствует душу в жизни, есть западающая в сердце мысль об исходе сего естества. За сим помыслом естественно следует пренебрежение к миру; и этим начинается в человеке всякое доброе движение, ведущее его к жизни. Сатана весьма ненавидит сей помысл и всеми силами нападает, чтобы истребить его в человеке [539].

285. Тот — храм благодати, кто в единении с Богом и всегда озабочен мыслию о суде Его. Водружение нами в себе памятования о Боге есть вселение в нас Бога [608].

286. Делание сердца служит узами для внешних чувств. И если кто с рассудительностию занимается оным, по примеру живших до нас отцов, то сие бывает явно по следующим в нем трем явлениям: не связан он телесными выгодами, не любит чревоугодия, и совсем далека от него раздражительность [611].



СВЯТЫХ
ВЕЛИКИХ СТАРЦЕВ
ВАРСОНОФИЯ
И ИОАННА
НАСТАВЛЕНИЯ
О МОЛИТВЕ
И ТРЕЗВЕНИИ

1. Внимай себе бдительно, чтобы иметь всегда Бога пред собою, да исполнится и на тебе пророческое слово: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). [7]*.

2. Касательно теплоты и холодности скажу: известно, что Господь назвал Себя огнем (Втор. 4, 24; Евр. 12, 29), согревающим и разжигающим сердца и утробы (Пс. 25, 2). Итак, если ощущаем холодность, призовем Бога, и Он, пришедши, согреет сердце наше совершенною любовию Своею не только к Себе, но и к ближнему, и от лица теплоты Его изгонится холодность ненавистника добра. *Терпя потерпех Господа*, говорит Писание, *и внят ми и услыша молитву*

---

* Цифры сии указывают номер вопроса и ответа. [Святитель цитирует по изданию: Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. Данный труд выпущен издательством «Правило веры» в 2005 г. — *Ред.*]

*мою,* — и что же? — *И возведе мя от рова страстей и от брения тины* (Пс. 39, 2—3). К этому рву принадлежит и нечувствительность сердца [18].

**3.** Всякий помысл (намерение что-либо сделать), которому не предшествует тишина смирения, не от Бога происходит, но явно от левой стороны. Господь наш приходит с тихостию; все же вражеское бывает со смущением и мятежом. Итак, возлюбленный, все, что от тебя зависит, делай, представляя страх Божий пред очами своими, и приноси благодарение Господу (по совершении) [21].

**4.** Да разгорится в сердце твоем навсегда тот духовный огнь, о котором сказал Владыка Христос: *огня приидох воврещи на землю* (Лк. 12, 49), да *водворится мир Господень в сердце твоем* (Кол. 3, 15), да очистишься от гнева и раздражительности — сих лютых страстей. Да сподобит Господь душу твою водвориться в незлобии и кротости, чтобы соделаться тебе питомцем Христовым и агнцем незлобивым (Иер. 11, 19). Да видят очи твои Бога, как очи чистого сердцем (Мф. 5, 8). [22].

**5.** Не желай получить от меня правила. Держись рассуждения, подобно кормче-

му, который, соображаясь с ветром, направляет ладью свою. Делай все разумно, и это приведет тебя в жизнь вечную о Христе Иисусе Господе нашем [23].

6. Когда молимся и Бог медлит услышать, то делает это к пользе нашей, дабы научить нас терпению; а посему и не надобно унывать, говоря: мы молились, и не были услышаны. Бог знает, что полезно человеку [35].

7. Смотри, чтоб не поразило внезапно слух твой: *се, жених, изыдите в сретение Его* (Мф. 25, 6). Помни сказанное о дверях, что они затворены были; поспеши, да не останешься вне с юродивыми девами. Перейди мыслию своею от суетного века сего в иной век; оставь земное и взыщи небесного; оставь тленное и найдешь нетленное. Бегай мыслию временного, и приближишься к вечному; умри совершенно, да поживешь совершенно о Христе Иисусе Господе нашем [37].

8. Не убойся ни одного из искушений, восстающих на тебя к твоему же искусу, ибо не предаст тебя Бог. Когда постигнет тебя что-либо такое, не трудись изыскивать причины того, но призывай имя Иисуса, говоря: Иисусе, помоги мне, и Он услышит

тебя: *близ бо есть всем призывающим Его* (Пс. 144, 18). Не предавайся малодушию, но стремись усердно вперед, и достигнешь желаемого о Христе Иисусе Господе нашем [39].

**9.** Светлейшее учение Спасителя нашего таково: *да будет воля Твоя* (Мф. 6, 10). Кто искренно произносит сию молитву, тот оставляет собственную свою волю и возлагает все на волю Божию [40].

**10.** Писание говорит: *ниже да изыдет велеречие из уст ваших* (1 Цар. 2, 3). А ты посмел отверсть уста свои пред Богом и сказать, что страсти ослабели в тебе, вместо того чтобы сказать: все они лежат во мне, как в хранилище. За это и был ты оставлен, и все твое окаянство обнаружилось. Бодрствуй же вперед над собою неослабно, чтобы истребить восемь иноплеменных народов [44].

**11.** Безвременно сделать что-нибудь есть исполнение своей воли, и происходит от кичливости [44].

**12.** Ты должен взойти со Христом на крест, быть пригвожден гвоздями и прободен копием. Потерпи и благодари за все, по слову: *о всем благодарите* (1 Сол. 5, 18). Очевидно же, что благодарить следует и в

нуждах, и в болезнях, и в отраде. Непрестанно призывай Бога, и Он пребудет с тобою и подаст тебе силу о имени Своем [45].

13. Утверждай сердце твое, полагая на нем без смущения крестное знамение, во имя Отца и Сына и Святого Духа, и веруя, что сие помогает нам попрать главу врага [46].

14. Если хочешь быть спокойным по всему, будь мертв в отношении ко всякому человеку, и успокоишься [52].

15. Если мы странники, то странниками и будем. Не будем считать себя за нечто и, когда никто не даст нам никакого значения, будем спокойны. Более всего старайся умереть для всякого человека, и спасешься. Скажи помыслу своему: я умер и лежу в гробе [55].

16. Не будем принимать смущения от лукавых помыслов, чтобы восставать и смущаться на ближнего нашего: это происходит не иначе как по действию диавольскому [57].

17. Когда внушает тебе помысл сделать что-либо по воле Божией и ты находишь в сем деле радость и в то же время скорбь, ей противободрствующую, то знай, что сей помысл от Бога, и понудь себя по-

терпеть, по слову Апостола: *умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключимь буду* (1 Кор. 9, 27), и исполни волю Божию. А помыслы, происходящие от демонов, прежде всего бывают исполнены смущения и печали и влекут вслед себя скрытно и тонко; ибо враги одеваются в одежды овчия, то есть внушают мысли, по видимому правые, внутренно же *суть волцы хищницы* (Мф. 7, 15), то есть восхищают *и прельщают сердца незлобивых* (Рим. 16, 18) тем, что кажется хорошо, а в самом деле зловредно. Писание говорит о змие, что он мудрейший, а посему и блюди всегда его главу, чтобы он не нашел у тебя норы и, поселившись в ней, не произвел опустошения. Знай же, что если, тогда как ты что-либо слышишь, мыслишь или видишь, хотя немного смутится сердце твое, то это демонское. Если же ты не достиг еще меры духовной (и не можешь сам рассуждать помыслов), то смирись пред учителем (открывай ему помыслы), — да *накажет тя милостию* (Пс. 140, 5), и без совета ничего не делай (Сир. 32, 2), хотя бы что и казалось тебе по видимому добрым, ибо свет демонов обращается впоследствии во тьму [59].

18. Путь настоящий в том состоит, чтобы проходимое и оставляемое нами позади не привлекало нас обратно, иначе явимся на том месте, из которого вышли, достойные осуждения, и труд наш будет напрасен. Оставь волю свою позади себя и смиряйся в течение всей твоей жизни, и спасешься [61].

19. Пробуди мысленное око твое, воздремавшее от уныния, да не уснешь в смерть (Пс. 118, 28; 12, 4). Бодрствуй, да познает ум твой, како наблюдать за доброю землею твоею, чтобы не возросло в ней терние и не подавило семени. Блюдись, ибо *окрест нечестивии ходят* (Пс. 11, 9). [69].

20. *Отче наш* (всю молитву) повелено произносить и совершенным и грешным. Совершенным — для того, чтобы они, познавши, чьими сынами сделались, постарались не отпасть от Него; грешным же — для того, чтобы они со стыдом, называя Отцом Того, Которого часто оскорбляли, осудили себя и пришли в раскаяние [71].

21. Если ты непрестанно молишься по слову Апостола (1 Сол. 5, 17), то не нужна продолжительность, когда встаешь на молитву, ибо ум твой весь день пребывает в ней. Когда сидишь за рукоделием, должно читать или говорить псалмы изустно и при

конце каждого псалма молиться сидя, как, например: «Боже, помилуй мя, окаянного!» Если же беспокоят тебя помыслы, то прибавь: «Боже! Ты видишь скорбь мою, помоги мне». Но по временам надобно вставать на молитву и преклонять колена с подобными же словами. Поя или читая псалмы наизусть, должно произносить их вслух, если нет никого близко [74].

22. Что до ночи касается, то молись с вечера два часа, считая их от захождения солнца, и, кончив славословие, спи шесть часов, потом встань на бдение и бодрствуй остальные четыре часа [75].

23. Желая омыть скверны, омой их слезами, ибо они чисто омывают всякую скверну. Пока не умолкнет гортань твоя, взывай ко Иисусу: *Наставниче, спаси ны, погибаем* (Лк. 8, 24). Очисти сердце свое от пепла и воспламени тот огонь, который Господь пришел ввергнуть на землю: он истребит все сие и сделает золото твое чистым. Много потребно нам трезвения [77].

25*. Удивительно, как мирские люди, ища приобретений, не обращают внимания ни на диких зверей, ни на нападения разбойников, ни на опасности моря, ни на

* Номер 24 в оригинале отсутствует. — *Ред.*

самую смерть, и не ослабевают душою, лишь бы приобрести желанное, хотя и не знают наверно, получат ли его; мы же, окаянные и ленивые, получившие власть наступать на змей и на скорпионов и на всю силу вражескую и слышавшие сие: *Аз есмь, — не бойтеся* (Ин. 6, 20), зная несомненно, что мы не своею силою боремся, но силою укрепляющего нас Бога, изнемогаем и унываем. Отчего так? Оттого, что не пригвоздилась плоть наша страху Божию (Пс. 118, 120), и мы никогда не забывали *снести хлеб наш от гласа воздыхания нашего* (Пс. 101, 5—6). Потому переходим мы из одного в другое, что не приняли совершенно огня, который Господь пришел ввергнуть на землю (Лк. 12, 49). Огнь сей сжег бы и истребил терние на мысленной нашей ниве. Послабление себе, нерадение и любовь к телу не допускают нас восстать [78].

26. Молитва совершенная состоит в том, чтобы беседовать с Богом, не рассеиваясь мыслями, собирая все свои помыслы и чувства. Человек входит в такое состояние, когда умрет для всех людей — для мира и для всего, что в нем находится. И такой ничего не должен более говорить Богу в молитве, как только: да будет воля Твоя во мне,

и иметь в уме, что предстоит Богу и с Ним беседует [79].

27. Вспоминаний о том, что ты видел, слышал или сделал ничто не уничтожает, кроме молитвы, соединенной со смирением, трудами, и слезами, и с отсечением своей воли [90].

28. Блюсти сердце — значит иметь ум трезвенный и чистый от помысла, наводящего брань. Сперва ум пренебрегает помыслами своими, а потом уже, когда враг увидит нерадение, старается ввести в него брань. Если хочешь узнать о помысле, враг ли он тебе или друг, сотвори молитву и спроси его: *наш ли ты, или от супостатов?* (Нав. 5, 13), — и он скажет тебе истину, ибо предательство бывает от нерадения. Не противоречь (помыслам), потому что враги сего желают (и, видя противоречие), не перестанут нападать; но помолись на них ко Господу, повергая пред Ним немощь свою, и Он может не только отогнать, но и совершенно упразднить их [91].

29. Пребывать в келье — значит вспоминать свои согрешения, плакать о них и сетовать, бодрствовать над собою, чтобы ум не был пленен; а если и будет пленен, то

стараться скорее опять привести его в свое место [100].

30. Ум бывает зверохищен (подобен зверю, угрызенному зверем) тогда, когда человек не поспешит предварительно укорить себя. Такой ум имеет на себе следы угрызения зубов и терзания ногтей (зверей мысленных), почему и нуждается во врачевании, то есть в покаянии [102].

31. Когда восстает на тебя тело, беги поспешно с молитвою к Иисусу, и успокоишься [103].

32. Осуждение другого случается с тобою оттого, что не умерло еще в тебе самооправдание: осуждай себя, и перестанешь осуждать других [104].

33. Боязнь — сестра отчаяния. Она ослабляет сердце и отторгает от Бога. Бежим от нее, и возбудим спящего в нас Иисуса, воскликнув: *Наставниче, спаси ны, погибаем* (Мф. 8, 25). И Он, восставши, запретит ветрам, и они утихнут, а нам скажет: *Аз есмь, не бойтеся* (Ин. 6, 20). [105].

34. Куда так далеко отошел Иисус, чтобы тебе нельзя было подойти к Нему и молить Его прийти на помощь? Не слышит ли ухо твое, что поют уста твои: *близ Господь всем призывающим Его во исти-*

*не. Волю боящихся Его сотворит, и молитву их услышит и спасет я* (Пс. 144, 18)? Прилепись к Нему, и Он избавит тебя и от внутренних господ, и от внешних рабов их [106].

**35.** Моли благость Того, Который *всем человеком хощет спастися и в разум истины прийти* (1 Тим. 2, 4), дабы Он даровал тебе духовное бодрствование, возжигающее духовный огнь, который пришел низвесть на землю (Лк. 12, 49) Господь и Владыка неба и земли. Бог дарует сию благодать всем, с трудом и усердием просящим; и она, пришедши, просвещает очи ума, прогоняет сон расслабления и нерадения и очищает оружие, которое заржавело на земле лености [111].

**36.** Иисус никого не отвергает: Он и в единонадесятый час нанял делателей в виноградник Свой. Прилепись к Нему и потрудись несколько, чтобы получить награду наравне со всеми. Бог даровал тебе ум, предай Ему оный, посвящая его небесному, *вышних ища, горняя мудрствуя* (Кол. 3, 1—2) и туда устремляя, где Он Сам пребывает. Сим только образом может каждый освободиться от ветхого человека. Иисус сказал Апостолам: *вы соль земли* (Мф. 5, 13).

Будь сам для себя солию, осоляя и иссушая (в себе) гнилость и (истребляя) червей, то есть злые помыслы. Бог и Спаситель наш хочет, чтобы мы спаслись; но нам надлежит взывать непрестанно: спаси мя, Господи. — И спасет [113].

37. Мера, коей искать должно, есть та, чтоб измениться и очиститься от ветхого человека и приобрести освящение души и тела [114].

38. Если увлечешься и согрешишь против кого-нибудь делом или словом, пойди к нему и поклонись, прося прощения. И Бог, видя это, защитит тебя от врагов твоих [114].

39. Когда престанет уныние? — Когда придет Господь наш, и о имени Его в ушах хромого, сидящего при красных дверях, слышен будет радостный глас: *востани и ходи*; тогда он входит во святилище, *ходя и скача и хваля Бога* (Деян. 3, 6, 8); тогда престанет сон уныния и лености; тогда отлетает от веждей дремота уныния и лености; тогда пять мудрых дев возжигают свои светильники и ликуют с женихом во святом чертоге без смущения, согласно воспевая: *видите, видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9). Тогда прекращаются брани, и осквернения, и

движения, и водворяется святой мир Святой Троицы, запечатлевается сокровище и делается недоступным похищению [115].

**40.** Как раздражились бесы против Иова, когда свидетельствовал о нем Бог, и как, предугадав, что приблизилось время юноше очиститься, *стрясе его* (Мр. 9, 20), так и тогда, когда видят, что кто-либо преуспел, искушают его по зависти. Это бывает попущением Божиим для того, чтобы человек познал свою немощь и не превознесся (полученным) дарованием [116].

**41.** Иметь имя или славу выше делания своего нимало не вредит тому, кто не услаждается тем или не соглашается с тем, что говорят о нем, так же, как оклеветанному в убийстве, но ничего подобного не делавшему (не вредит клевета). Такой должен думать, что: люди имеют о мне хорошее мнение, не зная, каков я [118].

**42.** Имеешь наставление святого апостола Павла, который говорит: *вся искушающе, добрая держите* (1 Сол. 5, 21). Всякое дело, которое совершает человек в страхе Божием, приносит пользу душе его. Итак, беседуй с отцами, если сия беседа приносит тебе пользу. Полагаю же так, что и беседовать ради Бога хорошо,

и не беседовать Бога ради также хорошо [119].

43. Умягчи сердце свое, и оно обновится; сколько смягчишь его, столько найдешь в нем помышлений для жизни вечной о Христе Иисусе Господе нашем [122].

44. Отсекать волю свою пребывающему в келье своей значит нерадеть о телесном покое во всех его видах; воля плотская состоит в том, чтобы упокоить тело в каком-либо случае, и потому, если не доставляешь ему покоя, знай, что, пребывая в келье, отсекаешь свою волю. — А воля, внушаемая демонами, состоит в том, чтобы оправдывать себя и веровать себе, — и тогда человек тот бывает уловляем ими [124].

45. Хорошо ли упражняться в молитве: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», или лучше поучаться в божественном Писании и стихословить псалмы? — Надобно делать и то и другое: немного того, и немного другого попеременно, по написанному: *сия подобаше творити, и онех не оставляти* (Мф. 23, 23). [126].

46. Молитвы творить, в конце молитвенного своего правила, о мире святых церквей, о царе, правителях, о всех людях, нищих, вдовицах и о прочих, — хорошо, ибо

о сем Апостольское есть завещание. Но, исполняя сие, надобно сознавать себя недостойным и не имеющим на то силы. — Хорошо молиться и о всяком, просящем молитвы. Ибо Апостольское есть слово: *молитеся друг за друга, яко да изцелеете* (Иак. 5, 16). И об Апостолах молились некоторые. Кто нерадит о заповеди, тот сам себя осуждает; а потому, можешь или не можешь, понуждай себя к исполнению заповеди [128].

47. Посетить брата хорошо, а празднословить худо. Самое дело научит тебя, как поступить: посети ближнего и воздержись от празднословия, подражая собеседованию святых отцов [130].

48. Что есть добрая и злая воля? — Всякий покой телесный мерзок Богу нашему, ибо Он Сам сказал: *узкий и тесный путь вводяй в живот* (Мф. 7, 14). Избрать этот путь есть добрая воля, и тот, кто держится его во всяком деле, произвольно избирает себе скорбь по силе своей. Или не знаешь, что говорит Апостол: *умерщвляю тело мое и порабощаю* (1 Кор 9, 27). Видишь ли, что божественный муж волею порабощает тело свое, хотя оно и противилось тому? Имеющий доброе желание спасения ко всякому из требуемых нуждою действий

своих примешивает небольшую скорбь. Например: могу спать на мягкой постеле, но, избирая небольшую скорбь по собственному желанию, ложусь на рогоже, и подобное. — Это и есть воля по Богу. Воля же плотская состоит в противном сему, то есть чтобы во всем иметь покой. Трудно спастись! И как заблуждается тот, кто думает спастись, упокоевая себя во всем! Царствие Небесное получают лишь те, которые нудят* себя (Мф. 11, 12). Если не понудим себя немного, то как можем спастись? [132].

**49.** Утром нападают помыслы. Как быть? — Когда кто-либо бывает празден, то занимается приходящими ему помыслами. Когда же занят бывает, то не имеет времени принимать их. Итак, с раннего утра держи жернов (ум в своей власти), и будешь молоть пшеницу — на хлебы в пищу. Если же соперник твой предупредит тебя, то вместо пшеницы будешь молоть им (жерновом — умом) плевелы [134].

**50.** Как сподобиться чистой и духовной молитвы? — Поелику Господь наш Иисус Христос сказал: *просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам* (Лк. 11, 9), то молись Самому

* Принуждают, заставляют. — *Ред.*

благому Богу, чтобы Он послал Святого Духа Утешителя; и Тот, пришедши, научит тебя всему и откроет тебе все таинства. Его взыщи себе в путеводителя; Он не допустит прелести, или рассеяния в сердце, не попустит нерадения и уныния или дремоты мысли; просветит очи, утвердит сердце, возвысит ум. Ему прилепись, Ему веруй, Его возлюби, ибо Он умудряет безумных, услаждает мысль, подает силу, чистоту, радость и правду, учит долготерпению и кротости, любви и миру, и дарует оные [136].

**51.** От больного не требует Господь службы телесной, но духовной, то есть молитвы, ибо Он говорит: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17). — Давай телу несколько меньше против требования его, ибо путь отеческий состоит в том, чтобы вообще в пребывании своем не отягощаться ни питием, ни пищею [139].

**52.** Не позволяй себе рассуждать о приходящих помыслах; но повергни пред Богом немощь свою, говоря: Господи! я в руках Твоих, помоги мне и избавь меня от рук их. Помысл же, который медлит в тебе и борет тебя, объяви авве твоему, и он, с помощию Божиею, исцелит тебя [142].

53. Не оставляй изучения псалмов, ибо и сие относится к духовному деланию, и старайся произносить их наизусть: это для тебя полезно [142].

54. Не будь поруган, о неразумный! Не надобно верить врагам своим. Если оставишь попечение о себе и вознерадишь, то враги придут снова. Воин во время мира изучает то, что потребуется от него во время брани. Смотри, что сказал Господь змию: *той твою блюсти будет главу, и ты блюсти будешь его пяту* (Быт. 3, 15). До последнего издыхания не должен человек оставлять попечение о себе. Итак, внимай себе, брат, и берегись гнева, тщеславия, сна и прочих страстей, зная, что враг не спит и не нерадит [143].

55. Очисти сердце свое от помыслов ветхого человека. Дарования Божии вмещаются лишь в чистых и им подаются. Пока сердце твое движется гневом, памятозлобием и тому подобными страстями ветхого человека, не войдет в него премудрость. Если желаешь дарований Божиих, извергни из себя сосуды чуждого (страсти), и Божии дарования сами собою войдут в тебя [158].

56. Если хочешь знать настоящий путь, то знай, что он состоит в следующем:

принимать бьющего — как греющего; бесчествующего — как прославляющего; досаждающего — как почитающего; и утесняющего — как успокоивающего. Если не дадут тебе того, что следует по обычаю, не скорби, но скажи: если б была на то воля Божия, то я получил бы это; почитай себя недостойным и оставь самооправдание. Если ты, когда скажешь что-нибудь, говоришь: хорошо сказал я, или, когда постигнешь что умом, говоришь: хорошо постиг, — хорошо сделал то, хорошо другое: то далек ты от пути Божия [159].

57. Враг крепко лютует на нас; но если смиримся, то Господь упразднит его. Будем всегда укорять себя самих; и победа всегда будет на нашей стороне. Три вещи всегда победоносны: укорять себя, оставить волю свою позади себя и почитать себя ниже всей твари [160].

58. Постараемся очистить сердце наше от страстей ветхого человека, которые ненавидит Бог: мы Его храмы, и Бог не живет в храме, осквернённом страстями [162].

59. Предоставь Богу заботиться о тебе, возложи на Него все свои попечения, и Он устроит все, что до тебя касается, как Ему угодно. Кто предает себя Богу, должен

предать Ему все от всего сердца, даже до смерти. Бог ничего от тебя не требует, кроме благодарения, терпения и молитвы о прощении грехов [163].

60. Знай, что те, которые желают покоя во всем, услышат некогда: *восприясте благая в животе вашем* (Лк. 16, 25). Не будем ослабевать; мы имеем Бога милостивого, Который знает и немощь нашу более нас. Чтоб не малодушествовать и не отягощаться, взирай на конец терпения. Близок Бог, сказавший не *имам тебе оставити, ниже имам от тебе отступити* (Евр. 13, 5; Нав. 1, 5). [165].

61. О посте чувственном не скорби (если не можешь его понести): он ничего не значит без духовного. Не от немощных телом требует Бог поста, но от сильных и здоровых; снизойди немного телу, и это не будет грехом. Бог не требует от тебя поста (когда немоществует тело твое), потому что знает болезнь, которую послал тебе. — Благодари же Бога за все [168].

62. В чем упражняться ежедневно? — Должен ты несколько упражняться в псалмопении, несколько молиться изустно; нужно время и на то, чтобы испытывать и блюсти свои помыслы. У кого на обеде много

разных снедей, тот много ест и с услаждением; а кто каждый день употребляет одну и ту же пищу, тот не только без услаждения вкушает ее, но иногда чувствует, может быть, и отвращение от нее. Так и в нашем состоянии бывает. Только совершенные могут приучить себя употреблять ежедневно одну и ту же пищу без отвращения. В псалмопении же и молитве изустной не связывай себя, но делай, сколько Господь тебя укрепит; не оставляй также чтения и внутренней молитвы. Несколько того, несколько другого, и так проведешь день, угождая Богу. Совершенные отцы наши не имели определенного правила, но в течение целого дня исполняли свое правило: несколько упражнялись в псалмопении, несколько читали изустно молитвы, несколько испытывали помыслы, мало, но заботились и о пище, и все сие делали со страхом Божиим. Ибо сказано: *вся, елика аще творите, во славу Божию творите* (1 Кор. 10, 31). [176].

**63. Как должно испытывать свои помыслы и как избегать пленения?** — Испытание помыслов состоит в следующем: когда придет тебе помысл, рассмотри, что от него происходит. Приведу тебе на сие и пример: представь себе, что кто-нибудь тебе

досадил и помысл побуждает тебя сказать ему что-нибудь; а ты скажи своему помыслу: если я выскажу ему, смущу его — чрез это и он будет на меня скорбеть: так потерплю немного, и пройдет. Так и при всяком худом помысле спроси себя, к чему приводят худые мысли, — и они прекратятся. — Касательно же пленения знай, что оно требует большой бдительности. Отцы говорят: если увлекают ум твой в блуд, напоминай ему о целомудрии; если же увлекают в чревообъядение, приведи ему на память пост. Таким же образом поступай и в отношении к другим страстям [177].

64. Непрестанно молиться относится к мере бесстрастия; и чрез это обнаруживается пришествие Духа, Который учит всему. Если всему, то и молитве. Ибо Апостол говорит: *о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными* (Рим. 8, 26). [178].

65. Должно ли иметь правило? — Будь подобен человеку, который ест и пьет, пока это его услаждает: так, если приходит тебе желание читать и видишь в сердце своем умиление — читай, сколько можешь, и при пении псалмов поступай так же; старай-

ся же по силе твоей непрестанно приносить Богу благодарение и взывать: «Господи, помилуй», и не бойся: дарования Божии непреложны [178].

66. За все воздавай благодарение Богу, ибо благодарение ходатайствует о немощах. Правило твое да будет в том, чтобы жить, внимая своим помыслам, и иметь страх Божий, говоря себе: как я встречу Бога? как я провел прошедшее время? [183].

67. Ни в каком случае не считай себя за нечто и не ищи равенства с другими, — и ни от чего не придешь в смущение, что бы ни сделали тебе неприятного. Помни притом, что если ты станешь взыскивать за что-либо с брата, то и Бог взыщет с тебя за все, содеянное тобою от юности [185].

68. Если ты, вразумляя другого, чувствуешь смущение в сердце своем, то такое вразумление не угодно Богу. Оно смешано с самооправданием и происходит по действию диавольскому [186].

69. Возненавидим телесный покой, чтобы он не удалил нас от Бога, ибо он мерзок Ему. Бог попускает нам немного поскорбеть, потому что без скорби нет успеха в страхе Божием [187].

70. Смирение состоит в том, чтобы считать себя землею и пеплом — на деле, а не на словах только, и чтобы говорить: кто я такой? и кто считает меня за что-либо? [191].

71. Ты тогда хорошо подвизаешься, когда тщательно внимаешь себе, чтобы не отпасть от страха Божия и от благодарения Богу. Блажен ты, если поистине сделался странным и нищим, ибо таковые наследуют Царствие Божие [197].

72. Если внутреннее делание по Богу не поможет человеку, то напрасно он трудится во внешнем. Внутреннее делание с болезнию сердечною производит истинное безмолвие сердца; такое безмолвие производит смирение, а смирение делает человека селением Божиим; от вселения же Божия (в человека) изгоняются лукавые демоны и начальник их, диавол, с постыдными их страстями, и человек делается храмом Божиим, освящаемым, просвещенным, очищенным и исполненным всякого благодеяния, благости и радости. Человек сей делается богоносцем. Трудись же, по силе внутреннего человека, над тем, чтобы смирить свои помыслы; и тогда Бог откроет очи сердца твоего, чтобы видеть истинный свет и быть в состоянии ска-

зать: благодатию спасен я о Христе Иисусе Господе нашем [210].

**73.** Кто желает угодить Богу, тот понуждает себя отсекать волю свою пред ближним; к этому отчасти относится то, что сказал Господь: *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). [212].

**74.** Пока не подчинится телесное духовному, не могут ослабеть в нас страсти [217].

**75.** Приобрети крайнее смирение и послушание во всем, ибо они суть искоренители всех страстей и насадители всяких благ [223].

**76.** Согрей сердце свое в страхе Божием, возбуждая его от мысленного сна, наводимого двумя злейшими страстями — забвением и нерадением. Согревшись, оно примет желание будущих благ, и отселе ты будешь иметь попечение о них, и чрез сие попечение отступит от тебя не только мысленный, но и чувственный сон, и тогда скажешь, подобно Давиду: *в поучении моем возгорится огнь* (Пс. 38, 4). Что о сих двух страстях сказано, то приложимо ко всем: все они подобны хворосту и сгорают от оного духовного огня [223].

77. Скажу тебе о подвигах духовных, что они без хранения ума ни во что не вменяются человеку [223].

78. Чтением ли занимаешься, изучением ли (на память) псалмов, непрестанно воспоминай Бога, сказавшего: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). [225].

79. Смерть и жизнь наша в наших же руках (Втор. 30, 19). Если не повторим прежних согрешений, то уже имеем от Бога прощение их, только бы не усумнились снова. *Се, здрав был еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14). Будь чужд безнадежия, прилепись к Богу любовию, верою, надеждою, — и возымеешь в Нем жизнь вечную [227].

80. Во всякое время, если возможет человек отсечь свою волю во всем и иметь смиренное сердце и смерть всегда пред глазами, то может спастись благодатию Божиею [229].

81. Что значит положить начало, как не то, чтоб удаляться от всего ненавистного Богу? А как удаляться от сего? — Не делать ничего без вопрошения и совета, также и не говорить ничего неподобающего, и при-

том признавать себя неразумным, неосоленным, уничиженным и вовсе ничего незначащим [231].

82. Прийти тебе в умиление препятствует воля твоя, ибо если человек не отсечет своей воли, то не может приобрести болезни сердечной. Не позволяет же тебе отсечь волю свою неверие; а неверие происходит оттого, что мы желаем славы человеческой. — Если поистине хочешь оплакивать грехи свои, внимай себе и умри для всякого человека. Отсеки три эти вещи: волю, самооправдание, человекоугодие; и поистине придет к тебе умиление, и Бог покроет тебя от всякого зла [234].

83. Не обольщайся насыщением чрева и не услаждай себя принятием пищи или пития, кроме удовлетворения телесной потребности. Берегись, чтоб не осуждать никого; будь покорен, — и так придешь в смирение, и все страсти исчезнут из тебя [236].

84. Не думай, чтобы спасение было дело беструдное: оно требует многих потов труда и понуждения. Не расслабляйся, угождая своему телу; иначе оно низложит тебя. И великие мужи бывают им низлагаемы, если не внимают себе [236].

85. Авва Исаия говорит, что пока человек ощущает сладость грехов, то они не бывают еще ему прощены. Я ощущаю сладость их, и помысл смущает меня, что нет мне прощения. — Слово аввы Исаии относится к тому, кто ощущает не только сласть греха, но и услаждается ею. Тому же, кому хотя и приходит на память греховная сласть, но кто не допускает продления действия сей сласти, а противоречит и подвизается против оной, прощены прежние грехи [237].

86. Служащий (диакон) должен быть, как херувим: весь око, весь ум; он должен размышлять и мудрствовать о небесном, со страхом и трепетом, и славословить, ибо носит тело и кровь бессмертного Царя. Он представляет также и лице Серафимов, потому что поет славословие и осеняет сокровенные Тайны рипидою*, как бы святыми крылами, образуя чрез то возвышение свое от земли и от всего вещественного. Ему надобно непрестанно воспевать умом, во храме внутреннего человека, победную песнь велелепной славы Бога нашего: *Свят, Свят, Свят Господь Саваоф: исполнь небо и земля славы Твоея* (Ис. 6, 3). [238].

* Атрибут архиерейского богослужения в виде длинного шеста с кругом, на котором изображены шестикрылые Серафимы. — *Ред.*

87. Если станешь непрестанно осуждать себя самого, то сердце твое сокрушится и обратится к покаянию, и Тот, Кто сказал чрез святого Пророка: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26), оправдает тебя и освободит от всякого осуждения. Ибо Писание говорит: *Бог оправдаяй, кто осуждаяй* (Рим. 8, 33—34). [239].

88. Есть раздражительность естественная, и есть раздражительность противоестественная. Естественная противится исполнению похотливых вожделений, и она не требует врачевания как здравая. Противоестественная восстает, если не исполняются похотливые вожделения. Сия последняя требует врачеваний сильнейших, чем вожделения [242].

89. Бог сотворил душу и тело бесстрастными, но чрез преслушание они впали в страсти. Страсти сгорают от смирения, как от огня [243, 244].

90. Для искоренения скверной страсти (блудной) необходим труд сердечный и телесный: сердечный — чтобы сердце непрестанно молилось Богу; телесный — чтобы человек умертвил и посильно поработил тело свое. Всячески надо не допускать согласия с

помыслом. Согласие с помыслом вообще в том состоит, что, когда что-либо нравится человеку, он услаждается тем в сердце своем и с удовольствием размышляет о том. Если же кто противоречит помыслу и ведет с ним брань, чтобы не принимать его, — это не есть согласие, но брань, и сие приводит человека к опытности и успеху [245].

91. Когда кто скажет: помолись о мне, скажи в сердце своем: «Бог да помилует нас», и этого довольно. А поминать Его всегда есть дело совершенных, могущих молиться друг о друге [246].

92. (Против блудной страсти), — береги глаза и не питайся довольно. Приобрети смирение, расторгающее все сети вражии. Не уступай врагу и молись непрестанно, говоря: «Господи Иисусе Христе, избави меня от страстей постыдных», и Бог помилует тебя. Бывает, что человек искушается своею похотию от нерадения о себе, — оттого, что позволяет сердцу своему размышлять о соделанном прежде или о подобных тому делах. Если позволить мысли вращаться в сем, то умножится брань до падения, хотя и не телом, то духом, в согласии с помыслами. Такой человек сам зажигает огонь в своем веществе. Трезвись же и тщательно храни себя

от злых воспоминаний, чтоб не увлечься страстными мыслями, удаляться от встреч и бесед и от всякого повода ко греху, боясь, чтоб самому не возжечь в себе огня. К этому принорови и все порядки жизни твоей. Возлюби смирение и плач и потрудись во всем отсекать волю свою. Не расслабляй себя беседами, ибо они не допустят тебя преуспеть о Боге. Усильно обуздывай органы чувств твоих: зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, — и преуспеешь благодатию Христовою. Смотри, не показывай халдеям сокровищ дома твоего (4 Цар. 20, 12—18), иначе возьмут они тебя в плен и уведут к Навуходоносору, царю Вавилонскому (4 Цар. 24, 13), (то есть не хвались сам в себе, ибо чрез это будешь бесам показывать сокровища свои духовные и они пленят тебя). Теки ко Иисусу, чтоб и достигнуть Его. Если хочешь преуспеть, — трудись [252, 253].

93. Противостань помыслам блуда твердым сердцем, ибо борцы, если не подвизаются, не бывают увенчаны. Делание инока состоит в том, чтобы терпеть брани и противиться им мужеством сердца. И я (авва Варсонофий) в юности моей многократно и сильно бывал искушаем бесом блуда и трудился, подвизаясь против таких помыслов, противо-

реча им и не соглашаясь с ними, но представляя себе пред глаза вечные мучения. Пять лет поступал я так ежедневно, и Бог облегчил меня от сих помыслов. Брань сию упраздняет непрестанная молитва с плачем [255].

94. Если хочешь избавиться от постыдных страстей, не обращайся ни с кем свободно; чрез это освободишься от тщеславия, ибо к тщеславию примешивается человекоугодие, к человекоугодию — свободное обращение, а свободное обращение есть матерь всех страстей [258].

95. Ничего нет быстрее ума; возводи его к Богу при всякой потребе, и Он подаст тебе нужное вразумление или нужную помощь [261].

96. Без болезни сердечной никто не получает дарования различать помыслы. Когда же Бог подаст кому сие дарование, тогда он всегда уже будет в состоянии различать помыслы Духом Его [262].

97. Вразуми меня, как должно трудиться сердце мое, чтобы достигнуть дара рассуждения; напиши и о непрестанной о Боге памяти. — Сердечный труд твой должен состоять в том, чтобы непрестанно молиться Богу, да не попустит Он тебе заблудиться или последовать собственным жела-

ниям: чрез сие достигнешь ты рассуждения. — О непрестанной же памяти, то есть поучении, положи начало, и не бойся: Бог укрепит и утвердит тебя. Но сей с надеждою, чтобы и пожать, если не ослабеешь (1 Кор. 9, 10; Гал. 6, 8). [263].

**98.** Иногда приходит теплота, иногда отходит; то усердно хранится память о Боге, а то с принуждением едва держится; к тому же сердце, без моего желания, источает воспоминания страстные или безумные, или безвременные помыслы: как быть? — Потрудись сердечным болезнованием приобрести теплоту и молитву, и Бог даст тебе иметь их всегда. Изгоняет их забвение, которое само рождается от нерадения. Помыслам входить не дозволяет дарование трезвения, и если они войдут, то не допускает их сделать вред. Бог да подаст тебе трезвение и бодренность [264].

**99.** Не ослабевай; но, доколе имеешь время, делай, смиряйся, будь послушен, повинуйся, и поможет тебе Бог, дающий благодать смиренным, а гордым противящийся (1 Пет. 5, 5). Непрестанно говори: «Иисусе, помози мне», — и поможет [265].

**100.** Утром немного соберешься в себя; но потом дело за делом развлекают тебя,

и к вечеру являешься пуст, омрачен и уныл; как быть? погиб я. — Не должно тебе отчаиваться вследствие этого. Кормчий, когда корабль его бьют волны, не отчаивается в своем спасении, но управляет кораблем, пока не приведет его в пристань. Так и ты, видя, что увлекся и рассеялся в деле, воззови себя к началу пути, говоря с Пророком: *и рех, ныне начах* (Пс. 76, 11). Рассматривай также встречающиеся дела и обсуждай, как вести их, не отставая от своего внутреннего делания. Попечение ради Бога есть духовное делание, исполняемое и совершаемое во спасение души. Старайся, по силе своей, не опутывать себя мелочными делами, ограничиваясь самонужнейшим. Будь разумно внимателен к себе, и Бог поможет тебе [266].

101. Да даст Господь разум духовный, чтобы ты мог во всех делах своих поступать разумно. Воздерживай язык свой от празднословия, чрево от сластолюбия и не раздражай ближнего. Не будь дерзок, почитай себя за ничто, храни любовь ко всем и имей всегда Бога в уме своем, поминая, *когда явлюся лицу Божию* (Пс. 41, 3). Сохрани сие, и земля твоя принесет сторичный плод Богу [268].

**102.** Что значит вменять себя ни во что? — Значит ни с кем не сравнивать себя и не говорить о добром деле: и я это сделал. Берегись высокоумия, чтоб не потерять всего [269, 270].

**103.** Нет еще того, чтоб я считал себя ниже всякой твари; но, когда испытываю свою совесть, нахожу себя заслуживающим того, чтобы считать себя ниже всякой твари. — Теперь только вступил ты на правую стезю. Вот самая истина. Бог да приведет тебя в ту меру, чтобы считать себя ниже всякой твари [273].

**104.** Каким путем скорее можно достигнуть спасения, трудами или смирением? — Истинный труд не может быть без смирения, ибо сам по себе труд суетен и не вменяется ни во что. Писание говорит: *виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18). Итак, кто соединяет смирение с трудом, тот скоро достигает (цели). Имеющий смирение с уничижением (во внешнем положении) также достигает, ибо уничижение заменяет труд. А кто имеет одно только смирение, тот хотя и успевает, но не так скоро. Желающий приобрести истинное смирение отнюдь ни в каком случае не должен почитать себя

чем-нибудь. В сем состоит истинное смирение [274].

**105.** Как избавиться от забвения? — Приемлющий тот *огнь*, который Господь *пришел вовргщи на землю* (Лк. 12, 49), не знает забвения и пленения, ибо всегда ощущает сей огнь. Возьми пример с чувственного огня. Чем бы человек ни был занят, если упадет на него горящий уголь, он нимало не может уже оставаться в своем увлечении. Если ты хочешь избавиться от пленения и забвения, то не иначе можешь того достигнуть, как стяжавши в себе духовный огнь, ибо только от его теплоты исчезнет забвение и пленение. Приобретается же огнь сей стремлением к Богу. Если сердце твое день и ночь с болезнию не будет искать Господа, ты не можешь преуспеть. Если же, оставив все прочее, займешься сим, то достигнешь сего: *упразднитеся и разумейте* (Пс. 45, 11). [274].

**106.** Смирение состоит в том, чтобы ни в каком случае не почитать себя за нечто, во всем отсекать свою волю, повиноваться всем и без смущения переносить то, что постигает нас отвне. Таково истинное смирение, в котором не находит себе места тщеславие. — Смиренномудрый не должен

стараться выказывать свое смирение на словах, но довольно для него говорить: «прости меня, или помолись о мне». Не должно также самому вызываться на исполнение низких дел, ибо и то и другое ведет к тщеславию, препятствует преуспеянию и более делает вреда, нежели пользы; но когда повелят что-либо — не противоречить и исполнять с послушанием; вот что приводит к преуспеянию. — Уничижение бывает двоякого рода: одно сердечное, а другое происходит от поношений, принимаемых отвне. Уничижение, принимаемое отвне, более сердечного, ибо легче самому себя уничижить, нежели перенести уничижение от других, потому что последнее производит гораздо большую болезнь в сердце [275].

**107.** Когда хвалят, хорошо ли поперечить тому, смиренномудрия о себе? — Молчать гораздо полезнее. Ибо если кто отвечает, то это значит, что он принимает похвалу; а сие есть уже тщеславие. Даже и то, когда думает, что он отвечает смиренно, есть уже тщеславие, ибо если он те же слова, которые сам говорит о себе, услышит от другого, то не может понести их [276].

**108.** Свободы языка и обращения, равно как и чревоугодия, нельзя обуздать

без болезни сердечной, без трезвения и плача. Все страсти препобеждает смирение, которое всякий приобретает трудом [281].

**109.** Не плач происходит от слез, а слезы от плача. Если человек, не обращая внимания на чужие грехи, на свои одни смотрит, то приобретает плач. Ибо чрез сие собираются его помыслы и, собираясь таким образом, рождают в сердце печаль по Богу (2 Кор. 7, 10), а печаль эта — слезы [282].

**110.** Не высокомудрствуй, потому что повредишь себе тем. Отцы назначали время для внимания своим помыслам, говоря: утром испытай себя, как провел ты ночь, и вечером также, как провел день. И среди дня, когда отяготишься помыслами, рассмотри себя [288].

**111.** Если страстный помысл войдет в сердце, чем отражать его: тем ли, чтобы противоречить ему; или произнести запрещение и как бы прогневаться на него; или тем, чтобы прибегнуть к Богу и повергнуть пред Ним свою немощь? — Страсти те же скорби, и Господь не отделил их, но сказал: *призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя* (Пс. 49, 15). И потому в отношении всякой страсти ничего нет полезнее, как призывать имя Божие. Проти-

воречить же прилично не всем, но только сильным о Боге, которым повинуются бесы. Если же кто из несильных будет противоречить, бесы ругаются над ним, что, находясь в их власти, он им же противоречит. Также и запрещать им — дело мужей великих, имеющих над ними власть. Многие ли из святых запрещали диаволу, подобно Михаилу Архангелу, который сделал сие потому, что имел власть? Нам же, немощным, остается только прибегать к имени Иисусову, ибо страсти, как сказано, суть демоны — и уходят (от призывания сего имени). [301].

**112.** Внимай себе и всячески напрягайся, чтоб исполнять заповеди. Если же и побежден будешь в чем, не ослабевай, не отчаивайся, но встань снова, и Бог поможет тебе. Повергай себя всегда пред благостию Господа с плачем, да освободит тебя от страстей [302].

**113.** Уклоняйся от бесед о многом, ибо от них рождаются нерадение, расслабление, непокорство и лютая дерзость [308].

**114.** Помысл говорит мне, что безмолвие всего нужнее и что оно мне полезно; справедливо ли он мне так внушает? — В чем состоит безмолвие, как не в том, чтобы удерживать сердце свое от того, чтобы давать и принимать, от человекоугодия и про-

чих подобных действий? Когда Господь обличил книжника чрез притчу о впадшем в руки разбойников и притом спросил его, кто был ближний его, книжник отвечал: *сотворивый милость с ним* (Лк. 10, 37); и еще сказал Господь в Писании: *милости хощу, а не жертвы* (Мф. 12, 7). Если и ты веришь, что милость более жертвы, то к милости приклони твое сердце. Безмолвие дает человеку повод к высокоумию, прежде нежели он приобретет самого себя, то есть будет непорочен. — Тогда только имеет место истинное безмолвие, когда человек понес уже крест. Итак, если будешь сострадать (к ближним), получишь помощь; если же удержишь себя от сострадания, желая взойти в то, что выше твоей меры, то знай, что потеряешь и то, что имеешь. Итак, не уклоняйся ни вовнутрь, ни вовне, но держись средины, *разумевая, что есть воля Господня, яко дние лукави суть* (Еф. 5, 17, 16). [311].

**115.** Что значит: не уклоняйся ни вовнутрь, ни вовне, но держись средины? — Значит: не дерзать на безмолвие и не нерадеть о себе, когда находишься среди попечений, — вот средний путь, безопасный от падений: в безмолвии (когда бываешь один с собою) должно иметь смирение, и при попе-

чениях — бдительность над собою, и удерживать свой помысл; и все сие не ограничивается определенным каким-либо часом, тем более днями [312].

**116.** Не должно умалчивать о своих помыслах, ибо скрывающий свои помыслы пребывает не исцелен, и исправляется только частым вопрошением о них отцов духовных [317].

**117.** Кто хранит стадо свое (помыслы) подобно Иакову (Быт. 31, 40), от того отступает сон; и, когда он уснет немного, сон его бывает, как у иного бодрствование, ибо огнь сердечного горения не допускает его погрузиться в сон, и он воспевает с Давидом: *просвети очи мои, да не когда усну в смерть* (Пс. 12, 4). Кто достигает сей меры и вкусил уже сладость ее, тот разумеет сказанное; такой человек не упояется чувственным сном, а только пользуется естественным [318].

**118.** Если помыслы твои собираются, когда ты Бога ради закрываешь глаза во время службы, то не обращай внимания на некоторых, хотя бы это и казалось странным стоящим с тобою братиям [322].

**119.** Оденься прежде листьями, а потом, когда повелит Бог, принесешь и плоды [325].

120. Не унывай, падая и восставая, ползаяся и укоряя себя, пока Господь не окажет тебе милости; только не будь нерадив; только себе внимай по силе своей, и Бог поможет тебе [327].

121. Со смущением ничего не говори, потому что зло добра не рождает; но потерпи, пока помысл твой успокоится, и тогда скажи мирно (что нужно ко исправлению). [330].

122. Берегись гордости, самооправдания и тщеславия, противопоставляя им смирение, страх Божий и рассуждение. По силе твоей старайся пребывать в сих добродетелях, и Бог поможет тебе [330].

123. Кто говорит помыслу своему: «я и Бог — мы одни в мире; и, если не исполню воли Его, буду уже принадлежать не Ему, а чуждому»; и ежедневно ожидает исхода своего из тела, помышляя, как ему сретить Бога, — такой улучает путь спасения [343].

124. Будем внимать себе со страхом Божиим, и если благоутробный Бог, по человеколюбию Своему, облегчит нам брань, то и тогда не будем нерадивы, ибо многие, получив облегчение, вознерадели о себе и пали стремглав. Но мы, получив облегчение,

будем благодарить Бога, (воспоминая), от чего Он избавил нас, и пребудем в молитве, чтобы не впасть снова ни в те же самые страсти, ни в другие. Так, если кто съест что-нибудь и заболит у него желудок, или селезенка, или печень и при усердии и знании врача он исцелится, то уже не предается нерадению о себе, вспоминая бывшую опасность, чтобы не прийти еще в худшее положение, как и Господь сказал исцеленному Им: *се, здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти, что будет* (Ин. 5, 14). Хорошие воины и во время мира постоянно учатся искусству вести брань, ибо время брани не допускает с удобством учиться тому, что необходимо для брани; сказано: *уготовихся и не смутихся* (Пс. 118, 60). Не может человек оставаться без попечения и брани до последнего издыхания, чтобы иначе ему не повергнуться долу, как уловленному пронырливым врагом, которого *да упразднит от нас Господь духом уст Своих* (2 Сол. 2, 8). Помни, что сказал старец: если человек создаст новое небо и новую землю, то и тогда не может он быть без попечения [344].

**125.** Апостол Павел, уразумев силу терпения, писал следующее: *терпения имате потребу, да волю Божию сотвор-*

*ше, приимете обетование* (Евр. 10, 36). Желающий вместе со Христом взойти на крест должен быть общником страданий Его [348].

**126.** О забвении: достигнувший того, что *забывает снести хлеб свой от гласа воздыхания своего* (Пс. 101, 5—6), не побеждается вражеским забвением [349].

**127.** Если не будешь унывать от труда, приобретешь смирение, а когда приобретешь смирение, то получишь и прощение грехов, ибо сказано: *виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18). Когда смиришься — получишь благодать, и благодать поможет тебе. С надеждою внимай делу Божию, и Бог устроит твое дело без твоего ведома [356].

**128.** Когда не можешь вопросить старца, то надо трижды помолиться о всяком деле; и после сего смотреть: куда преклоняется сердце хотя на волос, так и поступить, ибо извещение бывает заметно и всячески понятно сердцу [362].

**129.** В чем состоит ложное знание (лжеименный разум)? — Состоит в веровании своему помыслу, что дело точно таково, как кажется. Кто желает избавиться сего, пусть не верит ни в чем своему помыслу, но вопрошает обо всем своего старца [370].

130. Если желаешь спастись, то покайся, отсеки все, наносящее тебе смерть, и скажи с Давидом: *ныне начах* (Пс. 76, 11). Итак, отныне оставь свою волю, самооправдание, презорство* и нерадение, и вместо их держись смирения, послушания и повиновения. Во всем считай себя уничиженным, и спасешься [376].

131. Отсечение своей воли состоит в том, чтобы в добром отсекать свою волю и исполнять волю святых, в худом же и самому собою убегать зла [377].

132. (О тонких и грубых помыслах, каковы любодеяния**, студодеяния***, зависти и проч.) — Кто старается о тонких помыслах, а нерадит о грубых, тот подобен человеку, у которого дом нечист и полон разного хлама, среди коего находится и мелкий сор; и, вздумав очищать его, он начал выносить из дома сперва мелкий сор, а оставил камни и другие вещи, о которые спотыкается. Если он и весь мелкий сор вынесет, чрез то дом его еще не получит благообразия, а когда вынесет камни и прочее, тогда не оставит и сора, потому что и он делает безобразие [378].

---

* Гордость, высокомерие. — *Ред.*

** Прелюбодейство. — *Ред.*

*** Распутство, нечистая жизнь. — *Ред.*

133. Как достигнуть, чтобы страх Божий пребывал непоколебимо в моем жестоком сердце? — Должно все совершать со страхом Божиим и, приготовив сердце (располагая к тому по силе своей сердце), призывать Бога, чтобы Он даровал ему страх сей. Когда во всяком деле будешь предлагать пред очами своими страх сей, то он сделается непоколебимым в сердце нашем [390].

134. Многократно случается, что мне приходит на память страх Божий, и, вспомнив суд оный, я тотчас умиляюсь; как я должен принимать память о сем? — Когда сие приходит тебе на память, то есть (когда почувствуешь) умиление о том, в чем согрешил ты в ведении и неведении, то будь внимателен, как бы сие не произошло по действию диавольскому, на большее осуждение. А если спросишь: как распознать истинную память от приходящей по действию диавольскому, то выслушай. Когда придет тебе таковая память и ты стараешься делами показать исправление, то это есть истинная память, чрез которую прощаются грехи. А когда видишь, что, вспомнив (страх Божий и суд), умиляешься и потом снова впадаешь в те же или худшие грехи, то да будет тебе известно,

что такое припоминание — от сопротивного и что демоны влагают в тебя оные к осуждению души твоей. Вот тебе два ясных пути. Итак, если желаешь бояться осуждения, бегай дел его [391].

135. Временем приличным для испытания помыслов пусть будут для тебя утренние и вечерние часы, в которые вопрошай себя: как я провел ночь или день? И, если усмотришь какое-либо согрешение, постарайся исправиться при помощи Божией [392].

136. Как душа моя, имея многие язвы, не плачет? — Кто знает, что он потерял, тот будет о том плакать. И, кто желает чего-либо, тот совершает многие странствования и претерпевает многие скорби, ожидая получить желаемое им [397].

137. Постараемся делать дело Божие не ради чего-либо другого, но только ради единого Бога. Если же не так, то всуе труд твой. Итак, делая благое, будем бодрствовать над собою, чтобы как-нибудь, ради воли нашей, не сделать труда своего бесполезным [398].

138. Если, исследовав разумно и основательно, найдешь в чем-либо, представляющемся тебе добром, тщеславие, или смущение, или что подобное, то знай, что

оно не от Бога, ибо Божие благо всегда умножает просвещение и смирение сердца — и доставляет человеку тишину [402].

**139.** Если (кажущееся) добрым, по испытании, окажется злым, то надобно отвергнуть его: подобно тому, как кто-нибудь, вкусив снедь, показавшуюся доброю и ощутив горечь ее, тотчас выплевывает ее изо рта [403].

**140.** Нередко случается и от движения естественного помысла помыслить благое; но и сие надлежит приносить Богу, ибо естество наше есть Его творение. А мы должны знать, что не можем привести сего (то есть благого) в исполнение иначе, как заповедию Божиею: то есть когда предлагаем ее перед глаза, тогда сердце наше утверждается в ней к исполнению благого [406].

**141.** Для смирения помысла, когда бы совершил ты все благие дела и сохранил все заповеди, вспомни сказавшего: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есми: яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10), — тем более, когда мы не достигли еще и того, чтобы исполнить и одну заповедь. Так всегда должно думать, и укорять себя при благом деле, и говорить себе: не

знаю, угодно ли оно Богу. Великое дело творить по воле Божией, а исполнить волю Божию — еще большее: это есть совокупность всех заповедей, ибо сделать что-нибудь по воле Божией есть дело частное и меньшее того, чтобы исполнить волю Божию. Посему-то Апостол и сказал: *задняя забывая, в предняя простираяся* (Флп. 3, 13). И сколько он ни простирался вперед, не останавливался, но всегда видел себя недостаточным и оттого преуспевал [407].

**142.** Если кто делает доброе не по цели богоугождения, это доброе оказывается злым, по намерению делающего. Каждый должен стараться о том, чтобы всегда делать доброе, и впоследствии благодатию Божиею дастся ему и то, что дела его будут уже совершаться по страху Божию [408].

**143.** Когда случится тебе сделать что-либо доброе, ты должен знать, что это дар Божий, (данный тебе) по благости Божией, ибо Бог всех милует. Внимай же себе, чтобы, по слабости своей, не погубить милость, Им на тебе являемую, которая простирается и на всех грешников. Данного тебе Богом на добро не теряй во зле; теряется же дар сей, когда похвалишь себя и забудешь облагодетельствовавшего тебя Бога. Сверх

того, навлечешь и осуждение на себя, как скоро осмелишься приписывать себе то, за что должно воссылать благодарение человеколюбцу Богу. Апостол говорит: *что же имаши, егоже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишися, яко не приемь?* (1 Кор. 4, 7)? Итак, никогда не прельщайся поверить помыслу, который хвалит тебя за доброе дело. Все доброе есть Божие [409].

**144.** Святые удостаиваются иметь в себе Духа Святого и бывают Ему храмом. Писание говорит: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16). Грешники чужды сего, по сказанному: *в злохудожну душу не внидет премудрость* (Прем. 1, 4). Но они хранимы бывают благодатию Божиею (на покаяние). [417].

**145.** Когда сердце твое возносится при псалмопении, воспоминай написанное: *преогорчевающии да не возносятся в себе* (Пс. 65, 7). — Преогорчевать же значит именно не петь разумно со страхом Божиим. Испытай, не развлекается ли помысл твой при псалмопении, и непременно найдешь, что он развлекается, а следовательно, и ты преогорчеваешь Бога [420].

**146.** Когда отягощаюсь помыслами при псалмопении, или без оного, и призы-

ваю в помощь имя Божие, то враг внушает мне, что непрестанное призывание имени Божия ведет к возношению, ибо человек может при том думать, что он хорошо делает. Как надлежит помышлять о сем? — Мы знаем, что болящие всегда требуют врача и врачеваний его, и обуреваемые непрестанно спешат к пристанищу, дабы не постигло их потопление. Посему-то и Пророк взывает, говоря: *Господи, прибежище был еси нам в род и род* (Пс. 89, 2); и еще: *Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех обретших ны зело* (Пс. 45, 2). Если же Он — прибежище наше, то вспомним, что говорит Он: *призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя* (Пс. 49, 15). Итак, научимся тому, что во время скорби непременно надобно призывать милостивого Бога. Призывая же имя Божие, да не возносимся помыслом. Кто, кроме безумного, превозносится, получая от кого-либо помощь? Мы же, как имеющие нужду в Боге, призывая имя Его в помощь на сопротивных, если не безумны, то не должны возноситься помыслом, ибо по нужде призываем и скорбя прибегаем. Сверх того, мы должны знать, что непрестанно призывать имя Божие есть врачевание, убивающее не только страсти,

но и самое действие их. Как врач изыскивает (приличное) врачевание или пластырь на рану страждущего, и они действуют, причем больной и не знает, как сие (делается), так точно и имя Божие, будучи призываемо, убивает все страсти, хотя мы и не знаем, как сие совершается [421].

147. Когда мне кажется, что помысл мой безмолвствует и не бывает тревожим и тяготим, хорошо ли и тогда поучаться в призывании имени Владыки Христа? Ибо помысл говорит мне: теперь, когда мы находимся в мире, в сем нет надобности. — Мы не должны думать, что имеем сей мир, доколе признаем себя грешными, ибо в Писании сказано: *несть мира грешником* (Пс. 37, 4). Если же нет мира грешникам, то каков этот (у тебя) мир? — Убоимся, ибо написано: *егда рекут: мир и утверждение, внезапу нападет на них всегубительство, якоже болезнь во чреве имущей, и не имут избежати* (1 Сол. 5, 3). Случается же, что и враги с хитростию дают сердцу на короткое время ощущать тишину для того, чтобы прекратилось призывание имени Божия, ибо им небезызвестно, что от призывания Его они обессиливаются. Зная сие, не престанем призывать в помощь имя Божие, ибо это есть

молитва, и Писание говорит: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17). Непрестанное же не имеет конца [422].

**148.** Если во время псалмопения, или молитвы, или чтения придет худой помысл: должно ли обратить на него внимание и оставить на время псалмопение, молитву или чтение для того, чтобы воспротивиться ему чистыми помыслами? — Пренебреги им, вникни тщательнее в псалмопение, молитву или чтение, чтобы заимствовать силу от произносимых тобою слов. Если же станем упражняться во вражиих помыслах, то никогда не будем в состоянии сделать что-либо доброе, (внимая) тому, что внушает враг. Когда же видишь, что хитросплетение его мешает псалмопению, молитве или чтению, то и тогда не вступай с оными в прение, потому что это дело не твоей силы, но постарайся призывать имя Божие, и Бог поможет тебе и упразднит ухищрение врагов [424].

**149.** Как приобрести умиление в молитве, чтении и псалмопении? — Умиление приходит от всегдашнего воспоминания. Итак, молящийся должен привести себе на память дела свои, и то, как бывают судимы делающие подобное им, и страшный оный глас: *идите от Мене, проклятии, в огнь*

*вечный* (Мф. 25, 41). А при чтении и псалмопении (умиление зависит от того), чтобы человек возбудил ум свой ко вниманию произносимых им слов и воспринял в свою душу силу, заключающуюся в них; от благих — чтобы быть ревностным к благому, от тех же, где говорится о воздаянии за зло, — дабы избежать того, что угрожает делающим злое. А пребывая в размышлении о сем, не ослабевай, если и тогда еще будет оставаться в тебе упомянутое нечувствие; ибо милостив, и щедр, и долготерпелив Бог, принимающий наше тщание. Вспоминай всегда Псалмопевца, который говорит: *терпя потерпех Господа, и внят ми* (Пс. 39, 2). Поучаясь в сем, уповай, что вскоре посетит тебя милость Божия [425].

**150.** Когда я стараюсь тщательно вникать в смысл изречений Псалмопевца, то нередко случается, что от них перехожу к злым помыслам. — Когда увидишь, что враг ухитрился навести на тебя брань посредством самых слов псалмопения, то не надобно стараться с особенным тщанием углубляться в силу изречений псаломских, но читать их со вниманием и не развлекаясь: ибо если ты только произносить будешь псаломские слова, то враги знают их силу и не

могут противостать тебе, и такое псалмопение послужит тебе вместо моления к Богу и к побеждению врагов [426].

**151.** Когда среди упражнений в псалмопении или при встрече с людьми беспокоят меня помыслы и я, не имея удобства призвать Бога устами, призову Его в сердце или только вспомню Его, ужели не достаточно мне сего в помощь? — Если во время псалмопения или когда бываешь с людьми случится тебе призвать Бога, не подумай, будто без устного произношения ты не призываешь Его, но помни, что Он сердцеведец и взирает на сердце, и призывай Его в сердце твоем. Это и есть сказанное в Писании: *затвори двери твоя и помолися Отцу твоему, иже в тайне* (Мф. 6, 6). Затворим же уста и помолимся Ему в сердце, ибо кто затворяет уста и призывает Бога, или молится Ему в сердце своем, тот исполняет предписывающую сие заповедь. Если же и не призовешь в сердце имени Божия, а только вспомнишь о Боге, то в сем еще больше быстроты (удобства), — и достаточно в помощь тебе [427].

**152.** Хорошо ли всегда помышлять (о Боге) в сердце своем, или сердечно молиться Ему без содействия языка? Когда

случается, что я упражняюсь в сем, мысль моя погружается в рассеянность, и я пребываю будто в сонных мечтаниях. — Не уклоняться умом и не погружаться сильно в рассеянность или мечтание — есть дело совершенных, могущих управлять умом своим и содержать его всегда в страхе Божием. А тот, кто не может иметь постоянного трезвения по Богу, пусть передает поучение и языку (то есть пусть и языком повторяет слово, обращенное к Богу). Подобное сему видим и на плавающих в море: те из них, которые искусны, смело ввергают себя в море, зная, что оно не может потопить хорошо обучившихся искусству плавания. Начинающий же обучаться сему искусству, почувствовав, что он находится в глубоком месте, из опасений утонуть спешит выбраться из глубины на берег, и, отдохнув немного, снова бросается в глубину, и упражняется таким образом, чтобы совершенно узнать это искусство, пока достигнет степени изучивших оное прежде его [428].

153. Когда молюсь о многих предметах, должно ли о каждом из них упоминать в молитве? — Если хочешь помолиться о многих предметах, то, поелику Бог знает, в чем мы имеем нужду, молись так: «Владыко

Господи, Иисусе Христе, настави меня по воле Твоей!» Если же о страстях, то говори: «Исцели меня по воле Твоей». Когда об искушениях, говори: «Ты знаешь полезное мне, помоги моей немощи и даруй мне, по воле Твоей, избавление от искушений» [435].

**154.** В молитве наипаче надобно наблюдать, чтобы все предоставлять воле всемогущего Бога; и самая цель молитвы должна быть та, чтобы просимое нами было по воле Божией [436].

**155.** Когда сижу за чтением или за рукоделием и хочу помолиться, помысл побуждает меня, чтобы я обращался к востоку. Как я должен делать? — Сидишь ли, ходишь ли, занят ли чем, ешь ли, или иное что делаешь ради потребности телесной, к востоку или к западу случится быть обращенным, не сомневайся молиться, ибо мы получили заповедь делать сие *непрестанно и на всяком месте*. Наблюдай лишь то, чтобы делать сие не с небрежением [438].

**156.** Помысл внушает мне: ты согрешаешь во всем, и потому должен при каждом слове, деле и помышлении говорить: согрешил я, ибо если не скажешь: я согрешил, то (значит) считаешь себя не согрешившим. — Мы должны иметь всегда такую

уверенность, что согрешаем во всем: и в слове, и в деле, и в помышлении, а говорить во всяком случае: я согрешил, — не можем. Это внушают демоны, которые хотят повергнуть нас в уныние. Они же внушают нам, будто если не говорим таким образом о каждом своем деле, то считаем себя не согрешившими. Но вспомним Екклезиаста, который говорит: *время глаголати и время молчати* (Еккл. 3, 7). И поутру за (прошедшую) ночь, а ввечеру за день скажем со умилением в нашей молитве к Владыке Богу: Владыко! прости мне все имени ради Твоего святого и *исцели душу мою, яко согреших Тебе* (Пс. 40, 5). И достаточно тебе сего, подобно тому, как если кто, имея постоянного заимодавца, берет у него (деньги) разновременно и, не имея возможности каждый раз рассчитываться с ним в точности, расплачивается вдруг; так и здесь [439].

**157.** Что делать, когда заблуждаюсь умом во время псалмопения? — Если уклонишься мыслию в рассеяние, то возвратись и начни с тех слов предлежащего псалма, которые удержались в памяти. Если же, возвратившись один, два и три раза, затрудняешься вспомнить слова, на которых прервалось твое чтение, или, вспомнив, затруд-

няешься найти то место, с которого следует продолжать чтение, то начни тот же псалом сначала. Цель врага та, чтобы забвением воспрепятствовать славословию. Читать предлежащие псалмы в последовательном порядке есть славословие, а не рассеиваться (при сем) возможно лишь тем, которые имеют чистые чувства; но мы еще немощны. Когда же заметим свою рассеянность, возвратим трезвенность к уразумению читаемого, дабы иначе не послужило оно нам во осуждение [440].

**158.** Если же развлекусь в молитве, что мне делать? — Когда молишься Богу и развлечешься умом, то подвизайся, пока не помолишься без рассеяния, и бодрствуй твоим умом, чтобы не развлечься. Если же сие продлится, то хотя в конце молитвы укори себя внутренно и скажи со умилением: «Господи, помилуй меня, и прости мне все согрешения мои» — и получишь прощение во всех согрешениях, и в рассеянности, бывшей во время молитвы [441].

**159.** Когда брат читает псалмы, то помысл мой иногда пребывает мирен, иногда же развлекается. Что мне должно делать? — Когда помысл твой пребывает мирным и видишь, что от чтения брата ты полу-

чаешь умиление, то держись сего дела. А как скоро увидишь, что ум твой увлекается в другие помышления, то укори и понудь себя внимать славословию брата. Если увидишь, что он снова увлекается, снова запрети ему и делай так до трех раз. А когда он пребудет (в сем), тогда отвлеки его от чтения, но не оставляй в праздности, а помышляй суд и вечные муки и молись святому имени Божию, говоря: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» [443].

160. Если кто, стоя на псалмопении с братиями, не знает псалмов, которые они читают, что ему полезнее: слушать ли их или читать те, которые он знает? — Не знающему псалмов, которые читают братия, вместо того чтобы слушать их, полезнее будет читать те, которые сам знает, ибо к слушанию примешивается рассеянность [444].

161. Движение (против злых помыслов) должно состоять в том, чтобы не склоняться к лукавому помыслу и не соглашаться с ним, но безмятежно прибегать к Богу. Итак, если войдет помысл, не смущайся, но рассмотри, что он хочет сделать, и сопротивляйся, безмятежно призывая Господа. Господь, пришедши в землю Иудейскую, то есть в сердце человеческое, изгонит бесов. Итак,

воззови к Нему, как ученики: *Наставниче, спаси ны, погибаем* (Мф. 8, 25); и Он, пробудившись, запретит ветрам мыслимым, — и утихнут, ибо Его есть сила и слава вовеки [445].

**162.** Сколько имеешь силы, уничижай себя день и ночь, понуждаясь увидеть себя ниже всякого человека. Это есть истинный путь и, кроме его, нет другого [447].

**163.** Если вижу, что кто-нибудь поступает неприлично, могу ли я судить о сем неприличии? И как избегать проистекающего отсюда осуждения ближнего? — То дело, которое действительно неприлично, мы не можем не признать за неприличное, ибо иначе, как избежим происходящего от него вреда? Того же, кто делает такое дело, осуждать не следует, как по слову Писания: *не судите, да неосуждены будете* (Лк. 6, 37), так и потому, что нам должно признавать самих себя грешными более всех, а равно и потому, что согрешения брата мы должны считать за свое собственное и ненавидеть лишь диавола, прельстившего его. Когда бы кто столкнул другого в яму, то мы порицаем не того, кто упал в яму, а того, кто столкнул его: точно так и здесь. — Случается, что человек делает дело, которое видящим оное

кажется неприличным, но оно совершается по благому намерению делающего. — А равно мы не знаем и того, не сделается ли согрешивший брат посредством покаяния благоугодным Богу, чрез свое смиренномудрие и исповедание. Фарисей отошел осужденным за свое величание. Зная сие, будем подражать мытареву смирению и осуждать самих себя, чтобы быть оправданными, и убегать фарисейского величания, чтоб не быть осужденными [450].

**164.** Когда бываю с другими, смущаюсь от стыдливости, речь моя бывает неразумна и к словам присоединяется бессмысленный смех. Как быть? — Страх Божий чужд бывает всякого смущения, всякого беспорядка и молвы. Итак, прежде беседы утвердим себя в страхе Божием и вникнем тщательно в свое сердце, от чего мы смущаемся и смеемся: ибо в страхе Божием нет смеха. Писание говорит о безумных, что они *в смехе возносят глас свой* (Сир. 21, 23). И слово безумных бывает смущено и лишено благодати. О праведном же говорит, что смех его *едва до осклабления*. Итак, если возбудим в себе памятование о Боге и мысль о том, что мы должны беседовать с братиею нашею со смирением и безмолвным помыс-

лом, и, размышляя о сем, будем иметь всегда пред глазами Страшный суд Божий, — то такое приготовление изгонит из сердца нашего всякое лукавое помышление: ибо, где безмолвие, кротость и смирение, там обитает Бог. Более всего будем помнить, что необходимо нам призывать святое имя Божие: ибо, где Бог, там все благое; очевидно же, что, где диавол, там все злое [451].

**165.** Свободное обращение бывает двух родов: одно происходит от бесстыдства и есть корень всех зол, а другое происходит от веселости; впрочем, и это последнее не совсем бывает полезно тому, кто держится оного. Но так как только крепкие и сильные могут избежать обоих, а мы по немощи своей не можем сделать этого, то по крайней мере допустим иногда то свободное обращение, которое проистекает от веселости, наблюдая, чтоб не подать чрез него брату повода к соблазну. — И в смехе не должно давать себе свободы, но воздерживать помысл, чтобы благопристойно миновать тот смех. Ибо пусть те, которые дают себе в нем свободу, знают, что они впадают от сего и в блуд [455].

**166.** От желания человекоугодия человек приходит в тщеславие. Когда же оно умножится, приходит гордость [457].

**167.** Должно ли любопытствовать о божественных Тайнах? И, приступая к ним, грешный осуждается ли как недостойный? — Придя во святой храм для принятия тела и крови Христовой и принимая оные, внимай себе, чтобы несомненно веровать истине сего (таинства). А как сие бывает — не любопытствуй, но верь, как сказано: *сие есть Тело Мое, сия есть Кровь Моя*. Господь дал нам их во оставление грехов (Мф. 26, 26, 28; Мк. 14, 22, 24). Надеемся, что, кто верует так, тот не осудится, а кто не верует, уже осужден есть. Итак, не воспрещай себе приступать, осуждая себя как грешного, но признавай, что грешник, приступающий к Спасителю, удостаивается отпущения грехов. И в Писании видим приступавших к Нему с верою и слышавших оный Божественный глас: *отпущаются тебе греси твои мнози* (Мф. 9, 2, 5; Мк. 2, 5; Лк. 7, 47, 48). Послушай и Самого Господа, Который говорит: *не приидох спасти праведных, но грешныя* (Лк. 5, 32). Итак, признавая себя грешным, приступи к Могущему спасти погибшего (Мф. 18, 11; Лк. 19, 10). [460].

**168.** Когда мне приходят многие скверные помыслы и я стыжусь сказать кому-нибудь о них, — как поступить? — Скажи

Богу: «Владыко, прости мне, что я помыслил противное воле Твоей в ведении или в неведении; ибо Твоя есть милость вовеки, аминь» [405].

**169.** Что мне делать, я страдаю от блудной страсти? — Сколько можешь, утомляй себя самого, впрочем по силе своей: не на это, однако ж, надейся, но на любовь и покров Божий, и не предавайся унынию, ибо уныние служит началом всякому злу [497].

**170.** Что мне делать, — меня беспокоит брань чревоугодия, сребролюбия, любоимания и других страстей? — Когда борет страсть чревоугодия, то всеми силами подвизайся Бога ради не давать телу столько, сколько оно требует. И в отношении сребролюбия (любоимания) поступай подобным же образом: пока беспокоит тебя брань, отнюдь не приобретай ничего лишнего, даже до рубашки и глиняного сосуда, и в самых малых вещах подвизайся (против любоимания). Когда же, при помощи Божией, победишь сию брань, то приобрети, по Богу, нужное тебе. И при других страстях поступай таким же образом (то есть деятельно противным). [499].

**171.** (Брату, который легко воспламеняется гневом.) — Если бы ты понуждал

себя умереть для всякого человека и взять несколько смирения, то мог бы иметь покой и избавился бы от многих бед. Да смирится сердце твое пред Богом, и благодать Его заступит нас во всем [502].

172. Если ты (по немощи) будешь совершать псалмопение и молитву сидя, но с умилением, — это не препятствует тому, чтобы служение твое было угодно Богу, ибо, кто и стоя совершает его, но рассеянно, труд того вменяется ни во что [506].

173. Стоишь ли ты, или сидишь, или лежишь, пусть бодрствует сердце твое в твоем псалмослужении. Предавайся молитве, непрестанно прибегая к Богу, днем и ночью, и тогда враги, борющие душу, отступят, постыженные [508].

174. Какой признак того, что я имею упование на Бога, и какой признак прощения грехов? — Признак упования на Бога состоит в том, чтобы отвергнуть от себя всякий помысл попечения о плоти и отнюдь не думать, что имеешь нечто в сем веке, ибо иначе будешь иметь упование на то, а не на Бога. — Признак прощения грехов состоит в том, чтобы возненавидеть их и не делать более. А когда человек помышляет о них и сердце его услаждается ими или он и совер-

шает их на деле, — это есть знак, что грехи его еще не прощены ему, но он еще обвиняется в них [540].

**175.** Читать ли догматические книги? — Не хотел бы я, чтобы ты занимался этими книгами, потому что они возносят ум горе; но лучше поучайся в словах старцев, которые смиряют ум долу. Я сказал сие не с тем, чтобы унижать догматические книги, но лишь даю тебе совет, ибо пища бывает различна [544].

**176.** Писание говорит: *аще дух владеющаго взыдет на тя, места твоего не остави* [Еккл. 10, 4]. Что это значит? — Значит: не позволяй помыслу *взыти на тя* и не беседуй с ним, но прибегай к Богу; ибо, если захочешь дать ему [помыслу] ответ, увлечешься в размышление о нем, которое отвлечет тебя от теплоты молитвенной [555].

**177.** Когда услышу, что кто-нибудь худо говорит о мне: что мне делать? — Тотчас встань на молитву и помолись сперва о нем, потом о себе, говоря: «Господи Иисусе Христе! помилуй сего брата и меня, непотребного раба Твоего, и покрой нас от лукавого молитвами святых Твоих, аминь» [556].

**178.** Кто начнет злословить другого (и опомнится), тот должен скорее пере-

стать и переменить беседу на другую, более полезную, но не медлить и в этой, чтоб от многословия (снова) не впасть в злословие [557].

179. Слушать с удовольствием злословие есть также злословие и заслуживает равного с ним осуждения [558].

180. Есть уныние естественное от бессилия, и есть уныние от беса. Если хочешь распознать их, распознавай так: бесовское приходит прежде того времени, в которое должно дать себе отдохновение, ибо, когда человек начнет что-нибудь делать, оно, прежде нежели совершится треть или четверть дела, нудит его оставить дело и встать. Тогда не надобно слушать его, но должно сотворить молитву и сидеть за делом с терпением, и враг, видя, что человек о сем творит молитву, перестанет бороть его, ибо он не хочет давать повода к молитве [559].

181. Скажи (настоятель) братиям: «да не скрывает никто помысла, ибо, если кто скрывает помыслы, злые духи радуются, (усиливаясь) погубить его душу». И если кто из братий объявит тебе помысл свой, то воззови мысленно: «Господи, что Тебе угодно — для спасения души брата, подай мне, дабы я мог сказать ему и дабы сказал Твое слово, а не мое» [583].

182. Считай себя (настоятель) ниже всех, а равно и правителем всех, долженствующим дать ответ за сан, который ты принял [585].

183. Если я вижу, что кто-нибудь делает какое-либо дело и рассказываю о том другому, говоря, что я не осуждаю, но мы только разговариваем: нет ли при этом злословия в моем помысле? — Когда человек, говоря, чувствует при сем страстное движение, это уже злословие. Если же он свободен от страсти, это не есть злословие, а говорится для того, чтобы не возросло зло [614].

184. Кто произвольно имеет в себе грех и зло и кто непроизвольно? — Произвольно имеющие в себе зло суть те, которые предают свободу свою злу, услаждаются им и сдружаются с ним. Таковые имеют мир с сатаною и не ведут с ним брани в помыслах. Непроизвольно же имеющие в себе зло суть те, которые, по слову Апостола (Рим. 7, 23), ощущают противную силу, противовоюющую в членах их, и есть над ними некоторая мрачная сила и покрывало, но только в помыслах, с которыми они не соглашаются, не услаждаются ими, не повинуются им, но противоречат, противостоят, говорят вопреки, сопротивляются, гневаются сами на себя [617].

185. Как тело одно, а членов много, и если недостает одного члена, то и тело не есть совершенное, — так заключай и о внутреннем человеке, члены которого суть многие добродетели. Если недостанет одной из них, то человек не бывает уже совершенным. И как ремесленник, который хорошо знает свое ремесло и по быстроте ума своего занимается и другими ремеслами, не называется мастером их, но только мастером своего ремесла, так и здесь: человек, имеющий все добродетели, по той познается и от той получает наименование, чрез которую наиболее сияет в нем благодать Духа [634].

186. Когда увижу, что кто-нибудь уничижает святыню или хулит святую веру, то как бы по ревности смущаюсь на него: хорошо ли это? — Ты слышал уже, что исправление (зла) не совершается чрез злое, но чрез благое. И так, с кротостию и долготерпением, скажи тому, кто так делает, вразумляя его со страхом Божиим. Если же видишь, что сам смущаешься, то ничего не должно говорить [665].

187. Что мне делать, — я скоро увлекаюсь страстями? — Не заключай с ними союза, и *отврати очи твои еже не видети суеты* (Пс. 118, 37), и руки твои от

лихоимства, и Бог избавит тебя от них. Веди себя благопристойно, не вкушай ни пищи, ни пития до сытости, и оные страсти утихнут в тебе, и ты будешь иметь покой [670].

188. Помысл внушает мне боязнь, говоря: диавол может сделать то, что ты согрешишь, хотя бы и не желал, потому что ты сделался ему покорен. Я очень скорблю о сем. — Не думай, чтобы диавол имел власть над кем-нибудь: причина греха заключается в нашей свободной воле, а не в принуждении от получившего будто (над нами) власть; человек как не принуждается ко спасению, так и ко греху. Властию ли своею прельстил диавол Еву или советом? Нигде не видно его власти; иначе никто не мог бы избегать (греха), когда бы он власть имел. Мы подобны свободному человеку, который произвольно отдал себя в рабство другому, — и по времени приходит в себя и раскаивается. Но при сем если он не прибегнет к сильнейшему его (врага), то не может себя избавить: а когда прибегнет, то (мнимый господин его), зная, что он не есть его собственный раб, не смеет ничего ему сделать ради Всесильного. Итак, явно, что диавол не имеет власти над человеком; скажи же и ты своему помыслу: точно, я должник, но прибегнул к Могущему

меня избавить, Который призвал меня и говорит: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), и я должен всегда бодрствовать, чтобы не впасть опять в руки врага [691].

**189.** Когда ты беседуешь о жизни святых отцов и об их ответах, то должен осуждать себя, говоря: горе мне! как я говорю о добродетелях отцов, а сам ничего такого не приобрел и нисколько не преуспел? Как бы не исполнилось и на мне сказанное Апостолом: *научая инаго, себе ли не учиши?* (Рим. 2, 21). — Когда будешь так в себе говорить, сердце твое будет умиляться и слова твои будут смиренные [697].

**190.** Во время беседы с кем-либо хорошо ли призывать имя Божие? — И во время беседы, и прежде беседы, и после беседы — во всякое время и во всяком месте должно призывать имя Божие. Писание говорит: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17), ибо чрез сие упраздняется всякое искушение [716].

**191.** Как может человек непрестанно молиться? — Когда кто бывает наедине, то должен упражняться в псалмопении и молиться устами и сердцем; если же кто бу-

дет на торгу и вообще вместе с другими, то не следует молиться устами, но одним умом. При сем надлежит соблюдать глаза, для избежания рассеяния помыслов и сетей вражиих [717].

192. Когда молюсь или упражняюсь в псалмопении и не ощущаю силы произносимых слов, по причине сердечного нечувствия, то какая мне польза от сего (моления)? — Хотя ты и не ощущаешь (силы того, что произносишь), но бесы ощущают ее, слышат и трепещут. Итак, не переставай упражняться в псалмопении и молитве, и мало-помалу, помощию Божиею, нечувствие твое преложится в мягкость [718].

193. Когда все, сидящие за трапезой, будут люди мирские, как нам поступить, не имея, кто бы мог благословить (трапезу)? — Хорошо и мирским людям, приступая к пище, благословлять Бога, ибо памятию о Боге освящается пища. Благословение же сие не имеет того значения, как благословение священнослужителя: оно лишь славословие и воспоминание о Боге, ибо всем прилично воспоминать Бога и славословить Его, а потому хорошо делать то и мирским, когда нет среди них, кто бы мог благословить пищу [724].

194. Господь сказал: *блажени плачущии* (Мф. 5, 4); а по слову Апостола надлежит всегда быть радостным (1 Сол. 5, 16) и для всех доступным (Рим. 12, 10). Скажи мне, какое дело вменяется человеку в плач и какое в то, чтоб всегда быть радостну? и можно ли обоим сим, и плачу и веселости, пребывать вместе? — Плач есть печаль по Богу, которую рождает покаяние; признаки же покаяния суть: пост, псалмопение, молитва, поучение в слове Божием. Радость есть веселость по Богу, которая благопристойно обнаруживается при встрече с другими и в лице, и в слове. Пусть сердце сохраняет плач, лицо же и слово — благоприличную веселость [737].

195. Если кто войдет в церковь во время службы и прежде окончания выйдет из нее: не грешно ли это? — Совершенное и богоугодное дело состоит в том, чтобы вошедший в церковь слушал Писание и пребывал при службе до совершенного окончания оной, ибо без уважительной причины не следует выходить из церкви прежде конца службы, потому что это есть презорство. Если же предстоит нужда, то это прощается; но и в таком случае человек не должен оправдывать себя, а просить прощения у Бога,

говоря: «Владыко! прости меня, что я не мог исполнить должного» [743].

**196.** Можно ли беседовать в церкви? — Отнюдь не должно кому бы то ни было беседовать в доме Божием во время святой литургии, но упражняться в молитве и тщательно слушать божественное Писание, возвещающее то, что служит ко спасению душ наших. А как скоро будет нужда сказать что-либо, то должно сказать кратко, ради благоговения и страха к настоящему времени, и считать сие дело не иначе как в осуждение себе [744].

**197.** Помысл представляет мне недостаток моих потребных средств, внушая, что я не могу пропитаться с домашними моими, и от сего нападает на меня печаль; что это значит? — Это печаль человеческая. Если бы мы имели надежду на Бога, то Он Сам управлял бы нами по воле Своей. Итак, *возверзи на Господа печаль твою* (Пс. 54, 23), и Он силен подать тебе и домашним твоим (все необходимое) без печали и скорби. Скажи Ему: «да будет воля Твоя», и Он не оставит тебя в печали и скорби [751].

**198.** Не грешно ли делать что-либо в день воскресный? — Делать что-либо во славу Божию — не грешно, ибо Апостол

сказал: *день и нощь делающе, да не отяготим кого* (1 Сол. 2, 9); делать же что-либо не по Богу, с презрением (ко дню воскресному), по лихоимству и по видам низкого корыстолюбия — грех. Впрочем, вообще полезно в день воскресный, в Господские праздники и в дни памяти святых Апостолов упраздняться от дел и приходить в церковь, ибо сему учит предание святых Апостолов [758].

**199.** Бог сотворил человека свободным и Сам же говорит: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Как согласить свободу с тем, что без Бога ничего нельзя сделать? — Бог сотворил человека свободным, дабы он мог склоняться ко благому; склоняясь же к нему произволением своим, он не в состоянии бывает совершить благого без помощи Божией, ибо написано: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. 9, 16). Итак, когда человек преклоняет сердце свое к благому и призовет на помощь Бога, то Бог, внимая его доброму усердию, подаст ему силу к деланию, и таким образом бывает место тому и другому — и свободе человека, и помощи, даруемой ему от Бога, ибо благое проистекает от Бога, совершается же чрез святых Его. И

так Бог славится во всех и прославляет их [770].

**200.** Еммануил толкуется: *с нами Бог.* Итак, испытайте самих себя: есть ли поистине с нами Бог. Если мы удалились от зол и стали чужды изобретателя их, диавола, — то поистине с нами Бог. И если горька стала нам сладость злых дел и мы услаждаемся желанием благих дел и тем, чтобы всегда иметь жительство на небесах, — то поистине с нами Бог. Если на всех людей смотрим одинаково и все дни (скорбные и благополучные) для нас равны, — то поистине с нами Бог. Если любим ненавидящих нас, поносящих, укоряющих, презирающих, наносящих убыток и угнетающих, так же как и тех, которые любят нас, хвалят, доставляют нам приобретение и упокоивают нас, — то поистине с нами Бог. Признак же достигшего в меру сию состоит в том, что такой человек всегда имеет с собою Бога, ибо и Бог всегда с ним. Если же ни с ним нет Бога, ни он с собою Бога не имеет, то по необходимости должен иметь с собою сопротивного, а отсюда понятно и остальное для имеющих ум [846].

# Святитель Феофан Затворник о молитве и трезвении

Что такое молитва? Ума и сердца к Богу возношение на славословие, благодарение и испрошение нужных благ. Стало быть, существо молитвы есть умное восхождение к Богу в сердце. Станет ум в сознании пред лицем Бога и, исполнившись благоговейного страха, начнет изливать пред Ним сердце свое, — вот и умная молитва! [267]*

Молитву, или устремление сердца к Богу, нужно возбудить и возбужденную укрепить, или — что то же — нужно воспитать в себе молитвенный дух.

Первый способ к этому есть читательное или слушательное наше молитвословие. Читай или слушай, как следует, молитвословие, — и непременно возбудишь и укрепишь восхождение в сердце твоем к Богу, то есть войдешь в молитвенный дух. В молитвах святых отцов движется великая молитвенная сила, и кто всем вниманием и усердием проникает в них, тот — в силу закона взаимодействия — непременно вкусит молитвенной

* В квадратных скобках указывается страница цитаты по кн.: Свт. Феофан. О молитве и духовной жизни. М.: Правило веры. 2005.

силы, по мере сближения настроения своего с содержанием молитвы. — Чтобы наше молитвословие сделать нам действительным средством к воспитанию молитвы, необходимо совершать его так, чтобы и мысль и сердце воспринимали содержание молитв, составляющих молитвословие [34].

С первого пробуждения утром озаботьтесь собраться внутрь и возгреть теплоту. Это считайте нормальным вашим состоянием. Коль скоро нет сего, знайте, что у вас внутри неисправно. Поставив себя утром в такое собранное и согретое состояние, затем, — все обязательное надо исправлять так, чтоб тем не разорять своего внутреннего настроения, а из произвольного — то, что поддерживает сие состояние, делать; что же расстроивает его, того ни под каким видом не делать: ибо это значило бы вражествовать против себя. Это вам общее правило. Как потом оно может быть исполняемо в разных случаях, само дело научит. Смотрите сами и умудряйтесь. Стороннему лицу нет возможности определить то. Поставьте только законом хранить собранность и теплоту, умом стоя в сердце пред Господом. Тогда это само укажет, что́ как должно делать, или что должно позволять себе и чего не должно.

Всесильное пособие к сему есть молитва Иисусова. Надобно навыкнуть ей так, чтоб она непрестанно читалась там, где место сердца. А чтоб навыкнуть, надобно потрудиться [130—131].

Настоящее употребление в жизни богомыслия есть представление какой-либо истины веры с соответственными чувствами и намерениями без движения рассуждения, как уже конченного однажды*. —У святых отцов оно называется созерцанием, что́ есть зрение умом истины с чувствами. Потрудитесь все истины пересмотреть, как пересмотрели одну... И каждую пересмотренную потом почаще созерцайте, чтоб не забылась. Когда пересмотрите все истины, тогда вам останется только созерцать их. Употребление созерцания таково: утром, тотчас по восстановлении полного сознания после сна, делайте общий их обзор, начиная предвечным бытием Бога Триипостасного и кончая Страшным судом и вечною всех участию, не быстро и не длительно, но со вниманием. Можно это сделать по Символу веры. Вся совокупность сих истин есть строй мысленного, духовного, Божественного

* Рассуждение ранее уже приняло истину веры окончательно и поэтому в созерцании не движется. — *Ред.*

мира. Пересмотром их сознание вставляется в строй их и входит в духовный мир. Это — в соответствии тому, как, проснувшись, входим мы в строй внешнего, окружающего нас мира и сознательно держим себя в нем: солнце и небо над нами, стихии и все твари наземные вокруг, равно как семья, соседи, государство со всем бывающим в них. Последнее невольно само собою совершается, а над первым надо потрудиться, хоть это не слишком трудно. Сии два мира, — созерцаемый мысленно и видимый вне, — сознавая, — в мысленном обретайте руководственные указания, как следует вращаться в видимом. Это общее правило созерцания! Частные: кончив мысленный обзор, утром, надо остановиться на том предмете, который больше повлиял на чувство, и им оживлять дух молитвенный. Когда же этого нет, тогда оживлением духа молитвенного да будет общее благоговейное чувство ко всему строю духовного Божественного мира. Потрудитесь ни одного утра не оставлять без освежения своего внутреннего таким созерцанием богомысленным, как имеете обычай освежать свои покои впусканием свежего утреннего воздуха; и потом весь день бывать в чувстве,

что, кроме видимого, вас осеняет и окружает и невидимое, не без влияния [18—20].

Желаете слышать что-либо о молитве. Что могу сказать вам, чего бы вы не знали? Есть молитва, которую сам человек творит; и есть молитва, которую Бог дает молящемуся. Первой кто не знал? Должна быть вам известна и последняя, хоть в начатках. Сначала, когда приступает кто к Господу, первое дело молитва. Начинает он ходить в церковь и дома молиться по молитвенникам и без них. Но мысли все разбегаются. Никак с ними не управиться. Чем, впрочем, больше трудиться в молитве, тем больше мысли все улегаются и улегаются, и молитва становится чище. Однако ж атмосфера души не очищается, пока не затеплится духовный огонек в душе. Огонек сей есть дело благодати Божией, но не особенной, а общей всем. Он является вследствие известной меры чистоты во всем нравственном строе человека ищущего. Когда затеплится сей огонек или образуется постоянная в сердце теплота, тогда бурление помыслов останавливается. Бывает с душою то, что с кровоточивою: *ста ток крове ея* (Лк. 8, 44). В этом состоянии молитва, больше или меньше, подходит к непрестанной. Посредницею

ей служит молитва Иисусова. И это есть предел, до которого может доходить молитва, самим человеком творимая! Думаю, что все сие вам очень понятно.

Далее, в сем состоянии, дается молитва находящая, а не самим человеком творимая. Находит дух молитвенный и увлекает внутрь сердца, — все одно, как бы кто взял другого за руку и силою увлек его из одной комнаты в другую. Душа тут связана стороннею силою и держится охотно внутри, пока над нею есть нашедший дух. Знаю две степени сего нахождения. В первой — душа все видит, сознает себя и свое внешнее положение, — и рассуждать может и править собою, может даже разорить сие состояние свое, если захочет. И это вам должно быть понятно.

У святых отцов, и особенно у святого Исаака Сирианина, указывается и другая степень даемой, или находящей, молитвы. Выше показанной стоит у него молитва, которую он назвал экстазом, или восхищением. И тут тоже находит дух молитвенный; но увлекаемая им душа заходит в такие созерцания, что забывает свое внешнее положение, не рассуждает, а только созерцает, и не властна править собою или разорить свое состояние. Помните, в «Отечниках» пишет-

ся, что кто-то стал на молитву пред своею вечернею трапезою, а опомнился уже утром. Вот это и есть молитва в восхищении, или созерцательная. В иных она сопровождалась просветлением лица, светом вокруг; в иных подъятием от земли. Святой апостол Павел в этом состоянии восхищен был в рай. И Пророки святые в нем находились, когда взимал их дух.

Подивитесь, какая великая милость Божия к нам, грешным. Мало кто потрудится, и чего сподобляется? Всяко трудящимся можно смело говорить: трудитесь; есть из-за чего! [140—143].

Молитва внутренняя, от души, от себя, по чувству своих нужд духовных паче и других, — есть настоящая молитва. Главное в молитве — чувство к Богу из сердца. Слова молитвенные при сем, какие подберутся. Чувство к Богу и без слов есть молитва. Слово поддерживает и иной раз углубляет чувство. Устав молитвенный для богослужений церковных должен быть исполняем, как есть. Что касается до молитвенного правила домашнего, то оно не имеет неизменности, а может быть изменяемо и во времени, и в длительности, и в составе, — одно иметь во внимании: чтобы все делалось

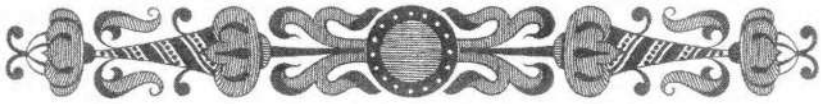
не в угоду лености и чтобы молитва шла от души. Какой у вас есть устав молитвословия, тот хорош. Можете прибавлять и изменять. Хороши коротенькие молитовки святого Златоуста — двенадцать на ночь и двенадцать для дня. Можете из псалмов выбирать более впечатлительные стихи. Всяко действовать с полною свободою. Иной раз и все время молитвенное молиться своими молитвами по настоящей нужде; или такую молитву вставить в свое правило, в начале, средине и конце, или без слов, только чувство к Богу держа... со взыванием: «Боже, милостив буди», или: «Имиже веси судьбами, спаси». Но есть непрестанная молитва, которая непрестанно идет к Богу из сердца. Это есть дар благодати. Святой Макарий Великий говорит: молись и преутруждай себя в молитве, и Бог, видя, как ты усердно желаешь молиться, даст молитву. В «Добротолюбии» славянском старец Максим Капсокаливит говорит о себе, что два года молился Матери Божией, чтоб Она дала или испросила молитву. Однажды, говорит он, как я, помолившись, приложился к иконе Божией Матери, — мгновенно уканул* огонек сладкий в сердце и с тех пор там теплится; вот дар молитвы!

* Ниспал, излился. — *Ред.*

Взыщите его и вы, и в молитве словами то выражайте, держа в мысли ту молитву, о коей говорит Максим оный. Иногда бывает так, что огонек сей ниспадает во время разрешения священнического на исповеди, иногда при причащении Святых Христовых Таин. Всяко ищите [95—97].

Трезвение есть дар благодати, и самому его достигнуть невозможно, а надо только трудиться над исканием его и молить Господа о нем в чаянии Божия присещения. Как искать? Замечаете ли, что, когда есть в сердце чувство, тогда внимание не отходит от сердца: потому заключаю, что если делать так, чтобы приступить к умной молитве не иначе, как наперед возбудив в сердце какое-либо чувство, то внимание не отойдет от сердца, с вниманием будет там ум и — умная молитва. Попробуйте так, может быть, дело пойдет на лад [258].

Вставши утром, установись покрепче перед Богом в сердце, в утренней своей молитве, и потом исходи на дело свое, Богом тебе порученное, не отрывая от Него чувства и сознания. И, пребывая в Боге умом и сердцем, силами души и тела исполняй лежащие на тебе обязанности [269].



# Содержание


СВЯТОГО ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО
Наставления о молитве и трезвении . . . 8

СВЯТОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА
Наставления о молитве и трезвении . . . 48

СВЯТОГО ЕФРЕМА СИРИАНИНА
Наставления о молитве и трезвении . . . 178

СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА
Слово о молитве с пояснениями оного 212

ПРЕПОДОБНОГО НИЛА
ПОДВИЖНИКА СИНАЙСКОГО
Слово о молитве . . . . . 276

ПРЕПОДОБНОГО ИСИХИЯ
ПРЕСВИТЕРА ИЕРУСАЛИМСКОГО
Слово о трезвении, борьбе с помыслами
и молитве . . . . . 312

ПРЕПОДОБНОГО ФИЛОФЕЯ
ИГУМЕНА СИНАЙСКОГО
Сорок глав о трезвении . . . . . 394

СВЯТОГО ИСААКА СИРИАНИНА
О молитве и трезвении . . . . . 430

СВЯТЫХ ВЕЛИКИХ СТАРЦЕВ
ВАРСОНОФИЯ И ИОАННА
Наставления о молитве и трезвении . . . 550

СВЯТИТЕЛЬ ФЕОФАН ЗАТВОРНИК
О молитве и трезвении . . . . . 629

# СВЯТЫЕ ОТЦЫ О МОЛИТВЕ И ТРЕЗВЕНИИ ИЛИ ВНИМАНИИ В СЕРДЦЕ К БОГУ

**Составил святитель Феофан Затворник**

*Печатается по изданию*:
Святоотеческие наставления о молитве и трезвении. М., 1889

Редактор *Лина Егорова*
Художник *Димитрий Епифанов*
Художественный редактор *Наталья Тихомирова*
Компьютерная верстка *Марины Терентьевой*
Корректор *Лидия Киселева*
Набор *Ирины Музыченко*

Офсетная печать. Гарнитура «Академия».
Формат 70x100$^{1}/_{32}$. Объем 20 печ. л.
Тираж 2000 экз. Заказ 1063

ИД 00161 от 22.09.99. Издательство «Правило веры».
109309, Москва, ул. Артюхиной, 8/10, стр. 1.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука».
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

Об оптовой продаже и доставке книг обращаться
по телефонам: (499)613 94 63, (495)345 88 44.
Email: pravilovery@yandex.ru. www.pravilovery.ru.

Интернет магазин и книга почтой

Email: info@blagovest moskva.ru. Тел.: (495)973 19 11.